

Московский педагогический
государственный университет

ЧЕЛОВЕК И ЯЗЫК

Материалы международной
научно-практической конференции
«Человек и язык»,
посвященной памяти профессора М. Я. Блоха

г. Москва, 23–24 ноября 2023 г.

Электронное издание сетевого распространения

Москва 2023

**Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»**

ЧЕЛОВЕК И ЯЗЫК

**Материалы международной
научно-практической конференции
«Человек и язык»,
посвященной памяти профессора М. Я. Блоха
г. Москва, 23–24 ноября 2023 г.**

Под общей редакцией И. О. Сыресиной

Электронное издание сетевого распространения

МПГУ

Москва • 2024

УДК 81
ББК 81я431
Ч-391

DOI: 10.31862/9785426313309

Рецензенты:

Е. Л. Фрейдина, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры фонетики и лексики английского языка имени В. Д. Аракина Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета;

Н. В. Трунова, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка (основного) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

Ответственный редактор:

И. О. Сыресина, кандидат филологических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой грамматики английского языка имени М. Я. Блоха Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета

Редакционная коллегия:

Ю. М. Сергеева, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры грамматики английского языка имени М. Я. Блоха Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета;

А. В. Гольдман, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры грамматики английского языка имени М. Я. Блоха Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета

Человек и язык : материалы международной научно-практической конференции «Человек и язык», посвященной памяти профессора М. Я. Блоха, г. Москва, 23–24 ноября 2023 г. / под общ. ред. И. О. Сыресиной. [Электронное издание сетевого распространения]. – Москва : МПГУ, 2024. – 540 с. : ил.

ISBN 978-5-4263-1330-9

Сборник материалов по итогам проведения международной научно-практической конференции «Человек и язык», посвященной памяти профессора М. Я. Блоха (23–24 ноября 2023 г.), содержит труды преподавателей, магистрантов и студентов в области дискуртологии, прагматики, лексикологии и терминоведения, теории перевода, лингвокультурологии и лингводидактики.

УДК 81
ББК 81я431

ISBN 978-5-4263-1330-9
DOI: 10.31862/9785426313309

© МПГУ, 2024
© Коллектив авторов, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	19
ДИКТЕМНАЯ ТЕОРИЯ В ДИСКУРСИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	
<i>Алёшина Е. Ю.</i> Диктемная теория в контексте дискурсивного анализа публичной политической риторики	21
<i>Ананьева Е. П.</i> Механизм диктемного разграничения как средство определения границ агональной коммуникативной ситуации в политическом институциональном дискурсе.....	27
<i>Боева-Омелечко Н. Б.</i> Перспективы науки в свете философии языка М. Я. Блоха	32
<i>Бондаренко С. В.</i> Особенности речевой реализации деструктивных коммуникативных стратегий интерференции третьего лица и грамматические средства ее выражения	37
<i>Гольдман А. В.</i> Диктема дискурса социальной рекламы: структурные и функционально-прагматические особенности.....	43
<i>Гумовская Г.Н.</i> Лингвистическое моделирование как метод исследования речевых стилей языка для специальных целей.....	49
<i>Десятская С. В.</i> Категория меры и ее взаимодействие с экспрессивностью и эмотивностью	56
<i>Киселевская В. А.</i> Специфика употребления глаголов «would» и «used to» для выражения повторяющихся действий в современном английском языке	61
<i>Корзова Е. Н.</i> Нарушения диктемных связей текста в англоязычном художественном дискурсе.....	67
<i>Купцов А. Е.</i> Дискурсивные маркеры как средства репрезентации лингвокультурных традиций в художественном дискурсе	72
<i>Носкова А. И.</i> Функциональная роль имен собственных личных	

в предикативном аспекте художественной диктемы (на материале английской художественной литературы)	77
<i>Скорик Н. В.</i>	
Грамматические особенности заголовков статей в англоязычной прессе	82
<i>Соловьёв А. Г.</i>	
Внутренняя и внешняя структура диктемы (на материале Фрагмента романа Э. М. Ремарка «Ночь в Лиссабоне»)	88
<i>Сыресеина И. О.</i>	
Англоязычный новостной заголовок как одноклеточный малоформатный медиатекст.....	94
<i>Хабарова И. А.</i>	
Средства изменения ценностных ориентиров во французском политическом и религиозном дискурсах	99

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ

<i>Аграшева О. Е.</i>	
Грамматическая сторона речевого воздействия на примере политического дискурса	104
<i>Асратян З. Д.</i>	
Дейктические маркеры текста на материале рассказов Бернарда Маклаверти	109
<i>Жигайкова Е. А.</i>	
Особенности употребления абсолютной конструкции в современном английском языке (на материале художественных и медиатекстов)	115
<i>Ивасик Д.А.</i>	
Средства выражения эмоциональности в англоязычных женских бьюти-блогах	121
<i>Кузнецова А. А.</i>	
Маркеры эксплицитной и имплицитной интенсификации в утвердительных и отрицательных предложениях (на материале английского языка)	126
<i>Медведева А. Н.</i>	
Двусмысленность как средство создания комического эффекта в медийном дискурсе	132
<i>Сергеева Ю. М.</i>	
Грамматика как междисциплинарная область знания:	

фундаментальные принципы и новые горизонты	138
<i>Скуратов И. В., Баринаева И. К.</i>	
Жизнь текста и французская фольклорная сказка как элемент национальной картины мира	144
<i>Советов И. М.</i>	
Статус герундия в системе неличных форм английского глагола	149
<i>Уварова Е. А.</i>	
Языковые средства реализации коммуникативных тактик в хейт-шоу «Roast Battle»	155
<i>Хрисонопуло Е. Ю.</i>	
Номинативные и предикативные функции вводного there в структуре английского бытийного предложения	161
<i>Цыренова М. Ц.</i>	
Грамматика метафизики (на материале стихотворения А. Улзытуева «Байкальское солнечное»)	166

ФОНЕТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ЯЗЫКА.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Бойкова И. Б.

Интернациональный концепт. Проблема вербализации	170
--	-----

Бунаева И. А.

Лингвокультурологический аспект ценностей англичан: особенности и проявления (на материале фильма «Леди в фургоне»)	176
---	-----

Ворошкевич Д. В.

Фонетические особенности вьетнамского варианта английского языка	182
---	-----

Рогожина С. М.

Реализация фонемы /t/ в начале ударного слога в современном британском произносительном стандарте	188
--	-----

Савинова М. С.

Место современных произносительных тенденций в практике подготовки преподавателей английского языка	192
--	-----

Сейранян М. Ю.

Теория регуляции речевого общения М. Я. Блоха в современных исследованиях медиариторики	198
--	-----

<i>Трунова О. В.</i>	
Язык и культура в проблемном поле толерантности	203
<i>Чупрына О. Г.</i>	
Межкультурная коммуникация: миф, фантом или реальность? ...	210

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ТЕРМИНОВЕДЕНИЕ

<i>Бабенкова Е. А.</i>	
Неологическая лексика современного английского языка в аспекте ее тематических и словообразовательных характеристик	215
<i>Гаджимурадова М. Г., Каширина Н. М.</i>	
Лексико-стилистический анализ выступления канцлера Германии Ангелы Меркель на конференции «Падающие стены» (от 9.11.2009)	220
<i>Головнёва Ю. В.</i>	
Различия между терминосистемами общей психологии в русском и английском языках	227
<i>Журавлева Е. В.</i>	
Удивительная история синего цвета в испанском языке. Символизм цветообозначения (лингвокультурологический аспект)	233
<i>Ковальчук Д. А.</i>	
Семантическая эволюция лексемы «instruction» во французском языке	239
<i>Лим В. В.</i>	
Когнитивные механизмы лингвокреативности на примере английской окказиональной лексики метафорического и метонимического типа	245
<i>Малкерова М. А.</i>	
К вопросу о лексической сочетаемости в современном англоязычном спортивном дискурсе	251
<i>Меньшикова Ю. О.</i>	
Разнокоренные паронимы как часть лексической системы английского языка	257
<i>Морозова Н. Н.</i>	
Социолингвистический подход к анализу фразеологических единиц	263

<i>Пешехонова Е. С.</i>	
Прецедентные имена из сферы изобразительного искусства как средство выражения положительной оценки в англоязычном песенном дискурсе	270
<i>Рыбакова А. С.</i>	
Термины – эпонимы из сферы моды	275
<i>Седова А. В.</i>	
Хеджирующая функция модальных слов в немецкоязычном публицистическом дискурсе	281
<i>Смирнов А. А.</i>	
Отражение гендерного аспекта во фразеологических единицах с компонентом-зоонимом (на материале фразеологического фонда английского языка)	287
<i>Степанова С. Ю.</i>	
Английские неологизмы в сфере образования	292
<i>Харитонова И. В., Беляева Е. Е.</i>	
Логическая структура фразеологического значения (на материале французского языка)	297

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Алдабергенова А. А.</i>	
Переводческие решения и оценка качества перевода	307
<i>Блохина Е. Н.</i>	
О неравнозначности коннотативного содержания лексем булка/Brötchen в русском и немецком языках	313
<i>Войченко Н. В.</i>	
О понятии «доброта» в русском, английском и немецком языках	319
<i>Емец Е. А.</i>	
Современное китайское фэнтези: жанровые особенности и проблемы перевода	325
<i>Жумабекова А. К.</i>	
О критериях оценки перевода в учебной сфере	330
<i>Золотухин Д. С.</i>	
Проблема передачи общелингвистических терминов Ф. де Соссюра на русский язык	335

<i>Иванова С. В.</i>	
Space art and cosmic art: «космические» проблемы перевода терминов	342
<i>Куркимбаева А. М.</i>	
Концепт «качество» в переводоведении	347
<i>Манапбаева Ж. Ж.</i>	
Опрос как инструмент оценки качества перевода	352
<i>Низовцева К. В.</i>	
Сравнительный анализ фразеологизмов с цветообозначением красный в русском, немецком и латышском языках	360
<i>Петленкова М. Г.</i>	
Сравнения с эталоном «бог» в немецком и русском языках	366
<i>Филиппова Д. О.</i>	
Манифестация национальной культуры в британских и австралийских литературных сказках	372
<i>Шитикова А. В.</i>	
Грамматико-морфологические модификации немецких пословиц	377
<i>Шумбасова С. С.</i>	
Лингвокультурологический аспект фразеологических единиц с компонентом-колоронимом «красный» в английском, немецком и русском языках	382

ПРОБЛЕМЫ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

<i>Гладчук Е. А.</i>	
Реализация проблемного подхода в обучении студентов химических направлений подготовки иноязычной устной речи с использованием чат-ботов	388
<i>Грищенко В. Д.</i>	
Проблема определения критерий оценки эффективности применения электронных образовательных ресурсов в учебном процессе	393
<i>Дмитренко Т. А.</i>	
Моделирование цифрового образовательного пространства как фактор повышения эффективности иноязычной подготовки в вузе	399

<i>Иванова А. А.</i> Обучение одаренных детей в школах США (на примере Mid-South Gifted Academy)	404
<i>Лизина М. А.</i> Задачи обучения студентов-биотехнологов иностранному языку как средству межкультурного общения	409
<i>Литвин Е. Ю.</i> Нескучная автоматизация: как использовать игровой подход и избавить школьников от ошибок	414
<i>Найденова М. Ю.</i> Формирование гностических умений будущих учителей иностранного языка в процессе профессионально методической подготовки	420
<i>Резцова С. А., Степанова Н. Ю.</i> Технология сотрудничества как способ формирования навыков автономного обучения иностранному языку в языковом вузе	427
<i>Тарасов А. А.</i> Решение проблем обучения педагогическому проектированию будущих учителей иностранного языка	433
<i>Филатова Л. Н.</i> Проблема формирования нравственного развития младших школьников в процессе овладения иноязычной речью <i>Хомпоедова М. В.</i>	439
Учебный материал регионального содержания в преподавании иностранных языков студентам неязыковых специальностей и направлений подготовки	444

МОЛОДЁЖНАЯ СЕКЦИЯ

<i>Абдукаримова А. Б.</i> Стратегии локализации на современном этапе	450
<i>Асанова М. К.</i> Оценка качества переводов в образовательных целях	456
<i>Жерновкова О. С.</i> Побочное ударение в русском языке	462
<i>Короткова М. А.</i> Восприятие действительности: сравнительно-сопоставительный анализ французских и русских пословиц и поговорок	468

<i>Кузнецова А. С.</i>	
Корпусный анализ романа «The Queen’s Gambit»: о чем говорят ключевые слова	474
<i>Макушенко Е. С.</i>	
Диалог как форма художественной речи в литературном Произведении	480
<i>Меркулова В. М.</i>	
Лингводидактический феномен поликодового текста при обучении русской грамматике детей-билингвов	485
<i>Никитина Е. С.</i>	
Креолизованный текст как средство совершенствования иноязычной коммуникативной компетенции	490
<i>Панкратова О. И.</i>	
Терминосистемы инклюзии и инклюзивного образования в современном французском и русском педагогическом дискурсе	496
<i>Пашаева Н. Г. К.</i>	
Диалогическая речь и коммуникативные стратегии ее реализации в англоязычном политическом дискурсе	501
<i>Пашиканг А. А.</i>	
Роль аутентичных киноматериалов на уроках французского языка в старшей школе	507
<i>Роговец А. А.</i>	
Лингвистические механизмы выражения эмоций в тексте на материале художественного дискурса	512
<i>Седова Е. Д.</i>	
Прагматические особенности использования эллиптических конструкций английского языка в заголовках британских трэвел-медиа-текстов	517
<i>Семенов П. М.</i>	
Особенности перевода субтитров при передаче аудиовизуального материала	523
<i>Сизарёва И. В.</i>	
Квебекский вариант французского языка как средство формирования фонологического слуха у обучающихся <i>Соболева К. А.</i>	529
Художественное кино на китайском языке как средство развития продуктивных речевых умений в старшей школе при изучении китайского как второго иностранного языка	535

CONTENTS

Foreword	19
DICTEMIC THEORY IN DISCOURSE ANALYSIS	
<i>Ekaterina Aleshina</i>	
Dicteme theory in the context of discourse analysis of public political rhetoric	21
<i>Elena Ananeva</i>	
The mechanism of dictemic demarcation as a means of defining the boundaries of agonal communicative situation in political institutional discourse	27
<i>Natalya Boeva-Omelechko</i>	
Perspectives of science in the light of M. Ya. Blokh's philosophy of language	32
<i>Svetlana Bondarenko</i>	
Specific features of the speech implementation of destructive communicative strategies of a third-person's interference and grammatical means of its expression	37
<i>Anna Goldman</i>	
The dicteme of social advertising discourse: structural and functional-pragmatic peculiarities	43
<i>Galina Gumovskaya</i>	
Linguistic modeling as a method for studying speech styles of a language for specific purposes	49
<i>Svetlana Desyatskaya</i>	
The category of measure and its interaction with impressiveness and emotivity	56
<i>Varvara Kiselevskaya</i>	
Specifics of the usage of the verbs «would» and «used to» for expressing recurrent actions in modern English	61
<i>Elena Korzova</i>	
The disruption of dictemic relations in the English fictional discourse	67
<i>Alexander Kuptsov</i>	
Discourse markers as a means of representing linguistic and cultural traditions in fictional discourse	72
<i>Anna Noskova</i>	
The functional role of personal proper names in the predicative aspect of the literary dicteme (based on English fiction)	77

<i>Nadezhda Skorik</i>	
Grammatical peculiarities of article headings in the English language press	82
<i>Alexander Solovyov</i>	
Internal and external structure of a dicteme (on the material of excerpt from the novel of E.M. Remarque «Die Nacht von Lissabon»)	88
<i>Irina Syresina</i>	
English-language news headline as a one-dicteme small-format media text	94
<i>Irina Khabarova</i>	
Means of changing value orientations in French political and religious discourses	99

GRAMMATICAL PHENOMENA IN CONTEMPORARY DISCOURSE

<i>Olga Agrasheva</i>	
The grammatical aspect of speech persuasion on the example of political discourse	104
<i>Zoya Asratyan</i>	
Deictic markers in Bernard Maclaverty's short stories	109
<i>Ekaterina Zhigaikova</i>	
The use of the absolute construction in modern English (on the material of fiction and media texts)	115
<i>Denis Ivasik</i>	
Means of expressing emotionality in English beauty-blogs for women	121
<i>Anastasia Kuznetsova</i>	
The means of explicit and implicit intensification in affirmative and negative sentences (on the material of the English language)	126
<i>Anna Medvedeva</i>	
Ambiguity as a means of creating comic effect in media discourse	132
<i>Yulia Sergeeva</i>	
Grammar as an interdisciplinary field of science: fundamental principles and new perspectives	138
<i>Igor Skuratov, Irina Barinova</i>	
The life of the text and the French folk tale as an element of the national picture of the world	144
<i>Ivan Sovetov</i>	
The status of the gerund	

in the system of non-finite forms of the English verb	149
<i>Ekaterina Uvarova</i>	
Linguistic means of implementing the communicative tactics in the hate-show «Roast Battle»	155
<i>Ekaterina Khrisonopulo</i>	
Nominative and predicative functions of anticipatory there in the structure of English existential sentences	161
<i>Marina Tsyrenova</i>	
Grammar of metaphysics (based on the material of A. Ulzytuev's poem «Baikal Sunny»)	166
 PHONETIC STRUCTURE OF THE LANGUAGE. INTERCULTURAL COMMUNICATION: CURRENT STATE AND NEW LANDMARKS	
<i>Irina Bojkova</i>	
An international concept. The problem of verbalization	170
<i>Irina Bunaeva</i>	
The linguistic and cultural aspect of the values of the English: features and manifestations (on the basis of The Lady in the Van film)	176
<i>Darya Voroshkevich</i>	
Phonetic peculiarities of the Vietnamese variant of the English language	182
<i>Svetlana Rogozhina</i>	
Realization of the phoneme /t/ in an Accented syllable-initial position in standard British English pronunciation	188
<i>Marina Savinova</i>	
The role of modern British pronunciation trends in EFL Teacher Training	192
<i>Margarita Seiranian</i>	
M.Ya. Blokh's theory of regulation of speech communication in contemporary research on media rhetoric	198
<i>Olga Trunova</i>	
Language and culture in the problem field of tolerance	203
<i>Olga Chupryna</i>	
Cross-cultural communication: a Myth, Phantom or Reality?	210

STUDIES IN LEXICOLOGY AND TERMINOLOGY

Elena Babenkova

Neologisms in modern English in the aspect of their thematic
and word forming parameters215

Marina Gadzhimuradova, Natalia Kashirina

Lexico-stylistic analysis of German chancellor
Angela Merkel's speech at the conference
«Falling Walls» (from 9.11.2009)220

Yuliya Golovnyova

The differences in general psychology terminological systems
in Russian and English227

Elizaveta Zhuravleva

Amazing story of the colour blue in the Spanish language.
Symbolism of colour denomination (linguocultural aspect)233

Dmitry Kovalchuk

Semantic evolution of the lexeme «instruction»
in the French language239

Valeriya Lim

Cognitive mechanisms of linguistic creativity based on
metaphoric and metonymic English ad-hoc words245

Mariya Malkerova

On the issue of lexical combinability
in modern English sports discourse251

Yuliya Menshikova

«Confusables» of different roots as part of English lexical system257

Natalia Morozova

Sociolinguistic approach towards analysis of idioms263

Elena Peshekhonova

Precedent names from the sphere of pictorial art as
a means of positive evaluation in English song discourse270

Anna Rybakova

Eponyms in fashion industry275

Anna Sedova

Hedging function of modal words in the journalistic
discourse of the German language281

Aleksander Smirnov

Reflection of gender aspect in phraseological units
with a zoonym component (on the basis of the phraseological

fund of the English language)	287
<i>Svetlana Stepanova</i>	
Lexical innovations in the sphere of education	292
<i>Irina Kharitonova, Ekaterina Belyaeva</i>	
Logical structure of phraseological meaning (based on the French language)	297

RELEVANT ISSUES OF TRANSLATION AND COMPARATIVE STUDIES

<i>Aiym Aldabergenova</i>	
Translation solutions and translation quality assessment	307
<i>Elena Blokhina</i>	
Features of the connotative meanings of the lexemes <i>булка</i> and <i>Brötchen</i> in Russian and German	313
<i>Natalia Voichenko</i>	
On the notion of <i>kindness</i> in Russian, English and German	319
<i>Elena Emets</i>	
Genre peculiarities of modern Chinese fantasy novels and associated translation problems	325
<i>Aigul Zhumabekova</i>	
Translation assessment criteria in the educational field	330
<i>Denis Zolotukhin</i>	
Translation of Ferdinand de Saussure's terms in general linguistics into Russian	335
<i>Svetlana Ivanova</i>	
Space art and cosmic art: «cosmic» problems of terminology translation	342
<i>Aizhan Kurkimbayeva</i>	
The concept of «quality» in translation studies	347
<i>Zhannura Manapbayeva</i>	
Surveying as a translation quality assessment tool	352
<i>Ksenia Nizovtseva</i>	
Comparative analysis of phraseological units with color designation <i>red</i> in Russian, German and Latvian languages	360
<i>Maria Petelenkova</i>	
German and Russian similes with «god» in comparatum	366
 <i>Darya Filippova</i>	

National culture manifestation in British and Australian literary fairy tales	372
<i>Anzhelika Shitikova</i>	
Grammatical and morphological modifications of German proverbs	377
<i>Svetlana Shumbasova</i>	
Linguocultural aspect of phraseological units with colour component «red» in English, German and Russian	382

TEACHING FOREIGN LANGUAGES AT SCHOOL AND UNIVERSITY

<i>Ekaterina Gladchuk</i>	
Implementation of a problem-based approach in teaching foreign language oral speech to students of chemical majors	388
<i>Vera Grishenko</i>	
Evaluation criteria for educational effectiveness of electronic educational resources	393
<i>Tatiana Dmitrenko</i>	
Modeling the digital educational space as a factor in increasing the effectiveness of foreign language training at the university	399
<i>Anna Ivanova</i>	
Teaching gifted children in US schools (based on the example of Mid-South Gifted Academy)	404
<i>Maria Lizina</i>	
Learning objectives for students-biotechnologists in foreign language teaching as a means of intercultural communication	409
<i>Elena Litvin</i>	
Non-boring automation: how to use the gamification approach and prevent schoolchildren from making mistakes	414
<i>Marina Naydenova</i>	
Conditions for the formation of gnostic skills in future foreign language teachers in the process of professional methodological training	420
<i>Svetlana Reztsova, Natalia Stepanova</i>	
Cooperate learning strategies as a way of empowering language learner autonomy in FLT in tertiary education	427
<i>Alexander Tarasov</i>	

Problem solving in teaching syllabus design to future foreign language teachers	433
<i>Lilita Filatova</i>	
The problem of forming the moral development of younger schoolchildren in the process of mastering foreign language speech	439
<i>Maria Khompodoeva</i>	
Educational material of regional content in teaching foreign languages to students of non-linguistic specialties and areas of training	444
 YOUNG SCIENTISTS' WORKSHOP	
<i>Aisulu Abdukarimova</i>	
Localization strategies in the modern era	450
<i>Meruert Asanova</i>	
Translation quality assessment in education	456
<i>Olga Zhernovkova</i>	
Side accent in the Russian language	462
<i>Maria Korotkova</i>	
Perception of reality: comparative analysis of French and Russian proverbs and sayings	468
<i>Anna Kuznetsova</i>	
A corpus analysis of The Queen's Gambit: what the key words say	474
<i>Egor Makushenko</i>	
Dialogue as a form of artistic speech in a literary work	480
<i>Vera Merkulova</i>	
Linguodidactic phenomenon of polycode text in teaching Russian grammar to bilingual children	485
<i>Elena Nikitina</i>	
Creolised text as a means of improving foreign language communicative competence	490
<i>Olga Pankratova</i>	
Terminosystems of inclusion and inclusive education in modern French and Russian pedagogical discourse	496
<i>Nazrin Pashaeva</i>	
Dialogue speech and communicative strategies of its realization in English political discourse	501
<i>Alexandra Pashkang</i>	

The role of authentic film materials in French language lessons in high school	507
<i>Arina Rogovets</i>	
Linguistic mechanisms of emotion expression in the text on the material of artistic discourse	512
<i>Ekatetina Sedova</i>	
Pragmatic features of the use of elliptical constructions of the English language in the title of British travel mediatexts	517
<i>Pavel Semenov</i>	
Features of subtitle translation in the transfer of audiovisual material	523
<i>Iya Sizareva</i>	
The Quebec version of the French language as a means of forming phonological hearing in students	529
<i>Ksenia Soboleva</i>	
Feature films in Chinese as a means of developing productive speech skills in high school when learning Chinese as a second foreign language	535

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник объединяет статьи российских и зарубежных ученых, принявших участие в международной научно-практической конференции «Человек и язык», посвященной памяти профессора Марка Яковлевича Блоха.

Многочисленные научные труды М. Я. Блоха представляют собой значительный вклад в развитие современного языкознания и широко известны среди отечественных лингвистов. Морально-нравственные аспекты речевой деятельности индивида как носителя языка и культуры, закономерности построения больших и малых текстов, специфика процессов порождения и восприятия дискурса, механизмы смыслообразования были в сфере внимания профессора М. Я. Блоха.

Отдавая дань уважения нашему Учителю, выдающемуся ученому, гуманисту, творцу, талантливому педагогу, мы считаем своим долгом сохранить его интеллектуальное наследие и продолжить научный поиск в тех направлениях, которые он открыл для нас. Во многом развивая его идеи, коллеги и ученики Марка Яковлевича, маститые ученые и начинающие лингвисты, обращаются к фундаментальным и прикладным проблемам лингвистики, рассматривают способы отражения языковой картины мира в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах.

В данный сборник вошла 91 статья участников конференции, которые отражают тематику их научных исследований, проведенных на различных уровнях языка с разных методологических позиций: в системно-языковом, парадигматическом плане, в плане контекстуально-синтагматическом, в социально-психологическом плане, в плане диалога культур. Современные дискурсивные исследования с точки зрения фонетики, лексики и грамматики, терминоведение и языки для специальных целей, межкультурная коммуникация, теория и практика перевода, методика обучения иностранным языкам – вот основные векторы научных дискуссий, в которых принимали участие как видные специалисты-теоретики и практики, так и слушатели аспирантуры и магистратуры, представляющие многочисленные российские и зарубежные вузы.

Вспоминая слова М. Я. Блоха о том, что язык вместе с наукой, которую он выражает, является главной производительной силой человека и общества, мы надеемся, что конференция станет ежегодным

форумом для обсуждения проблем современной лингвистики, языковой политики и межкультурной коммуникации.

Сборник адресован всем тем, кто интересуется актуальными проблемами науки о языке и тематикой ее прикладных и фундаментальных исследований.

Оргкомитет

ДИКТЕМНАЯ ТЕОРИЯ В ДИСКУРСИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

*Алёшина Е. Ю.,
кафедра «Иностранные языки
и методика преподавания
иностранных языков»,
Пензенский государственный университет;
alcatherine@yandex.ru
SPIN-код eLibrary: 2200-1840*

ДИКТЕМНАЯ ТЕОРИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ

Аннотация: в статье представлены возможности использования диктемной теории М. Я. Блоха в процессе анализа политического дискурса. Статья представляет собой исследовательское осмысление и обобщение ключевых моментов диктемной теории в контексте анализа публичной политической риторики.

Ключевые слова: политический дискурс, публичная политическая риторика, диктемная теория.

*Ekaterina Aleshina,
Department «Foreign Languages and FLT Methodology»,
Penza State University;
alcatherine@yandex.ru
SPIN-код eLibrary: 2200-1840*

DICTEME THEORY IN THE CONTEXT OF DISCOURSE ANALYSIS OF PUBLIC POLITICAL RHETORIC

Abstract: the article presents the possibilities of using the dicteme theory proposed by M.Ya. Blokh in the process of analysing political discourse. The article offers research comprehension and generalisation of the key points of the dicteme theory in the context of analysing public political rhetoric.

Ключевые слова: political discourse, public political rhetoric, dicteme theory.

Определение политического дискурса было сформулировано нами на основе трактовки дискурса, выдвинутой М. Я. Блохом, который определил дискурс как «тематически определенный текст, задуманный и предполагаемый как целый и завершённый, но рассмотренный в ситуации общения, в которой он разворачивается» [4, с. 9]. Добавим к вышесказанному, что при этом особую роль играет социальный контекст, включающий в себя ситуацию общения (речевую ситуацию), обуславливающую лингвосоциальную природу дискурса. Таким образом, предлагаем понимать политический дискурс как текст, определенный тематикой утверждения и выражения интересов субъектов политики в процессе их деятельности, борьбы за политическую власть, и рассмотренный в ситуации политического общения. В то время как смежное понятие политического текста предлагаем трактовать как тематически организованную речь, относящуюся к сфере политики.

Публичная политическая риторика представляет собой политический дискурс, при этом характер взаимодействия политика-оратора и аудитории в процессе риторической деятельности в ситуации политического общения определяется как особенностями самой ситуации политического общения, так и взаимодействием оратора и аудитории в процессе риторической деятельности [2].

Композиционная структура публичного политического выступления может быть рассмотрена в терминах диктемы теории М. Я. Блоха [1]. Основные типы диктемы (фактуальная, оценочная, установочная) могут составлять любой сегмент речи – вступление, основную часть, заключение. При этом можно преимущественно наблюдать диктемы смешанных типов, отмеченные актуализацией нескольких типов информации: коммуникативно-установочной, фактуальной, интеллективной, эмотивной, импрессивной. Оценочность может быть выражена как посредством сочетания типов информации – интеллективной, эмотивной, импрессивной, так и одной импрессивной информацией. В последнем случае оценка связана с выразительностью текста.

Именно в процессе своего становления, во время «проживания» своих семи жизней текст приобретает черты дискурса. При этом формируется информационный комплекс диктемы. Диктема служит

элементарной тематической единицей строя текста на всех ступенях его формирования [5, с. 6].

Вариацию типов диктем можно обнаружить в различных жанрах публичного политического выступления. Отмечая важность деятельностного аспекта в формировании жанра, вслед за М. Я. Блохом, подчеркнем значимость жанра как целеполагающей характеристики текста. В свою очередь подчеркнем, что понятие жанра, являющееся значимой характеристикой речи, тесно связано с ситуацией, в которой разворачивается общение, и которая определяет направление целеполагания в коммуникации. В соответствии с целями политической деятельности, можно выделить следующие жанры публичного политического дискурса [3]: информационный; убеждающий; призывный; жанр-оправдание / покаяние.

Диктема выступает основной текстовой единицей анализа, который можно считать дискурсивным, поскольку он проводится при учете ситуативных факторов в контексте дискурса.

Рассмотрим типы диктем в публичной политической речи, в которой реализуется призыв – обращение за поддержкой, на примере выступления американского президента Дж. Кеннеди 25 мая 1961 г., адресованного Конгрессу США [2]. Речь получила широкую известность, в частности, благодаря отмеченному президентом национальному приоритету освоения космоса на фоне космических достижений Советского Союза.

Оратор открывает основную часть выступления констатацией серьезности положения, сложившегося в мире:

«...For the adversaries of freedom did not create the revolution: they – nor did they create the conditions which compel it. But they are seeking to ride the crest of its wave – to capture it for themselves. Yet their aggression is more often concealed than open. They have fired no missiles: and their troops are seldom seen. They send arms, agitators, aid, technicians, and propaganda to every troubled area. But where fighting is required, it is usually done by others – by guerrillas striking at night, by assassins striking alone – assassins who have taken the lives of four thousand civil officers in the last twelve months in Vietnam alone – by subversives and saboteurs and insurrectionists, who in some cases control whole areas inside of independent nations» [6].

Приведенная фактуально-оценочная диктема (диктема «предупреждение-оценка») содержит необходимую оратору

аргументацию, позволяющую сделать призыв-обращение обоснованным. Актуализация фактуальной информации в каждом предложении диктемы обуславливает реализацию речевого акта сообщения. При этом высокий уровень импрессивности позволяет категоризировать речевой акт как предупреждение. Импрессивность формирует оценочность посредством параллелизма («*They have fired no missile... they send arms...*»), анадиплосиса («*by assassins striking alone – assassins who have taken the lives of four thousand civil officers in the last twelve months in Vietnam alone*»), перечисления («*by subversives and saboteurs and insurrectionists*»).

Подчеркивая мирные инициативы США, президент вместе с тем представляет программу действий по укреплению позиции страны, обращаясь к Конгрессу за финансовой поддержкой статей программы. Приведенную диктему можно отнести к установочно-оценочному типу (диктема «просьба-оценка»). Речевой акт просьбы реализуется в диктеме путем актуализации главным образом коммуникативно-установочной информации и имеет своим центром предложение с соответствующим глаголом («*I am here to ask the help of this Congress and the nation in approving these necessary measures*»). Оценочность как характеристика диктемы связана с актуализацией импрессивной информации в эпитетах, которые использует оратор для описания своей программы («*numerous and varied (proposals)*»).

«Yet there is much we can do and must do. The proposals I bring before you are numerous and varied. They arise from the host of special opportunities and dangers which have become increasingly clear in recent months. Taken together, I believe that they can mark another step forward in our effort as a people. I am here to ask the help of this Congress and the nation in approving these necessary measures» [6].

Президент также отмечает, что США необходимо добиваться успехов в освоении космоса, несмотря на результаты СССР, которые трудно будет превзойти.

«Recognizing the head start obtained by the Soviets with their large rocket engines, which gives them many months of leadtime, and recognizing the likelihood that they will exploit this lead for some time to come in still more impressive successes, we nevertheless are required to make new efforts on our own. For while we cannot guarantee that we shall one day be first, we can guarantee that any failure to make this effort will make us last. We take an additional risk by making it in full view of the world, but as shown by the feat

of astronaut Shepard, this very risk enhances our stature when we are successful. But this is not merely a race. Space is open to us now; and our eagerness to share its meaning is not governed by the efforts of others. We go into space because whatever mankind must undertake, free men must fully share» [6].

Приведенную диктему можно отнести к фактуально-установочному типу (диктема «сообщение-установка»). В данном случае нетрудно обнаружить элементы убеждающего жанра – аргументацию с помощью приема объяснения. Объяснение реализуется путем актуализации фактуальной информации в сочетании с интеллективной информацией, например, в предложении: «For while we cannot guarantee that we shall one day be first, we can guarantee that any failure to make this effort will make us last». В этом же предложении можно видеть актуализацию импрессивной информации посредством лексических повторов и приема контраста. В то время как в данном случае речь в большей мере идет об убеждении, сопровождающем речевой акт сообщения, можно говорить и о реализации призыва, обусловленного коммуникативно-установочной информацией («We go into space because whatever mankind must undertake, free men must fully share»).

Таким образом, диктемный анализ предполагает работу на текстовом уровне, но в контексте дискурса, что позволяет обоснованно учесть разные факторы. К перспективам использования диктемной теории в процессе дискурсивного анализа публичной политической риторики можно, на наш взгляд, в первую очередь, отнести возможность квантитативных исследований, проведенных с помощью ресурсов из сферы digital humanities, которые позволят, возможно, в количественном аспекте определить выраженность разных типов диктемной информации. Кроме того, компьютерные программы могут помочь в статистическом исследовании диктемной конфигурации публичной политической речи.

Литература

1. Алёшина Е. Ю. Английская политическая публичная речь конфликтной ситуации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2012. № 6. С. 88–97.

2. *Алёшина Е. Ю.* Публичное политическое выступление в конфликтной ситуации (на материале английского языка): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2022.
3. *Алёшина Е. Ю.* Публичный политический дискурс конфликтной ситуации. М.: Прометей, 2015. 220 с.
4. *Блох М. Я.* Дискурс и системное языкознание // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. № 1. С. 5–11.
5. *Блох М. Я.* Текст в динамике становления и его семь жизней // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. № 3. С. 5–8.
6. *Kennedy J. F.* Speech to Congress on Urgent National Needs (May 25, 1961). American Rhetoric. URL: http://www.americanrhetoric.com/speeches/jfkjo_intsessionurgentnationalneeds.htm (дата обращения: 08.11.2015).

*Ананьева Е. П.,
Школа иностранных языков,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»;
epananeva@mail.ru*

МЕХАНИЗМ ДИКТЕМНОГО РАЗГРАНИЧЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ АГОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация: в данной статье агональная коммуникативная ситуация рассматривается в рамках диктемной теории, разработанной профессором М. Я. Блохом. Определяется природа механизма диктемного разграничения, для чего проводится анализ агональных стратегий и тактик в политическом институциональном дискурсе. Материалом для исследования послужили выступления в Палате лордов. Анализ показал, что демаркация агональных тактик осуществляется, прежде всего, на базе смены тематического плана.

Ключевые слова: агональность, агональная коммуникативная ситуация, агональные стратегии и тактики, диктемная теория, диктема, политический дискурс.

*Elena Ananeva,
School of Foreign Languages,
HSE University;
epananeva@mail.ru*

THE MECHANISM OF DICTEMIC DEMARCATION AS A MEANS OF DEFINING THE BOUNDARIES OF AGONAL COMMUNICATIVE SITUATION IN POLITICAL INSTITUTIONAL DISCOURSE

Abstract: in this paper, agonal communicative situation is considered within the framework of the dictemic theory developed by Professor M. Ya. Blokh. To reveal the nature of the mechanism of dictemic demarcation, agonal communicative strategies and tactics are subjected to analysis. The

material comprises the speeches delivered in the House of Lords. The analysis showcased that dictemic demarcation is primarily fulfilled on the grounds of alteration of the theme.

Keywords: agonality, agonal communicative situation, agonal strategies and tactics, the dictemic theory, dicteme, political discourse.

Агональность, являясь естественным инстинктом индивида, направлена на установление превосходства над оппонентом в условиях состязательной речевой ситуации. Агональный характер политического дискурса, в свою очередь, обусловлен реализацией интенции борьбы за власть, выступающей его фундаментальной характеристикой [4], и вытекающей необходимостью вести интеллектуальную игру за получение и удержание власти на политической арене. Соответственно, модель речевого поведения политика подразумевает осуществление выбора коммуникативной стратегии, направленной на дискредитацию оппонента и укрепление собственной репутации посредством воздействия на «массового адресата» [5], одобрение которого определяет эффективность стратегии, а также является ее конечной целью.

Языковая репрезентация агонального поведения подразумевает актуализацию стратегий и тактик для достижения коммуникативного превосходства над прямым адресатом. Рассмотрение агональных тактик через призму диктемной теории текста М. Я. Блоха позволяет изучить их с точки зрения функционально языковых аспектов диктемы: стилизации, тематизации, предикации и номинации, предоставляя инструкции по маркированию границ тактики.

В рамках диктемной теории текста М. Я. Блоха текст рассматривается как знаково-тематическое формирование [2, с. 393], которое может быть представлено как одним предложением, так и последовательностью предложений (кумуляемой), которая в большинстве случаев образует смысловое целое [3, с. 115]. Когда кумулемы обращены друг к другу в случае диалога коммуникантов, они образуют оккурсемы, образующие много-сегментное единство, в отличие от кумулемы, отличающейся сегментным единством.

В зависимости от коммуникативной направленности союза предложений выделяют однонаправленную монологическую последовательность, где в письменном тексте диктема выражена абзацем, а в устной – паузой, и двунаправленную диалогическую – диктема выражена целой репликой. Тем не менее, двунаправленный

характер коммуникации встречается и в монологе, если представлен «внутренний диалог», в рамках которого коммуникант задает риторические вопросы и отвечает на них. Данный случай представлен в нижеприведенном примере.

Lord Moylan (Con): What exists in other parts of the country? In London, the Greater London Authority Act 1999 gives powers in relation to road user charging to the mayor to act without being trammelled in any way by the views of the boroughs, beyond the consultation he is required to conduct with them. When we look to other parts of the country, we see that different legislation applies— Part III of the Transport Act 2000, for those who are interested. In the combined authority areas, these powers are held jointly by the combined authority and the relevant constituent authorities, acting as local traffic authorities. Decisions on road user charging in these areas typically require the majority or unanimous consent of members before any scheme can be established [7].

В политическом парламентском дискурсе однонаправленные последовательности могут встретиться и в диалоге, если за репликой одного коммуниканта, озвучивающего аспект повестки, следуют реплики других коммуникантов, не взаимодействующих между собой, а выражающих согласие или несогласие с представленным препозиционным высказыванием. Однако не исключены и диалогические вкрапления, когда коммуниканты ссылаются друг на друга.

Смена временного плана как частный случай предикативных характеристик диктемы не является основанием для диктемной делимитации, то есть разграничения диктем, а «получает тематическую обусловленность и становится частью тематического аспекта диктемы» [1]. В рамках реализации агональных тактик, кумулемы объединены общей функцией: например, выразить положительное отношение адресанта, проинформировать адресата или обвинить третье лицо, но тематически они могут раскрывать более одной темы.

The Parliamentary Under-Secretary of State, Department for Science, Innovation and Technology (Viscount Camrose) (Con): My Lords, on 7 September, the Prime Minister announced that the UK would associate to Horizon Europe. The Government have negotiated a bespoke deal in the UK's national interest, and UK researchers and businesses can participate confidently in the world's largest programme of research co-operation, worth more than £80 billion. UK applicants are eligible to apply to Horizon Europe

calls, now and in the future, and the Government strongly encourage them to do so [6].

Реализация тактики информирования, входящей в стратегию театральности, достигается путем включения ведущего предложения, вводящего тему «присоединение к научно-исследовательской инициативе “Horizon Europe”» и двух кумулем, иллюстрирующих микро-темы «размер финансирования программы» и «возможность подачи заявки». С точки зрения временного плана в приведенной выше диктеме сочетается план прошедшего (Past Simple, Future in the Past) с планом настоящего (Present Perfect, Present Simple). При неоднородности временного плана реплики сохраняется ее тематическая целостность, являющаяся наиболее важной характеристикой диктемного разделения.

Таким образом, диктемная теория текста была рассмотрена применительно к агональной речевой ситуации, учитывая ряд функционально языковых аспектов диктемы и способов её маркирования. Анализ указывает на достаточность описанного М. Я. Блохом понятийного аппарата для описания структурных характеристик агональных тактик.

Литература

1. *Адаменко У. А.* Временной план и механизм диктемного разграничения в информационной статье и информационном интервью // Вестник МГОУ. Сер. Лингвистика. 2011. № 6. С. 7–12.
2. *Блох М. Я.* Теоретическая грамматика английского языка: учеб. 4-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2003. 423 с.
3. *Блох М. Я.* Теоретические основы грамматики: учеб. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2002. 239 с.
4. *Михальская А. К.* Русский Сократ: Лекции по сравн.-ист. риторике: учеб. пособие для студентов гуманитар. фак. М.: Академия, 1996. 189 с.
5. *Петкова С.* Реализация прагматического потенциала вводных метакоммуникативных единиц в контексте публичного диалога // Болгарская русистика. 2012. Т. 2. С. 5–13.
6. Horizon Europe: протокол дебатов в Палате лордов // Ханзард: база данных парламентских дебатов, 2023. URL: <https://hansard.parliament.uk/lords/2023-09-13/debates/C0FFFD2F-B584-45D1-9DEE-73EC60045EF1/HorizonEurope> (дата обращения: 31.10.2023).

7. Levelling-up and Regeneration Bill: протокол дебатов в Палате лордов // Ханзард: база данных парламентских дебатов, 2023. URL: <https://hansard.parliament.uk/lords/2023-09-13/debates/4DD90393-6CD9-4F2D-A340-E99C96A8DF62/Levelling-UpAndRegenerationBill> (дата обращения: 31.10.2023).

*Боева-Омелечко Н. Б.,
кафедра теории и практики английского языка,
Южный федеральный университет;
boeva-omelechko@sfedu.ru
SPIN-код eLibrary: 1422-6677*

ПЕРСПЕКТИВЫ НАУКИ В СВЕТЕ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА М. Я. БЛОХА

Аннотация: в центре внимания статьи находится книга профессора М. Я. Блоха «Человек и мир сквозь призму языка. Философские раздумья», в которой он рассматривает основные вопросы философии языка. В статье анализируются важнейшие положения теории М. Я. Блоха, создающие базу для новых научных исследований: действие реверсивного закона в уровневой структуре языка, положение о диктеме как минимальной единице текста, определение статуса служебных слов, рассмотрение динамики аксиологической окраски культурем, теории о 7 жизнях текста и языковой личности как носителя идиолекта. Особое внимание уделяется морально-этическим взглядам М. Я. Блоха на личность учёного и преподавателя, а также на цели воспитания.

Ключевые слова: философия языка, уровень языка, диктема, текст, языковая картина мира, менталитет, культурема, языковая личность.

*Natalya Boeva-Omelechko,
Department of Theory and Practice of the English language,
Southern Federal University;
boeva-omelechko@sfedu.ru
SPIN-код eLibrary: 1422-6677*

PERSPECTIVES OF SCIENCE IN THE LIGHT OF M.YA. BLOKH'S PHILOSOPHY OF LANGUAGE

Abstract: the focus of the article is the book by Professor M.Ya. Blokh «Man and the World through the Prism of Language. Philosophical reflections», in which he examines the main issues of the philosophy of language. The article analyzes the most important aspects of M.Ya. Blokh's theory, which create the basis for new scientific research: the effect of the

reverse law in the level structure of language, the definition of the dicteme as the minimum unit of the text, identifying of status of functional words, consideration of the dynamics of axiological connotations of culturemes, the theories of the 7 lives of the text and the linguistic personality as a carrier of the idiolect. Particular attention is paid to the moral and ethical views of M. Ya. Blokh on the personality of a scientist and teacher, as well as on the goals of education.

Keywords: philosophy of language, language level, dicteme, text, language picture of the world, mentality, cultureme, linguistic personality.

Философия и языкознание на протяжении 25 веков продемонстрировали глубокое мировоззренческое родство. В первой трети XX века наблюдается возвращение к идеям Аристотеля о языке как средстве выражения смысла, и «философские проблемы приобретают языковой аспект их исследования» [6, с. 24]. В научном обиходе появляется термин «философия языка». В проблемное поле современной философии языка входят вопросы об устройстве, свойствах и функциях языка, его влиянии на сознание человека, его взаимосвязи с мышлением, культурой, его роли в познании и коммуникации.

Все эти проблемы находят отражение в философии языка выдающегося учёного Марка Яковлевича Блоха, изложенной в его книге «Человек и мир сквозь призму языка» [2]. Эта книга стала научным завещанием, намечающим перспективные направления научного поиска и освещающим широкий круг этических проблем, касающийся каждого человека и особенно учёных и преподавателей.

Философские раздумья автора раскрывают его философские взгляды, взгляды мудрого, зрелого и необычайно доброго человека, прожившего долгую жизнь и огромный жизненный опыт.

В предельно краткой и доступной форме М. Я. Блох описывает свойства языковой системы, уделяя особое внимание уровневой структуре языка и реверсивному закону, действующему в ней: каждая единица последующего уровня состоит из одной или нескольких единиц предшествующего уровня. Он отмечает, что долгое время высшим уровнем языка считался уровень предложения.

При таком подходе грамматика включала два раздела: морфологию – грамматику слова, основоположником которой является Дионисий Фракийский, и синтаксис – грамматику предложения, основы которой заложил Аполоний Дискол. Но появление лингвистики текста и теории

дискурса позволяет, по справедливому мнению М. Я. Блоха, добавить ещё один раздел грамматики – дискурсологию [2, с. 43]. Однако закономерно возникает вопрос: что является единицей, изучаемой в рамках данного раздела? В связи с этим М. Я. Блох предлагает понятие элементарной единицы текста диктемы, состоящей из одного или нескольких предложений и выражающей микротему текста [Там же, с. 43]. В результате этого открытия уровневая система языка была дополнена уровнем диктем, а сама диктема стала эффективным инструментом исследования текста.

Данный инструмент уже использован в многочисленных научных трудах разного формата. Исследователи выделяют диктемы по композиционно-тематическому признаку (портретные, пейзажные, диктемы со значением конфронтации и др.), рассматривают их вклад в обеспечении связности текста и создание его композиционного ритма. Широкие перспективы теория диктемы раскрывает для изучения взаимодействия вербальных, паравербальных и невербальных средств при осуществлении различных типов речевых актов, например, побуждения, похвалы, угрозы и других. Представляет, на наш взгляд, интерес стилистический контраст, создаваемый с помощью диктем в связном тексте.

Рассматривая особенности слова как единицы лексематического уровня, М. Я. Блох уделяет особое внимание проблеме служебных слов. Он подчёркивает, что каждое служебное слово «вносит непосредственный вклад в формирование неповторимой специфики языка» [2, с. 50–51]. И, действительно, служебные слова, особенно предлоги, отражают этноспецифику восприятия пространственных, временных и более абстрактных отношений, и их сопоставительный анализ с соответствующей интерпретацией различий несомненно расширит представление об особенностях мировидения того или иного этноса или, иными словами, особенностях языковой картины мира.

Последняя определяется в «Философских раздумьях» как «совокупное знание о мире, заключённое в значениях лексем и грамматических категорий» [2, с. 60], что конкретизируют уже ставшее хрестоматийным определение картины мира как совокупности представлений о мире, отражённой в языке [4, с. 35]. Данная конкретизация важна для сравнительно-сопоставительного анализа картин мира, поскольку на данный момент «при значительном

количестве фактов и наблюдений общая теория сопоставления языковых картин мира пока не создана» [1, с. 66].

Говоря о вязи языка и мышления, М. Я. Блох подчёркивает, что понятия являются содержанием сознания, а языковые средства – техникой его выражения [2, с. 152]. Трудно переоценить значение анализа языковых средств для изучения языковой личности, определяемой М. Я. Блохом как «личность в совокупности тех свойств, которые отличают её как носителя идиолекта» [Там же, с. 173]. Речь идёт о фонематике, морфематике, лексематике, фразеомике, синтактике в диалогическом и монологическом общении культурно обусловленной прагматике общения. Такой подход является чётким алгоритмом анализа языковых личностей персонажей произведений, мастеров художественного слова, учёных, представителей других профессий и различных социальных групп.

Кроме того, весьма важным представляется разграничение М. Я. Блохом понятий адресации как направленности речи кому-либо со стороны одного человека с типичным для него идиолектом и диалога как взаимодействия двух идиолектов [Там же, с. 175]. Данное взаимодействие, при котором один идиолект влияет на другой, может стать предметом специального изучения. Так, в частности можно рассмотреть взаимодействие идиолектов представителей разных социальных и возрастных групп. Рассматриваемое положение позволяет подтвердить мнение тех учёных [3; 8], которые считают, что полилог, начиная с трилога, отличается качественным своеобразием от диалога и не сводим к нему, потому что во взаимодействие вступают уже не два, а минимум три идиолекта.

В книге М. Я. Блоха предлагается оригинальная теория о 7 жизнях текста, пять из которых являются авторскими (от замысла до завершения), а две последующие включают индивидуальную интерпретацию текста со стороны читателя и существование текста как предмета оценки и критики [2, с. 90]. Именно выделение двух последних ступеней открывает большие перспективы для новых научных исследований. В книге содержатся положения, значимые для лингвистической аксиологии и имагологии. Определяя менталитет как оценочную часть сознания и картины мира, существующей в нём [2, с. 155], М. Я. Блох особое внимание уделяет существенным понятиям культуры культуристам.

Он подчёркивает значимость культурем, входящих в виде образов в менталитет и периодически подвергающихся общественному переосмыслению, скачкообразно двигаясь от одного полюса аксиологической шкалы к другому [2, с. 103, 205]. (*революция, капитализм, казачество, батюшка* и подобных). По мнению, М. Я. Блоха каждая из таких культурем может стать предметом специального изучения как исследователей-лингвистов, так и философов, социологов, культурологов.

Значительная часть книги М. Я. Блоха посвящена морально-этическим проблемам и, в частности, облику интеллигента, каковым должен являться каждый учёный и преподаватель. Основу нравственно-воспитывающего аспекта образования по мнению М. Я. Блоха составляет триада РАЗУМ – ЧЕСТЬ – ДОСТОИНСТВО.

О книге-завещании замечательного человека и учёного М. Я. Блоха можно сказать, используя его слова, что она относится к тем произведениям, в которых «воплощено реальное, земное бессмертие человеческого духа» [Там же, с. 92].

Литература

1. *Алпатов В. М.* История лингвистических учений. М.: Языки слав. культур, 2001. 367 с.
2. *Блох М. Я.* Человек и мир сквозь призму языка. Философские раздумья. М.: Прометей, 2020. 534 с.
3. *Боева-Омелечко Н. Б., Науменко М. Г.* Трилог как форма коммуникации. Ростов-н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2016. 170 с.
4. *Вежбицкая А. А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
5. *Иванова Е. В.* Социальное и индивидуальное в языковой концептуализации мира // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXX. С. 122–125.
6. *Костикова А. А.* Философия языка: реконструкция проблемного поля // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2018. № 1. С. 23–31.
7. *Куныгина О. В.* О лексическом и грамматическом значении служебных слов: теоретический аспект // Гуманитарные исследования. 2012. № 4 (44). С. 63–66.
8. *Читахова Л. Л.* Трилог как форма коммуникации в современном французском языке: дис. ...канд. филол. наук. М., 2001.

Бондаренко С. В.,

*кафедра грамматики английского языка
имени М. Я. Блоха,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
sv.bondarenko@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 6911-5147*

**ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ
ДЕСТРУКТИВНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ
ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА И
ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ**

Аннотация: в статье рассматриваются особенности деструктивного коммуникативного поведения третьего лица – постороннего слышащего-вмешивающегося, затрагиваются вопросы языковой специфики речевой модели негативной интерференции, описываются некооперативные коммуникативные стратегии и тактики, анализируются формы деструктивного коммуникативного поведения и языковые грамматические средства их реализации.

Ключевые слова: речевая коммуникация, посторонний-вмешивающийся, деструктивные стратегии и тактики.

Svetlana Bondarenko,
*Department of English Grammar
named after M. Ya. Blokh,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
sv.bondarenko@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 6911-5147*

SPECIFIC FEATURES OF THE SPEECH IMPLEMENTATION OF DESTRUCTIVE COMMUNICATIVE STRATEGIES OF A THIRD-PERSON'S INTERFERENCE AND GRAMMATICAL MEANS OF ITS EXPRESSION

Abstract: the article focuses on the peculiarities of the destructive communicative behavior of a third person – an outsider hearer-intervener, touches upon the issues of the linguistic specificity of the speech model of negative interference, describes non-cooperative communicative strategies and tactics, analyzes the forms of destructive communicative behavior and linguistic grammatical means of their realization.

Keywords: speech communication, outsider interfering person, destructive strategies and tactics.

В связи с развитием коммуникативной лингвистики в настоящее время в центре внимания ученых находится комплекс проблем, связанных с описанием общих аспектов речевой коммуникации как таковой (определение понятия, типология, структура, функции), а также с вопросами частного характера, а именно, касательно взаимодействия коммуникантов (адресантов и адресатов) в ходе речевого общения в той или иной коммуникативной ситуации и спектра языковых средств построения интеракции, выбор которых зависит от коммуникативных намерений говорящих, которые, в свою очередь, реализуясь посредством выбора тех или иных стратегий и тактик, определяют характер коммуникативного взаимодействия – нейтральная, кооперативная (поддерживающая) или некооперативная (разрушающая/деструктивная) направленность речевой деятельности.

Деструктивная коммуникация, оказывающая разрушительное влияние как на сам процесс коммуникации, так и на его участников, реализующаяся, как правило, «посредством манипулятивной и агрессивной видов коммуникации [1, с. 21-23], представляет собой тип общения, в процессе которого происходит ущемление прав партнера, принижение его достоинства, имеют место нападки и агрессивные выпады» [Там же, с. 24]. В. А. Буряковская отмечает, что «деструктивность коммуникативного поведения связана с различными проявлениями агрессивности, имеющей разную природу. Одной из причин деструктивности может быть желание доминировать, выражающееся в манипулировании собеседником. Кроме того,

деструктивность может иметь не вполне рациональную основу, когда негативные эмоции выплескиваются спонтанно и неконтролируемо» [4, с. 621-622]. Таким образом, деструктивное построение коммуникации может быть сознательным с инициальными намеренными деструктивными стратегиями и неосознанным (спонтанная деструктивность, проявляющаяся на эмоциональном уровне в спонтанных эмоциональных реакциях). Кроме того, формами реализации деструктивной коммуникации являются открытое деструктивное общение, скрытое деструктивное общение и пассивно-деструктивное общение [5, с. 57].

Исследования, посвященные изучению вопроса взаимодействия в коммуникативных ситуациях в присутствии постороннего слышащего или с включением третьего лица, показывают, что роль третьего лица-деструктора также неоднозначна и реализуется как эксплицитными, так и имплицитными формами речевого общения, а стратегии дискредитации, манипуляции и агрессивной коммуникации находят свое речевое воплощение в тактиках контраргументации, оспаривания, критики (информационное коммуникативное намерение), устрашения, угрозы (воздействующее/ мотивационное коммуникативное намерение), упрёка, обвинения, оскорбления и др. (коммуникативное намерение эмоционального воздействия). Результатом такого коммуникативного поведения третьего лица может быть полная деструкция (абсолютное прекращение коммуникации), частичная деструкция (частичная диверсификация коммуникации, например, выбор стратегии сокрытия со стороны примарных коммуникантов и изменение топикальной составляющей) [3, с. 109].

Выражение деструктивного поведения третьего лица реализуется посредством использования широкого спектра вербальных, паравербальных и невербальных средств.

Вербальная интерференция постороннего слышащего в коммуникацию происходит посредством реплики-зачина, являющейся как инициальной репликой (репликой-стимулом), так и реактивной репликой (репликой-реакцией). При этом следует отметить, что природа инициальной реплики-зачина как примарной единицы интерференции деструктивной коммуникации не всегда имеет деструктивный характер. Так, среди ранее отмеченных нами видов зачина (зачин-обращение, зачин-эмоциональная реакция, зачин-информативное высказывание), любая модель интерференции (а) «Вводная составляющая – обращение

или адресация к коммуникантам с целью привлечения внимания и далее Собственное информативное высказывание относительно тематической составляющей коммуникации», б) «Вводная составляющая – эмоциональная реакция на топикальную сторону разговора и далее собственное информативное высказывание относительно тематической составляющей коммуникации» в) «Собственно информативное высказывание относительно тематической составляющей коммуникации» [2, с. 13], прежде всего, направлена на основную цель – стать участником коммуникативного акта, и уже затем на реализацию коммуникативной интенции – деструкцию (разрушение) коммуникативного акта примарных участников речевого акта.

Анализ грамматических единиц выражения деструктивной интерференции третьего лица, в частности синтаксических, показывает, что речь постороннего-вмешивающегося строится на основе достаточно разнообразного использования единиц синтаксического уровня, а именно синтаксических структур предложений и их коммуникативных типов.

Так, в ходе проводимого исследования в рамках реализации моделей зачинных реплик нами были отмечены случаи использования таких структурных типов предложений, как односоставные простые предложения (номинативного типа, глагольного типа, междометных предложений, предложений Yes/No); двусоставные простые предложения полных и эллиптических синтаксических структур; сложносочиненные предложения с сочинительными типами связи присоединительного, противительного и причинно-следственного характера; сложноподчиненные предложения с разнообразными придаточными клаузами; осложненные предложения с синтаксическими конструкциями инфинитивных, герундиальных, причастных комплексов.

В числе коммуникативных типов предложений нами отмечены случаи использования декларативных (повествовательных) предложений, побудительных предложений, вопросительных предложений (полного и эллиптического состава), предложения смешанного вопросительно-побудительного и повествовательно-побудительного типа.

Приведем пример.

“Tennison said. ‘None of this has been put in the files. We now know that he was having a relationship with Della Mornay. He must have known that he identified the wrong girl. He was hiding something.’

Otley was very angry. That’s a lie. If John Shefford was alive . . .’

'He's not alive, he's dead, and now you're protecting him. You requested the Oldham reports because you knew Shefford was involved . . .'

'That's not true!'

Kernan interrupted. 'That's enough! Calm down, both of you!'" [6, p.42]

В приведенном примере налицо деструктивная интерференция третьего лица открытого типа, реализующаяся на основе использования зачинной модели «эмоциональная реакция на топикальную сторону разговора – собственное высказывание» посредством выбора агрессивной манеры коммуникативного поведения, но тактики косвенного упрека, где коммуникативной интенцией третьего лица является полная деструкция коммуникативного акта.

Таким образом, деструктивная направленность интерференции третьего лица обусловлена как внешними каузативными причинами, так и личностными факторами выбора модели коммуникативного поведения. Выбор языковых единиц, в частности синтаксических, продиктован выбором той или иной деструктивной стратегии и тактики ее реализации, а также моделью примарной интерференции. Функционирование синтаксических единиц прагматически, ситуативно-, контекстно-обусловлено и, как правило, экспрессивно маркировано.

Литература

1. *Болотова А. К., Жуков Ю. М.* Психология коммуникаций: моногр. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 495 с.
2. *Бондаренко С. В.* Реплика-зачин постороннего слышащего как фактор регуляции композиционно-ролевого построения речевого акта // Сборник научных трудов по итогам выполнения научно-исследовательской работы в Институте иностранных языков МПГУ за 2021–2022 учебный год. М.: МПГУ, 2022. С. 11–14.
3. *Бондаренко С. В.* Интерференция постороннего слышащего как фактор регуляции речевого общения коммуникантов // Вопросы филологии и переводоведения: направления и перспективы современных исследований: сб. науч. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т; отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2020. С. 106 – 110.

4. *Буряковская В. А.* Стратегии деструктивного коммуникативного поведения // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 3. С. 620–629.

5. *Волкова Я. А.* Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: монограф. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014. 303 с.

6. La Plante Linda Prime Suspect. Available at: https://royallib.com/book/La_Plante_Lynda/prime_suspect.html (дата обращения 30.10.2023).

*Гольдман А. В.,
кафедра грамматики английского языка
имени М. Я. Блоха,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
av.goldman@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 3977-0782*

ДИКТЕМА ДИСКУРСА СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ: СТРУКТУРНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНО- ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация: раскрывается иерархия денотативного и коннотативного сообщений, составляющих структуру диктемы дискурса социальной рекламы. Описываются функциональные особенности и средства реализации номинативной, предикативной и тематической функций. Показывается роль персуазивных стратегий и жестких и мягких тактик в реализации функции стилизации данного типа диктемы.

Ключевые слова: дискурс социальной рекламы, диктема, мультимодальный текст, персуазивные стратегии.

*Anna Goldman,
Department of English Grammar
named after M. Ya. Blokh,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
av.goldman@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 3977-0782*

THE DICTEME OF SOCIAL ADVERTISING DISCOURSE: STRUCTURAL AND FUNCTIONAL-PRAGMATIC PECULIARITIES

Abstract: the article reveals the hierarchy of denotative and connotative messages that structure this type of dicteme; describes the functional features

and means of implementing nominative, predicative and thematic functions; shows the role of persuasive strategies and hard and soft tactics in the implementation of the stylization function of this type of dicteme.

Keywords: social advertising discourse, dicteme, multimodal text, persuasive strategy.

Дискурс социальной рекламы представляет собой специфический вид рекламного текста некоммерческого характера, чьим субъектом является государство в лице различных органов исполнительной власти или общественных организаций, а объектом (адресатом) – общество в целом и каждый его член в отдельности. Через нее распространяются нужные государству и полезные с его точки зрения ценности, нормы и модели поведения с целью более эффективного управления обществом и повышения уровня доверия к государственным органам [5]. Таким образом, в коммуникативной ситуации в дискурсе социальной рекламы мы видим сложную субъектно-объектную систему взаимоотношений участников общения. Исследование текста социальной рекламы мы проводим в рамках диктемной теории М. Я. Блоха, минимальной единицей в которой является диктема [2, 3].

Социальная реклама может быть только вербальной, или сочетать в себе несколько каналов и форм воздействия. Чаще всего, это комбинация вербальной информации и изображения в одной диктеме, которая представляет собой, креолизованный, мультимодальный текст, все элементы которого считываются в комплексе. Иногда ее так и называют – креолизованной диктемой [6]. Такая диктема включает в себя изображение, броский заголовок, пояснительный текст, информацию об организации, занимающейся определенной социальной проблемой.

Информативная структура диктемы любого рекламного текста обусловлена его поликодовостью, при которой мы наблюдаем соотношение двух сообщений. Первое сообщение является буквальным, денотативным, называющим товар и его свойство в коммерческой рекламе, и проблему в социальной; тогда как второе – прагматическое, коннотативное сообщение, цель которого – призыв к приобретению рекламируемого товара в коммерческой, и призыв к действию в социальной рекламе. Еще одна особенность рекламного текста состоит в том, что его коннотативная составляющая является очевидной, универсальной и ожидаемой, не нуждается в декодировании, в отличие от многих иных видов текстов [1].

План содержания диктемы рекламного текста, таким образом, включает весь набор выразительных средств, как вербальных, так и визуальных, и обладает обширным функционалом [4].

Функции диктемы включают в себя номинативную, предикативную и тематизирующую. Эти три функции реализуются в денотативном сообщении. В ходе сбора и анализа материала, было выявлено десять основных тематических блоков, которые преобладают в дискурсе англоязычной социальной рекламы: экологические проблемы, насилие, в том числе домашнее, голод и нищета, жестокое обращение с животными, бездомные, безопасное вождение, оборот оружия, эпидемии (коронавирус, эбола), физические и ментальные болезни, зависимости (курение, алкоголь, наркотические вещества, социальные сети), ксенофобия, в том числе расизм и сексизм. Номинативная функция диктемы реализуется с помощью лексем, относящихся к соответствующим лексико-семантическим группам и называющих отдельные аспекты общей темы, которая создается за счет тематизирующей функции диктемы.

Функция стилизации в диктеме дискурса социальной рекламы осуществляется в рамках прагматического, коннотативного сообщения и включает в себя воздействующую функцию, аргументирующую, экспрессивно-эстетическую, художественную и другие. Воздействующая функция проявляется в комплексном речевом воздействии. При этом воздействие оказывается как на эмоциональную, так и на когнитивную сферу адресата.

Воздействие в рекламном сообщении реализуется посредством определенных речевых стратегий. К персуазивным стратегиям воздействия мы относим те, чьей целью является убеждение и побуждение. Данные стратегии в диктеме социальной рекламы реализуются при помощи двух групп тактик.

Первая группа включает жесткие тактики, акцент в которых делается на серьезности проблемы (темы: вред курения, вред алкоголизма, борьба с домашним насилием, коронавирус, защита окружающей среды). К ним относятся тактика шокирования, тактика запугивания, тактика предупреждения. Например: *“Women who smoke feed more than just milk to their children”*.¹ Как правило, данные тактики

¹ URL: <https://www.theguardian.com/society/2014/dec/29/quit-smoking-campaign-rollup-cigarettes>. (дата обращения 20.10.2023).

реализуются с помощью иллюстративного ряда диктемы, за счет визуальных образов и метафор, при минимуме текста.

Вторая группа включает мягкие тактики, акцент в которых делается на решении проблемы, призыве к действию (темы: донорство, защита населения, экология). Для реализации данных тактик необходим фокус на текстовой части. Наиболее частотной из них является тактика побуждения, реализуемая в виде прямого побуждения, с помощью повелительного наклонения. Повелительное наклонение в утвердительных предложениях используется как призыв к действию, а в отрицательных как предупреждение или запрет. Например, *“Don’t try to check it yourself”*, *“Don’t buy exotic animal souvenirs”*¹, *“Adopt a rescue pet”*, *“Stop handguns before they stop you”*, *“Support homeless people”*, *“Imagine living on only a tiny fraction of what you eat each day”*, *“Take action against hunger with us”*, *“Say no to anorexia”*, *“Buckle up”*, *“Stay alive”*, *“Stop the violence”*, *“Don’t drink and drive”*, *“Speak against domestic violence now”*; *“Stay home. Stay safe. Take the shot”*².

Косвенное побуждение реализуется с помощью каузативов, условных предложений: *“You can be a hero after you die”*. Мы можем увидеть примеры использования каламбуров, игры слов *“Just got off, I’ll be right tree”*, метафор: *“Don’t be a fossil, drive electric”*³.

Особую роль играет использование импликатур. В диктеме посредством метафоры создается пресуппозиция, что только безнадежно устаревшие люди продолжают ездить на углеродном топливе. Еще одним важным приемом является фрейминг. В следующем примере героизируются доноры органов *“You’re not good at saving lives. Wait until you’re dead. Make the organ donor pledge.”*⁴

Важную роль в реализации тактик играют параллельные конструкции, например: *“The longer a child with autism goes without help, the harder they are to reach”*, и контраст, антитеза, например: *“Stop climate change before it changes you”*. *“Love it or lose it”*, *“If there’s so much similarity, why is there so little care?”* Встречаются эвфемизмы: *“Children of parents who smoke go to heaven earlier”*⁵.

Второй по частотности является тактика диалогизации, своеобразная форма речевой мимикрии, задачей которой является имитация диалога,

¹ URL: <https://annahaf.art.blog/2017/03/10/dont-buy-exotic-animal-souvenirs/> (дата обращения 20.10.2023).

² URL: <https://www.futurefundraisingnow.com/> (дата обращения 20.10.2023).

³ URL: <https://www.adsoftheworld.com/campaigns/don-t-be-a-fossil> (дата обращения 20.10.2023).

⁴ URL: <https://www.adsoftheworld.com/> (дата обращения 20.10.2023).

⁵ URL: <https://www.adsoftheworld.com/> (дата обращения 20.10.2023).

ориентация на адресата. Средства, помогающие реализовать данную тактику, включают императив, широкое использование личных местоимений, вопросительных конструкций, риторических вопросов, косвенных вопросов, эллипсиса, разговорной лексики. Цель данной тактики - заставить задуматься. Использование данных средств мы видим в следующих примерах с косвенными эллиптическими вопросами: *“Suddenly it got scary?”*¹, *“Hungry?”*; риторическими вопросами *“Why not assault weapons?”*²; *“If there’s so much similarity, why is there so little care?”*³; *“Marijuana. What’s good about it? Nothing.”*⁴; *“Texting while driving will end badly. Don’t!”* Для реализации данной тактики характерно частое использование местоимений *“You”*, *“Your(s)”* и *“Yourself”*, которые помогают установить прямой контакт с адресатом: *“Don’t try to check it yourself”*⁵; *“Stop handguns before they stop you”*; *“You can help prevent this”*; *“You are not a sketch”*⁶; *“When it controls your life, it’s no longer your life”*; *“Your skin color shouldn’t dictate your future”*; *“Look at me. We can stop it.”* Использование разговорной лексики встречается не так часто: *“If you drink, then drive, you are a bloody idiot”*⁷.

Гораздо менее популярной тактикой является аргументирование, реализуемое с помощью логических операций, с привлечением фактов, статистики. Это объясняется тем, что воздействие в диктете социальной рекламы оказывается в первую очередь на эмоциональную сферу, и лишь во вторую очередь – на когнитивную. Аргументирование же, как вид воздействия, предусматривает апелляцию к логике адресата, заставляет анализировать, сопоставлять, а не действовать.

Важно также не забывать о том, что при универсальности социальной рекламы как явления, она имеет культурно-специфическую составляющую. Она проявляется как через определенную государственную и социальную повестку и культурные установки, например, рекламу ‘зеленой’ энергетики или донорства органов, так и через использование концептов, культурных и исторических реалий, прецедентных текстов. Примерами проявления таких культурно-

¹ URL: <https://alcoholcampaign.org/2016/01/31/suddenly-it-got-scary/> (дата обращения 20.10.2023).

² URL: <https://jacquimoore.wordpress.com/2013/04/20/kids-with-guns-campaign-focus> (дата обращения 20.10.2023).

³ URL: <https://campaignsoftheworld.com/page/43/?cat=0> (дата обращения 20.10.2023).

⁴ URL: <https://wfad.se/blogs/torgny-peterson/marijuana-whatas-good-about-it-nothing/> (дата обращения 20.10.2023).

⁵ URL: <https://alcoholcampaign.org> (дата обращения 20.10.2023).

⁶ URL: <https://eatingdisorders.com/> (дата обращения 20.10.2023).

⁷ URL: <https://bhatnaturally.com/2008/06/06/campaign-against-drinking-driving-the-role-of-advertising/> (дата обращения 20.10.2023).

специфических концептов является использование образов исторических деятелей, популярных героев мультипликационных и художественных фильмов, демонстрирующих национальные культурные ценности. Например, для иллюстрации таких концептов американской культуры как *'achievement'*, *'persistence'*, *'teamwork'* используются образы президента Авраама Линкольна, астронавта Нила Армстронга, суперсемейки, Шрека, лягушонка Кермита и т.д., способные вызвать нужные пресуппозиции и ассоциации.

Таким образом, диктема социальной рекламы характеризуется сложными субъектно-объектными отношениями, поликодовостью и мультимодальностью знаковых систем, иерархией сообщений и рядом функций, реализующих стратегии убеждения и побуждения.

Литература

1. *Барт Р.* Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2004. 512 с.
2. *Блох М. Я.* Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 64–69.
3. *Блох М. Я.* Человек и мир сквозь призму языка. Философские раздумья. М.: Прометей, 2020. 534 с.
4. *Гольдман А. В.* Рекламное сообщение в зеркале межкультурной коммуникации (на материале американской и британской журнальной рекламы) // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики: сборник научных трудов: вып.18. М.: НКЦ Образование, 2020. С. 63–67.
5. *Данилевская Н. В.* Социальная реклама как регулятор духовно-нравственного состояния общества: культурологический аспект // Коммуникативные исследования. 2017. № 3 (13). С. 18–29.
6. *Колтышева Е. Ю.* Креолизованная диктема как структурно-смысловой элемент рекламного текста // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2008. № 1. С 168–176.

*Гумовская Г. Н.,
Школа иностранных языков,
Национальный исследовательский университет,
«Высшая школа экономики»;
goumovskayagaln@mail.ru
SPIN-код eLibrary: 3327-3675*

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЧЕВЫХ СТИЛЕЙ ЯЗЫКА ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

Аннотация: в статье исследуется ритмика текстов языков для специальных целей на основе изучения суперсегментных единиц текста. Ритм текста – субстанция интегративная и может быть представлен рядом характеристик оберритмов, его составляющих. Модуль ритмичности *M* является математической характеристикой ритма определенного текста; модуль ритмичности произведений одного автора является относительно постоянной величиной.

Ключевые слова: языки для специальных целей, ритмическая структура текста, мелодический оберритм, слога-акцентный оберритм, паузационный оберритм, модуль ритмичности, стилистическая дифференциация текста.

*Galina Gumovskaya,
School of Foreign Languages,
National Research University,
«Higher School of Economics»;
goumovskayagaln@mail.ru
SPIN-код eLibrary: 3327-3675*

LINGUISTIC MODELING AS A METHOD FOR STUDYING SPEECH STYLES OF A LANGUAGE FOR SPECIFIC PURPOSES

Abstract: the study of the rhythms of languages for specific purposes is based on the study of super segmental units of text. The text rhythm is an integrative substance, which can be presented by a number of over-rhythm

characteristics being its components. The module of rhythm (M) is a mathematical characteristic of a certain text's rhythm; the rhythm module of an individual author is a constant quantity.

Keywords: languages for specific purposes, rhythmic structure of the text, melodic over-rhythm, syllabic-stress over-rhythm, pause over-rhythm, rhythm module, text stylistic differentiation.

Задача классических лингвистических исследований состоит в том, чтобы изучать и описывать функционирование языка на уровне прямого наблюдения, т. е. на макроуровне воспроизведения и восприятия речи самим человеком.

Углубление лингвистических исследований вылилось в создание надежной экспериментальной методики, которая дала возможность исследовать глубинные, скрытые от прямого наблюдения, лингвистические объекты и связи [1]. Применение математических методов исследования, определяемое логикой развития языкознания, является объективным фактором. Языковыми объектами при этом являются системные связи плана содержания. Именно эти связи особенно тщательно скрыты от прямого наблюдения.

Методы математического моделирования дают возможность исследователю концентрированно отразить свойства языковых явлений в конкретных математических моделях и перейти от изучения реального объекта к изучению его математической модели. Воспроизводящая модель строится по схеме: лингвистический объект – гипотеза – аналог лингвистического объекта. Результаты вычислительного эксперимента воспроизводят принципы организации и функционирования самой системы.

Соединение в своей деятельности разных направлений и методов исследования демонстрировал наш учитель Марк Яковлевич Блох. Не оставил он без внимания и **математическое моделирование**, дающее возможность «исследовать глубинные, скрытые от прямого наблюдения, лингвистические объекты и связи» [1, с. 3].

Математические модели, являясь методами объективной оценки меры сложности различных пропозитивных конструкций, позволили профессору Блоху выявить факторы количественно-парадигматической оценки предикативных единиц различных речевых стилей языка и видов стилизации диктемы. Применение методов парадигматического

конструирования и его семантико-функционального объяснения дает возможность описания синтаксико-парадигматических характеристик текста [2].

Для того, чтобы дать простейшую оценку сложности предложения, следует, по Блоху, определить и соотнести друг с другом две фундаментальные характеристики предложения – линейно-предикативный, синтагматический, поверхностный строй и деривационно-предикативный (парадигматический, глубинный) строй, возводящий к его ядерной деривационной основе.

В контексте количественно-парадигматической оценки сложности высказывания каждая предикативная единица синтагматического и деривационного строя предложения будет выражена численной мерой, равной единице, а отношение суммы таких единиц синтагматического строя к сумме единиц деривационной основы отобразит степень парадигматической сложности высказывания – фактором предикативного объема предложения (Predicative Volume Factor) [2]. Формула фактора предикативного объема выглядит так:

$$FV = \sum S / \sum B, \text{ где}$$

FV – фактор предикативного объема предложения

S - предикативная единица синтагматического строя предложения,

B - предикативная единица его деривационной основы.

\sum - знак суммы.

Чем больше показатель **S**, тем ближе число **FV** будет к единице. Полученное число - фактор открытой предикации (Overt Predication Factor), который выявляет удельный предикативный объем предложения.

Типы количественной оценки парадигматической сложности предложения следует рассматривать как часть общего изучения различных речевых стилей языка и различных видов стилизации диктеты.

Теоретическое и практическое значения этого метода заключается в возможности формирования основ сопоставления разных стилей речи, содействовать совершенствованию правил авторской и редакционной обработки речи, обогатить критерии учебного градуирования и препарирования текстов.

Вслед за профессором М. Я. Блохом мы приступили к использованию методов лингвистического моделирования для изучения

языков для специальных целей, т. е. текстов профессионального общения [5].

Изучать тексты профессионального общения будем с точки зрения их просодических характеристик. В нашем случае, лингвистическим объектом исследования является ритм – чередование сходных и соизмеримых языковых единиц через относительно одинаковые периоды времени [4]. **Гипотеза** заключается в следующем:

Ритм как способ организации речи охватывает единицы всех уровней языка, начиная с фонологического уровня и заканчивая высшим, диктемным, уровнем, т. е. текстом. Определяющим фактором ритмической организации высказывания является темпоральный компонент.

Сходность и соизмеримость повторяющихся просодических элементов одного качества создают специфический ритм. Речевой ритм складывается из потоков единиц одного плана, накладывающихся друг на друга в процессе формирования речи, т.е. ритм – субстанция интегративная.

Периодическое движение сходных просодических компонентов (ударение, высота тона, фонация \ паузация) образует свое организованное движение, которое можно определить, как оберритм [3]. Оберритмы интегрировано формируют просодический ритм. Изменение высоты тонов при их чередовании образует мелодический оберритм. Чередование ударных и неударных слогов составляет слоγο-акцентный оберритм. Чередование фонаций и паузаций позволяет выделить паузационный оберритм. Выделенные оберритмы входят в состав ритмической структуры текста составной частью.

Ритмическая структура текста поддается точному описанию. Речевой ритм как явление интегративное может быть представлен рядом характеристик оберритмов, его составляющих. Точные данные о ритмической структуре текста могут быть представлены в его тонограмме: количество ударных и неударных слогов, общее количество ритмических групп, синтагм и смежных (восходящих и нисходящих) интонаций. Сумма всех показателей, выраженных в одинаковых единицах, является математической характеристикой ритма определенного текста – модуль ритмичности М [4].

Релевантными для подсчета модуля ритмичности текста являются следующие характеристики: **первая** характеристика речевого ритма есть оберритм, создаваемый повторением ударных слогов. **Вторая**,

синтагматическая, характеристика представляет собой оберритм, образуемый чередованием ритмических групп внутри синтагмы, и показывает уравновешенность соседних синтагм по величине и, таким образом, периодичность следования межсинтагменных границ. **Третья** характеристика обращена к диктеме, к сверхфразовому единству. Характеристика оберритма, образуемого периодичностью следования синтагм в диктеме, показывает, какова средняя величина диктемы, насколько ровно она выдерживается в тексте. **Четвёртая** характеристика, интонационная (I), есть характеристика оберритма, создаваемого движением тона. Она составляет специфику ритма прозы в отличие от ритма стиха [4].

Сумма всех числовых показателей оберритмов, модуль ритмичности M, является обобщенным количественным показателем речевого ритма текста.

Некоторые данные исследования текстов разных стилей с указанных позиций приводятся в таблице 1.

Таблица 1

Количественные показатели Модуля ритмичности текстов разных стилей

Материал исследования	q1	k>2	q2	I	M
I. Публицистика					
«ИФЛ Газет»	1.40	0.23	1.84	0.26	3.73
«Ньюсуик»	1.49	0.37	1.08	0.25	3.19
«Лос Анджелос Таймс»	1.12	0.46	1.60	0.43	3.61
«Файненшэл Таймс»	1.00 7	0.34	4.08	0.41	5.84
II. Учебная литература					
Квирк Р. «Грамматика английского языка для университетов»	1.32	0.54	3.71	0.29	5.86
Болинджер Д. «Слова со значением степени»	1.29	0.61	3.45	0.32	5.67
Лекции по избранным трудам А. Эйнштейна	1.09	0.30	3.96	0.30	4.65
III. Художественная литература					

Моэм У. С.	1.30	0.25	9.35	0.34	11.24
Диккенс Ч.	1.76	0.09	4.67	0.48	7.00
Джером Д.	1.01	0.56	7.61	0.56	9.74
Элиот Д.	1.45	0.10	4.20	0.61	6.36
IV. Научная литература					
«Физика и химия жидкостей»	1.02	0.44	2.92	0.08	4.46
«Общество истории сельского хозяйства»	0.98	0.29	8.80	0.44	10.51
«Наука о поверхностях»	1.00	0.20	10.02	0.28	11.50
«Эволюция первой нервной системы»	1.25	0.39	8.99	0.25	10.88

Изучение просодического ритма текстов разных стилей приводит к раскрытию самой текстовой ритмики как существенного фактора стилевой дифференциации языка. В этом плане выявляется, что речевой ритм тем более свободен и не урегулирован, чем сложнее текст по содержанию затрагиваемых понятий. Так, наиболее ритмичны и урегулированы обследованные тексты массовой информации: их модуль ритмичности составляет величину 3,78, что имеет свое объяснение: газетные и журнальные тексты рассчитаны на массового читателя и должны быть понятны и доступны пониманию каждого.

Изоморфность и изохронность ритмического процесса уменьшается по мере усложнения описываемых понятий, о чем свидетельствует модуль ритмичности учебной литературы (учебники, словари, пособия) $M = 4, 37$. Однако, этот показатель не столь далек от идеала, что также объяснимо ориентацией на доступность для определенного круга читателей – учащихся и студентов.

Еще большее отклонение от идеала наблюдается в художественной литературе: $M = 8,53$. Наиболее неурегулированной является ритмическая структура научной литературы: $M = 9,45$, где усложненность описываемых понятий достигает своего максимума.

Еще один важный вывод, к которому нас подводит анализ результатов исследования, заключается в том, что модуль ритмичности разных произведений одного и того же автора является относительно постоянной величиной. Это могло бы использоваться для идентификации текстов с целью установления их авторов.

Литература

1. *Пиотровский Р. Г.* Инженерная лингвистика и теория языка. Ленинград: Наука, 1979. 112 с.
2. *Блох М. Я.* Теоретические основы грамматики. Дубна: Феникс+, 2016. 248 с.
3. *Блох М. Я., Гумовская Г. Н.* Ритм и обертритмы текста // Научные труды МПГУ им. В. И. Ленина. Серия: Гуманитарные науки. М.: МПГУ им. В. И. Ленина, 1997. С. 132–134.
4. *Гумовская Г. Н.* Гармоническая организация художественного произведения. М.: МПГУ, 2015. 171 с.
5. *Гумовская Г. Н.* Английский язык профессионального общения (на английском языке): учебное пособие. 2-е изд., испр. М.: Флинта, 2018. 320 с.

*Десятская С. В.,
кафедра грамматики английского языка
имени М. Я. Блоха,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет
svetlanades@yandex.ru
SPIN-код eLibrary: 9466-2725*

КАТЕГОРИЯ МЕРЫ И ЕЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ЭКСПРЕССИВНОСТЬЮ И ЭМОТИВНОСТЬЮ

Аннотация: мера как единица измерения выразительности текста/речи проявляется в рамках градации по силе интенсивности, эмоциональности и экспрессивности. Коннотативное значение лексической единицы проявляется в диктете художественного текста, отражает многозначность лексической единицы и указывает на присутствие в ней определенного эмоционального заряда. Коннотативное значение является характерной средой для маркирования эмоционально-окрашенных лексических единиц. Под «коннотацией» понимаются семантические и стилистически-окрашенные значения лексической единицы, которые возникают на основании взаимодействия экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов.

Ключевые слова: мера, интенсивность, эмоциональность, экспрессивность, диктета.

*Svetlana Desyatskaya,
Department of English Grammar
named after M. Ya. Blokh,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
svetlanades@yandex.ru
SPIN-код eLibrary: 9466-2725*

THE CATEGORY OF MEASURE AND ITS INTERACTION WITH IMPRESSIVENESS AND EMOTIVITY

Abstract: measure (degree) as the unit of text/speech is presented in grading the force of intensity, emotivity and impressiveness. The connotative meaning of a lexical unit is manifested in the dicteme of a literary text. It reflects the ambiguity of a lexical unit and indicates the presence of a certain emotional colouring in it. The connotative meaning is a specific ground for identifying emotionally colored lexical units. "Connotation" is regarded as semantic and stylistic shades of meanings of a lexical unit, which arise on the basis of the interaction of the impressive-emotional-evaluative overtones.

Keywords: measure (degree), intensification, emotiveness, impressiveness, dicteme.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в настоящее время получают все большую значимость (с учетом текущей нестабильности международных отношений) средства языковых категорий, которые используются для выражения эмоциональной стороны автора и оказывают воздействие на экспрессивно-эмотивную сторону реципиента.

С одной стороны, убедительным является тот факт, что категория меры пронизывает многие аспекты нашей повседневной жизни, например, когда мы интуитивно чувствуем меру выражения эмоций в поведении в ежедневных ситуациях общения, но с другой стороны исчислить точным числовым выражением категорию меры не представляется возможным.

По сравнению с точными науками, где в изучении процессов исчисления мерных величин преобладают формулы, графики и шкалы, которые характеризуются точно рассчитанной оценкой, в языкознании ключевым аспектом выражения степени меры является неустойчивость/подвижность. Причиной подобной подвижности является то, что она основана на трансформации признака оцениваемого объекта, а именно категория меры в языкознании маркирует уровень в большей или меньшей степени количественно-качественного проявления и не отражает точное числовое выражение этого проявления.

Данное утверждение обусловлено тем, что в языкознании такие факторы как особенности традиций, мировоззрение народа, жизненные

стереотипы, культурные ценности и т.д. уровень проявления степени меры персонализируют.

В художественном произведении эмотивные и экспрессивные элементы, в большинстве случаев, сопровождают друг друга. Вместе с тем наличие одного элемента не обязательно указывает на наличие другого. Призыв читателя к экспрессивности является неизменной основой работы сочинителя и, как следствие, этот призыв особым образом проявляется в каждой художественной работе. Литературное произведение, созданное сочинителем и отражающее определенные текущие ценности того или иного литературного периода, воспроизводит персоналистическое/авторское миропонимание [2].

Созданное литературное творчество отражает взаимодействие миров сочинителя и персонажей художественного произведения. Взаимодействие сущности миров находит место в основании изучения произведения читателем, реализуемое, в его мыслительном оценочном/сравнительном действии (первый признак) и в выражении его эмоциональных откликов (второй признак).

Категория меры как стилистический приём выражается в фокусе экспрессивности и эмотивности. Трудность разграничения этих близкородственных свойств текста запрашивает обращение к фиксации описания каждой из них.

Категория экспрессивности обращена к повышению влияния на реципиента, то есть обращена ко второму лицу речевой ситуации, при этом стоит обратить внимание на категорию эмоциональности.

Категория эмоциональности служит основой выражения чувственного внутреннего состояния читателя и обращена к первому лицу.

Категория эмотивности отражает характерное для языка свойство через систему тех или иных языковых средств выражать эмоциональность как состояние первого лица.

Как в литературном произведении, так и в повседневной жизни происходит эмоционально-экспрессивный взаимообмен между двумя объектами общения: источником (отправляющая информация сторона) и реципиентом (принимающая информация сторона). Таким образом, главной задачей является изучить степень/уровень взаимодействия между эмоциональностью и экспрессивностью, которые находят отклик в объектах речевой ситуации. Реализация этой задачи удаётся с определёнными сложностями. Ситуация, когда отправляющая

информацию сторона направляет сообщение с эмоциональной окраской, экспрессивно откликается стороной, принимающей эту информацию, в которой возрождает эмоциональное восприятие. Однако эмоциональное восприятие может быть стилистически окрашено и неокрашено [5].

Следствием является то, что эмоциональность и экспрессивность, представляя разные аспекты оценочных чувств личности, находятся в перекрестных, а, следовательно, автономных отношениях: эмоциональность может быть экспрессивной и неэкспрессивной, а экспрессивность, соответственно, эмоциональной и неэмоциональной [4].

Категория меры выражается лексической единицей, включенной в некоторый текстовый отрезок. Такой текстовой единицей является словесная номинация, которая попадает в контекстно-ситуативную зависимость и, как следствие, сопровождается расширением содержания соответствующего смыслового компонента. Любая словесная номинация отражается на относительно цельном отрезке текста, который является высказыванием, выделенным собственным смыслом.

Этот отрезок текста был открыт в рамках изучения иерархии сегментных уровней языка М. Я. Блохом и назван диктемой – минимальной тематической и стилеоформленной единицей членения текста.

Диктема может быть выражена как союзом предложений, так и одним-единственным предложением. В диктеме художественного текста можно выделить целый ряд информационных рубрик, представляющих в обобщенном виде фактуальную, интеллективную, эмотивную и экспрессивную информацию, каждая из которых особым образом связана с содержательно-целевым типом диктемы [1].

Диктема организует и создает близкие и далекие связи частей текста, реализующие его когезию – проспективные, ретроспективные, двунаправленные. В диктеме осуществляется действие коммуникативной пресуппозиции и постсуппозиции, обеспечивающее раскрытие для реципиента речи необходимых имплицативно передаваемых значений. Следовательно, в тексте можно выделить логически связанные друг с другом микротемы, служащие для последовательного раскрытия целостного содержания категории интенсивности в художественном произведении [3].

В результате, категория меры отражает уровень проявления в большей или меньшей степени количественно-качественного выражения интенсивности, эмоциональности, эмотивности и экспрессивности,

который является итогом речемыслительного анализа реципиентом диктемы художественного текста. Как следствие, для одного реципиента степень меры семантического наполнения диктемы является маркированной / экспрессивной / эмоционально-заряженной, а для другого диктема может лишь отражать нейтральное / эмоционально-немаркированное семантическое наполнение.

Литература

1. *Блох М. Я.* Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 56–67
2. *Блох М. Я.* Человек и мир сквозь призму языка. Философские раздумья: монография. М.: Прометей, 2020. 534 с.
3. *Блох М. Я., Великая Е. В.* Просодия в стилизации текста. М.: Прометей, 2011. 120 с.
4. *Десятская С. В.* Интенсивность в жанрово-стилевой дифференциации художественного текста // Казанская наука. 2017. №10. С. 69–72.
5. *Десятская С. В.* Неградационная и градационная интенсивность в современном английском языке // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 4(65). С. 314–315.

*Киселевская В. А.,
кафедра иностранных языков и
речевой коммуникации,
Московский международный университет;
v.kiselevskaya@mmu.ru
SPIN-код eLibrary: 5448-3970*

СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ ГЛАГОЛОВ «WOULD» И «USED TO» ДЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ ПОВТОРЯЮЩИХСЯ ДЕЙСТВИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: данная статья посвящена описанию модального глагола «would» и грамматической конструкции «used to», используемых в значении прошлых привычек, и изучению их роли в современном английском языке. Способы выражения повторяющихся действий в прошлом изучаются как в рамках школьной программы, так и в рамках дисциплин «английский язык» неязыковых направлений и «практический курс английского языка», «практическая грамматика английского языка» языковых направлений. Актуальность использования данных конструкций часто ставится под вопрос студентами, а также многие интересуются, какая из данных двух грамматических единиц используется чаще. В статье описана теория употребления глаголов «would» и «used to», а также частотность употребления данных языковых единиц в исследуемом произведении с указанием примеров. В качестве материала для исследования было взят роман современного британского писателя Ника Хорнби «Мой мальчик».

Ключевые слова: грамматика английского языка, синтаксис, семантика, современный английский язык, художественная литература.

*Varvara Kiselevskaya,
Department of Foreign Languages and
Speech Communication,
Moscow International University;
v.kiselevskaya@mmu.ru
SPIN-код eLibrary: 5448-3970*

SPECIFICS OF THE USAGE OF THE VERBS «WOULD» AND «USED TO» FOR EXPRESSING RECURRENT ACTIONS IN MODERN ENGLISH

Abstract: the article is devoted to the description of the modal verb «would» and the grammar construction «used to» that are used in the meaning of past habits and studying their role in contemporary English. Means of expressing recurrent past actions are studied in English classes at school as well as at universities both in linguistic and non-linguistic programs within the disciplines «The English language», «Practical course of the English language» and «Practical English grammar». Topicality of the usage of the constructions mentioned is often questioned by students. Moreover, many of them wonder which of these two grammar units is used more frequently. The article describes the theory of the usage of «would» and «used to», the frequency of the usage of these verbs in the novel studied with the examples mentioned. As material for studying the novel «About a Boy» by the contemporary British writer Nick Hornby was taken.

Keywords: English Grammar, syntax, semantics, modern English, fiction.

Категория времени в английском языке – одна из наиболее распространенных тем для исследований, посвященных грамматике английского языка. Связано это с тем, что времена английского глагола являются одним из наиболее затруднительных аспектов для изучающих английский язык. Одной из причин сложностей в изучении времен является разница между временами, используемыми в родном языке и временами изучаемого языка (так называемая межъязыковая интерференция) [3]. Так, традиционную путаницу вызывает выражение прошедшего времени в английском языке: студенты часто совершают ошибки в выборе между Past Simple, Past Continuous, а также между Past Simple и Present Perfect.

Приведенные выше временные формы не являются единственным способом выражения действий, совершенных в прошлом. Помимо них в современном английском языке часто встречается употребление глаголов used to и would в значении повторяющихся действий в прошлом [1].

Согласно Cambridge dictionary grammar, used to – полу-модальный глагол, который используется для выражения повторяющихся действий в

прошлом, прошлых привычек или действий, которые регулярно происходили в прошлом и более не происходят [5]. То же значение имеет и модальный глагол *would* [Там же]. Однако, *used to* в отличие от *would* также может использоваться с глаголами состояния (*state verbs*) [6].

Данные глаголы используются в значении повторяющихся действий в прошлом наравне с *Past simple*. Это является одной из причин непопулярности приведенных выше глаголов среди изучающих английский язык. Как правило, студенты не понимают, зачем *used to* и *would* используются там, где может использоваться *Past simple*, который изучается намного обширнее и, следовательно, более привычен студентам. Более того, изучающие английский язык задаются вопросом, какой из данных глаголов в значении регулярных действий в прошлом используется носителями чаще. Данный вопрос является актуальным, поскольку и *would*, и *used to* активно используются носителями языка, и в связи с этим выбор изучающих английский язык в сторону этих глаголов при выражении повторяющихся действий в прошлом был бы предпочтителен.

В рамках исследования, которому посвящена статья, была поставлена задача выяснить, что используется чаще носителями английского языка, когда речь идет о действиях, которые регулярно происходили в прошлом: *would* или *used to*. В качестве материала для изучения был взят роман «*About a Boy*» известного современного британского писателя Ника Хорнби. Книга является достоверным образцом современного английского языка: в ней присутствует сленг, стилистические приемы, аллюзии к реалиям нашего времени. По произведению были сняты фильм и сериал [2].

Исследование проводилось путем поиска в тексте романа глаголов *used to* и *would*, которые использовались в значении повторяющихся действий в прошлом. Далее было подсчитано количество случаев использования данных глаголов и числовое сравнение. Данные приведены в таблице ниже.

Использование глаголов *used to* и *would* в романе «About a Boy»

Частота использования глагола <i>used to</i> (кол-во)	Частота использования глагола <i>would</i> (кол-во)	Частота использования глагола <i>would</i> с учетом стилистического повтора (кол-во)	Пример употребления глагола <i>used to</i>	Пример употребления глагола <i>would</i>
13	23	7	<i>When Will had been going out with Jessica, the four of them used to go clubbing a couple of times a week (Глава II).</i>	<i>He'd taken them to Arsenal a couple of times, too, and that was OK, but Ali would still snipe at Marcus, given half a chance (Глава XXXVI).</i>

Изучив данную таблицу, на первый взгляд можно сделать следующий вывод: модальный глагол *would* употребляется в значении повторяющихся действий в прошлом чаще, чем *used to*. Однако стоит углубиться в характер употребления данных глаголов, приняв во внимание данные из третьего столбца. Во многих случаях модальный глагол *would* употребляется несколько раз подряд в одном предложении в рамках одинаковых синтаксических конструкций (в данном случае – *and* + подлежащее + сказуемое с *would* + обстоятельство или дополнение). Данное специфическое употребление является стилистическим повтором и используется для эмоциональной окраски [4]. Ниже представлен пример одного из таких случаев употребления:

«He still saw her, sometimes, for a lunchtime pizza, and she would show him pictures of her children, and tell him he was wasting his life, and he didn't know what it was like, and he would tell her how lucky he was he didn't know what it was like, and she would tell him he couldn't handle it anyway, and he

would tell her he had no intention of finding out one way or the other; then they would sit in silence and glare at each other» (Глава II).

Так, в данном предложении можно насчитать 5 модальных глаголов *would*, однако учитывая стилистические особенности данного предложения, допустимо считать это как однократное употребление *would*, поскольку при замене хотя бы одного из них на иной глагол эффект, достигаемый при помощи стилистического повтора, достигнут бы не был. В свою очередь, полу-модальный глагол *used to* в рамках данного романа не имеет подобной стилистической нагрузки. Учитывая данный феномен, можно считать, что *would* употребляется 7 раз, в то время как *used to* – 13.

Данные, приведенные в этой статье, можно рассматривать как начальный этап дальнейшего изучения частотности употребления модального глагола *would* и полу-модального глагола *used to*, а так же их актуальности в современном английском языке. Информация о частности и актуальности употребления тех или иных грамматических и лексических единиц необходима для правильного выбора материалов, которые могут быть использованы на занятиях по английскому языку как в школах, так и в колледжах, и в высших учебных заведениях. Изучение языковых единиц, которые действительно используются носителями в речи, а так же грамотное распределение времени на изучение более актуальных и менее актуальных языковых явлений повышает уровень знаний студентов и уровень их заинтересованности образовательным процессом в целом и иностранным языком в частности.

Литература

1. *Ионина А. А.* Английская грамматика XXI века: Универсальный эффективный курс. М.: Эксмо, 2012. 416 с.
2. *Пешкова Д. Ю.* About a boy by Nick Hornby: учебно-методическое пособие по домашнему чтению по английскому языку. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2020. 34 с.
3. *Соловова Е. Н.* Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций: пособие для студентов пед. вузов и учителей. 4-е изд. М.: Просвещение, 2006. 239 с.
4. *Galperin I. R.* English Stylistics. М.: КД «LIBROCOM», 2010. 336 p.

5. Cambridge Dictionary Online: Grammar. Used to. URL: <https://dictionary.cambridge.org/grammar/british-grammar/used-to> (дата обращения: 23.10.2023).

6. *Murphy R.* English Grammar in Use: a self-study reference and practice book for intermediate students of English. 3rd. ed. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007. 392 p.

Корзова Е. Н.,
кафедра грамматики английского языка
имени М. Я.Блоха,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
en.korzova@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 7117-1208

НАРУШЕНИЯ ДИКТЕМНЫХ СВЯЗЕЙ ТЕКСТА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация: в статье рассматриваются семантико-синтаксические средства текстовой связности, а также анализируются нарушения диктемных связей текста художественного дискурса. Намеренные нарушения связности может быть основано на трансформации таких средств как референция, парентетические конструкции, графоны, коллокации. Автор художественного текста намеренно вводит в его структуру элементы семантико-синтаксической несвязности с целью оказать влияние на адресата.

Ключевые слова: связность, нарушение связности, диктемная связь, референция, парентетические конструкции, художественный дискурс.

Elena Korzova,
Department of English Grammar
named after M. Ya. Blokh,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
en.korzova@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 7117-1208

THE DISRUPTION OF DICTEMIC RELATIONS IN THE ENGLISH FICTIONAL DISCOURSE

Abstract: the article considers semantico-syntactic means of textual cohesion, and analyses disruption of the dictemic relations in the text of fictional discourse. Deliberate disruption of cohesion can be based on the

transformation of such means as reference, parenthetical constructions, graphons, collocations. The author of a fictional text purposefully introduces in its structure elements of semantico-syntactic incohesion to produce influence on the addressee.

Keywords: cohesion, cohesion disruption, dictemic reference, parenthetical constructions, fictional discourse.

Развитие современных лингвистических теорий и подходов к исследованию текста, в общем, и его отдельных категорий позволяет по-новому интерпретировать категорию связности применительно к художественному дискурсу. Основываясь на положениях диктемной теории текста М.Я. Блоха, мы предприняли попытку выявить нарушения текстовой связности в структуре художественного дискурса и доказать факт влияния указанных нарушений на восприятие текста читателем.

При определении связности текста мы опираемся на теорию синтаксического присоединения М. Я. Блоха, которая трактует текстовую связь как «...наличие синтаксического прерыва от присоединяющего предложения к присоединительному предложению» [1, с. 361]. В развёртывающемся тексте семантико-синтаксическое единство предложений обеспечивается единой темой, которая реализуется в «диктеме» – единице тематизации, имеющей речетворческий характер. «Именно через диктему в рамках аспекта тематизации реализуются близкие и далекие связи текста, отражающие его «когезию», – проспективные, ретроспективные, двунаправленные» [2, с. 184]. Проспективная связь представляет собой связь (катафорическую, эпифорическую), которая предполагает продолжение диктемной темы, настраивая читателя на восприятие будущих событий. Проспекция выражается лингвистическими единицами, которые устанавливаю связь между содержанием предшествующего предложения с тем, что будет описываться в присоединительной части диктемы. Ретроспективная связь (анафорическая) является основным средством реализации связности компонентов текста при помощи лингвистических форм, которые сопоставляют присоединительную часть диктемы с тем, о чем сообщалось в предшествующем предложении.

Актуализация логико-грамматической связи в диктеме происходит на уровне синтаксической номинации, на уровне предикативной связи номинативного содержания с конкретной внеязыковой ситуацией, а также в рамках стилистической функции диктемы. Диктемная «стилилизация»

передает способность текста оказывать эмоционально-эстетическое воздействие на читателя, отражая чувства, мысли и настроения автора, и достигается использованием стилистических приемов и экспрессивных средств, включая различные нарушения смысловых связей.

Исследуя смысловые разрывы поэтического текста В. И. Карасик использует термин «делинеаризация», которая трактуется как «... нарушение формальной и содержательной связности текста, реконструкция которой требует активного сотворчества читателя или слушателя» [3, с. 5]. В художественном тексте механизмы делинеаризации связаны с нарушением референции, использованием эллипсиса, повтора, субституцией, разрывом коллокаций, опущением коннекторов. Разрыв содержательно-семантических и структурно-синтаксических связей между компонентами диктемы зависит от их соотношения внутри текста (экзофора), а также их соотношения с внетекстовыми элементами (эндофора), которые используются с разной степенью частотности.

Частотность нарушений диктемных связей текста обусловлена особенностями языковой личности, порождающей текст. Такие черты автора как образование, воспитание, культурные и национальные аспекты личности формируют авторские установки и намерение, которые влияют на соблюдение или нарушение правил связности текста. С особой яркостью языковая личность автора проявляется в художественном дискурсе, который можно определить, как особый вид коммуникации, отражающей реальную действительность. Художественный текст представляет собой результат скрупулезной работы автора с целью отобразить свое видение реальной действительности, свое познание мира. Изображая и описывая события, автор художественного текста тщательно отбирает информацию, которую он намеревается предать и с помощью которой планирует оказать воздействие на читателя. В этом отношении постмодернистский художественный роман Стивена Фрайя «Гиппопотам» представляет значительный интерес для исследования нарушений связности текста, так как идиолект данного писателя отличается разнообразными отступлениями и нарушениями канонического употребления английского языка [5].

Роман, являясь отчасти автобиографическим произведением, написан от лица стареющего журналиста Тэда Уоллеса, который в молодости подавал надежды как талантливый журналист, но потом потерял работу из-за пьянства и оскорбительных выходок. Он

безжалостно критикует своих родственников, коллег и друзей, не стесняясь в оригинальных и живых выражениях. Читатель может судить о характере Теда с первых строк введения, которое представляет собой письмо-комментарий издателю, публикующему материалы его расследования. Автор романа создает неповторимый образ главного героя при помощи различных экспрессивных средств, включающих многообразные нарушения связности текста.

В тексте введения, прежде всего, выделяется нарушение референции, в частности экзофоры (прямой и однозначной связи элементов диктемы с объектами или событиями, существующими вне текста). Путем использования названий и личных имен без объяснения, с чем и кем конкретно они соотносятся, автор добивается особого интереса читателя к оставшемуся элементу. Читатель обращает внимание на указанные имена собственные, пытаясь восстановить связь с семантическим источником референта. Например, названия *Brand Buds* (марка сухого завтрака), *Rothman* (марка сигарет), *The Harpo* (бар в Лондоне) или имена собственные *Oliver, Patricia, Rebecca* (имена близких родственников), *the Bitch* (прозвище бывшей жены). Упоминание престижных марок, имен значимых людей является преднамеренным приемом, который помогает создать образ персонажа и вызвать необходимую автору реакцию читателя.

Еще одним средством делинеаризации структуры диктемы выступают парентетические конструкции, которые, с одной стороны, разрывают текст повествования, с другой стороны, помогают воспринимать содержание основного текста. Парантезы привносят в структуру диктемы добавочную, дополнительную информацию, акцентирующую внимание читателя на наиболее значимых деталях, в которых отражается авторское отношение к описываемым событиям и которые предопределяют их восприятие читателем. Так, в следующем примере автор дважды прерывает основное повествование парентетическими конструкциями, которые отделяются от сюжетной линии запятыми. Такое построение высказывания графически привлекает внимание читателя нарушением повествования и усиливает экспрессивную функцию текста.

I've counted up the words processed, *a thing I do every hour*, and, *if technology can be trusted*, it looks as if you're in for 94,536 of them.

В структуре исследуемого текста обнаруживается 14 нарушений связности при помощи парантетических внесений, что оправданно

позволяет трактовать этот синтактико-стилистический прием как особенность идиостиля автора романа. Парантезы разных синтаксических уровней графически делимитируются запятыми или тире. Информация, передаваемая указанными конструкциями, как графически, так и содержательно обращает на себя внимание читателя, выполняя функцию делибривности, то есть способности отражать оттенки модальности в тексте и выразить мысли автора текста по поводу обсуждаемых событий, явлений [4].

Прием нарушения структурной целостности может использоваться на различных уровнях организации диктемы, концентрируя внимание читателя на важных моментах. Автор включает в структуру текста неконвенциональные графические средства (графоны), представляющие собой отклонения или нарушения графического стандарта. Например, *product, other People's Poetry, the Thaumaturgy*. Курсив, отличающий указанные элементы от основной части, является важным компонентом композиции диктемы, выделяя особые элементы с целью их актуализации, что предполагает максимальную заинтересовать читателя.

Таким образом, нарушения диктемных связей в художественном дискурсе играют большую роль при реализации авторского замысла. Прерывая текстовую связность при помощи таких средств как нарушение референции, использование парантетических конструкций, употребление графонов, автор вовлекает читателей в разворачивающиеся события, затрагивая их чувства и эмоции. Нарушения обнаруживаются на уровне поверхностной структуры текста, в то время как на глубинном уровне содержательные диктемные связи сохраняются благодаря феномену диктемной темы.

Литература

1. Blokh M. Y. A Course in Theoretical English Grammar. Дубна: Феникс+, 2017. 459 с.
2. Блох М. Я. Теоретические основы грамматики. Дубна: Феникс+, 2016. 448 с.
3. Карасик В. И. Поэтическая делинеаризация текста // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 3 (24). С. 5–14.
4. Ксензенко О. А. Роль парантетических внесений в рекламных текстах // Язык, сознание, коммуникация / под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. 2000. № 11. С.78 – 86.
5. Fry S. The Hippopotamus. London: Arrow Books, 2011. 400 p.

*Купцов А. Е.,
кафедра английского языка,
факультет иностранных языков,
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского,
kupcov.a@mail.ru
SPIN-код eLibrary: 3211-7907*

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ КАК СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация: функционально-семантический диапазон дискурсивных маркеров в английском и испанском языках является релевантной лингвокультурной особенностью. Лакунарность как лингвистическое явление отражает национально-культурную специфику различных лингвокультур.

Ключевые слова: дискурс, художественный дискурс, дискурсивный маркер, лингвокультура, традиция.

*Alexander Kuptsov,
Department of English,
Yaroslavl State Pedagogical
University named after K.D. Ushinsky
kupcov.a@mail.ru
SPIN-код eLibrary: 3211-7907*

DISCOURSE MARKERS AS A MEANS OF REPRESENTING LINGUISTIC AND CULTURAL TRADITIONS IN FICTIONAL DISCOURSE

Abstract: the functional and semantic range of discourse markers in English and Spanish is a relevant linguocultural feature. Lacunarity as a linguistic phenomenon reflects the national and cultural specifics of various linguistic cultures.

Keywords: discourse, fictional discourse, discourse marker, linguoculture, tradition.

Начиная с развития теории организационной коммуникации, а именно, с теории текста и дискурса, изучению дискурсивных маркеров (дискурсивов) уделяется пристальное внимание из разных теоретических ориентаций, применяемым к разноструктурным языкам [1].

По мнению ряда лингвистов, дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее в себя экстралингвистические факторы [3; 4; 5; 7]. Дискурс может быть устным или письменным, индивидуальным или коллективным, формальным или неформальным, включая в себя не только лексемы, но и невербальные элементы, такие как жесты, мимика, интонация и другие факторы, которые влияют на его смысл и эффективность. Изучение дискурса позволяет понимать, как люди используют язык для создания социальных, национальных, культурных и др. контекстов, так как видение мира отражается в дискурсе через выбор различных языковых средств, которые маркируют культурные, социальные и идеологические особенности говорящего и его сообщества.

Художественный дискурс несет в себе особенности национально-культурной специфики языка и миропонимание этноса, т.е. передает особенности менталитета и философии народа, создавая уникальную атмосферу и передавая глубокий смысл. М. Я. Блох полагает, что основной функцией художественных текстов является пробуждение эстетического чувства у читающего/пишущего. Языковые средства, которые автор использует при написании художественного текста, создают образы персонажей, «преломленного авторским воображением в составной элемент его произведения». Необходимо отметить, что диктменно-текстовый комплекс информации организуется когнитивно-коммуникативному содержанию» [2, с. 66]. Таким образом, осмысление этнокультурных различий и сходств в сопоставляемых разноструктурных языках даёт возможность обнаружить взаимосвязанные смысловые линии в английской и испанской лингвокультурах [5]. Изучение национально-специфических особенностей использования дискурсивных маркеров в языках связано с прагматической стороной общения и «отражает специфические принципы функционирования национального языка» [5; 6].

Современная лингвистика, а также когнитология, этнолингвистика, лингвокультурология и др. характеризуются возросшим вниманием к проблемам языковой картины мира, личности, а также национального характера. Культурно-национальная специфичность любого языка

отражается в лексических единицах, то есть в национальном корпусе его словаря. Таким образом, художественный дискурс, дискурсивные маркеры и лингвокультуры тесно связаны между собой, так как лингвокультуры являются культурными значениями, которые связываются с языком и его использованием в различных контекстах. Художественный дискурс и дискурсивные маркеры отражает лингвокультуры, которые существуют в определенном обществе или культуре: определенные культурные нормы и ценности могут быть отображены в языковых формах, используемых в литературе, и наоборот – художественные произведения могут влиять на формирование и изменение лингвокультур. Таким образом, художественный дискурс является важной частью лингвокультуры, поскольку он отражает особенности языка, используемого в литературе, и его связь с культурой и обществом. Художественный дискурс может быть использован для передачи культурных ценностей, традиций и обычаев, а также для создания новых культурных символов и идентичностей. Кроме того, художественный дискурс может использоваться для критического анализа культуры и общества, выявления проблем и вызовов, которые стоят перед ними, являясь важным инструментом для изучения и понимания лингвокультуры.

В ходе исследования установлено, что дискурсивный маркер *even* в английском языке находится в препозиции, фокусируя внимание реципиента на абсолютно новой информации: *Even Hugo – he's a dear and wants to marry me (Christie)*. Вышеупомянутый дискурсивный маркер интенсифицирует само высказывание, так как формирует у адресата мнения. Что касается испанского языка, то дискурсивные маркеры *hasta*, *sobre todo*, *siquiera* указывают на крайнюю степень проявления признака, обозначенного в предикате: *Rubén, Mallarmé, sobre todo Mallarmé, para las descomposiciones de vientre (Cela); ... lamentando que ni siquiera la silla flamenco hubiera podido evitar la desgracia (Delibes)*. Дискурсивные маркеры в испанском языке акцентируют внимание на сообщении, которое обладает наибольшей ценностью или уникальностью самого факта. Так, дискурсив *siquiera* и частица *ni* придают повышенную экспрессивность предложению-высказыванию, что позволяет определить наиболее существенную информацию.

Употребляясь при сказуемом, дискурсивы в художественном дискурсе отражают отношение к содержанию предикативной части высказывания. Таким образом, авторы усиливают языковое выражение, а

дискурсивы определяют содержательные границы предикативной части: (англ.) *He **even suggested** I might invest in the Council 5 % Loan!* (Fowels); (исп.) *Yo no podría, soy negado **hasta para escribir** cartas* (Llosa). Примеры указывают на тот факт, что в центре предикативной части высказывания находится сам предикат. Данные маркеры акцентируют дополнение в высказывании, внося оттенок усиления, где акцентируемый компонент предложения может находиться в сильной и слабой связи с главным словом.

Так, одной из коммуникативно-прагматических функций дискурсивных маркеров является акцентирование внимания адресата сообщения на главной реалии в высказывании: (англ.) *It was so unreal, **even in the crude light of midday**, that it withdrew her from the reality of life* (Maugham); (исп.) *Por las tardes, **sobre todo en los tiempos de grandes lluvias**...* (Márquez).

Дискурсивные маркеры являются неотъемлемой частью языка и отражают культурные, социальные и исторические особенности народа. Они помогают передать не только семантику лексической единицы, но и эмоциональную окраску высказывания в целом. Каждый дискурсивный маркер в художественном дискурсе имеет свою собственную историю и культурный контекст, который необходимо понимать для полного восприятия сообщения.

Итак, дискурсивные маркеры являются средствами репрезентации лингвокультурных традиций в художественном дискурсе. Следует отметить, что в англо- и испаноязычном художественном дискурсе проявляется языковая лакунарность. Лакунарность как лингвистическое явление отражает национально-культурную специфику и действительность различных лингвокультур. Лакунарность языка непосредственно связана с культурными, историческими, социальными факторами, что делает её неотъемлемым аспектом изучения языков и лингвокультур. Таким образом, художественный дискурс, дискурсивные маркеры и лингвокультуры взаимосвязаны и влияют друг на друга, создавая богатое многообразие языковых форм и культурных значений. Английские и испанские лингвокультурные традиции располагают обширными средствами оформления речи. Дискурсивные маркеры в художественном дискурсе не только организуют дискурс, но и являются инструментом отражения этноментальной сферы.

Литература

1. *Бабаян В. Н.* Семантические и коммуникативно-прагматические особенности дискурсивных маркеров в испаноязычном художественном дискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 4 (31). С. 86–92.
2. *Блох М. Я.* Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 57–67.
3. *Егорова О. С.* Особенности функционирования частиц в коммуникативной структуре предложения // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. 1. № 4. С. 155–160.
4. *Егорова О. С.* Коммуникативно-синтаксическая типология предложений, включающих частицы (на материале русского и испанского языков // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1. № 4. С. 166–174.
5. *Купцов А. Е.* Дискурсивные частицы в художественном тексте: коммуникативно-прагматический и лингвокультурный аспекты. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2022. 183 с.
6. *Талигина А. Р.* Семантика и функционирование частиц в хантыйском языке (на материале шурышкарского и казымского диалектов) // Вестник угроведения. 2014. № 1(16). С. 63–87.
7. *Шилова Н. В.* Дискурсивы и синтаксические конструкции как средства формирования прагматического эффекта акта коммуникации в англо- и испаноязычном художественном дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3(50). С. 269–273.

*Носкова А. И.,
кафедра теории и практики иностранных языков,
Институт иностранных языков,
Российский университет
дружбы народов имени Патриса Лумумбы;
annamorlang@mail.ru
SPIN-код eLibrary: 8479-9746*

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ ЛИЧНЫХ В ПРЕДИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДИКТЕМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Аннотация: в статье рассмотрены основные функции имен собственных личных (антропонимов) в построении предикативного аспекта художественной диктемы. Имя собственное личное рассматривается как информативно значимая единица, которая способна осуществлять смысловые связи в предикативной части диктемы. Особое внимание в работе уделяется изучению структурно-текстовых особенностей антропонима во взаимосвязи его с этимологическим значением и формой. В результате исследования показано, что апеллятивные основы имени собственного личного и его формальные признаки способны указывать на реальность и нереальность событий в вымышленном мире автора. Кроме того, в ходе исследования были выделены формально-контекстуальные признаки антропонимов, связанные с субъективной оценкой автора (авторской модальностью) и объективным восприятием читателя, которые, в свою очередь, представляют предикативный центр диктемного высказывания.

Ключевые слова: имя собственное, диктема, лингвистика художественного текста, этимология антропонимов, предикация, авторская модальность.

*Anna Noskova,
Department of Theory and
Practice of Foreign Language,
People's Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba;
annamorlang@mail.ru
SPIN-код eLibrary: 8479-9746*

THE FUNCTIONAL ROLE OF PERSONAL PROPER NAMES IN THE PREDICATIVE ASPECT OF THE LITERARY DICTEME (BASED ON ENGLISH FICTION)

Abstract: the article examines the basic functions of personal proper names (anthroponyms) in the construction of the predicative aspect within the literary dicteme. The personal proper name is considered as an informative and significant unit that is able to carry out semantic connections in the predicative part of the dicteme. Special attention is paid to the study of the structural and textual features of the anthroponym in its relationship with its etymological meaning and form. As a result, the research shows that the appellative bases of the personal name and its formal signs can indicate the reality and unreality of events in the fictional world of the author. Furthermore, in the study, formal contextual features of anthroponyms have been identified, which are associated with the author's subjective assessment (author's modality) and the reader's objective perception, which, in their turn, represent the predicative center of the dictemic utterance.

Keywords: proper name, dicteme, linguistics of the literary text, etymology of anthroponyms, predication, author's modality.

Изучение функциональной роли имен собственных личных, проводимое в рамках коммуникативно-парадигматической грамматики, представляет собой «новую» модель анализа имени собственного в лингвистике. Кроме того, данное исследование расширяет и дополняет теоретические положения о диктеме М.Я. Блоха, поскольку особое внимание в работе уделяется изучению предикативного аспекта диктемы – элементарной тематической единицы текста [1].

Аспект предикации диктемы в теории профессора М. Я. Блоха непосредственно связан с восприятием мира. Восприятие мира, по нашим наблюдениям, носит двусторонний характер, поскольку оно отражает единство, по крайней мере, двух участников коммуникативного процесса: автора как центра субъективных отношений в происходящей действительности и читателя как ассоциативно-ментального звена в субъектно-объективной интерпретации художественного текста.

Имя собственное как коммуникативная единица, входя в семантическое поле диктемы, способно также осуществлять интерактивный диалог между писателем и читателем, поскольку в его

апеллятивной основе, как правило, заложены ассоциативно-коннотативные значения. Эти значения соотносятся с интенциями автора, а также с концептуальными значениями произведения, имеющими отражение в реальной действительности.

Рассмотрим функциональные особенности имени собственного личного с разных сторон: с точки зрения этимологии, истории, семантики и формы. Исходя из этих установок, нами были выделены следующие текстовые функции антропонимов в предикации диктемы: **контекстуально-этимологическая, контекстуально-формальная и контекстуально-ситуативная.**

Контекстуально-этимологическая функция имени собственного личного тесно связана с его апеллятивным значением, которое соотносится с сюжетом и главной идеей художественного произведения. Например, имя главного героя в романе Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста» оправдано авторским выбором: имя *Oliver* имеет значение «предок остается» [2, с. 192], а фамилия *Twist* – «извиваться, петлять» [3, р. 522]. В диктеме введения образа (*Although I am not disposed to maintain that the being born in a workhouse, ... I do mean ... it was the best thing for Oliver Twist. The fact is, that there was considerable difficulty in including Oliver to take upon himself the office of respiration...* [4, р. 2]) очевидно прослеживается вовлечение осведомленного читателя в ассоциативно-мыслительный процесс, позволяющий ему (читателю) адекватно воспринять авторскую интенцию и настроиться на рассказ о нелегкой судьбе главного героя. Апеллятивные значения антропонимов ‘предок остается’ и ‘извиваться, петлять’ являются своего рода «скрытыми подсказками» в предикативном центре диктемы, указывающими на то, что мальчику придется выживать, то есть буквально «петлять» по его жизненному пути, прежде чем он получит вознаграждение, связанное с именитым родом его предков.

Изучение контекстуально-этимологических признаков имени собственного личного позволяет вскрыть авторское отношение к изображаемым событиям в тексте и оценить реальность и нереальность действий в соотнесении их с объективной действительностью, что собственно и выражает характер предикативного центра диктемы.

Контекстуально-формальная функция имен собственных личных в предикативном центре диктемы часто имеет дело с прагматическими отношениями в тексте. В различных формах имен собственных кроется авторская оценка. Например, в романе «Эдинбургская темница» В. Скотт

выразил различные отношения ситуативного употребления имени одной из главных героинь. В описательных диктемах, представляющих теплые родственные отношения, имя героини *Effie* употреблено в диминутивной форме, что выражает чувства заботливости о ней в кругу семьи. Данная ситуация вполне соответствует объективной реальности, поскольку такие отношения имеют место быть в нашей действительности: *Effie Deans, under the tender and affectionate care of her sister, had now shot up into a beautiful and blooming girl* [6, p. 76]. Через диминутивную форму имени мы наблюдаем, с одной стороны, «теплое» авторское отношение к героине, с другой – его уважительное отношение к девушке как к сформировавшейся личности, поскольку к именному диминутиву добавлена фамилия *Deans*.

Однако имя героини приобретает иной оценочный характер в зале суда. Выделенные автором антропонимы (полное имя и фамилия) выражают «суровую» сдержанность при обвинении героини: *«EUPHEMIA DEANS», said the presiding Judge, in an accent in which pity was blended with dignity, «stand up, and listen to the criminal indictment now to be preferred against you»* [6, p. 172]. Формальные признаки имени собственного соотносятся с концептуально-синтагматическими отношениями в диктете, что позволяют автору представить напряженную атмосферу в суде в соответствии с типичным поведением людей в данной ситуации объективной реальности.

Контекстуально-ситуативная функция имени собственного личного отчетливо прослеживается в тех случаях, когда автору необходимо представить собственную точку зрения или устоявшиеся убеждения персонажей. В данном случае автор употребляет широко известные имена. Такой прием позволяет рассказчику концентрироваться на основной теме и главной идее произведения, что обеспечивает глубокое понимание авторских взглядов на обсуждаемую проблему.

Рассмотрим пример диктеты, представляющей два противоположных мнения о пользе нового учения «астрология» и значимости физики: *«I am afraid, sir», said Mannering, «you may be one of those unhappy persons who, their dim eyes being unable to penetrate the starry spheres,...» «Truly», said Samson, «I opine with Sir Isaac Newton, ...» «Really», resumed the traveller, «... as I may say, the vernacular name of Isaac Newton in opposition to the grave and sonorous authorities of Dariot, Bonatus, Ptolemy, Haly, Eztler, Dieterick, Naibob, Harfurt, Zael, Taustettor, Agrippa, Duretus, Maginus, Origen, and Argol?»* [5, p. 25–26].

С помощью данной диктемы автор пытается донести до читателя мысль о том, что сравнительно молодое учение «астрология» ничем не уступает такой сформировавшейся науки как физика с ее авторитетным представителем Исааком Ньютоном. Перечисление известных имен поддерживает связь текста с основной темой романа и является главным аргументом астролога против одного имени английского физика. Лексическая единица «астрология» (*starry spheres*) номинирует события в диктеме, а имена известных астрологов представляют предикативный центр диктемы, тем самым отражая авторскую модальность текста.

В результате проведенного исследования, нам удалось выяснить, что все компоненты, входящие в состав диктемы, выстраивают ситуативное содержание высказывания и способны образовывать смысл в отношении реальной и нереальной действительности человеческого сознания. Литературные антропонимы, являясь семантическими центрами диктемы, не только называют события в тексте, но и соотносят их с объективной реальностью.

По результатам анализа антропонимов с точки зрения коммуникативного подхода и с учетом их функционального назначения в предикативном аспекте диктемы можно сделать вывод о том, что семантический потенциал имени собственного личного позволяет распознать различные виды авторской информации, ассоциативно возникающей в сознании читателя, а также выявить мотивировочные признаки антропонима, отражающие авторские интенции.

Литература

1. Блох М. Я. Теоретические основы грамматики: Учебник. 5-е изд., испр. и доп. Дубна: Феникс+, 2016. 248 с.
2. Гарагуля С. И. Лингвокультурологический словарь английских личных имен: Раскрытие содержания свыше 100 культурно значимых имен. М.: ЛЕНАНД, 2016. 272 с.
3. Ayto J. Word Origins. London: A&C Black, 2005. 577 p.
4. Dickens Ch. The Adventures of Oliver Twist or the Parish boy's progress. New York, Boston: Books. XXII, 380 p.
5. Scott W. Guy Mannering or the Astrologer. M: T8RUGRAM / Original, 2018. 502 p.
6. Scott W. The Heart of Midlothian. Edinburgh: Adam and Charles Black, 1878. vii, 464 p.

*Скорик Н. В.,
кафедра грамматики английского языка
имени М. Я. Блоха,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
naadine27@mail.ru*

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВКОВ СТАТЕЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ

Аннотация: в данной статье рассмотрены лексические, грамматические и риторические особенности заголовков статей в англоязычной прессе. Среди наиболее часто встречающихся выделены пропуски вспомогательных глаголов, артиклей, использование инфинитива для обозначения событий в будущем, замена союзов пунктуацией, последовательность из нескольких существительных и др.

Ключевые слова: заголовок, вспомогательный глагол, лексика, грамматика, английский язык.

*Nadezhda Skorik,
Department of English Grammar
named after M. Ya. Blokh,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
naadine27@mail.ru*

GRAMMATICAL PECULIARITIES OF ARTICLE HEADINGS IN THE ENGLISH- LANGUAGE PRESS

Abstract: this article discusses the lexical, grammatical and rhetorical features of the headings of articles in the English-language press. Among the most common, omissions of auxiliary verbs, articles, the use of the infinitive to indicate events in the future, the replacement of conjunctions with punctuation, a sequence of several nouns, etc. are highlighted.

Keywords: title, auxiliary verb, vocabulary, grammar, the English language.

Интегрированные в журналистский дискурс заголовки являются весьма специфическими структурными единицами любого текста прессы. Это первое, с чем сталкивается читатель, поэтому заголовки во многом определяют интерпретацию журналистских текстов. Заголовки играют важную роль в ориентации внимания читателя и интерпретации фактов, содержащихся в статье. Они являются особенно богатым источником информации о культурных отсылках, необходимых для определения содержания статей. Журналистам важно применять самые мощные стратегии убеждения в заголовках статей, поскольку очень часто читатели просматривают только заголовки и останавливаются, чтобы прочитать статьи с наиболее привлекательными заголовками.

Воздействие заголовков на читателей сильно еще и потому, что определенные языковые особенности делают их запоминающимися. Порой конструкция устанавливает рамки понимания всей статьи. Заголовки создают новые ассоциации и смыслы, комплекс двусмысленностей и условностей, образов и идей. Очень часто раздробленная грамматика английских газетных заголовков бросает вызов пониманию даже у носителей языка. Многих исследователей интересует отличительная лингвистическая реализация заголовков, их грамматические особенности [2]. Заголовки регулируются собственными лингвистическими правилами.

В англоязычной прессе у заголовков есть свои лексические, грамматические и риторические особенности.

Часто в заголовках англоязычной прессы используется настоящее простое время для прошедших событий, которое помогает подчеркнуть происходящее действие, а не его завершение.

Ex. Meta Begins Blocking News in Canada.

Hollywood Studios Signal New Strategy by Talking With Writers.

Если мы хотим продемонстрировать результат действия или то, что что-то было завершено, мы можем использовать времена совершенного вида, а для изменения событий можно использовать настоящее продолженное время. Однако эти времена часто представлены с помощью одних только причастий.

*Ex. Britain working to reduce quarantine through testing, Hancock says.
Parliament confirming new policies.*

Кроме того, в заголовках англоязычной прессы часто опускаются вспомогательные глаголы.

Ex. *United Airlines buying land in Denver as it pursues growth strategy.*

В перфектных временах и пассивных конструкциях вспомогательные глаголы не обязательны. Точно так же изменяющиеся события могут быть представлены причастием настоящего времени.

Ex. *New policy decided by Parliament.*

NYC homeless man shoeless again despite boots.

Часто встречается асиндетон, представляющий собой пропуск союзов. Он используется для достижения экономичной или драматической формы выражения [1].

Ex. *One Falkland problem, one civilised solution.*

Использование инфинитива для обозначения событий в будущем – еще одна особенность заголовков англоязычной прессы.

Ex. *President to visit France for further talks.*

Кроме того, нередко можно встретить в заголовках пропуск артиклей.

Ex. *Solar Supply Chain Grows More Opaque Amid Human Rights Concerns.*

Также встречается пропуск глагола «to be».

Ex. *Residents unhappy with road improvement works at Kekila to Garpang Secondary National Highway.*

В заголовках англоязычной прессы можно встретить замену союзов пунктуацией.

Ex. *Jet Lag: Get Back in the Rhythm. The Big Number: \$15 Million.*

Есть много дополнительных стилей, которые используют некоторые издания в заголовках, например, использование заглавных букв в каждом слове или соединение запятыми вместо союзов. Запятые, двоеточия, точки с запятой, дефисы и т. д. могут заменять союзы или некоторые присоединяемые глаголы для соединения предложений.

Ex. *'Barbie' Box Office to the World: The Pandemic Is Officially Over.*

A Republican 2024 Climate Strategy: More Drilling, Less Clean Energy.

Иногда встречается такой тип заголовков, которые выглядят как неполные предложения.

Ex. *Decision-making under Pressure.*

Еще одна очень распространенная форма заголовка - это последовательность из трех, четырех или более существительных вместе или группы существительных. Заголовки часто содержат строки из трех

или более существительных, более ранние существительные изменяют последующие.

Ex. *Furniture factory pay cut row.*

Такой заголовок трудно прочитать и понять, потому что слова не связаны глаголами или прилагательными. Его можно прочитать в обратном порядке: строка относится к разногласиям по сокращению, то есть сокращению заработной платы на фабрике, производящей мебель [4].

Ex. *Apple's and Amazon's Report Cards for the Global Economy*

Эти цепочки существительных могут звучать впечатляюще, но их довольно сложно расшифровать. Способность английского языка связывать существительные, которые могут вести себя как прилагательные, предоставляя информацию о других существительных, может привести к двусмысленной трактовке.

Строки существительных встречаются в заголовках английских газет специально для экономии места; с другой стороны, эти строки иногда становятся слишком длинными и трудными для понимания.

Ex. *Police stoned in Hartford.*

В этом заголовке слово «stoned» может быть либо прилагательным, означающим «drunk», либо причастием прошедшего времени, означающим «attacked with stones».

Отдельно следует отметить использование неологизмов в заголовках, что чаще всего является результатом нехватки места [1]. Неологизмы могут быть образованы префиксами или суффиксами [3]. Например, использование «-gate» в качестве суффикса для обозначения различных скандалов, как «Irangate», «Lewinskygate» и «Rethergate».

Ex. *How Irangate Differs From Watergate.*

Существуют также различные функциональные типы заголовков. Чаще всего встречаются заголовки-утверждения.

Утверждение — это предложение, основной целью которого является передача информации. Такой заголовок состоит из подлежащего, за которым следует глагол-сказуемое. Этот тип заголовка обычно имеет декларативную структуру, т. е. объявляет или делает что-то известным. Но иногда возникает несоответствие между структурой и функцией. Другими словами, декларативная форма может использоваться как вопрос либо через интонацию в речи, либо через вопросительный знак в письменной форме. Поскольку одной из основных функций заголовков является передача информации, поэтому наиболее частым типом и являются заголовки-утверждения.

Ex. *U. S. Hiring Slows but Stays Solid Despite Battle Against Inflation.*

Заголовки-вопросы – следующая группа заголовков.

Вопросы используются в заголовках, чтобы стимулировать любопытство читателей к чтению того, что следует за заголовком. Подобные заголовки-вопросы не требуют ответов со стороны читателей, поскольку ответ дает сам автор статьи. Синтаксически вопросы представляют собой предложения с инверсией подлежащего и глагола, использованием вопросительных слов и т.п.

Ex. *Feeling Mortgage-Rate Envy? You're Not Alone.*

Does Anyone Care About Justin Trudeau's Separation?

Следующая группа – повелительные заголовки. Это предложение, которое обычно не имеет подлежащего и где глагол находится в повелительном наклонении. Такие заголовки используются, чтобы проинструктировать кого-то что-то сделать. Это просьба или совет. Повелительные заголовки используются, чтобы побудить читателя сделать или не сделать что-то. Они часто встречаются в рекламе.

Ex. *Dive Into an Open-Water Workout. Read Your Way Through Hanoi.*

Shop by Taste at This Brooklyn Wine Store.

Восклицательные заголовки используются для выражения чувств говорящего. Они могут быть полным предложением или состоять из одного слова или фразы. Иногда их форма редуцирована и глагол не используется.

Ex. *Caught! Scottish skippers fined £720,000 overfishing fraud.*

Важно отметить, что существуют лексические, структурные и стилистические характеристики дискурса заголовков. Заголовки обычно содержат краткую информацию, обладающую очень убедительной силой. Их основные функции: привлечь внимание читателей и передать суть истории. Обязанность авторов заголовков состоит в том, чтобы создавать заголовки, способные зацепить читателей, иметь интригующий фактор, который должен вызвать у читателей любопытство к чтению статьи. Таким образом, авторы заголовков стараются привлечь внимание читателя, используя как можно меньше слов. Следовательно, язык заголовков необычен во многих отношениях.

Литература

1. Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. Oxford: Oxford University Press, 2003. 560p.

2. Fairclough N. Critical discourse analysis. London: Longman, 1995. 286 p.
3. Richardson J. Analyzing Newspapers. London: Palgrave Macmillan, 2007. 280p.
4. Swan M. Practical English Usage. Oxford University Press, 2005. 658p.

*Соловьёв А. Г.,
кафедра немецкого языка,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет
sanyasanchezz@mail.ru*

**ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ СТРУКТУРА ДИКТЕМЫ (НА
МАТЕРИАЛЕ ФРАГМЕНТА РОМАНА Э. М. РЕМАРКА
«НОЧЬ В ЛИССАБОНЕ»)**

Аннотация: статья посвящена рассмотрению внешней и внутренней структуры диктемы на материале фрагмента романа Э. М. Ремарка «Die Nacht von Lissabon». В ней рассматриваются такие основные функционально-языковые аспекты речи диктемы как номинация, предикация, тематизация и стилизация с точки зрения её структурной, смысловой и коммуникативной целостности.

Ключевые слова: предикация, номинация, тематизация, диктема, стилизация, целостность текста.

*Alexander Solovyov,
Department of the German Language,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
sanyasanchezz@mail.ru*

**INTERNAL AND EXTERNAL STRUCTURE OF A
DICTEME (ON THE MATERIAL OF EXCERPT FROM THE
NOVEL OF E. M. REMARQUE «DIE NACHT VON
LISSABON»)**

Abstract: the paper is devoted to analysis of the external and internal structure of a dicteme on the material of excerpt from the novel of E. M. Remarque «Die Nacht von Lissabon». Such basic functional-linguistic aspects of speech within a dicteme as naming unit, predication, thematization,

stylization are regarded in terms of its structural, semantic and communicative integrity.

Keywords: dicteme, naming unit, predication, thematization, stylization, text integrity.

Марк Яковлевич Блох ввёл термин «диктема» в 1984 году касаясь вопроса о коммуникативных единицах языка в научной дискуссии. Под диктемой М.Я. Блох понимает элементарную тематическую единицу связной речи, представленную абзацем в равномерно разворачивающемся письменном монологическом тексте и целой репликой в диалогической речи. Связанные предложение формируют диктему как элементарную единицу тематизации текста. Текстовые единицы структурируются в рамках тематизации и тем самым части текста связываются, определяя его проспекцию, ретроспекцию и двунаправленность, тогда как текстовая пресуппозиция реализуется через разделение знаковых сегментов [1]. Однако тематизирующая функция не является единственной для сигнемно-уровневой характеристики диктемы. Не менее важным аспектом диктемы является её стилистическая охарактеризованность, которая, также, как и тематическая, имеет свойство собираться от диктемы к диктеме, отображаясь на уровне целого текста. Текст не воспринимается как целостное явление за пределами стилистической характеристики. Только в пределах определённого коммуникативного контекста можно обнаружить стилистическую характеристику в любом высказывании, но именно диктема реализует такой контекст. Таким образом, сумма стилистических показателей, выявленных в диктеме, а через диктему в целом тексте, называется «стилилизацией» – стилизацией диктемы и текста [Там же].

М. Я. Блох также выявляет важнейшие функционально-языковые аспекты речи в диктеме – номинация, предикация, тематизация и стилизация. Посредством номинации реализуется именование общей ситуации, которую отражает диктема. Через предикацию данное именование соотносится с действительностью. Тематизация способствует включению передаваемой диктемой информации в раскрывающееся содержание целого текста, связывает препозитивные значения в осмысленное целое и упорядочивает смысловое отражение объектов, ситуаций и цель сообщения. Аспект стилизации упорядочивает выбор языковых средств, через которые текст снабжается коннотациями,

без которых невозможна адекватная передача содержания в конкретных условиях общения [1], [2], [3].

Целостность текста реализует тесную взаимосвязь его составляющих через органическое сцепление его частей от сверхфразового единства до целого речевого произведения. О. И. Москальская разграничивает структурную, смысловую и коммуникативную целостность текста, помечая их соотношение друг с другом как форму, содержание и функцию [8].

М. Н. Левченко понимает под смысловой целостностью текста единство темы и идеи текста, в котором важную роль играют левосторонние и правосторонние связи – анафора и катафора. Коммуникативная целостность текста выражается в тема-рематических последовательностях, которые помогают коммуникативно организовать текст. Структурная целостность текста реализуется общими текстовыми категориями: темпоральность, локальность, модальность, референтность, персональность [6].

Описанные выше виды целостности текста также помечаются термином «единство», которое связано с функционально-языковыми аспектами речи в диктете. Они составляют её внутреннюю и внешнюю структуру. Соответствующие понятия о фрагментах действительности формируются в словах, словосочетаниях, фразеологизмах и предложениях. В. В. Виноградов описывает предикативность как отнесенность высказываемого содержания к реальной действительности, которая грамматически выражается в категориях наклонения, времени и лица [4]. С категорией темпоральности тесным образом связана категория локальности, которая в отношении предикативности учитывается редко, хотя и она суть грамматическое выражение предикации. Через предикацию устанавливается связь предмета и признака, а посредством предикативности сообщаемое в предложении согласуется с ситуацией в самой действительности [5]. К вышеописанным категориям примыкает также референтность, под которой О. И. Москальская понимает отношение слова или предложения к предмету реальной действительности [8]. Таким образом, темпоральность, локальность, модальность, персональность и референтность соотносят диктету с действительностью.

Референтность и предикативность тесно взаимодействуют и с коммуникативным членением предложения, позволяя рассматривать вышеупомянутые категории как функции коммуникативной сущности

высказывания [8]. Текстовые категории и тема-рематическое членение предложений выполняют текстообразующую функцию, которая помогает скреплять отдельные предложения катафорическими и анафорическими связями, играющими важную роль в смысловой целостности текста. Тем самым три вида целостности текста, помимо номинации и предикации, также раскрывают аспект тематизации. Элементы, составляющие категорию предикативности, наполняются новым содержанием, где препозитивные значения скрепляются анафорическими и катафорическими связями и раскрывают микротему в пределах определённой тема-рематической цепочки.

Рассмотрим значимость названных категорий на фрагменте текста романа Э. М. Ремарка «Die Nacht von Lissabon»:

Eines Nachts träumte ich, dass ich in Osnabrück wäre, der Stadt, wo ich gelebt hatte und wo meine Frau noch wohnte. Ich stand in ihrem Zimmer und sah, dass sie krank war. Sie war sehr mager und weinte. Ich wachte verstört auf. Ich hatte sie über fünf Jahre nicht gesehen und nichts von ihr gehört. Ich hatte ihr auch nie geschrieben, weil ich nicht wusste, ob ihre Post überwacht würde. Vor der Flucht hatte sie mir versprochen, sich von mir scheiden zu lassen. Es sollte ihr Schwierigkeiten ersparen. Einige Jahre glaubte ich auch, sie hätte es getan [9].

Диктема начинается с темпорального указателя «eines Nachts», где художественное время оформлено претеритом глагола в 1 лице ед. ч. в индикативе, что указывает на модус действительности. При описании главным героем сновидения активизируется также модус недействительности, выраженный глаголом в форме Konjunktiv II «wäre». В этом предложении проявляются категория локальности, которая вводится топографической реалией «Osnabrück», и категория референтности, актуализируемая референтом «meine Frau». В дальнейших двух предложениях события сновидения развиваются в форме претерита, так как благодаря форме Konjunktiv II предыдущего предложения понятно, что действие ирреально. Последующие два предложения связаны анафорическими связями с первым, через местоимения «sie» и «ihrem», тогда как первое предложение катафорически связано со 2-м и 3-м предложениями, т.к. в них описываются события сновидения. Модус недействительности прерывается с 4-го предложения, которое также грамматически выражается претеритом, и текст снова соотносится с действительностью главного героя романа, где он выражает свое отношение к описываемому

в форме рассуждения. 5-е, 6-е, 7-е, 8-е и 9-е предложения связаны левосторонними связями с 1м предложением через местоимения «sie» и «ihr». Анафорические связи, выраженные местоимениями и относящиеся к существительному «Frau», также относятся к категории референтности. Временные и локальные указатели связаны левосторонними зависимостями с началом фрагмента. Диктема представляет собой тематическую последовательность смешанного типа, которая в основном оформлена в виде последовательности со сквозной темой «ich», и редкими цепочечными ответвлениями от неё – 3-е и 8-е предложения. Тема «ich» реализует категорию персональности и связана левосторонними и правосторонними зависимостями с предыдущими и последующими предложениями. Поэтому анафорические и катафорические средства связности в рассматриваемом фрагменте играют основную роль в раскрытии его темы. Микротемой диктемы является сновидение героя о его жене, которую он оставил в Оснабрюке пять лет назад. Аспект номинации во фрагменте выражается в языковых единицах, служащих для называния фрагментов действительности, в нашем случае – вторичной действительности художественного произведения. Аспект предикации характеризуется соединением субъектов в форме 1-го и 3-го лица ед. ч. и глаголов, выражающих категории времени и наклонения. Аспект тематизации актуализируется через микротему диктемы, а аспект стилизации – выбором языковых средств, соответствующих условиям и требованиям коммуникативной установки диктемы.

Таким образом, внешняя структура диктемы определяется всеми языковыми средствами, входящими в структурное, коммуникативное и смысловое единство фрагмента романа, из которых посредством сцепления членов предложений с помощью левосторонних и правосторонних связей образовывается внутренняя структура диктемы – её микротема. Выбор языковых средств предопределяется стилизацией фрагмента, которые соответствуют коммуникативной цели в пределах диктемы.

Литература

1. Блох М. Я. Теоретические основы грамматики: учеб. 4-е изд., испр. М.: Высшая школа, 2004. 239 с.
2. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 56–67.

3. *Блох М. Я., Великая Е. В.* Просодия в стилизации текста. М.: «Прометей» МПГУ, 2011. 120 с.
4. *Виноградов В. В.* Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. 227 с.
5. *Камчатнов А. М., Николина Н. А.* Введение в языкознание: учебное пособие. 11-е изд., стереотип. М.: Флинта, 2016. 231 с.
6. *Левченко М. Н.* Когерентные характеристики фразеологизмов (на материале немецкого языка) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 1. С. 94–105.
7. Интерпретация текста и его грамматических моделей (типологический аспект): монография / М. Н. Левченко, А. А. Елисеева, И. В. Елистратова и др. М.: Изд-во МГОУ, 213. 240 с.
8. *Москальская О. И.* Грамматика текста. М.: Высшая школа, 1981. 183 с.
9. *Remarque E.M.* Die Nacht von Lissabon. Deutscher Bücherbund. 1966. 299 p.

Сыресеина И. О.,
кафедра грамматики английского языка
имени М. Я. Блоха,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
i.syresina@mail.ru
SPIN-код eLibrary: 3575-5343

АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ НОВОСТНОЙ ЗАГОЛОВОК КАК ОДНОДИКТЕМНЫЙ МАЛОФОРМАТНЫЙ МЕДИАТЕКСТ

Аннотация: в статье рассматривается англоязычный новостной заголовок как однодиктемный малоформатный медиатекст. Жанровая специфика которого определяется такими диктемными (текстовыми) категориями, как тематизация и стилизация, что ведет к употреблению определенных языковых средств.

Ключевые слова: новостной заголовок, диктема, однодиктемный медиатекст, тематизация, стилизация.

Irina Syresina,
Department of English Grammar
named after M.Ya. Blokh,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
i.syresina@mail.ru
SPIN-код eLibrary: 3575-5343

ENGLISH-LANGUAGE NEWS HEADLINE AS A ONE- DICTEME SMALL-FORMAT MEDIA TEXT

Abstract: in the article the English-language news headline is considered as a one-dicteme small-format media text. The genre specificity of which is determined by such dicteme (textual) categories as thematization and stylization, which defines the choice of certain linguistic means.

Keywords: news headline, dicteme, one-dicteme media text, thematization, stylization.

Современная палитра новостных медиатекстов очень разнообразна и представляет несомненный интерес для исследователей языка как с точки зрения внутренней (диктемной) организации этих текстов, так и с точки зрения внешних (дискурсивных) факторов, влияющих на текст в целом. Диктема, которая формирует текст, являясь его элементарной единицей и выполняющая четыре основных функций языка: тематизацию, номинацию, предикацию и стилизацию, позволяет понять языковые законы построения современных новостных медиатекстов [1].

Информации, которые обнаруживаются в диктемах, особым образом проявляются в медиатекстах, а именно фактуальная информация выходит на первый план в новостных текстах, интеллективная информация - в аналитических статьях, импрессивная информация важна в рекламных медиатекстах. Эти типы информации формируют соответствующие композиционные формы построения этих текстов: диктемы-повествования преобладают в новостных медиатекстах, диктемы-рассуждения распространены в аналитических текстах, а диктемы-описания свойственны рекламным медиатекстам.

Новостные заголовки несомненно представляют интересный предмет языкового анализа в силу своей краткости и емкости вмещаемой информации. Так, например, А. А. Харьковская и М. В. Черкунова утверждают, что «заголовок в сжатом виде отражает функционально-прагматические параметры следующего за ним текстового материала, однако в силу своего малого объема предоставляет больше возможностей для отслеживания механизмов взаимодействия собственно лингвистических и дискурсивных инструментов выстраивания текста» [3, с. 44].

В рамках диктемной теории текста М. Я. Блоха, определим новостной заголовок, как однодиктемный малоформатный медиатекст, в семантику которого встроен иллюстративный компонент [2]. Особое внимание в данной статье уделено таким функциям диктем, как топикализация или тематизация и стилизация.

Тематизация новостных медиадиктем, которые мы находим на современных новостных медийных интернет-порталах, наблюдается уже на главной странице сайта. Разделяя тексты на определенные рубрики, которые описывают события, связанные с различными темами, новостные порталы определяют основные события действительности и

подчеркивают их значимость, тем самым формируя языковую действительность.

Рассмотрим новостные заголовки новостных медиатекстов, опубликованных на веб-сайте Breaking News <https://bbcbreakingnews.com/> в рубрике Health & Lifestyle в сентябре и октябре 2023 года и определим их жанровые особенности.

Все новостные статьи рубрики Health & Lifestyle можно разделить на две группы, каждая из которых характеризуется определенной прагматической установкой: первая группа содержит статьи, которые призывают вести здоровый образ жизни, например, заниматься спортом или придерживаться диеты; вторая группа рассказывает о новых методах лечения различных заболеваний, приводя различные исследовательские данные.

Все современные новостные медиатексты представляют собой полифункциональные и полижанровые образования, что проявляется, например, в особом статусе новостного заголовка, который всегда сопровождается визуальным компонентом. Такое особое сочетание микротекста новостного заголовка и зрительного элемента, которое направляет читателя в определенное прагматическое русло, является жанровой особенностью современных медиатекстов. Здесь следует отметить, что современные новостные заголовки стали более содержательными и информативными, так как воздействующую функцию в основном выполняет иллюстрация, которая уже встроена в семантику новостного заголовка.

Новостной заголовок призван отразить основное содержание текста, но в то же время он, наряду с визуальным компонентом, воздействует на читателя, вызывая интерес прочесть статью. Это достигается употреблением определенных языковых средств, например, используется капитализация. Чаще всего графически выделяются числительные, отрицательная частица *not*, вспомогательные глаголы, усилительные слова, наречия времени, местоимения, модальные глаголы. Приведем примеры.

1. Experts reveal the hangover cures that really work... and the ones that DON'T¹.

¹ URL: <https://bbcbreakingnews.com/health/experts-reveal-the-hangover-cures-that-really-work-and-the-ones-that-dont/> (дата обращения: 29.10.2023).

2. Chinese scientists discover EIGHT never-before-seen viruses... and now they plan to experiment with them¹.

3. Cold and flu remedies made by likes of Sudafed and Nurofen should be pulled because they don't work, expert says... as French health chiefs urge public not to use ANOTHER decongestant over fears it could cause strokes².

Графическое выделение ключевых слов в диктемах (DON'T, EIGHT, ANOTHER) фокусирует внимание читателя на определенном смысловом содержании новостных диктем.

Наряду с капитализацией наблюдается частое употребление вопросительных предложений, которые открывают информационную перспективу диктемы, следующее второе предложение предлагает найти ответ на вопрос при чтении статьи. Приведем примеры.

1. How long will YOU live for? Find out by taking this 38-question quiz devised by longevity experts³.

2. Would you buy a burger if it looked like this? Researchers propose putting cigarette-style warnings on MEAT so that people eat less⁴.

В первом новостном заголовке читателю предлагают пройти опрос, чтобы узнать продолжительность жизни. Отвечая на вопросы, читатель понимает, что правильный образ жизни продлевает жизнь. Второй новостной заголовок состоит из двух предложений. Первое вопросительное предложение тесно связано с визуальным компонентом новостного медиатекста, на котором представлен гамбургер с надписью, о том, что чрезмерное употребление мяса наносит вред здоровью. Второе предложение информирует о предложении некоторых исследователей использовать предупреждающие надписи на продуктах из мяса также, как и на пачках сигарет.

Современный новостной заголовок – это сложная полипредикативная структура, малый формат которого, характеризуется высокой информативной насыщенностью. Приведем примеры.

¹ URL: <https://bbcbreakingnews.com/health/chinese-scientists-discover-eight-never-before-seen-viruses-and-now-they-plan-to-experiment-with-them/> (дата обращения: 29.10.2023).

² URL: <https://bbcbreakingnews.com/health/cold-and-flu-remedies-made-by-likes-of-sudafed-and-nurofen-should-be-pulled-because-they-dont-work-expert-says-as-french-health-chiefs-urge-public-not-to-use-another-decongestant-over-fears-it-c/> (дата обращения: 29.10.2023).

³ URL: <https://bbcbreakingnews.com/health/how-long-will-you-live-for-find-out-by-taking-this-38-question-quiz-devised-by-longevity-experts/> (дата обращения: 29.10.2023).

⁴ URL: <https://bbcbreakingnews.com/health/would-you-buy-a-burger-if-it-looked-like-this-researchers-propose-putting-cigarette-style-warnings-on-meat-so-that-people-eat-less/> (дата обращения: 01.11.2023).

1. How Britain's fallen out of love with red meat (as well as tea, potatoes, bread and milk!): Fascinating charts show how diets have drastically changed since the 70s – and we now eat up to 80% LESS beef, pork and lamb¹.

2. Boredom eating starts when you're FOUR as study finds kids eat 79% more when they're not entertained².

Приведенные примеры новостных заголовков представлены сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями с различными типами придаточных, которые наряду с числовыми данными и графическим выделением значимых слов насыщают и направляют смысловую организацию диктем.

Итак, современный новостной заголовок, как одnodиктемный малоформатный медиатекст, представляет собой сложное полифункциональное образование, жанровая специфика которого определяется его прагматической направленностью.

Литература

1. *Блох М. Я.* Текст-дискурс в замысле и развитии // *Язык: категории, функции, речевое действие.* 2019. Вып. 12. С. 8–12.
2. *Сыресеина И. О.* Жанровая специфика современных англоязычных новостных медиатекстов коронавирусной тематики // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2022. Т. 15. № 8. С. 2605–2610.
3. *Харьковская А. А.* Малоформатные тексты в американском медиадискурсе (на материале названий видеороликов о Дональде Трампе на платформе YouTube.com) // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики.* 2020. № 4. С. 44–51.

¹ URL: <https://bbcbreakingnews.com/health/how-britains-fallen-out-of-love-with-red-meat-as-well-as-tea-potatoes-bread-and-milk-fascinating-charts-show-how-diets-have-dramatically-changed-since-the-70s-and-we-now-eat-up-to-80-less-bee/> (дата обращения: 29.10.2023).

² URL: <https://bbcbreakingnews.com/health/boredom-eating-starts-when-youre-four-as-study-finds-kids-eat-79-more-when-theyre-not-entertained/> (дата обращения: 29.10.2023).

*Хабарова И. А.,
ГБОУ Школа № 7 г. Москва;
irina.irinasid@yandex.ru*

СРЕДСТВА ИЗМЕНЕНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ И РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСАХ

Аннотация: статья посвящена изучению аксиологической деградации образа традиционной семьи в когнитивно-дискурсивном измерении современной французской лингвокультуры. В ходе анализа *политического и религиозного дискурсов* выявлены фактологические манипуляции, основанные на смысловых и эмоциональных асимметриях в структуре речевого знака. Автор приходит к выводу, что моделирование в СМИ полифонической системы обеспечивает синергетический эффект реализации акторами коммуникативных способов и средств, направленных на реконцептуализацию традиционных ценностей.

Ключевые слова: аксиологическая деградация, полифония, асимметрия речевого знака, манипулятивное воздействие.

*Irina Khabarova,
School № 7, Moscow;
irina.irinasid@yandex.ru*

MEANS OF CHANGING VALUE ORIENTATIONS IN FRENCH POLITICAL AND RELIGIOUS DISCOURSES

Abstract: the article is devoted to the study of axiological degradation of the image of traditional family in the cognitive-discursive dimension of modern French culture. The analysis of political and religious discourses reveals factual manipulations based on semantic and emotional asymmetries in the structure of a speech sign. The author concludes that the modeling of a polyphonic system in the media provides a synergetic effect of actors' implementation of communicative ways and means aimed at reconceptualizing traditional values.

Keywords: axiological degradation, polyphony, asymmetry of speech sign, manipulative impact.

В настоящее время современная массовая культура во Франции переживает радикальные трансформации относительно ее ценностных ориентиров. Деструктивное воздействие «ЛГБТК+» на массовое сознание французских граждан, а также легализация однополых браков послужили главными причинами замещения традиционных ориентиров. В рамках данной статьи мы проанализируем такое явление, как *аксиологическая деградация* архетипического образа традиционной семьи на примере политического и религиозного дискурсов, а также средства реализации манипулятивного эффекта на массового адресата.

Феномен аксиологической деградации представляет собой утрату ценностных традиционных ориентиров в обществе, а также той социально и духовно значимой основы, которая устоялась в конкретной лингвокультуре. Нами рассматривается архетип «семья» и те изменения, которые он претерпевает в национальном дискурсе Франции. Традиционная семья, согласно толковому словарю С. И. Ожегова, представляет собой «основанную на браке или кровном родстве малую группу, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью, моральной и правовой ответственностью» [3]. Приведем разъяснение понятия «брак»: «свободный, равноправный союз мужчины и женщины, достигших брачного возраста, не состоящих в другом браке, заключенный с соблюдением условий и порядка, установленного законом, и имеющий целью создание семьи» [Там же]. Традиционный брак, безусловно, представлял основу французского общества на протяжении долгого времени, но в настоящее время институт семьи и брака претерпевает глубокие социальные трансформации, носящие деструктивный характер и полностью меняющие прагматические ориентиры.

Особого внимания заслуживают те средства, при помощи которых возможна реализация изменения ценностных ориентиров, в частности – метод создания *полифонии* в социокультурном пространстве дискурса. Концепция полифонии была предложена М. М. Бахтиным и предполагает «многоголосие в диалоге текстов, олицетворяющих определенную социокультурную реальность». Как утверждал М. М. Бахтин, «важно говорить о множественности голосов, разных версий реальности и точек зрения, ни одна из которых не является более истинной, чем другая» [1,

с. 125]. Полифония может рассматриваться как «средство реализации манипулятивного воздействия, при помощи которого возможно сформировать у адресата нужную точку зрения, которая будет выгодна манипулятору» [2, с. 27]. Эффективная реализация манипулятивного воздействия на адресата достигается на базе того или иного архетипа, поскольку именно он сохраняет социально значимые коннотации. Создание любого рода манипуляции базируется на «внутренней содержательной и эмоциональной асимметрии в речевом знаке, то есть на непропорциональном отношении между предметно-семантическим, аксиологическим и концептуальным компонентами речевого знака».

Рассмотрим явление аксиологической деградации на языковых примерах из разных сфер дискурсивной динамики. Подчеркнем, что действующий президент Франции Э. Макрон является активным защитником сограждан, выступающих за укрепление прав «ЛГБТК+». Как отмечается во французской ежедневной газете «Le Figaro» («Фигаро») в статье «Macron se pose en défenseur de "la communauté homosexuelle» («Макрон позиционирует себя в качестве защитника гомосексуального сообщества»):

1) «Par sa réaction à mon propos, la communauté homosexuelle m'a rappelé que ses plaies sont encore à vif. Qu'elle a été humiliée, violentée, blessée par un processus qui aurait dû être un soulagement mais a tourné à l'affrontement» – «Своей реакцией на мое высказывание гомосексуальное сообщество напомнило мне, что его раны все еще зреют. Что оно было унижено, подвергнуто насилию, ранено процессом, который должен был принести облегчение, но в итоге обернулся конфронтацией»¹.

В сложившейся ситуации Э. Макрон считает необходимым юридически защищать права и свободы тех сограждан, которые активно пропагандируют нетрадиционные отношения, поскольку ключевая роль самого президента – это гарантия защиты прав и свобод французских граждан, покорное служению девизу «Свобода, Равенство, Братство» («Liberté, égalité, fraternité»)

2) «Nous devons être, nous politiques, vigilants sur la méthode de la réforme. Sur le fond, la communauté LGBT sait mon profond attachement au

¹ Журнал *Le Figaro*. URL: <https://www.lefigaro.fr/flash-actu/2017/02/18/97001-20170218FILWWW00071-macron-se-pose-en-defenseur-de-la-communaute-homosexuelle.php> (дата обращения: 05.06.2023)

progrès de ses droits et trouvera toujours en moi un défenseur» – «Вот почему мы, политики, должны проявлять бдительность в отношении метода реформ. По сути, ЛГБТ-сообщество знает о моей глубокой приверженности продвижению их прав и всегда найдет во мне защитника»¹.

Обратим внимание на то, что французский политик выступает в качестве голоса пропаганды семейных антиценностей, подвергая трансформации архетипический образ традиционной семьи как в социокультурном, так и в политическом пространстве национального дискурса. Он показывает свое равнодушное отношение к ущемлению прав ЛГБТ-сообщества, но, на самом деле, стремится всеми возможными путями укрепить свои позиции на политическом фронте. Будучи лидером общественного мнения, он стремится концептуализировать понятие «ЛГБТК+» на фоне реконцептуализации понятия «традиционная семья». В итоге происходит видоизменение архетипа семьи в массовом сознании вследствие замещения содержательных компонентов в семантическом поле данного понятия. Рассмотрим явление аксиологической деградации на примере религиозного дискурса. Стоит принять во внимание тот факт, что мнение папы римского Франциска I по данному вопросу неоднозначно. С одной стороны, он считает, что гомосексуальные отношения должны быть запрещены и осуждаться Церковью, с другой стороны, он не считает гомосексуализм преступлением и причиной отстранения от церковной жизни.

3) *«Les personnes homosexuelles ont droit à être dans une famille, ce sont des enfants de Dieu, elles ont droit à une famille. On ne peut évincer personne d'une famille, ni lui rendre la vie impossible à cause de cela. Ce que nous devons faire, c'est une loi d'union civile, elles ont le droit d'être légalement protégées»* – (Люди, выступающие за однополые отношения, имеют право быть в семье, они остаются детьми Бога, они имеют право на семью. Нельзя никого изгонять из семьи или делать ее жизнь невозможной из-за этого. То, что мы должны сделать, это закон о гражданском союзе, потому что данные граждане имеют право на юридическую защиту)².

¹ Журнал *Le Figaro*. URL: <https://www.lefigaro.fr/flash-actu/2017/02/18/97001-20170218FILWWW00071-macron-se-pose-en-defenseur-de-la-communaute-homosexuelle.php> (дата обращения: 05.06.2023).

² Журнал *Le Figaro*. URL: <https://www.lefigaro.fr/actualite-france/le-pape-francois-defend-le-droit-a-l-union-civile-des-couples-homosexuels-20201021> (дата обращения: 13.08.2023).

Вышеприведенная цитата папы Римского позволяет сделать вывод о том, что со временем происходит трансформация общественного сознания, которая поддерживается не только политическими деятелями, но и представителями такого социального института, как религия. Безусловно, и Э. Макрон, и папа римский являются участниками системы полифонии и используют сложившуюся ситуацию в своих целях.

На основании вышесказанного мы приходим к следующим выводам:

1. Манипулятивное воздействие на массового адресата реализуется благодаря созданию смысловых и эмоциональных асимметрий в структуре речевого знака. Огромное количество лидеров мнений из числа политиков, священнослужителей, лидеров в самых различных сферах общественной жизни, иначе говоря, акторов, действующих в пределах системы полифонии, подвергают эксплуатации асимметрию речевого знака с целью изменения сознания массового адресата.

2. Французское общество переживает эпоху радикальных трансформаций, носящих негативный характер, а именно происходит изменение содержания понятия «традиционная семья» за счет увеличения количества его основополагающих признаков, что в итоге приводит к необратимым последствиям внутри французского общества: моральная деградация, психические проблемы детей, воспитывающихся в однополых семьях, низкая рождаемость и вымирание коренного французского населения.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений. М.: Рус. словари, 2000. 798 с.
2. *Горностаева Ю. А.* Полифония «голосов» как средство реализации манипуляции в поляризованном политическом дискурсе // Вести. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2020. № 2. С.26-33.
3. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://ozhegov.slovaronline.com/> (дата обращения: 10.06.2023).

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ

*Аграшева О. Е.,
кафедра лингвистики и перевода,
факультет иностранных языков,
Мордовский государственный
педагогический университет;
olyagrash@mail.ru
SPIN-код eLibrary: 6703-7471*

ГРАММАТИЧЕСКАЯ СТОРОНА РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация: теория речевого воздействия – это лингвистическое направление, которое занимается исследованием вопросов эффективного общения. Данная статья посвящена изучению грамматических средств, с помощью которых реализуется речевое воздействие. Для повышения объективности результатов исследования отбор материалов в рамках политического дискурса. В целях обнаружения наибольшего количества грамматических структур и явлений были проанализированы как письменные, так и устные тексты. Полученные результаты могут быть применены при подготовке публичных выступлений.

Ключевые слова: английский язык, грамматика, стилистика, речевое воздействие, речевая манипуляция, политический дискурс.

*Olga Agrasheva,
Department of Linguistics and Translation,
Faculty of Foreign Languages,
Evseviev Mordovia State
Pedagogical University;
olyagrash@mail.ru
SPIN-код eLibrary: 6703-7471*

THE GRAMMATICAL ASPECT OF SPEECH PERSUASION ON THE EXAMPLE OF POLITICAL DISCOURSE

Abstract: the theory of speech persuasion is a linguistic study that deals with the issues of effective communication. This article considers grammatical means that are used to realize persuasion. The research materials are the matter of a certain discourse – a political one – to increase the objectivity of the research. In order to find as many grammatical structures and phenomena as possible, both written and oral texts were analyzed. The results may be used when preparing a public speech.

Keywords: the English language, grammar, stylistics, speech persuasion, speech manipulation, political discourse.

На сегодняшний день теория речевого воздействия представляет собой одну из наиболее актуальных исследовательских сфер, основная задача которой – изучение феномена эффективного общения [2]. При этом эффективность общения может достигаться как посредством убеждения, так и посредством внушения, т.е. такой разновидности воздействия, как манипулирование. Воздействие может быть реализовано на разных языковых уровнях. В рамках настоящего исследования мы хотим обратить внимание на грамматику. В качестве материала исследования мы отобрали различные тексты выступлений американских политических деятелей, поскольку воздействие и манипулирование перманентно находятся в центре политических интересов.

Во-первых, это передача эмфатического ударения посредством грамматических средств. Так, например, в английском языке это касается использования вспомогательных глаголов в утвердительных предложениях.

В выступлениях Х. Клинтон:

“I do respect his children” (в ответ на вопрос интервьюера во время дебатов “Would each of you name one positive thing that you respect in one another?”);

“It did collapse: in fact, Donald was one of the people who rooted for the housing crisis” (об экономике из-за действий Д. Трампа).

В речи Д. Трампа:

“And, frankly, with the liberal Democrats running the cities that we do have, where they do have problems, maybe they wouldn't mind. But I would mind, and the people of this country mind”.

В речи Э. Блинкена:

“We do believe that we have to consider things like humanitarian pauses to make sure that assistance can get to those who needed and people can be protected and get out of harm's way”.

Во-вторых, сюда относится контекстуальное использование залога. Например, когда необходимо подчеркнуть собственные достижения или указать на промахи конкретных лиц, используется активный залог.

В выступлениях Д. Трампа:

“We will make America wealthy again”;

“...to negotiate things, I do it really well and all that stuff”.

В выступлениях Х. Клинтон:

“Americans don't say: ‘I alone can fix it’, we say ‘We'll fix it together’”;

“I'm very proud to be called the mother of the U.S.A. Pavilion”

В речи Дж. Байдена:

“I will do everything in my power to limit the pain the American people are feeling at the gas pump”;

“You know what, if I have to risk my job for standing up for the American public, I will do that”.

Если же перед субъектом стоит задача умолчать о лицах, совершивших то или иное действие, тогда будет использован пассивный залог.

В речи Д. Трампа:

“This was done to stop a war, not start a war” (об авиаударе США, в результате которого был убит иранский генерал).

В речи Б. Клинтона:

“What was done cannot be undone” (о медицинских экспериментах Службы общественного здравоохранения США в Таскигии с 1932 по 1972 гг.)

В-третьих, особое внимание стоит уделить стилистическим приёмам (фигурам).

В речи Д. Трампа это параллельные конструкции (как правило, в комплексе с анафорой или эпифорой) и риторические вопросы:

“When we sell into Mexico, there's a tax. When they sell in – automatic, 16 percent, approximately. When they sell into us, there's no tax. It's a defective agreement”;

“We have to have a wall. We have to have a boarder”;

“You didn’t want me to ban China, which was heavily infected. You didn’t want me to ban Europe”;

“We will make America strong again. We will make America wealthy again. We will make America proud again. We will make America safe again”:

“We lose seventy-five billion dollars a year. Are we crazy? Is it crazy?”

“Last quarter, it was just announced our gross domestic product, right? But not for us. It was below zero. Whoever heard of this?”.

В речи Х. Клинтон это параллельные конструкции, эпифора, анадиплосис:

“Let’s staff our primary and secondary schools with teachers who are second to none in the world, and receive the respect they deserve for sparking the love of learning in every child. Let’s make college affordable and available to all ...and lift the crushing burden of student debt. Let’s provide lifelong learning for workers to gain or improve skills the economy requires, setting up many more Americans for success”;

“It didn't meet my test. I've had the same test”;

“Here's what that means. It means you would have...”

Параллельные конструкции в речи Дж. Байдена:

“We can deliver racial justice. We can make America, once again, the leading force for good in the world”.

Они позволяют создать яркий эмоциональный образ [1], [3], [4], который способен влиять на объект/аудиторию как в момент произнесения речи, так и легко зафиксироваться в памяти за счёт своей образности.

Таким образом, в центре понятия о речевом воздействии находятся задачи эффективной коммуникации. В политическом дискурсе суггестивные маркеры встречаются особенно часто. Как показывает анализ грамматической стороны речей американских политических деятелей, в целях оказания воздействия на слушающих они используют стилистические фигуры, используют эмфатическое ударение и умело оперируют залогами. Важно отметить, что мы отметили лишь некоторые грамматические маркеры. Кроме того, они не используются изолированно, а применяются в комплексе, для наибольшего воздействия на слушающих.

Литература

1. Монахова Е. В. Интерпретация литоты с позиций современной лингвистики // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2019. № 4 (44). С.17–33.
2. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. 252 с.
3. Brugman В. С., Burgers С., Steen G. J. Recategorizing political frames: a systematic review of metaphorical framing in experiments on political communication // Annals of the International Communication Association. 2017. Vol. 41. № 2. P. 181–197.
4. Davydova E. A. Realization of pragmatic functions of periphrasis in English-language publicistic text / E. A. Davydova, O. A. Biryukova, I. I. Kashtanova // The Humanities and Education. 2018. № 4(36). P. 155–159.

*Асратян З. Д.,
кафедра иностранных языков и
коммуникативных технологий,
Университет науки и технологий
МИСИС, Москва, Россия;
Хулунбуирский университет,
Хулунбуир, КНР
asratyan@mail.ru
SPIN-код eLibrary: 4579-5483*

ДЕЙКТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ТЕКСТА НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ БЕРНАРДА МАКЛАВЕРТИ

Аннотация: в статье рассматривается понятие дейксиса и основные дейктические единицы. Определяются различия между дейксисом и анафорой (катафорой), которые связаны с локализацией референта. Дейктический референт локализуется в коммуникации, а анафорический – в тексте. На примерах из рассказов Б. МакЛаверти показано наличие номинативного компонента у некоторых дейктических лексем.

Ключевые слова: дейксис, анафора (катафора), референт, местоимение, текст.

*Zoya Asratyan,
Department of Modern Languages
and Communication
University of Science and Technology MISIS,
Moscow, Russia;
Foreign Languages Department of
Hulunbuir University,
Hulunbuir, China.
SPIN-код eLibrary: 4579-5483*

DEICTIC MARKERS IN BERNARD MACLAVERTY'S SHORT STORIES

Abstract: the article discusses the concept of deixis as well as basic deictic units. Here are determined differences between deixis and anaphora

(cataphora), which are associated with the localization of the referent. While the deictic referent is localized in communication, the anaphoric one is located in the text. Using examples from B. MacLaverty's stories we show that some deictic lexemes are characterized by some generalized nominative component.

Keywords: deixis, anaphora (cataphora), referent, pronouns, text.

Дейксис в лингвистике – это указание, которое рассматривается «как значение или функция языковой единицы, выражаемое лексическими и грамматическими средствами и служащее для актуализации компонентов ситуации речи и компонентов денотативного содержания высказывания» [6, с. 128].

М. Я. Блох подчеркивал, что «the deictic function of lingual units... consists not in their expressing self-dependent and self-sufficient elements of meaning, but in pointing out entities of reality in their spatial and temporal relation to the participants of speech communication» [2, с. 125].

Различаются несколько разновидностей дейксиса. Так, К. Бюлер выделяет дейксис видимый или наглядный, дейксис контекстуальный или анафорический и дейксис представления [3]. Под последним понимается то, что известно собеседникам из предыдущего опыта. Видимый, т. е. жестовый дейксис, определяется Ю. Д. Апресяном как первичный, а дейксис представления как вторичный [1].

С точки зрения семантических характеристик различают предметный, временной и пространственный дейксисы. Предметный дейксис выражается местоимениями 3-го лица и в коммуникации часто сопровождается наглядным, т.е. жестовым дейксисом. В той же функции могут выступать и указательные местоимения: *в этой комнате*, with *this approach*.

Разновидностью предметного дейксиса является персональный дейксис, который выражается личными местоимениями 1-го и 2-го лица или притяжательными местоимениями. Персональный дейксис может существовать без опоры на жесты. Функции этих местоимений (я – говорящий, ты – слушающий) понятны из акта коммуникации.

По мнению К. Кербрат-Ореккьони, дейктики в коммуникативной ситуации выявляют «роль, которую исполняют в акте высказывания его участники» и

«пространственно-выделенное положение говорящего и, соответственно, собеседника» [11, р. 41].

Если первая функция реализуется при помощи личных местоимений, определяющих говорящего и слушающего, а также того или то, о чем идет речь, то языковыми маркерами временного дейксиса выступают обстоятельства (*сейчас, сегодня, завтра, вчера; now, today, yesterday, tomorrow*) и именные группы с указательными местоимениями (*на этой неделе, в этом месяце; this month*). Пространственный или локативный дейксис представлен обстоятельствами (*здесь, там; here, there*), а также именными группами с указательными местоимениями (*в этом городе; in this room*).

Кроме того, дейктическую функцию выполняют и маркеры глагольных времен, соотнося действие с определенным временем (категория времени) или с другим действием (категория временной соотнесенности или таксиса).

Возвращаясь к классификации, предложенной К. Бюлером, мы видим, что исследователь рассматривает анафору как разновидность дейксиса. Эту точку зрения разделяют и такие ученые как О. Дюкро, Ц. Тодоров, А. А. Кибрик, Е. Б. Савельева и др. Так, А. А. Кибрик считает, что «дейксис является более базисным явлением, нежели анафора, а анафора в некотором смысле производна от дейксиса» [5, с. 215].

Однако ряд исследователей видит принципиальную разницу между этими явлениями, которая заключается в том, что указательная функция дейксиса направлена непосредственно на референта, а функция анафоры опосредована текстом. Таким образом анафора, по мнению Е. М. Вольф, «строится на соотношении трех элементов – двух языковых обозначений, из которых, по крайней мере, одно представляет собой дейктический знак или включает дейктический показатель, и референта, к которому относятся оба этих обозначения [4, с. 6].

При таком подходе в прямом высказывании (акт коммуникации) референция дейктическая, а в тексте – анафорическая. В.А. Плунгян полагает, что «специфику дейксиса следует видеть в его связи с понятиями локализации и ориентира, т.е. в его относительном характере» [7, с. 201]. Если референт локализован в коммуникативном пространстве, мы имеем дело с дейксисом. Если же референт локализован в пространстве текста, то референция анафорическая или катафорическая.

По своей сути катафорическая референция отличается от анафорической только тем, что указание на референта предшествует номинации референта, в то время как при анафорической референции

вначале осуществляется номинация референта, а потом следует указание на него.

Дейктическая функция противопоставляется функции номинативной, однако вряд ли можно утверждать, что дейктический знак полностью лишен номинативного значения. Так, местоимение первого лица указывает на говорящего/их, таким образом выделяя их коммуникативный статус источника информации. В то время как местоимение 2-го лица подчеркивает в коммуникантах их статус получателей информации.

Следует особо выделить местоимения третьего лица, которые помимо отсылки к субъекту пропозиционной структуры информируют о его родовых или половых характеристиках.

Для художественной литературы характерен обобщающий подход к изображаемому характерам. Особенно наглядно это проявляется в коротких рассказах. Важно не просто сообщить какую-то информацию о конкретном субъекте, а создать его обобщенный образ. И эту функцию выполняют личные местоимения третьего лица.

Так, например, в рассказах ирландского писателя Бернарда МакЛаверти (Bernard MacLaverty) субъект в повествование часто вводится именно в такой форме:

«We never got the chance' his mother would say to **him**» [The Exercise];

«**He** had been called to be there at the end» [Secrets];

Таковую же функцию может выполнять и местоимение 1-го лица, когда говорящий не только субъект коммуникации, но и субъект пропозиционной структуры речевого акта, или диктемы. Так, в рассказах того же Бернарда МакЛаверти можно встретить обобщенный образ субъекта от первого лица:

«**I** am sitting on the warm sand with my back to a rock watching you, my love» [A Pornographer Woos];

«**We** were driving back into Belfast – we could have been in Omagh or Enniskillen – visiting Anne's aunt maybe» [On the Roundabout].

На примере рассказа Б. МакЛаверти “Walking the Dog” рассмотрим более подробно дейктические маркеры текста. Повествование от 3-го лица. Субъект повествования не назван, а лишь указан при помощи 3-го лица как принадлежащий к мужскому роду. Герой рассказа вышел из дома, чтобы выгулять свою собаку, и почти сразу перед ним остановилась машина, и вооруженный молодой человек потребовал, чтобы он в нее сел. В ходе повествования выясняется, что похитители из

Ирландской республиканской армии и, вероятнее всего, приняли Джона Шилдза (мы узнаем имя протагониста из вопросов, которые задают ему похитители) за кого-то другого.

При том, что в тексте есть катафористическая референция имени героя, оно не важно. Куда более важно само событие, которое, в принципе, могло случиться с кем-угодно. Эмотивная реакция читателя на такого рода события практически не зависит от конкретного референта, поэтому обобщенный образ героя, выраженный местоимением *he*, вполне номинативен для данной ситуации, передаваемой текстом.

Помимо личных местоимений и соответствующих им притяжательных дейктическую функцию выполняют и указательные местоимения:

«*This time the car indicated and slowed and stopped just in front of him*»;

«*It occurred to him that they would not shoot him from **that** distance*».

Обстоятельственный дейксис представлен обстоятельством места *here*:

«*The city had grown out to **here** within the last couple of years*».

Хотелось бы обратить особое внимание на дейктическое обстоятельство времени *now*, которое встречается в 12-страничном рассказе 6 раз и фактически выполняет функцию передачи последовательности действий, которая является вполне номинативной в данном контексте:

«*The dog was **now** snuffling and sniffing at everything in the undergrowth – being a hunter*»;

«*They were **now** in the area of street lighting*».

В заключении отметим, что различаются два вида указательной референции: дейксис и анафора (катафора). Первая соотносится непосредственно с речевым актом. Вторая – с текстом. Выступая в указательной функции дейктические слова не всегда характеризуются отсутствием номинативного значения. В тексте они могут передавать обобщенное значение. Особенно это характерно для художественных текстов, для которых часто релевантной является обобщенная номинация.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. М.: Языки русской культуры, 1995. 650 с.

2. *Блох М. Я.* Теоретическая грамматика английского языка: учебник. 2-е изд. перераб. М.: Высшая школа, 1994. 381 с.
3. *Бюлер К.* Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 2000. 528 с.
4. *Вольф Е. М.* Грамматика и семантика местоимений. М.: Наука, 1974.
5. *Кибрик А.А.* Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992. 224 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990.
7. *Плунгян В. А.* Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.
8. *Проскурин С. Г.* Аутопоззис дейктических матриц. М.: МГОГИ, 2006. С.126–134.
9. *Савельева Е. Б.* Дейксис и анафора. Общее и специфическое // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. С. 181–188.
10. Ducrot O & Todorov, T. Dictionnaire encyclopédique des sciences du langage. Paris: Seuil, 1972.
11. Kerbrat- Orecchioni C.I. L' Enonciation: De la suggestivité dans la langue. Paris: Armand Colin, 1999.
12. MacLaverly B. Collected Stories. London. Jonathan Cape, 2013.

*Жигайкова Е. А.,
кафедра грамматики английского языка
имени М. Я. Блоха,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет
ezhigaikova@yandex.ru
SPIN-код eLibrary: 3474-4020*

**ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ АБСОЛЮТНОЙ
КОНСТРУКЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И
МЕДИАТЕКСТОВ)**

Аннотация: статья посвящена абсолютной конструкции в современном английском языке. Приводятся данные анализа частотности употребления разных типов абсолютных конструкций в художественной литературе и публикациях в СМИ.

Ключевые слова: абсолютная конструкция, предикативный комплекс, английская грамматика, художественная литература, медиатекст.

*Ekaterina Zhigaikova,
Department of English Grammar
named after M. Ya. Blokh,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
ezhigaikova@yandex.ru
SPIN-код eLibrary: 3474-4020*

THE USE OF THE ABSOLUTE CONSTRUCTION IN MODERN ENGLISH (ON THE MATERIAL OF FICTION AND MEDIA TEXTS)

Abstract: the article is devoted to the analysis of absolute constructions in modern English. Statistics of use of different types of absolute constructions in English fiction and media are provided in the research.

Keywords: an absolute construction, a predicative complex, English grammar, fiction, media text

Настоящее исследование посвящено анализу использования абсолютной конструкции в английском языке. Абсолютная конструкция рассматривается как предикативный комплекс, который состоит из двух частей, отношения между которыми подобны отношениям между подлежащим и сказуемым в предложении. Первой частью конструкции является существительное или местоимение в общем падеже, вторая часть может быть выражена причастием, прилагательным, наречием, существительным, инфинитивом (редко). В предложении абсолютная конструкция выполняет роль обстоятельства.

Целью данного исследования является уточнение термина «абсолютная конструкция» с учетом основных наименований данного явления в грамматике, а также сравнительный анализ употребления абсолютных конструкций в текстах современной художественной литературы и публикациях в СМИ. Материалом исследования послужили четыре коротких рассказа англоязычных писателей (What We Talk About When We Talk About Anne Frank (2011) Н. Ингландера, The Knowers (2013) Х. Филипс, Jubilee (2013) К. Вальдес Куэйд, Hall of Small Mammals (2016) Т. Пирса), и 26 медиатекстов средней длины (статьи в газетах The Guardian, The New York Times, журнале New Yorker, на сайтах Popular Science, Who What Wear, датируемые 2022 годом). Методом сплошной выборки по мере их встречаемости в процессе чтения текстов были отобраны 100 примеров абсолютных конструкций (50 в рассказах и 50 в медиатекстах).

Для начала обратимся к термину «абсолютная конструкция». Данное грамматическое явление имеет несколько названий. Авторы отечественных пособий на русском языке называют его «независимый причастный оборот» [1, с. 187], «абсолютная конструкция» [4, с. 85],

«абсолютный оборот» [5, с. 79; 6, с. 279]. В пособиях отечественных ученых-лингвистов на английском языке предлагается термин «the nominative absolute construction» [3, с. 173], «the absolute construction (absolutive)» [2, с. 338], в иностранных источниках используется наименование «nominative absolute» [7, с. 395; 8]. На наш взгляд, термин «абсолютная конструкция» является наиболее универсальным, поскольку включает в себя все виды данного явления в грамматике.

Как уже было сказано, в английском языке используется наименование «nominative absolute». Как отмечает В. В. Гуревич, этот термин (заимствованный из классических языков) в настоящий момент является довольно спорным, поскольку существительные в английском языке не имеют именительного падежа (nominative case), поэтому этот термин можно с легкостью отнести к конструкциям с предлогом with [3, с. 178]. При этом иностранные авторы, как правило, не дают примеров данной конструкции с предлогом with, предлагая только примеры типа *His hands like ice, Morris was reluctant to greet the President, His voice quavering, Charlie called, "Is anyone there?"* [7, с. 395-396], *The play done, the audience left the theatre* [8] и т.д. Таким образом, можно считать, что использование слова nominative в названии конструкции англоязычными авторами вполне оправданно.

Перейдем к типам конструкции. Абсолютные конструкции делятся отечественными лингвистами на *предложные* и *беспредложные* – предложные употребляются с предлогами with или (редко) without (англоязычные авторы, как уже было сказано, предложные не описывают).

Согласно результатам нашего анализа, беспредложные конструкции характерны в основном для художественных текстов: большая часть (92%) абсолютных конструкций в текстах рассказов беспредложные. Такое преобладание может объясняться стремлением автора выразить мысль кратко и емко (иногда в таких случаях существительные употребляются без артикля или притяжательного местоимения), например:

"With me," Val said, arms crossed, mouth so tight and dense it exerted a gravitational pull on the rest of his face [9].

При этом беспредложные конструкции редко встречаются в медиатекстах.

Как пишет Я.И. Рецкер, «Абсолютные обороты с предлогом with значительно расширили возможности использования абсолютных

конструкций и в беллетристике, и в языке газеты, и даже в устной речи» [5, с. 84]. Наши данные подтверждают это наблюдение касательно языка газет: подавляющее большинство (те же 92%) конструкций в рассмотренных медиатекстах предложные, например:

*With biker style back in vogue, it's no wonder that stompy moto boots are also returning.*¹

Можно предположить, что наличие предлога делает данную конструкцию более понятной для читателя, сходной со стандартным предложным обстоятельством в предложении. При этом надо отметить, что предложные конструкции почти не встретились нам в текстах рассказов.

Абсолютные конструкции делятся на *причастные* и *непричастные* в зависимости от того, чем выражена вторая их часть. Причастные могут употребляться с причастием I или II:

*With vaccines offering a little bit of reassurance, she comes inside now, wearing a mask and socially distanced.*²

Tin buckets were lined up on another table, a grosgrain ribbon tied around each handle [10].

Непричастные конструкции чаще всего употребляются с существительным (с предлогом или без) или прилагательным, реже с наречием или инфинитивом:

I imagined him convulsing on a stretcher in the back of an ambulance, the oxygen mask over his mouth [9].

Как отмечает А. И. Смирницкий, «Причастные абсолютные конструкции характерны для книжного стиля, абсолютные же непричастные обороты употребляются гораздо свободнее. Таким образом, хотя конструктивно они близки друг другу, их роль в стилистическом плане совершенно различна» [6, с. 280].

Наши данные показывают, что в современных художественных текстах причастные и непричастные абсолютные конструкции представлены приблизительно одинаково (55% и 45% соответственно),

¹ *Almassi H.* Winter 2022 Fashion Trends: The 16 looks you need to know about. URL: <https://www.whowhatwear.co.uk/autumn-winter-2022-fashion-trends> (дата обращения: 01.10.2023).

² *Webster L.* 'I don't want to die': the shielders who fear the end of Covid restrictions. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/feb/02/i-dont-want-to-die-the-shielders-who-fear-the-end-of-covid-restrictions> (дата обращения: 01.10.2023).

было также замечено, что часто первый элемент конструкции обозначает часть тела:

*He counted off twenty people – “One, two, three,” his **finger** pointing – and then announced that everyone else was out of luck [9].*

А вот в медиатекстах нами отмечено преобладание причастных конструкций над не причастными (78% и 22% соответственно). При этом чаще всего вторым элементом абсолютной конструкции выступает причастие I:

*With the Democrats **having retained** control of the Senate, they should be able to get more nominations to the judiciary and other offices confirmed, which is significant.¹*

Что касается функции абсолютных конструкций в предложении, то чаще всего они являются обстоятельством причины или сопутствующих обстоятельств:

With people so desperate to pretend the pandemic is over, I’m worried that if we’re not careful, we’re going to get to a situation where disabled people like me are pushed aside and left stuck inside.²

*She tilted her head, **her red hair shining in the sun and slipping over her shoulder** [10].*

Итак, можно сделать вывод, что абсолютная конструкция довольно частое явление в современных англоязычных художественных и медиатекстах. В медиатекстах подавляющее большинство конструкций предложные (с предлогом with), в художественных текстах – беспредложные.

В медиатекстах приблизительно в четыре раза больше причастных конструкций, чем не причастных (при этом причастие I используется более, чем в половине от общего числа примеров). В художественных же текстах их количество практически одинаковое.

¹ *Cassidy J.* Why Jerome Powell could be the most important person in Washington between now and 2024. URL: <https://www.newyorker.com/news/our-columnists/why-jerome-powell-could-be-the-most-important-person-in-washington-between-now-and-2024> (дата обращения: 01.10.2023).

² *Webster L.* ‘I don’t want to die’: the shielders who fear the end of Covid restrictions. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/feb/02/i-dont-want-to-die-the-shielders-who-fear-the-end-of-covid-restrictions> (дата обращения: 01.10.2023).

Литература

1. *Беляева М. А.* Грамматика английского языка: учеб. пособие для неяз. вузов. изд. 6-е. М.: Высш. школа, 1977. 333 с.
2. *Блох М. Я.* Теоретическая грамматика английского языка: учебник. 2-е изд., перераб. М.: Высш. школа, 1994. 381 с.
3. *Гуревич В. В.* Практическая грамматика английского языка: упражнения и комментарии: учебное пособие. 12-е изд. М.: Флинта, 2017. 292 с.
4. *Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г.* Теоретическая грамматика современного английского языка: учебник. М.: Высш. Школа, 1981. 285 с.
5. *Рецкер Я. И.* Пособие по переводу с английского языка на русский язык. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1982. 159 с.
6. *Смирницкий А. И.* Синтаксис английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1957. 284 с.
7. *Clammer T. P., Schulz M. R., Della Volpe A.* Analyzing English Grammar. 4th edition. New York: Pearson/Longman, 2004. 432 p.
8. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/nominative-absolute> (дата обращения: 01.10.2023).
9. *Pierce T.* Hall of Small Mammals. URL: <https://lithub.com/hall-of-small-mammals/> (дата обращения: 01.10.2023).
10. *Quade K. V.* Jubilee. URL: <https://www.guernicamag.com/jubilee/> (дата обращения: 01.10.2023).

*Ивасик Д. А.,
кафедра грамматики английского языка
имени М. Я. Блоха,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
da.ivasik@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 3763-9930*

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЖЕНСКИХ БЬЮТИ-БЛОГАХ

Аннотация: в статье рассматриваются средства выражения эмотивности в англоязычных женских бьюти-блогах. Делается вывод о том, что наиболее часто используемыми средствами выражения эмотивности в данных блогах выступают оценочные прилагательные, междометия и восклицательные предложения.

Ключевые слова: эмоциональность, эмотивность, эмотивная лексика, лайфстайл дискурс, блог.

*Denis Ivasik,
Department of English Grammar
named after M. Ya. Blokh,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical State University;
da.ivasik@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 3763-9930*

MEANS OF EXPRESSING EMOTIONALITY IN ENGLISH BEAUTY-BLOGS FOR WOMEN

Abstract: the article examines the means of expressing emotiveness in English beauty-blogs for women. It is concluded that the most frequently used means of expressing emotiveness in these blogs are evaluative adjectives, interjections and exclamatory sentences.

Keywords: emotionality, emotiveness, emotive vocabulary, lifestyle discourse, blog.

В современных реалиях правомерно утверждение о том, что различные научные сферы все больше и плотнее взаимодействуют, дополняя друг друга и расширяя таким образом пространство для изучения и исследования. Лингвистика не является исключением, можно отчетливо наблюдать ее взаимосвязь с, например, культурой. Язык приобретает все большую значимость в качестве руководящего начала в научном изучении культуры. Он, являясь системой выражения мыслей и средством общения, также является и средством выражения чувств и эмоций. М. Р. Нашхоева определяет эмоции как «специфическую, своеобразную форму когниции, отражения и оценки окружающей человека действительности» [3, с. 96]. Именно взаимодействие сфер рационального и эмоционального в сознании и мышлении позволяет человеку эмоционально переживать то, что отражается языком и его средствами. Данное переживание находит свое проявление в эмоциональном отношении языковой личности к предмету речи, получая лингвистическую реализацию в такой категории, как «эмотивность» [Там же, с. 95]. Если эмоциональность является психологической категорией, то эмотивность, в свою очередь – языковой, поскольку эмоции могут и вызываться в процессе речевой коммуникации, и передаваться (выражаться, проявляться) языковыми средствами.

Согласно В. И. Шаховскому, эмотивность представляет собой «имманентное свойство языка выражать психологические (эмоциональные) состояния и переживания человека через особые единицы языка и речи – эмотивы» [6, с. 5]. Категория эмотивности находит свое выражение на различных уровнях языка. Если говорить о фонетическом уровне, то необходимо упомянуть интонацию, замедление или убыстрение темпа речи, ударения, паузы, высоту тона и другие просодические элементы. На лексическом уровне эмотивность представлена, в первую очередь, оценочной лексикой, а также усилительными частицами и междометиями [5]. Ю. Н. Эбзеева и Г. Н. Ленько относят к эмотивной лексике стилистически окрашенную лексику, фразеологические обороты, междометия, синонимы, антонимы и заимствования [7]. Широко представлена эмотивность и на синтаксическом уровне. Это, прежде всего, восклицательные предложения разных коммуникативных типов; эллиптические (неполные) предложения; параллельные конструкции в сочетании с

разными видами повтора; обрыв повествования; парцелляция; вопросы-переспросы и др.

Для анализа средств выражения категории эмотивности мы обратились к текстам англоязычных женских бьюти-блогов. Блог (англ. *blog*, от «*web log*», «сетевой журнал или дневник событий») – это «общедоступный личный сайт пользователя (или его страница в социальных сетях), состоящий из регулярно обновляемых записей, мультимедиа и изображений, предполагающий полемику читателя с автором» [4, с. 92]. Нами были выбраны такие интернет-блоги, как *The Anna Edit*, *Amber Fillerup Clark* и другие, так как, в соответствии с рейтингом самых популярных женских бьюти-блогов, опубликованном на онлайн-платформе *Byrdie* с общим числом подписчиков более 1.5 миллиардов в различных социальных сетях, данные блоги занимают лидирующие позиции, что, по нашему мнению, доказывает их репрезентативность.

На лексическом уровне эмотивность в англоязычных женских бьюти-блогах чаще всего находит выражение посредством оценочной лексики, а именно – оценочных прилагательных, как с мелиоративным, так и с пейоративным оценочным вектором. Вопрос соотношения категорий эмотивности и оценочности по-прежнему остается весьма и весьма дискуссионным среди ученых. Так, например, Н. А. Лукьянова утверждает: «Оценочность, представленная как соотношенность слова с оценкой, и эмоциональность, связываемая с эмоциями, чувствами, не составляют двух разных компонентов значения, они едины» [2, с. 12]. Иную позицию занимает Е. М. Вольф, которая рассматривает категорию эмоциональности как целое по отношению к ее части – оценочности [1]. Е.М. Вольф также отмечает наличие в структуре оценки двух факторов, а именно – рационального и эмоционального. Если в первом типе руководящим принципом при оценке выступает объективность и данные лексемы относятся к оценочным, но не относятся к эмотивным, то во втором типе имеет место быть субъективность, позволяющая отнести такие лексемы одновременно как к оценочным, так и к эмотивным. В рамках нашего исследования мы рассматривали прилагательные, принадлежащие ко второй категории.

1) ...only the other day my Mum was waving a bottle of their *SPF50* in my face and raving about how *fab* it was [10].

2) Vanilla, honey and almond, are just some of the *gorgeous* notes in the ‘*Ambre Vanille*’ range by *Laura Mercier* [9].

В данных примерах можно наблюдать использование женщинами-авторами оценочных прилагательных, выражающих крайне положительную эмоциональную оценку косметических товаров. В словарных дефинициях данных лексем присутствует маркер положительной оценки «*good*», наличие которого позволяет отнести данные прилагательные к категории оценочных с мелиоративной оценкой. Также следует отметить разговорную лексику в первом примере, которая также может быть рассмотрена как маркер проявления эмоциональности.

3) Not not all trends are timeless. In fact, years down the road, our trends seem *mostly tacky and cringeworthy* [8].

Важным наблюдением является то, что пейоративная оценка встречается в проанализированных текстах намного реже, чем мелиоративная, однако, она все же присутствует. В данном случае автор использует оценочные прилагательные *tacky* и *cringeworthy*, имеющие в своих словарных дефинициях лексему «*bad*».

Междометия также были обнаружены в текстах женских бьюти-блогов. Автор прибегает к использованию междометий с целью выражения своих эмоций по отношению к предмету, событию и т.д.

4) ...and for that I love the Ultra Violette Supreme Screen Hydrating Facial SPF 50+ – **oh my word** does this stuff look **incredible** on the skin [10].

В примере выше автор использует междометие «*oh my word*», выражающее крайнюю степень изумления и удивления по отношению к характеристикам рассматриваемого продукта. Более того, можно наблюдать и использование оценочно-эмотивного прилагательного *incredible* и инверсии, которые в совокупности отчетливо транслируют читателю положительные эмоции автора относительно опыта использования данного косметического продукта.

На синтаксическом уровне эмотивность в текстах женских бьюти-блогов чаще всего представлена восклицательными предложениями.

5) The boujiest lip balm around, but it just does something – I SWEAR! Even Mark says it's his favourite lip balm. HA! [10].

В данном примере автор использует два восклицательных предложения с целью придания эмоциональности своему высказыванию. Также необходимо отметить и графический способ выражения эмоциональности – написание заглавными буквами.

Таким образом, можно сделать вывод о широкой представленности категории эмотивности в текстах англоязычных женских бьюти-блогов.

Авторы используют эмоциональную лексику с целью формирования определенного образа рассматриваемого товара у читателя. В ходе анализа наиболее часто используемых средств выражения эмотивности нами были выделены оценочные прилагательные, междометия и восклицательные предложения.

Литература

1. *Вольф Е. М.* Варьирование в оценочных структурах // Семантическое и формальное варьирование. М.: Наука, 1979. С. 273–295.
2. *Лукьянова Н. А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1986. 227 с.
3. *Наишоева М. Р.* Лингвистическая концепция эмоций и эмотивности текста // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 1. Выпуск 12. С. 95–98.
4. *Рахвалова Н. А.* Блогосфера как средство самовыражения молодого человека // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 14. С. 91–95.
5. *Садыкова А. Г., Депутатова Н. А., Биктагирова З. А.* Эмотивные средства в речи мужчин и женщин (лексический уровень) // Филология и культура. 2013. № 4 (34). С. 115–120.
6. *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
7. *Эбзеева Ю. Н., Ленько Г. Н.* Лексические средства выражения эмотивности (на материале текстов художественных произведений современных английских, французских и немецких авторов) // Русистика. 2016. № 1. С.142–151.
8. Amber Fillerup Clark. URL: <https://amberfillerup.com> (дата обращения: 20.07.2023).
9. Shirley's Wardrobe. URL: <http://shirleyswardrobe.com> (дата обращения: 19.06.2023).
10. The Anna Edit. URL: <https://www.theannaedit.com> (дата обращения: 27.08.2023).

Кузнецова А. А.,
кафедра грамматики английского языка
имени М. Я. Блоха,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
aa.kuznetsova@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 3011-6826

МАРКЕРЫ ЭКСПЛИЦИТНОЙ И ИМПЛИЦИТНОЙ ИНТЕНСИФИКАЦИИ В УТВЕРДИТЕЛЬНЫХ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация: статья посвящена особенностям функционирования маркеров интенсификации и деинтенсификации в утвердительных и отрицательных предложениях. Интенсификация и деинтенсификация предложений с утверждением или отрицанием может затрагивать поверхностную, а также глубинную структуру предложения. Такое воздействие на предложение реализуется с помощью специальных маркеров, которые способствуют повышению экспрессивности отрицания/утверждения на разных уровнях. Таким образом, предложения, содержащие маркеры экспрессивности, получают особую эмоциональную нагрузку с приращением дополнительных смыслов.

Ключевые слова: эксплицитная интенсификация, имплицитная интенсификация, экспрессивность, отрицание, утверждение

Anastasia Kuznetsova,
Department of English Grammar
named after M. Ya. Blokh,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
aa.kuznetsova@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 3011-6826

THE MEANS OF EXPLICIT AND IMPLICIT INTENSIFICATION IN AFFIRMATIVE AND NEGATIVE SENTENCES (ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE)

Abstract: the article is devoted to the peculiarities of the functioning of the markers of intensification and deintensification in affirmative and negative sentences. The intensification and deintensification of sentences with affirmation or negation may affect the surface as well as the deep structure of the sentence. Such an impact on the sentence is realized with the help of special markers that contribute to the expressiveness of negation / affirmation at different levels. Thus, sentences containing expressivity markers receive a special emotional load with an increment of additional meanings.

Keywords: explicit intensification, implicit intensification, expressivity, negation, affirmation.

Явление категории интенсивности и её основные средства выражения являются одним из основных объектов изучения многих исследователей проблемы категоризации в настоящее время. Стоит отметить, что статус рассматриваемой категории может трактоваться двояко: некоторые лингвисты указывают на возможность интенсивности давать предметам примерную количественную оценку, то есть быть некой разновидностью категории количества [1], но с другой стороны, интенсивность часто отождествляется с экспрессивностью и эмоциональностью, поэтому в некоторых случаях на передний план выходит коннотативный аспект [3]. Кроме сопоставления интенсивности с данными категориями, до сих пор остаётся актуальный вопрос разграничения интенсивности и процесса интенсификации.

Исследователи языка расходятся в трактовке этих двух дефиниций. Так, лингвист В. Г. Субич отмечает, что категория интенсивности описывает объективные количественные отношения, возникающие при определении признака того или иного объекта «выше» или «ниже» нормы, то есть называет разницу в количестве по отношению к эталону при сравнении референтов. А интенсификация, по его мнению, к этому процессу добавляет еще эмотивный компонент, то есть то, насколько «эмоционально» слово отличается от нормы [4].

Похожее понимание рассматриваемого явления находим и в работе другого лингвиста, И. И. Туранского, утверждающего, что интенсификация на первый план ставит не предметно-содержательный, а экспрессивный аспект высказывания, а слова – интенсификаторы способны измерить то, насколько усиливающим это выражение становится [5]. Учёный указывал и на то, что интенсификация может быть рассмотрена как продукт категории интенсивности.

В нашей работе мы отождествляем исследуемые категории, так как по своей природе они обладают схожим усиливающим действием, они являются семантическими категориями, предусматривающие наличие в высказывании прагматического компонента. Ведь обе категории связаны со стремлением говорящего убедить собеседника или эмоционально усилить воздействие на слушателя.

Интенсификация представляет собой усиление выразительности коммуникативной единицы, которое может выражаться эксплицитно и имплицитно на всех уровнях языка (лексическом, грамматическом фонетическом). Маркеры интенсификации способны усилить или ослабить степень признака, качества или действия.

Особенно важным для понимания интенсивности как языковой категории представляется исследование её функционирования на пропозиционном уровне, на котором выражается предикация. Например, может выражаться желательность-нежелательность события, утверждаться реальность-нереальность события или отрицаться факт события.

Интенсификация и деинтенсификация предложений с утверждением или отрицанием может реализовываться на разных уровнях с помощью специальных маркеров, которые усиливают экспрессивность отрицания/утверждения.

В утвердительных и отрицательных предложениях выражение интенсификации, в большинстве случаев, сводится к лексическим и грамматическим средствам. Невозможно не обратить внимание на преобладание языковых средств выражения интенсивности с отрицательной оценкой «обозначения плохого более дифференцированы, чем обозначения хорошего» [2, с. 102].

Эксплицитная интенсификация – деинтенсификация представляет собой регулярное явление и сигнализируется многочисленными маркерами, включающими некоторые наречия, квантификаторы, словосочетания степени, наречия и существительные со значением

малого количества или пренебрежения, рядом фразеологических единиц (absolute, perfect, terrible, dreadful, pretty, kind of, sort of, a bit of, the faintest idea, the slightest doubt, a single day, as cool as a cucumber etc.). Например:

But that had absolutely nothing to do with...with the tragedy. Nothing at all [7, p.181].

“I love it”, she’d told Mrs. Ponder’s daughter yesterday afternoon. “I absolutely love it” [7, p. 201].

Использование этих маркеров в отрицательных предложениях способствует изменению характера отрицания в сторону его значительного усиления. Например: Dropping the limp captain, Jamie whirled to face the hulking orderly, who had been watching events so far without the slightest flicker of interest on his slack-jawed face [6, p. 730].

Отрицание (грамматическое+лексическое) часто используется для передачи некатегоричного, смягчённого утверждения, выражающего сдержанность оценки говорящего. В подобных примерах можно наблюдать оттенки колебания, допущения, оговорки и т.д. Например:

Despite the myriad uncertainties of life here, despite the unpleasantness of the ill-wish, despite the small, constant ache of missing Frank, I was in fact not unhappy. Quite the contrary [6, p. 469].

В верхней подсистеме общей системы конструкционных функций формируются предложения различной степени слитности: сложноподчинённые, сложносочинённые, осложнённые. При простейшем расширении отрицательных или утвердительных предложений в их структуру может вводиться повторный элемент, служащий для повышения экспрессивности отрицания/утверждения и выражения уверенности говорящего в своей оценке. Семантика отрицательности/утвердительности в таких предложениях резко усиливается. Например:

All I know for sure – for absolutely certain – is that Scott’s wife has been missing for a week.

The trains. I hate them. Absolutely bloody loathe them.

I'm going to call her back, I'm going to tell her I don't care about her and I don't care about her family and I don't care if her child never gets a good night's sleep for the rest of its life.¹

Могут даже встретиться случаи комбинации интенсификаторов разного «уровня» в одном предложении, которые на фоне функционирования своеобразных «эмоциональных» полюсов вносят ещё больший усилительный элемент. Например:

I don't honestly care that much, but I do care about making Tom unhappy.

Parents don't care about anything but their children.²

Отрицательное предложение с противопоставлением рассматривается как особая форма синтаксической организации речи, как выразительное средство, придающее предложению экспрессивную окраску, которая достигается благодаря контрасту.

Имплицитная интенсификация/деинтенсификация формально не находит своего выражения в высказывании, однако присутствует в его смысловой структуре. Имплицитность затрагивает лексико-семантическую, грамматическую и композиционную структуру текста. Имплицитные значения дополняют эксплицитные значения. Важная роль в восприятии имплицитного содержания отводится контексту. Например:

Treloar ceased. He turned his head and favored the little man with a look of cold inquiry.

“Well,” he said finally. “Classify her.”

The little man gulped and swallowed. “I have nothing to say. I have nothing whatever to say”.³

Таким образом, категория интенсивности и интенсификация содержат прагматический компонент, поскольку позволяют говорящему усилить воздействие на адресата и быть более убедительным. Усиление выразительности коммуникативной единицы проявляется эксплицитно и

¹ Hawkins P. The Girl on the Train. URL: https://royallib.com/book/Hawkins_Paula/the_girl_on_the_train.html (дата обращения: 27.10.2023).

² Hawkins P. The Girl on the Train. URL: https://royallib.com/book/Hawkins_Paula/the_girl_on_the_train.html (дата обращения: 27.10.2023).

³ London J. Under the Deck Awnings. URL: <https://americanliterature.com/author/jack-london/short-story/under-the-deck-awnings> (дата обращения: 27.10.2023).

имплицитно в усилении или ослаблении степени признака, качества или действия.

С одной стороны, эксплицитная интенсификация или деинтенсификация сигнализируется многочисленными лексическими, грамматическими маркерами, которые усиливают экспрессивность отрицания/утверждения, проявляясь на разных уровнях текста. С другой стороны, имплицитные значения дополняют и усиливают эксплицитные значения. Но следует оговориться, что контекст играет ключевую роль в восприятии имплицитного содержания. Ведь имплицитные значения всегда ситуативно обусловлены, а имплицитность может затрагивать композиционную структуру текста.

Литература

1. *Безрукова В. В.* Интенсификация и интенсификаторы в языке и речи (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004.

2. *Вольф Е. М.* Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо/ плохо» // Вопросы языкознания. 1986. № 5. С. 98–106.

3. *Сергеева Е. Н.* Степени интенсивности качества и их выражение в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967.

4. *Субич В.Г.* Градуальность и интенсификация языковой количественности (на материале русского, английского и японского языков) // Вестник ВятГУ. 2009. № 2. С. 93–98.

5. *Туранский И.И.* Содержание и выражение интенсивности в английском языке: дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 1990.

6. *Gabaldon D.* Outlander. London, 2014. 864 p.

7. *Moriarty L.* Big Little Lies. New York, 2014. 255 p.

*Медведева А. Н.,
кафедра грамматики английского языка
имени М. Я. Блоха,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
an.medvedeva@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 6463-3501*

ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация: в статье рассматриваются способы создания комического эффекта, возникающего в результате использования языковой двусмысленности как разновидности языковой игры. Такая языковая игра зависит от контекста и основывается на потенциале языковой единицы иметь несколько интерпретаций. Особое внимание в работе уделяется лексической, синтаксической и референтной двусмысленности. Дается описание механизмов функционирования данных типов и анализируются примеры, иллюстрирующие лежащие в основе юмористического эффекта явления полисемии, неясного референта, амфиболии. Материалом для исследования послужили поликодовые тексты юмористического содержания, представленные на юмористических веб-сайтах 9gag.com и memedroid.com.

Ключевые слова: юмор, двусмысленность, комический эффект, амфиболия, медиадискурс

*Anna Medvedeva,
Department of English Grammar
named after M. Ya. Blokh,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
an.medvedeva@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 6463-3501*

AMBIGUITY AS A MEANS OF CREATING COMIC EFFECT IN MEDIA DISCOURSE

Abstract: the article examines the ways of creating a comic effect as a result of using linguistic ambiguity as a type of language game. Such language play depends on the context and is based on the potential of a linguistic unit to have several interpretations. Particular attention is paid to lexical, syntactic and referential ambiguity. The mechanisms of functioning are described and examples illustrating the phenomena of polysemy, unclear referent and amphiboly underlying the humorous effect are analysed. The material for the study was polycoded texts of humorous content presented on the humour websites 9gag.com and memedroid.com.

Keywords: humour, ambiguity, comic effect, amphiboly, media discourse

Рассмотрение двусмысленности как средства создания комического эффекта необходимо начать с понятия языковой игры. Оно претерпело значительные изменения: зародившись в лоне философии языка в рамках труда Людвиг Витгенштейна «Философские исследования» как обозначение любого языкового акта или языковой ситуации, языковая игра затем постепенно переходит в лингвистическое поле, получив уточнение в работе Йозефа Хейзинга «Homo Ludens», где аспект игры как неотъемлемая часть жизни человека одухотворяет язык, отражающий наше бытие, и, наконец, полноценно раскрывается в исследованиях таких отечественных ученых, как, например, Ю. М. Лотман, С. Ж. Нухов. У А. А. Харьковской находим, что языковая игра – «художественный прием, направленный на создание комического эффекта, который заключается в осознанном нарушении языковой нормы и позволяет говорящему проявить свои лингвокреативные способности» [2, с. 149]. Двусмысленность, в свою очередь – вид языковой игры, контекстно-зависимый и основывающийся на потенциальной возможности языковой единицы иметь несколько интерпретаций.

Предметом анализа двусмысленности в рамках медийного дискурса послужили поликодовые – или креолизованные – тексты, отобранные на веб-сайтах юмористического содержания, а именно 9gag.com и memedroid.com. Креолизованные тексты, помимо вербальной составляющей, имеют также и невербальную, представленную иными семиотическими кодами: иконическими, графическими [1]. В процессе

анализа примеров было выявлено, что для создания, в частности, юмористического контента, превалируют именно поликодовые тексты, и комический эффект зачастую достигается именно тесным взаимодействием вербального и невербального компонентов. Также необходимо уточнить, что во всех рассматриваемых ситуациях комизм усиливается за счет так называемого эффекта обманутого ожидания – приема, при котором происходит нарушение различных стереотипов. Таким образом, сочетание обманутого ожидания и языковой игры с двусмысленностью в основе приводит к различным языковым репрезентациям.

Типологии языковой игры характеризуются своим разнообразием. В данной статье за основу была взята классификация, предлагаемая Наташей Йоландо [3], поскольку она в равной степени учитывает особенности поликодовых текстов и двусмысленности. Выделяются три типа двусмысленности, лежащих в основе поликодовых текстов юмористической направленности: лексическая, референтная и синтаксическая. Лексическая двусмысленность возникает за счет использования, главным образом, омонимии и полисемии. Референтная двусмысленность образуется тогда, когда есть неясная пресуппозиция, прежде всего, за счет использования в высказывании объектов с двумя и более отсылками. Синтаксическая двусмысленность (амфиболия) появляется в результате манипуляций со структурой высказывания, за счет особенностей порядка слов и их сочетаемости. Приведем и проанализируем некоторые примеры, взятые с юмористических веб-сайтов 9gag.com и memedroid.com: 1) *Референтная двусмысленность*:

Рис. 1. That is how it is¹

Рис. 2. I like turtles¹

¹ <https://www.memedroid.com/memes/detail/3813433/Thats-how-it-is> (дата обращения: 30.10.2023).

На рис. 1 двое молодых людей обсуждают совместный поход в ресторан или в бар. В первом высказывании молодого человека содержатся два референта: «a drink» и «sometime». Его коммуникант реагирует ответной репликой с предложением конкретного времени встречи, что должно соответствовать естественному ожиданию молодого человека в такой речевой ситуации. Однако он неправильно интерпретирует контекст высказывания девушки, соотнося его не с временем – в 10 часов завтра, а с потенциальным количеством напитков, таким образом, ошибаясь в референции.

На рис. 2 действие происходит в библиотеке. В данном примере в первом высказывании также предлагаются два референта: «books» и «turtles». Библиотекарь задает уточняющий вопрос, подразумевая твердую обложку книги, в то время как молодой человек неправильно соотносит контекст, отвечая на вопрос дополнительным описанием черепах.

2) Лексическая двусмысленность:

Рис. 3. Crossword²

Рис. 4. Harold the doctor³

На рис. 3 в ситуации с отгадыванием кроссворда юмористический эффект достигается за счет многозначности слова «letter». В контексте представленной ситуации оно может иметь два значения: «буква алфавита», а также «сообщение в письменной форме, обычно передаваемое в конверте с помощью почты». Мужчина, в ответ на вопрос женщины, ссылается на второе значение. Это особенно комично,

¹ <https://www.memedroid.com/memes/detail/2927236/I-like-turtles> (дата обращения: 30.10.2023).

² <https://9gag.com/gag/a9qe8qZ> (дата обращения: 30.10.2023).

³ <https://9gag.com/gag/arnQ25p> (дата обращения: 30.10.2023).

поскольку он пытается отгадать слово именно для почтальона, перегруженного работой.

На рис. 4 на приеме у доктора комическое достигается путем обыгрывания значений глагола «to see»: видеть с помощью глаз или понимать. Беря во внимание первое из них, доктор радуется и предлагает пациенту не обращать внимание на то, что он сказал ранее.

3) Синтаксическая двусмысленность:

На рис. 5 игра слов заключается в столкновении ситуативного структурного сочетания слов «cliff hanger» – приспособления для крепления при скалолазании и слова «cliffhanger» – интригующем моменте повествования в произведении, внезапно прерывающемся и оставляющем развязку открытой. Данная двусмысленность раскрывается за счет использования фотографии, где девушка висит над обрывом и читает книгу.

На рис. 6 происходит аналогичная предыдущему примеру ситуация, но амфиболия проявляется при сопоставлении слова «live stream» – прямая трансляция видео в интернете и структурного сочетания «live stream» – бегущий ручей, усиливаемого изображением молодого человека, медитирующего у водоема.

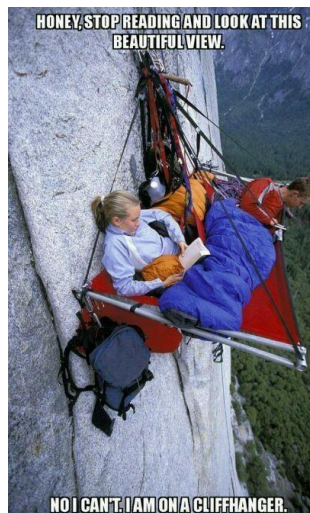

Рис. 5. Puns¹

Рис. 6. Memes from a simpler time²

Таким образом, можно сделать вывод, что игра слов, имеющая в своей основе лексическую, синтаксическую и референтную двусмысленность – возникающую при использовании полисемии,

¹ <https://www.memedroid.com/memes/detail/2111019> (дата обращения: 30.10.2023).

² <https://9gag.com/gag/ae5vm0W> (дата обращения: 30.10.2023).

амфиболии и неясного референта, соответственно – является очень продуктивным способом порождения комического эффекта, который активно используется при создании, в том числе, поликодовых текстов, достаточно распространенных на юмористических веб-сайтах.

Литература

1. *Рохлина Т. А.* Материальное воплощение интернет-мема как поликодовый текст // Когнитивные исследования языка. 2018. № 34. С. 657–660.

2. *Харьковская А. А., Чехова К. А.* «Языковая игра» как средство создания комического эффекта (на примере романов Тома Шарпа) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. № 2. С. 146–153.

3. *Yolanda N., Bram B., Ardi P., Doborovich A.* Lexical, referential and syntactic ambiguities as internet jokes // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2023. № 2. С. 129–155.

Сергеева Ю. М.,
кафедра грамматики английского языка
имени М. Я. Блоха,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
yum.sergeeva@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 6619-6119

ГРАММАТИКА КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОБЛАСТЬ ЗНАНИЯ: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ И НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Аннотация: статья отражает современное представление о грамматике как сфере научных исследований, с одной стороны, и академической дисциплине, с другой стороны. Изложение классических подходов к изучению грамматики английского языка дополняется рассуждениями о перспективных изменениях содержания и методологии в процессе преподавания соответствующей дисциплины в рамках образовательных программ по направлению «Лингвистика». Автор статьи особо подчеркивает, что изучение грамматического строя языка не вписывается в рамки одной науки, а лежит на пересечении нескольких дисциплин, что является характерной особенностью современного гуманитарного знания.

Ключевые слова: грамматическая система языка, когнитивная грамматика, генеративная грамматика, курс теоретической грамматики.

Yulia Sergeeva,
Department of English Grammar
named after M.Ya. Blokh,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
yum.sergeeva@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 6619-6119

GRAMMAR AS AN INTERDISCIPLINARY FIELD OF SCIENCE: FUNDAMENTAL PRINCIPLES AND NEW PERSPECTIVES

Abstract: the article reflects modern understanding of grammar as a field of scientific research, on the one hand, and an academic discipline, on the other hand. The presentation of classical approaches to the study of English grammar is supplemented by discussions about promising changes in content and methodology in the process of teaching the relevant discipline within the framework of linguistic educational programs. The author emphasizes that the study of the grammatical structure of the language does not fit into the framework of one science, but lies at the intersection of several disciplines, which is a characteristic feature of modern humanitarian knowledge.

Keywords: grammatical system of language, cognitive grammar, generative grammar, a course in theoretical grammar.

Статья базируется на аналитическом обзоре некоторых концепций когнитивного подхода в языкознании и их противопоставлении трудам представителей структурализма и генеративной грамматики. Обширная и разнообразная литература [1–6] касающаяся различных подходов к трактовке лингвистических явлений и основных принципов их исследования, не раскрывает должным образом возможную связь когнитивной лингвистики с образовательным процессом, с процессом формирования языковой личности индивида, вовлеченного именно в *академический* дискурс. Отметим, что первостепенной трудностью для установления такой связи является тот факт, что когнитивная лингвистика, по сути, не может восприниматься как цельная теория, а скорее как комплекс отдельно взятых теорий. Отсутствие единообразия во взглядах виднейших представителей когнитивного подхода (Дж. Лакофф, У. Чейф, Ч. Филмор, Р. Лангакер, Ж. Фоконье, Э. Рош, и др.), несовпадение терминологии, отсутствие жестких критериев отбора материала и, как следствие, широкий спектр исследуемых явлений языка, масштабное привлечение сведений из смежных областей научного знания, – все вышеперечисленное осложняет инкорпорирование основных достижений когнитивной лингвистики в процесс обучения как иностранному, так и родному языку.

С другой стороны, в современном социуме назрела насущная необходимость в специалистах, владеющих не только практическими умениями и навыками передачи, обработки и хранения информации, но и имеющих теоретическую базу для полноценного осуществления этих процессов. И именно когнитивная лингвистика, основанная на холистической трактовке перцептивных процессов, способна поставлять материал для построения этой базы. Включенность когнитивной лингвистики в антропоцентрическую парадигму акцентирует такие ее черты, как первостепенность человеческого фактора, обусловленность дискурса психическими особенностями индивида, описание ментальных состояний носителя языка наряду с собственно языковыми явлениями. Отсюда вытекает неизбежная *субъективизация* лингвистических исследований в рамках когнитивной лингвистики: здесь невозможно изучать некоего абстрактного говорящего в процессе коммуникации с абстрактным реципиентом, находящихся, как в безвоздушном пространстве, в некой нейтральной ситуации общения. В таких исследованиях обязателен учет экстралингвистических факторов, включающих стандартный набор сведений об участниках коммуникации: цель общения, фоновые знания, социальные роли, референциальная ситуация (внешние факторы общения). Еще одной релевантной характеристикой когнитивной лингвистики является ее стремление к экспланаторности: важно не только констатировать факт языка, но и дать ему адекватную интерпретацию с точки зрения ментальных и перцептивных процессов индивида с учетом экстралингвистических факторов порождения и протекания дискурса.

С точки зрения когнитивистов, информация, получаемая из различных источников, может подвергаться одновременной, симультанной переработке, если имеет место интеракция всех когнитивных подсистем личности. Соответственно, значение языкового знака предстает в виде своеобразной сетевой структуры, состоящей из взаимосвязанных узлов. Таким образом, в рамках когнитивного подхода можно вовлекать обучающихся в процесс *когнитивного моделирования* системы языка: самостоятельно выстраивать ментальное пространство как статичный итог динамического перебора и переосмысления различных вариантов. В итоге такого творческого процесса студент получает не готовый конструкт, а результат собственной мыслительной деятельности. Этот подход сочетается с требованиями современного

цифрового общества, в котором масштабы требующей обработки информации возрастают в геометрической прогрессии.

Обобщая все вышесказанное, можно было бы прийти к выводу о возможности (и даже необходимости) перераспределения учебного материала в курсе Теоретической грамматики в сторону усиления когнитивного компонента. Ведь помимо уже перечисленных достоинств данного направления в языкознании отметим его интегративность – способность инкорпорировать достижения самых разных наук, и не только лингвистического спектра. Однако стоит признать, что когнитивная лингвистика не лишена некоторых специфических особенностей, делающих не таким однозначным ее выбор в качестве основного тренда в обучении теории языка. Прежде всего отметим неоднозначность методологии: в когнитивных исследованиях сочетаются экспериментальные методы и корпусные методы, методы интроспекции сочетаются с дискурсивным анализом. Еще одно «узкое место» когнитивистики – отсутствие четкого терминологического аппарата, поскольку многие ученые вводят собственные термины, создают свой метаязык для описания теоретических положений.

В качестве альтернативного подхода можно рассмотреть *генеративную грамматику*, пришедшую на смену структурализму, превалирование которого в языкознании превратило лингвистику (особенно американскую) в дескриптивную и таксономическую науку, практически вытеснило семантику из сферы лингвистических исследований, сосредоточившись на форме языкового знака. Структурализм, принципы которого были изложены в труде Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики», не только оказал кардинальное влияние на развитие лингвистики как науки, но и нашел применение в процессе преподавания основ теории языка. Разделив язык и речь по принципу «социальное– индивидуальное», Соссюр представил язык как систему знаков, как сложный механизм со своеобразной структурой и собственными законами функционирования [5]. Структура языка реализуется в иерархии уровней (фонемный, морфемный, лексемный, фраземный, пропоземный, диктемный), каждый из которых представлен набором соответствующих единиц.

Следует признать, что структурный подход к описанию системы языка является весьма плодотворным в практике преподавания: на начальном этапе обучающиеся получают полное представление о содержании курса Теоретической грамматики, поскольку каждая

глобальная тема соответствует уровню языка, которые изучаются последовательно – от низшего к высшему. Обучающиеся легко усваивают иерархический принцип построения единиц языка: допустимые комбинации единиц любого нижележащего уровня создают единицы непосредственно над ним лежащего уровня.

С другой стороны, структурный подход полностью оправдал себя в лишь фонологии (и частично в морфологии), но в лексике и синтаксисе проводить исследование языковых единиц без учета семантической составляющей невозможно. Плюс ко всему, проблемы семантики неизбежно требуют привлечения материала из других областей научного знания, а согласно концепции Ф. де Соссюра, языкознание должно быть свободно от постороннего влияния (разграничение «внешней» и «внутренней» лингвистики) [Там же, с. 29]. Помимо этого, статическая модель языка и эмпирический, индуктивный подход к ее описанию в какой-то момент показали свою бесперспективность, что привело к очередной смене научной парадигмы – к возникновению генеративной грамматики, основная концепция которой – изучение внутреннего языка (*internalized language*) индивида при порождении речи, то есть его языковой компетенции. Центром исследований стал синтаксис, в котором выделялись абстрактные модели предложений (глубинные структуры) и реализующие их поверхностные структуры, связанные между собой набором трансформационных правил. Таким образом, язык рассматривается как динамическая система с устойчивой связью между языковой компетенцией и ее проявлением (дихотомия *competence – performance*). При таком подходе акцент смещается с описания единиц на выведение правил их сочетаемости, что, в принципе, соответствует прескриптивному подходу в обучении языку. С другой стороны, пренебрежение семантической составляющей языковых единиц не подходит для практики преподавания языка, хотя принципы формального описания языка широко применяются в создании автоматических систем обработки информации.

Выходом из сложившейся ситуации могли бы стать некоторые положения когнитивной грамматики Р. Лангакера, в частности, необходимость интерпретации языкового выражения в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией, поскольку альтернативные способы ее отображения акцентируют разные аспекты смысла [7].

Обобщая вышесказанное, признаем, что создание *комплексного* описания строя языка невозможно на основе лишь одного

методологического принципа его изучения. Сопоставляя разные подходы, отметим постоянное расширение границ лингвистических исследований: связь языка с другими когнитивными способностями индивида неоспорима, его включенность в социокультурную среду несомненна. Поэтому остается актуальным вопрос о возможности комплементарного объединения когнитивного направления, нацеленного на изучение процесса передачи, хранения и переработки информации, и порождающей грамматики, сосредоточенной на различных языковых структурах и выработке соответствующих алгоритмов их преобразований.

Инкорпорирование достижений обоих вышеназванных научных подходов в процессе преподавания теоретической грамматики в вузе должно стать приоритетным направлением при создании новых программ по этой дисциплине. Фиксирование фактов языка в виде субъективно ориентированных понятий и моделей позволяет воспринимать язык в виде мотивированной, естественной, логически объяснимой системы; как следствие, изучение грамматического строя языка не должно быть автоматическим заучиванием терминов и определений, а должно стать необходимым этапом построения общей языковой картины мира.

Литература

1. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Постулаты когнитивной лингвистики // Известия РАН. Сер. лит. и языка. 1997. Т. 56, № 1. С. 11–21.
2. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.
3. Касевич В.Б. Когнитивная лингвистика. В поисках идентичности. М.: Языки славянской культуры, 2013. 192 с.
4. Кубрякова Е. С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии. 2001. № 1(7). С. 4–10.
5. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.
6. Язык и смысл: Современная когнитивная лингвистика / сост. А.А. Кибрик, А. Д. Копелев. М.: Языки славянской культуры, 2015. 848 с.
7. Langacker R.W. Essentials of Cognitive Grammar. Oxford, 2013.

Скуратов И. В.,
*кафедра германской и романской филологии,
Государственный университет просвещения
iv.skuratov@mgou.ru
SPIN-код eLibrary: 3267-4866*

Барина И. К.,
*кафедра романских языков имени В.Г. Гака,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет
ik.barinova@mpgu.edu
SPIN-код eLibrary: 3497-1194*

ЖИЗНЬ ТЕКСТА И ФРАНЦУЗСКАЯ ФОЛЬКЛОРНАЯ СКАЗКА КАК ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Аннотация: в статье раскрывается понятие «картина мира», рассматриваются единицы языковой картины мира, а также текст французской фольклорной сказки как мифологическое представление традиционной культуры.

Ключевые слова: картина мира, концепт, стереотип, текст, французская фольклорная сказка.

Igor Skuratov,
*Department of Germanic and Romance Philology,
State University of Education
iv.skuratov@mgou.ru
SPIN-код eLibrary: 3267-4866*

Irina Barinova,
*Department of Romance Languages
named after V.G. Gak,
Unistitute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University
ik.barinova@mpgu.edu
SPIN-код eLibrary: 3497-1194*

THE LIFE OF THE TEXT AND THE FRENCH FOLK TALE AS AN ELEMENT OF THE NATIONAL PICTURE OF THE WORLD

Abstract: the article reveals the concept of “picture of the world”, examines the units of the linguistic picture of the world, the relationship “man – language”, as well as the text of a French folk tale as a mythological representation of traditional culture.

Keywords: picture of the world, concept, stereotype, text, French folk tale.

Общеизвестно, что картина мира является основополагающим понятием философии, антропологии, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и ряда других наук.

Еще В. Гумбольдт, говоря о языковой картине мира писал, что «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» [2, с. 370].

Среди единиц картины мира выделяют концепт и стереотип, а реконструкция концептов и выявление стереотипов составляют методы изучения картины мира.

Вопрос о соотношении мира, его образа, существующего в сознании, образа, закрепленного в языке, и образа, создаваемого художественным текстом, способствовал выделению трех основных форм картины мира – общей, концептуальной (когнитивной), языковой и поэтической.

Для большинства лингвистов язык — это средство формирования мыслей. Обмен идеями в процессе общения происходит постоянно. Причем как в устной, так и в письменной форме. Именно благодаря языку происходит осмысление активной деятельности человека.

Как справедливо замечает М. Я. Блох в своей монографии «Человек и мир сквозь призму языка. Философские раздумья», «...эта активность может быть созидающей и разрушающей, реальной и виртуальной, научной и практической, технической и гуманитарной, рутинной и творческой...» [1, с. 7].

В тексте французской фольклорной сказки содержатся важные элементы национальной картины мира.

Речь идет о мифологических представлениях традиционной культуры, которые отражают сложную многоуровневую систему персонажей, функций, мотивов и сюжетов.

Согласно функциональной теории В. Я. Проппа, можно разложить на составные части практически любую сказку. Причем основные части – это функции действующих лиц [3, с. 73].

Ученый предлагает для анализа русскую народную сказку «Гуси-лебеди», переведенную на французский язык. Она служит свидетельством полного единообразия строения волшебных сказок.

Данное произведение имеет пять обязательных элементов / функций:

- 1) Начальная ситуация, так называемого, «равновесия»: «Жили - были старичок со старушкой. И была у них дочка да сынок...»
- 2) Ухудшение ситуации из-за похищения мальчика.
- 3) Нарушение равновесия. Девочка видит, что брат похищен.
- 4) Поиски брата. Сестра, наконец, его находит.
- 5) Восстановление первоначального равновесия. Брат найден.

Возвращение в отчий дом.

Все пять функций рассматриваются В. Я. Проппом как необходимые.

Во многих сказках обязательно присутствуют эти пять элементов. Могут, правда, быть небольшие, но вполне объяснимые различия.

Например, во французской сказке «L'arbre aux secrets» («Древо тайн») [4, с.11] можно обнаружить следующую последовательность действий:

- I – два солдата возвращаются с войны;
- II – один из них (антагонист) завидует товарищу (герою);
- III – пути персонажей расходятся;
- IV – более удачливый присутствует при беседе лесных зверей и узнает их тайны;
- V – с помощью выведенных сведений герой становится зрячим, богатым и женится на дочери короля.

По схеме, предложенной В. Я. Проппом, следует отметить, что антагонист (второй солдат) несет заслуженное наказание. Он выведывает секрет успеха у своего друга (героя) и идет в лес, где присутствует при разговоре зверей. Это происходит через год с момента первого разговора (когда герой узнает секреты зверей). Однако, удача отворачивается от ложного героя. Разъяренные звери пытаются его наказать, считая, что именно он выведал их секрет год назад. По всей видимости, враг (второй

солдат) должен быть убит, но избегает смерти. Его спасает дровосек. Обратим внимание на то, что последнее обстоятельство (удачное спасение антагониста) несколько не соответствует схеме, сформулированной ранее.

И этому есть объяснение, связанное со специфическими реалиями такого рода произведений.

Во французских сказках также можно отметить повторяющиеся функции действующих лиц. Они составляют «канву» сказки. Количество функций ограничено, а последовательность одинакова. В произведениях, о которых пойдет речь, эти функции троекратно повторяются. Есть три героя / героини, три желания, три задания, три действия, три награды, три года, три месяца, три дня и т. п.

Для иллюстрации данного явления приведем примеры таких сказок, как «Les oiseaux-fées» («Птицы – феи») и «Le conte de la Grenouillette» («Сказка о Лягушечке») [4, с. 21, с.53].

В сказке «Les oiseaux-fées» («Птицы – феи») - три главных персонажа. Это три птицы – феи (или женщины – феи). Они помогают главному герою в преодолении препятствий на пути к счастливой жизни.

В произведении «Le conte de la Grenouillette» («Сказка о Лягушечке») снова наблюдаем волшебную силу этой цифры. В ней три героя – сына стареющего короля. Три задания, которые король дает трем предполагаемым женам сыновей. Три льняных снопа для пряжи, три месяца, отведенных для воспитания и дрессировки трех щенков. И, наконец, три дня, в течение которых три девушки ухаживают за заболевшим королем.

Таким образом, сказка, сохраняет определенное место в языковом пространстве. Она имеет физические, информационные и семантические характеристики. С ее помощью могут формироваться паттерны необходимого поведения в обществе.

При изучении особенностей таких произведений выявляются склад мышления, отличительные черты воображения, а также способ представления мира в сознании людей.

Следовательно, правильность восприятия текста обеспечивается не только языковыми единицами и их сочетаниями, но и необходимым общим фондом знаний, то есть, коммуникативным фоном.

Как видим, филологический подход к изучению пространственно-временной образности сказочного текста проявляется в двух разновидностях – лингвистической и литературоведческой.

Литература

1. *Блох М.Я.* Человек и мир сквозь призму языка. Философские раздумья: монография. М.: Прометей, 2020. 534 с.
2. *Гумбольдт В.* О различии строения человеческих языков и его влияние на духовное развитие человеческого рода // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
3. *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В.Я. Проппа). М.: Лабиринт, 1998. 512 с.
4. *Contes et images d'autrefois.* / составление Т. В. Метелицыной. М.: Просвещение, 1984. 79 с.

Советов И. М.,
*кафедра английского языка,
факультет экономических и
социальных наук,
РАНХиГС;
ivan_soveto@mail.ru
SPIN-код eLibrary: 5941-4213*

СТАТУС ГЕРУНДИЯ В СИСТЕМЕ НЕЛИЧНЫХ ФОРМ АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА

Аннотация: статья посвящена особенностям функционирования герундия, который не совсем вписывается в имеющиеся классификационные схемы частей речи по причине гибридного характера. Герундий является инвариантной формой в английском языке, которая находится в процессе формирования новой категории на уровне частей речи. Особый интерес в английской грамматике представляет взаимодействие различных классов слов, при котором возникают единицы, обладающие асимметрией признаков и значительной противоречивостью. Одним из наиболее ярких примеров таких единиц является герундий. Синтаксическая роль герундия проявляется как в предложении, так и на уровне присловных связей.

Ключевые слова: английский язык, неличные формы глагола, герундий

Ivan Sovetov,
*English Department,
Faculty of Economic and
Social Sciences,
RANEPA;
ivan_soveto@mail.ru
SPIN-код eLibrary: 5941-4213*

THE STATUS OF THE GERUND IN THE SYSTEM OF NON-FINITE FORMS OF THE ENGLISH VERB

Abstract: the article is devoted to the peculiarities of functioning of the gerund, which does not quite fit into the existing classification of parts of speech because of its hybrid character. The gerund is an invariant form in English, which is involved in the process of forming a new category at the level of parts of speech. In English grammar the focus is on the interaction of different classes of words, which gives rise to units that have asymmetry of features and the contradictory nature. One of the most striking examples of such units is the gerund. The syntactic role of the gerund is manifested both in a sentence and at the level of phrases.

Keywords: English, non-finite verb forms, gerund

Подавляющее большинство английских грамматик строго различает причастие первое и герундий, несмотря на внешнее полное совпадение форм [1, 3]. Это вполне оправдывается функциональными особенностями, прежде всего различием между номинально-глагольной природой герундия и адъективно-глагольной природой причастия. В некоторых оборотах функции герундия и причастия довольно близко соприкасаются, например, в сочетаниях, выражающих обстоятельство времени: *on arriving there, we went to the theatre* и *when arriving there we went to the theatre*.

Случаи соприкосновения и совпадения герундия с причастием и трудность их разграничения побудили некоторых авторов совсем отказаться от различения этих форм. Главным представителем этой школы является Э. Круисинга, который не различает герундия и причастия. Ученый использует термины «*the ing*», «*the verbal ing*». Здесь налицо не только терминологическое новшество. В данном вопросе Э. Круисинга исходит из формы. Так как ни у одного глагола причастие по внешнему виду не отличается от герундия, то он не устанавливает различных грамматических форм, а называет все случаи этой формы одним названием «*the ing*» [4].

Как всякая форма, образованная при помощи суффикса, герундий представляет собой морфологическое явление. Герундий до такой степени проникнут синтаксическими связями, а его эквивалентность подчиненным предложениям разных типов настолько ясно и постоянно

стоит перед языковым сознанием, что его можно назвать наиболее синтаксизированным из всех явлений английской морфологии. В очень многих случаях своего употребления герундий содержит в скрытом виде синтаксические связи и отношения.

Благодаря этому возможны такие явления, как: *my meeting them was occasional* (подлежащее имеет при себе прямое дополнение) и *they were surprised at seeing her* (предложное дополнение имеет при себе прямое дополнение). Двусторонность герундия, наличие в нём как субстантивного, так и глагольного начала, возможность его использовать то одну, то другую сторону – создают благоприятные условия для развития исключительно гибких оборотов, эквивалентных подчиненным предложениям.

Из этих свойств герундия следует, что во многом он близок к инфинитиву. Действительно, инфинитив также развился из существительного, путём приближения его к глагольной конструкции и вхождения в систему спряжения глагола. Осмысление функций и категорий герундия аналогично осмыслению функций и категорий инфинитива. Будучи первоначально нейтральным по отношению к категории залога, герундий впоследствии дифференцировался в этом отношении.

Близость герундия к инфинитиву создала условия для соперничества между ними; во многих оборотах стало возможно употребление как одной, так и другой формы. Как обычно в таких случаях, возникает дилемма: либо произойдёт дифференциация значения и употребления этих двух форм, либо одна из них вытеснит другую. В настоящее время ещё трудно сказать с полной определённой, каков будет исход этой дилеммы. Герундий выражает скорее несовершенный вид, тогда как инфинитив, по сравнению с герундием, приобретает скорее оттенок совершенного вида.

Вытеснение инфинитива герундием – второй возможный результат существующей между ними конкуренции – проявляется в оборотах с глаголами (*keep, finish, go on*), в сочетаниях (*cannot keep, do not mind*).

Случаи употребления инфинитива и герундия бывают различными в том отношении, что в одних случаях никакого определённого субъекта действия, выраженного инфинитивом или герундием, не мыслится, тогда как в других случаях такой субъект, притом совершенно конкретный, бесспорно ясен из контекста. В качестве примера действительно бессубъектного инфинитива или герундия можно привести предложения,

в которых эти формы играют роль подлежащего или предикативного члена: *to see is to believe*. Никакого определённого субъекта здесь не имеется [2].

Субстантивные свойства герундия проявляются ярче, чем у инфинитива, поэтому мы находим следующие различия в значении инфинитива и герундия:

– инфинитив выражает потенциальное действие, а герундий – конкретное, осуществившееся:

She sensed him to be a bit uncertain/She sensed his being uncertain.

– инфинитив выражает действие преднамеренное, а герундий – неожиданное или случайное:

He was afraid of falling. / He was afraid to jump.

– инфинитив выражает однократное действие, а герундий – длительное или многократное. После глаголов начала, продолжения и завершения действия:

She began opening all the doors. / She began to open the doors.

Особенностью английского языка является широкое использование предикативных конструкций в функции различных частей предложения. Герундиальные обороты занимают переходное положение между фразой и подчинительным предложением. Они отличаются от фразы тем, что в их состав входят два слова, находящиеся в предикативных отношениях, в то время как фраза таких слов не содержит. Герундиальные обороты отличаются от придаточных предложений тем, что предикативные отношения в них выражаются не явно, т.е. не в форме подлежащего и сказуемого. Наличие двух компонентов, стоящих в предикативных отношениях, делают возможным трансформацию герундиального оборота в придаточное предложение, в котором номинальная часть выполняет функцию подлежащего, а глагольная – роль сказуемого. Герундиальные обороты принципиально отличаются от предложения структурно: субъектно-предикативные отношения в них не оформлены конструктивными средствами предикативной связи.

Если же в предложении вместо притяжательного местоимения употребить личное местоимение в объектном падеже, то субстантивный характер герундия здесь ослабляется. Эта десубстантивизация герундия связана с приближением его к причастию. При замене притяжательного местоимения на личное и притяжательного падежа на общий падеж (в существительных) получается конструкция, которую Г. Суит назвал полу-герундием.

Общекатегориальное значение герундия – процессуальность сохраняется всегда, во всех функциях в предложении. Процессуальность, передаваемая герундием, ограничивается внешними рамками, создаваемыми лимитаторами, (притяжательными местоимениями или существительными в притяжательном падеже). Традиционно предложения, содержащие герундиальные обороты, рассматриваются как простые, но «осложнённые» этими оборотами. Однако, использование свёрнутых субъективно-предикативных структур увеличивает ёмкость и глубину простого предложения. Это один из способов экономии языкового материала в области синтаксиса, стремление языка к выражению сложного содержания с наименьшей затратой языковых средств.

Номинация предполагает введение в систему языка прежде всего показателей для вторичных функций. Если язык располагает морфологическими категориями существительных и глаголов, то система его будет включать в себя некоторые грамматические единицы, приписывающие глаголам функцию существительных. Одной из таких единиц в английском языке как раз и является герундий. В предложении с осложнённой синтаксической структурой ощущается стремление к компрессии информации. Вся побочная информация передаётся номинализацией процессов и действий.

Мы можем понимать итоговое определение только тогда, когда нам известны все предшествующие рассуждения, из которых оно вытекает. Это наблюдение относится как к семантической организации текста, так и к его содержанию. Использованный в тексте герундий может участвовать для связи высказываний, поскольку может повторять ранее сказанное, играя роль темы. Включение герундия и образованных от него конструкций в несущие предложения, действительно, обусловлено как стремлением к компрессии информации, так и стремлением разнообразить синтаксический рисунок текста, избежать монотонности.

Таким образом, особый интерес в английской грамматике представляет такой аспект, как и взаимодействие единиц различных классов, при котором, возникают единицы, обладающие асимметрией признаков, т.е. возникают единицы с противоречивой характеристикой. Противоречивость заключается в том, что в этих единицах, морфологический тип одного класса совмещается с сочетательным типом другого. Одним из наиболее ярких примеров таких единиц является герундий. Свёртывание предикативной единицы, опущение ряда

компонентов, сопровождается изменением категориальной принадлежности, предопределяет высокую синтаксическую мобильность в предложении. Поэтому вполне закономерно, что герундий имеет довольно широкий диапазон встречаемости. Герундий является довольно спорным образованием, не совсем вписывающимся в имеющиеся классификационные схемы частей речи по причине гибридного характера. Герундий является инвариантной формой в английском языке, которая находится в процессе формирования новой категории на уровне частей речи.

Литература

1. *Блох М. Я.* Теоретические основы грамматики. М.: Высшая школа, 2005. 237 с.
2. *Ильин Б. А.* Строй современного английского языка. М.: Просвещение, 1948. 347 с.
3. *Смирницкий А. И.* Морфология английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1959. 440 с.
4. *Kruisinga E. A.* Handbook of Present-Day English. Part II. Fifth edition. London, P. Noordhoff. 1931, 506 p.

*Уварова Е. А.,
кафедра грамматики английского языка
имени М. Я. Блоха,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
ea.uvarova@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 2976-5846*

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ
КОММУНИКАТИВНЫХ ТАКТИК В ХЕЙТ-ШОУ
«ROAST BATTLE»**

Аннотация: в статье рассматриваются языковые особенности хейт-шоу как разновидности современного комедийного жанра. Представляя собой соревнование двух комиков в искусстве оскорбления, хейт-шоу содержит коммуникативные тактики, реализующие вербальную агрессию, и направленные на актуализацию единой стратегии – введение категории комического в коммуникацию. Автор выделяет основные коммуникативные тактики и те языковые средства и приемы, которые повышают их эффективность и значимость для достижения комического эффекта.

Ключевые слова: категория комического, вербальная агрессия, стендап-шоу, карнавальная культура.

*Ekaterina Uvarova,
Department of English Grammar
named after M. Ya. Blokh,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
ea.uvarova@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 2976-5846*

LINGUISTIC MEANS OF IMPLEMENTING THE COMMUNICATIVE TACTICS IN THE HATE-SHOW «ROAST BATTLE»

Abstract: the article deals with the linguistic peculiarities of the hate-show as a variety of the modern comedy genre. As the hate-show represents a competition of two comedians in the art of the insult, it includes communicative tactics that implement verbal aggression but that are aimed at the actualization of the common strategy – the introduction of the category of the comic into this type of communication. The author singles out the main communicative tactics and those linguistic means and devices that increase their effectiveness and significance for achieving the humorous effect.

Keywords: the category of the comic, verbal aggression, stand-up show, communicative strategy.

Как известно, в XXI веке отмечается резкое увеличение форм развлекательного контента. К таким формам относится хейт-шоу “Roast Battle”, которое раскрывает идею «развлекательного унижения», подчеркивая тягу современной аудитории к подобному формату при необходимости развлечься, снять напряжение. Этим и обусловлена актуальность нашего исследования. Концепция хейт-шоу включает в себя идею стандартной стенд-ап комедии, которую можно определить, как современный юмористический жанр, в котором комик выступает перед большой аудиторией, представляя свои шутки в форме монолога [6]. Однако хейт-шоу формата «Roast Battle» – это не просто выступление артиста, а состязание двух комиков в искусстве оскорбления и унижения друг друга на сцене. Этот факт демонстрирует тесную связь хейт-шоу с не менее популярными сейчас рэп-баттлами.

Стоит отметить, что подобные шоу являются яркой манифестацией вербальной агрессии перед широкой аудиторией. Несмотря на то, что комики в процессе баттла обмениваются оскорбительными репликами, их общение не строится по принципу конструктивного диалога: коммуниканты не стремятся к некоторой общей цели, не занимают равные позиции в диалоге, нацелены лишь на эмоциональный ответ аудитории [3]. Однако речевая агрессия здесь является искусственной: комики не желают причинить вред (психологический или физический) своему оппоненту. Их главная цель – вызвать одобрение и смех у

аудитории, выиграть баттл (по решению присутствующего жюри). Это значит, что противника нужно не просто оскорбить, используя односложную обценную лексику (хотя такой вариант тоже возможен), но и в большинстве своем унижить, «облекая низкое в интересную языковую форму» [2]. Публика же наблюдает за подобными «конфликтами» на сцене, испытывая удовольствие, а это значит, что речевая агрессия здесь направлена на реализацию единой стратегии – актуализацию категории комического. Комическое, являясь особой философско-эстетической категорией, выстраивает здесь структурно-композиционную основу подобного рода коммуникации.

Для реализации категории комического в данном типе дискурса внедряются особые речевые тактики, которые помогают достичь поставленных задач в процессе коммуникации. Выявление тактик и является целью данного исследования.

Для выделения коммуникативных тактик и средств их внедрения в хейт-шоу нами были проанализированы выпуски шоу «Roast Battle» (Великобритания), выходившие на канале «Comedy Central» с 2018 по 2020 гг. Результаты нашего исследования позволили обозначить целый ряд коммуникативных тактик.

Одной из них, например, является *инвективизация коммуникации*.

Под инвективной лексикой мы понимаем «коллоквиальные и субколлоквиальные единицы, которые обладают ингерентной пейоративной оценочностью и используются как инструменты вербальной агрессии по отношению к адресату (объекту) высказывания» [4]. Использование инвективной лексики напрямую связано с явлением катарсиса – «очищением посредством обращения к низшему» [1]. Подобный способ избавления от напряжения и стресса через взаимодействие с чем-то вульгарным и даже запретным находит свое отражение еще в средневековой культуре, где сочетались преданность вере и земные потребности человека. Желание расслабиться, отойти от церковных норм выливалось в яркие праздники перед постом – карнавалы, которые помогали формировать атмосферу равенства, вседозволенности на грани неприличия. Подобные праздники сопровождалась и особым «карнавальным» языком, основанном на ненормативной лексике, «площадном сленге» [5]. Желание избавиться от негативных эмоций или страхов через инвективизацию коммуникации дошло и до наших дней. Примечательно, что юмор также способен

выполнять терапевтическую функцию, помогая избавиться от напряжения или страха через смех над сложной ситуацией.

Именно поэтому шутки, включающие в себя инвективную лексику, пользуются одобрением и успехом у аудитории хейт-шоу. Рассмотрим данное явление на примере:

– *There are 9 million bicycles in Beijing. So why don't you try using one of them, you fat f***d p***k?*¹

Комический эффект в данной шутке создается посредством эффекта обманутого ожидания через композиционный контраст между сетапом (основной информативной частью шутки) и панчлайном (развязкой). Шутка начинается с информации о велосипедах в Пекине. Аудитория ожидает, что и развязка будет иметь подобную тематику. Однако шутка превращается в ничто: в качестве панчалайна представлено прямое (интенциональное) оскорбление оппонента, что способно вызвать недоумение и, как следствие, смех. Панчлайн изобилует сниженной лексикой, а также инвективной лексикой с пейоративной оценочностью, которая обращает внимание аудитории к табуированной теме – теме внешнего вида собеседника (комик и оскорбляет оппонента, и советует чаще пользоваться велосипедом). Таким образом, *интенциональное оскорбление* и *обращение к табуированным темам* являются не менее важными коммуникативными тактиками в рамках хейт-шоу.

Рассмотрим еще один пример:

– *You're so hairy! If a small Asian boy started waxing your body, an old Asian man would finish waxing your body. – Oh, I shave, but it all grows back...*²

Прилагательное *hairy* представляет собой ситуационно-обусловленную инвективу: лексема может быть рассмотрена как нейтральная в некоторых контекстах, но в данном случае она является инструментом вербальной агрессии по отношению к комику-девушке. Комический эффект здесь усиливается посредством контраста – количество контрастирующих единиц в рамках одного высказывания достаточно велико: атрибутивные словосочетания *small boy / old man*, глаголы *start / finish*. Комизм ситуации набирает обороты посредством

¹ British Comedy Guide: Phil Wang vs Ed Gamble – Roast Battle. URL: https://www.comedy.co.uk/tv/roast_battle/videos/15316/phil_wang_v_ed_gamble/ (дата обращения: 01.10.2023).

² Husband and wife Roast Battle. Bobby Mair VS Harriet Kemsley. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yAkKsfGNQdk> (дата обращения: 01.10.2023).

ответной реплики самой девушки: она соглашается со своим недостатком, а значит, и с оскорблением (что является примером *self-denigrating humor* – шутки, направленной на самого себя [7]).

Ввиду тесной связи хейт-шоу с концепцией карнавального мироощущения, стоит отметить, что в шоу данного формата, как и в карнавале, прослеживается принцип единства и вовлеченности: здесь нет четкого деления на участников и зрителей – каждый присутствующий может участвовать в действе. Именно поэтому при анализе «Roast Battle» можно четко проследить *тактику апелляции к публике*. Постоянное обращение к аудитории позволяет вовлечь ее в процесс состязания. Так, комики часто обращаются к аудитории с такими же оскорблениями, как к своим соперникам на сцене. Комический эффект усиливается посредством введения указательных местоимений в сочетании с инвективой. Особую роль играют и невербальные средства: комик указывает на того или иного зрителя, что дает понять, что обращается он именно к нему:

– *I have the best wife! Your wife is s****t and your wife is s****t and your wife is s****t!*¹

В присутствии своего оппонента комик может также обсуждать его (называя по имени, используя местоимения третьего лица или инвективную лексику с целью номинации), что создает эффект диалога с аудиторией в отсутствии кого-либо еще:

– *Oh, I have so many things to say to this fat p****k!*²

– *Sophie has a body that most people envy because she has 36DD. Unfortunately, all that is both her knees.*³

Таким образом, проведенное исследование помогло нам прийти к следующим выводам:

1. Хейт-шоу типа “Roast Battle” представляют собой юмористический жанр нового формата, где вербальная агрессия, будучи искусственно созданной, сочетается с комическим эффектом. Этот факт подчеркивает актуальность нашего исследования: подобные шоу

¹ Husband and wife Roast Battle. Bobby Mair VS Harriet Kemsley. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yAkKsfGNQdk> (дата обращения: 01.10.2023).

² Roast Battle UK. URL: https://vk.com/britscom?z=video-71422271_456239197%2Fln-D0EQIXEnxXeg4FiVZA (дата обращения: 01.10.2023).

³ Comedy Central Roast Battle. Sofie Hagen & Larry Dean. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vCh45DRXeb4&t=3s> (дата обращения: 01.10.2023).

набирают все большую популярность в связи с желанием современной аудитории расслабиться, посредством контента, строящегося на основе «развлекательной агрессии».

2. Категория комического помогает выстраивать структурно-композиционную основу высказываний комиков в данном шоу и является главной коммуникативной стратегией участников.

3. Категория комического подразумевает наличие особых речевых тактик, которые направлены на ее актуализацию. К ним можно отнести инвективизацию коммуникации, обращение к табуированным темам, интенциональное оскорбление, апелляцию к публике.

4. Все вышеперечисленные тактики внедряются в коммуникацию посредством целого ряда приемов: контраста (как композиционного, так и морфологического), гиперболы, игры слов, прямого обращения, общения с аудиторией посредством обсуждения оппонента в его присутствии (использование местоимений в третьем лице, номинация оппонента без прямого обращения).

Литература

1. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. 2-е изд. М.: Ладомир. М., 2001. 349 с.

2. Лассан Э. Р. Рэп-баттлы как специфический жанр современной культуры // Жанры речи. 2018. №4 (20). С. 313–320.

3. Ребрина Л.Н. Хейт-шоу: реализация хейта как коммуникативного феномена // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2022. Т. 21. № 1. С. 151–161.

4. Сергеева Ю. М. О соотношении дескриптивного и экспрессивного компонентов в семантической структуре инвективы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 3. С. 29–37.

5. Сидоревич О. Карнавальная культура Средневековья // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: сборник научных статей. УО «Полесский государственный университет». Пинск: ПолесГУ, 2022. Вып. 6. С. 34-36.

6. Степанова А. В., Квалдыкова Е.В. Структурные и лингвистические особенности стендапа // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 5-1 (56). С. 111–115.

7. Dynel M. Beyond a joke: types of conversational humour // Language and linguistics Compass. 2009. № 3 / 5. P. 1285–1299.

*Хрисонопуло Е. Ю.,
кафедра иностранных языков и
лингвистики,
Факультет мировой культуры,
Санкт-Петербургский государственный
институт культуры;
katherine0824@gmail.com
SPIN-код eLibrary: 5116-8971*

НОМИНАТИВНЫЕ И ПРЕДИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ВВОДНОГО *THERE* В СТРУКТУРЕ АНГЛИЙСКОГО БЫТИЙНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Аннотация: в статье выявляется роль вводного *there* в организации номинативного содержания английского бытийного предложения, а также характер взаимосвязей вводного элемента с другими частями предложения, которые способствуют реализации его предикативной функции. Языковые данные свидетельствуют в пользу того, что маркированность бытийного предложения по предикативному признаку “информативная перспектива” обусловлена инициальной позицией вводного элемента, в которой он служит средством номинации концептуальной структуры “пространство актуального события”.

Ключевые слова: бытийное предложение; вводный элемент; номинация; предикация; референция; концептуальная структура; пространство актуального события.

*Ekaterina Khrisonopulo,
Department of Foreign Languages
and Linguistics,
Faculty of World Culture,
Saint-Petersburg State
University of Culture;
katherine0824@gmail.com
SPIN-код eLibrary: 5116-8971*

NOMINATIVE AND PREDICATIVE FUNCTIONS OF ANTICIPATORY *THERE* IN THE STRUCTURE OF ENGLISH EXISTENTIAL SENTENCES

Abstract: the paper reveals the role of anticipatory *there* in the structuring of the nominative content of the English existential sentence and establishes the nature of relationships of the anticipatory element with other parts of the sentence which contribute to the realization of the clausal predicative function. As evidenced by linguistic data, the markedness of existential sentences for the predicative feature “information perspective” results from the initial position of the anticipatory element in which it serves as a means of nomination of the conceptual structure “relevant event space”.

Keywords: existential sentence; anticipatory element; nomination; predication; reference; conceptual structure; relevant event space.

Структура английского бытийного предложения интегрирует в своем составе вводный элемент *there*, бытийный глагол *be* либо соотносимый с ним предикат бытийного проявления субстанции (*go, come, grow*), именную группу (N), называющую бытующую субстанцию, а также (хотя и не обязательно) слово либо словосочетание с обстоятельственной семантикой (LOC): THERE BE N [LOC]. При этом бытийная структура представляет собой одну из разновидностей предложения как единицы синтаксиса и, следовательно, обладает свойством предикации, которая характеризуется в грамматической концепции М.Я. Блоха [1, с. 155] как “отнесение номинативного содержания предложения к действительности”.

В настоящей работе ставится цель выявить роль вводного элемента *there* в номинативной и предикативной организации бытийного предложения. При этом необходимо учитывать, что вводное *there* во многих случаях рассматривается как исключительно структурная единица, функционирующая в качестве формального подлежащего бытийного предложения. В то же время в когнитивной грамматике Р. Лэнкера отмечается соотношенность данного элемента с “абстрактным сеттингом” или “абстрактным фреймом презентации”, предназначенным для включения в него тех или иных сущностей [5, с. 347]. Кроме того, рассмотрение вводного *there* в переводческом аспекте в работе В.И.Хайруллина [2, с. 71] подводит автора к выводу о том, что этот

элемент называет определенное пространство, которое способно включать в себя как предметные, так и абстрактные сущности. Пространственная интерпретация вводного *there* предлагается также в нашей недавней работе [3], в которой выделяются основные концептуальные характеристики обозначаемого пространства. При этом пространственная семантика вводного элемента противопоставляется семантике личного подлежащего в высказываниях, обозначающих аналогичную бытийную ситуацию: *There was a noise - He heard a noise*.

Выводы, приводимые в упомянутых исследованиях, о номинативных функциях вводного *there* предполагают, что этот элемент вносит свой вклад в общую номинативную структуру английского бытийного предложения. Не исключено, что расширенно понимаемое номинативное содержание тесно взаимосвязано с особенностями отнесения этого содержания к действительности в актах предикации. Данное предположение будет проверено в дальнейшей части исследования при использовании методов дистрибутивного и диктемного анализа. Под диктемой, вслед за М.Я. Блохом [1], понимается минимальная единица тематизации, т.е. одно либо нескольких предложений, в которых раскрывается определенная тема. Материалом для анализа послужил сборник рассказов Р. Киплинга «Just So Stories» [4], в котором методом сплошной выборки отобрано 53 примера употребления бытийных предложений.

Предложения с вводным *there* являются маркированными по предикативному признаку “информативная перспектива”, что связано с помещением смыслового подлежащего после бытийного глагола и, соответственно, его коммуникативным выделением. Как правило, смысловое подлежащее называет новый объект, о котором впервые упоминается в сообщении и который стоит в центре обсуждения в рамках диктемы: “*Well,*” said the Horse “*there's a thing the middle of your Howling Desert...with a long neck and long legs and he hasn't done a stroke of work since Monday morning...*”. Вместе с тем, именная группа в позиции смыслового подлежащего может также обозначать то или иное качество (“*...there is something about you that I don't understand*”), абстрактное понятие (...*there was a great deal more in that than you would think*) или событие (...*five weeks later, there was a heat-wave in the Red Sea...*).

Как показывают языковые данные, независимо от семантического класса, к которой принадлежит именная группа в позиции смыслового подлежащего, последнее всегда указывает на фокус внимания

имплицитного в высказывании лица. Во-первых, преимущественной формой отрицания, употребляемого в бытийных предложениях, является то, которое непосредственно относится к существительному (*no N*) либо входит в состав неопределенных местоимений (*nobody, nothing*), ср.: *...there was no need to paddle...; There was nobody in the world so big as Pau Amma...; ...there was nothing left of the Equinoxes...* Во всех приведенных примерах отрицание не столько распространяет предикацию, сколько входит в состав именной группы, указывая на значимое отсутствие чего-либо, находящегося в фокусе внимания персонажа. Во-вторых, фокус внимания - это всегда нечто целостное и единое, в связи с чем употребление бытийного глагола в единственном числе возможно и в контексте множественного числа смыслового подлежащего: *"There wasn't lots of spears. There was only one spear..."*. Приведенный пример демонстрирует случай концептуального согласования между осмыслением референта подлежащего как единого фокуса внимания и формой числа сказуемого. Аналогичный случай концептуального согласования наблюдается и в случае употребления смыслового подлежащего с квантификатором *plenty*: *"There's plenty of black left on my skin still..."*. Наконец, в-третьих, именно концептуальная структура "фокус внимания" обуславливает интерпретацию смыслового подлежащего в случае его использования с определенным детерминантом. Например, употребление определенного артикля или притяжательного местоимения в составе именной группы всегда указывает на необходимость учета или принятия во внимания соответствующего референта: *"There's the hissy-snake at the the end and the carp-mouth before the snake..."*; *"There's your big spear at home," said Taffy.*

Категоризация референта смыслового подлежащего как фокуса внимания дает основание охарактеризовать стоящее за вводным *there* пространство как такую область, в центре которой находится личностный субъект. В свою очередь, интерпретация имплицитного *there* пространства как антропоцентричного подводит к вопросу о природе той сущности, на которой сконцентрировано внимание лица.

Как показывает языковой материал, стоящий за смысловым подлежащим референт связывается с тем или иным событием. Это событие выражается эксплицитно в случае функционирования смыслового подлежащего как событийного имени (*...there was a most awful thunder-clap...*) либо в случае его распространения за счет

определяющего оборота (...*at last there was only one small fish left in all the sea...*). Во всех других случаях предикация события референту смыслового подлежащего происходит имплицитно - либо на уровне диктемы, в которой референту подлежащего отводится темообразующая роль ("*There is a Baby in the Cave. He is new and pink and fat and small, and the Woman is very fond of him*"), либо на уровне текста в целом, когда за подлежащим стоит главный персонаж произведения: *In the beginning of years...there was a Camel, and he lived in the middle of a Howling Desert...* В любом случае вводное *there*, осмысляемое как пространство, вводит субъектно-предикатную группу, которая в целом мыслится как актуальное для данного текста событие.

Сказанное об особенностях смысловых взаимосвязей вводного *there* в составе английского бытийного предложения позволяет сделать вывод о том, что в рамках осуществляемой предложением номинации на долю вводного элемента отводится указание на концептуальную структуру **"пространство актуального события"**. Специфика номинативного содержания вводного *there*, в свою очередь, обуславливает особенности функционирования языковых единиц (в том числе определенных детерминантов и слов с семантикой отрицания) при реализации предикативных функций бытийного предложения.

Литература

1. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики: учебник. 5-е изд. испр. и доп. Дубна: Феникс+, 2016. 248 с.
2. Хайруллин В.И. Перевод и фреймы. М.: Либроком, 2017. 144 с.
3. Хрисонопуло Е. Ю. Номинативный аспект дифференцированного употребления английских высказываний с вводным 'there' и личным подлежащим в художественном тексте // Когнитивные исследования языка. Вып. № 2 (53): Познание в языке и дискурсе: субъективное видение объективных миров: материалы Круглого стола по когнитивной лингвистике. Московский государственный лингвистический университет. 8 ноября 2022 г. / гл. ред. вып. О. К. Ирисханова. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2023. С. 140 – 147.
4. Kipling R. Just So Stories. Moscow: Progress Publishers, 1979. 254 p.
5. Langacker R.W. Grammar and conceptualization. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. 427 p.

Цыренова М. Ц.,
кафедра контрастивной лингвистики,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет
mts.tsyrenova@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 5879-2731

**ГРАММАТИКА МЕТАФИЗИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ А. УЛЗЫТУЕВА «БАЙКАЛЬСКОЕ
СОЛНЕЧНОЕ»)**

Аннотация: стихотворение А. Улзытуева «Байкальское солнечное» представляет собой опыт нетривиального поэтического высказывания, в котором подкупает авангардная, а потому заведомо наивная форма восьмистишия, его обманчивая дискурсивная простота. В рефлексии психоэмоциональных реалий космопланетарного масштаба поэтом актуализирована категория страдательного залога в непривычной для русского слуха форме. Субъектная семантика топикализованного личного местоимения, создает метафизический смысловой узел, в котором сопрягаются субстанциальное и субъектное.

Ключевые слова: метафизика, субъект, субстанциальное, дискурс, текст.

Marina Tsyrenova,
*Department of Contrastive Linguistics,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;*
mts.tsyrenova@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 5879-2731

**GRAMMAR OF METAPHYSICS
(BASED ON THE MATERIAL OF A. ULZYTUEV'S POEM
«BAIKAL SUNNY»)**

Abstract: A. Ulzytuev's poem «Baikal Sunny» is an experience of non-trivial poetic utterance, in which the avant-garde, and therefore obviously

naive form of the octave, its deceptive discursive simplicity, captivates. In the reflection of the psychoemotional realities of the cosmoplanetary scale, the poet actualized the category of the passive voice in a form unusual for Russian hearing. The subjective semantics of the topicalized personal pronoun creates a metaphysical semantic node in which the substantial and the subjective are interfaced.

Keywords: metaphysics, subject, substantial, discourse, text.

Амарсана Улзытуев написал стихотворение «Байкальское солнечное» в 1990 году, после окончания Литературного института им. М. Горького, после выхода первого поэтического сборника [1]. Это было время коротких строк и долгих дум поэта. Молодой поэт продолжал дорисовывать, уточнять образ своего лирического героя, бунтаря и провидца. Стихотворение дорого поэту. Он включает его во все свои поэтические сборники.

Надо мною солнце светит
И собой меня бессмертит.
Солнце по небу идет
И собой меня поет.
И собой меня сияет,
Головою улыбает.
Улыбаюсь головой –
Небо синее собой.

Через тридцать с небольшим лет «Байкальское солнечное» все еще читается как рискованный опыт нетривиального поэтического высказывания. Заведомо авангардная, а потому несколько наивная форма восьмистишия, его обманчивая дискурсивная простота и подкупают, и провоцируют к поиску исследовательского ключа.

В рефлексии психоэмоциональных реалий космопланетарного масштаба поэтом актуализирована категория страдательного залога в непривычной для русского слуха форме. Семантика топикализованного личного местоимения, с которого начинается стихотворение (*Надо мною*), фундирует первичность рефлексии лирического субъекта, во всяком случае, на уровне синтагматическом. «Я» изначально грамматически манифестируется в форме творительного падежа, а далее трижды – в форме родительного (*собой меня*). Три круга лексических повторов местоименного словосочетания – *собой меня* – передают не только ритм вселенского космического кружения, но и вовлеченность лирического

субъекта в кружение макро- и микромиров. Энергичное перетекание и связанность (*И собой меня бессмертит*) читаются как залог вечного продолжения жизни в Космо-Психо-Логосе (Гачев).

Колоссальные пространственные вертикали и горизонталы (*Солнце по небу идет*), пронизывают текст, сжимают и разжимают его одновременно. Так возникает неочевидный внутренний ритм стихотворения, уводящий в глубинные структуры подтекста.

Грамматически безукоризненный смысловой узел, в котором сопрягаются субъектное и субстанциальное (*Надо мною солнце светит*), усложняется во втором предложении на уровне семантики (*И собой меня бессмертит*). Выравнивание текста на частеречном (местоименном) уровне передает идею космической гармонии как вечного бескорыстного даяния и благодарного приятия. Лирический герой равен солнцу, небу. Так, грамматика простого предложения обретает иррациональный отсвет метафизики, осваивает опыт запредельного, открывает возможности языка к трансцендированию. Бессмертие – в свете... в песне... в сиянии... в улыбке...

Синтаксический строй первого предложения прост; его элементный состав ничем не замутнен, графически точен и прозрачен: обстоятельство места, выраженное личным местоимением 1 лица единственного числа в форме творительного падежа с предлогом; подлежащее, выраженное именем существительным; простое глагольное сказуемое, выраженное глаголом в форме изъявительного наклонения, настоящего времени. Минимализм стихотворного текста (всего – 8 строк, 27 слов) становится конструктивным ресурсом для организации кругового движения/перемещения членов предложения по другим синтаксическим позициям (от подлежащего к дополнению). Гибкость и пластичность словесного материала помогают поэту протянуть новые нарративные нити, выявить дискурсивные и метафизические возможности языка.

Сходные синтаксические конструкции передают масштаб космического кружения; отсутствие деталей – прагматику поэтического текста; ровный эмоциональный строй – стоически перенесенные лирическим субъектом этапы космической инициации. Алгоритм движения текста от двустипшия к двустипшию можно трактовать как метафизический прорыв от субъектного к субстанциальному, от личностного к сущностному. Последние две строки знаменует новый демиургический статус лирического субъекта:

Улыбаюсь головой –
Небо синее собой.

Доказательством тому и появление эпитета *синее*, поглощающего/растворяющего «солнечное», и синтаксическая тотальность лирического субъекта (*улыбаюсь... собой*). Возвратное местоимение *собой*, постфикс *-сь* бережно переданы от *улыбают* к *улыбаюсь*.

Поскольку солнце, небо наделены поэтом грамматической субъектностью и прорисованы в образной системе стихотворения не без метафорической ауры, то мифологизм тотально пронизывает текст, можно сказать, пронзает его насквозь. В трех первых двустишиях – солнце и лирический герой – связаны тугим узлом сочинительного соединительного союза «и». *Солнце* улыбается и радуется им (лирическим героем), он для него – объект, возводимый им до равного ему субъекта. Зыбкая (синтаксическая) грань, где субъектность/объектность взаимопревращаются передает полное доверие лирического героя силам природы, космоса. Живительная энергия торжествующей жизни циркулирует вокруг лирического героя, питает его, говорит им. Главная находка поэта, на наш взгляд, в этом сложном речевом жесте. Авторский синтаксис открывает нам не центробежное движение поэтической мысли от «я» лирического героя к воспеваемому им солнцу, а центростремительный ход – от «солнца» к «я» лирического героя. Для нас очевидно, что в этом стихотворении Амарсана хотел художественно выразить какой-то сверхважный и сверхличный опыт; опыт, который стал для него настоящим откровением. Мир однажды взглянул на него особенно пристально и нежно и передал ему дар тайновидца. Субстантивированные существительные – «Байкальское солнечное» – своей грамматической маргинальностью как бы предваряют и предвосхищают метафизическое в тексте.

Интуитивно Амарсаной, тогда еще достаточно молодым поэтом, только нащупывались его богатейшие языковые недра и залежи, только прорастали первые всходы его психоделических языковых посевов. Все еще было впереди – и «Глубокий космос», и «Смерть – бессмертие» (названия более поздних стихотворений на тему космоса и его (не)постижимости). Но именно в «Байкальском солнечном» был завязан тот метафизический узел, который много лет развязывает Амарсана, всматриваясь в космические дали и сопрягая земное с небесным.

Литература

1. Улзытуев А. Д. Новые анафоры. М.: Время, 2016. 128 с.

ФОНЕТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ЯЗЫКА. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

*Бойкова И. Б.,
кафедра немецкого языка,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
irbbo@mail.ru
SPIN-код eLibrary: 9631-0667*

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ. ПРОБЛЕМА ВЕРБАЛИЗАЦИИ

Аннотация: в статье показано, что интернациональный концепт, представленный в докладе Всемирной комиссии ООН 1987 г. и обозначенный как *sustainable development*, менее адекватно передаётся лексическими средствами французского и русского языков и более адекватно – средствами немецкого языка.

Ключевые слова: интернациональный концепт, национальная семантика, вербализация концепта, неестественный путь развития значений.

*Irina Bojkova,
Department of the German Language,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
irbbo@mail.ru
SPIN-код eLibrary: 9631-0667*

AN INTERNATIONAL CONCEPT. THE PROBLEM OF VERBALIZATION

Abstract: the article shows that the international concept formulated in the report of the UN World Commission in 1987 and designated in English as

sus-tainable development is less adequately conveyed by the lexemes of French and Russian and more adequately by the lexemes of German.

Keywords: international concept, national semantics, verbalization of the concept, unnatural way of development of meanings.

В 1987 г. Международная комиссия ООН по состоянию окружающей среды и перспективам развития государств опубликовала доклад «Our Common Future» («Наше общее будущее»). В этом документе представлена следующая концепция мирового развития: «... development ... meets the needs of the present without compromising the ability of future generations to meet their own needs» («... развитие ... отвечает потребностям настоящего, не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности») [5, с. 16]. Данная формулировка фактически определяет содержание нового интернационального концепта. Новый концепт потребовал вербализации. Ниже рассматриваются номинации данного концепта в английском, французском, русском и немецком языках. Исходный семантический потенциал лексем сопоставляется с новым содержанием, которое они призваны передавать.

В англоязычном оригинале развитие, удовлетворяющее сформулированному принципу, получило номинацию *sustainable development*. Собственная семантика прилагательного (от многозначного глагола *sustain*) лишь отчасти передаёт содержание нового концепта: *sustainable* означает либо «такой, который возможно поддерживать», либо «такой, который можно вытерпеть». Очевидно, авторы доклада комиссии ООН имели в виду оба значения. В целом номинация отражает взаимодействие человека с действительностью в течение некоторого времени. Связь этого взаимодействия с будущими результатами **привносится** в новое значение прилагательного.

Французская номинация концепта – *le développement durable*. Прилагательное *durable* выражает идею длительной стабильности состояния и означает «длительный, долговременный, прочный, ноский». Признак длительности вписывается в содержание нового концепта, но признак стабильности **противоречит** ему. Таким образом, прилагательному приходится принимать на себя совершенно новое значение, с которым его роднит только признак длительности.

Показательно, что создатели исходной номинации концепта не использовали английское прилагательное *durable*, которое означает в

целом то же, что французское *durable* (оба слова происходят от латинского *dūrāre* в значении «затвердеть»), а во французском языке, в отличие от английского, не нашлось прилагательного, более адекватного содержанию нового концепта.

Русская номинация концепта – ***устойчивое развитие***. Прилагательное ***устойчивый***, кроме прямого значения «не падающий», имеет переносное «не подверженный изменениям» и в этом значении обычно сочетается с существительными, которые не обозначают движения (напр., *устойчивое положение, состояние, мнение* и пр.). Если же существительное именуется движением, то признак «не подверженный изменениям» трактуется как «не подверженный изменениям темпа и направления». Поэтому вне связи с документом ООН *устойчивое развитие* понимается так же, как, например, *устойчивый рост*, т. е. постоянный рост, постоянное развитие в заданном направлении. В значении французского прилагательного *durable* отражена стабильность статики, а в рассматриваемом значении русского прилагательного *устойчивый* – стабильность динамики. В обоих языках признак стабильности **противоречит** содержанию нового концепта.

Наиболее точно содержание вновь созданного концепта передают две равнозначные номинации немецкого языка: ***Nachhaltigkeit = nachhaltige Entwicklung***. У существительного *Nachhaltigkeit* и прилагательного *nachhaltig* тот же корень, что у многозначного глагола ***halten***, который имеет, в частности, значение «оставаться в данном состоянии». Если не принимать во внимание частеречное значение, то денотатом глагола является отрезок времени, в течение которого сохраняется некоторое положение дел, напр.: *Der Schnee hält schon drei Tage.* (*Снег лежит уже три дня.*)

От глагола *halten* в 17 веке образуется глагол ***nachhalten***, в котором морфема *nach-* выражает значение «после». Денотат усложняется: обозначаемый отрезок времени теперь представлен как единство двух фаз: в первой фазе положение дел формируется, а во второй оно длительно сохраняется, при этом первая фаза имеет скорее статус пресуппозиции, напр.: *Das Misstrauen hält nach.* (*Недоверие сохраняется.*)

От глагола *nachhalten* в 18 веке образуется прилагательное ***nachhaltig***, а затем существительное ***Nachhaltigkeit***. В семантике этих частей речи повышается статус первой фазы. Так, *nachhaltig*, в зависимости от контекста, может «высвечивать» не только вторую фазу

(положение дел сохраняется), но и первую (положение дел формируется), если это позволяет семантика существительного, напр.: *eine nachhaltige Wirkung* (*стойкое воздействие* – акцент на первой фазе / *длительный эффект воздействия* – акцент на второй фазе). Прилагательное *nachhaltig* может также характеризовать только вторую фазу, оставляя первую в пресуппозиции, напр.: *nachhaltige Verbesserung* (*устойчивое улучшение*).

Существительное *Nachhaltigkeit* отличается от прилагательного *nachhaltig* не только частеречным статусом, но и дальнейшим усложнением денотата: две фазы единого процесса могут быть двумя разными явлениями, между которыми существует причинно-следственная связь. Тогда модель значения имеет вид: фаза X → фаза Y. Наличие переменных в значении делает существительное широкозначным. Пример наполнения переменных:

– *Nachhaltigkeitsfaktor* – фактор, влияющий на определение размера пенсий, которые постоянно уменьшаются (фаза Y) в связи с (→) уменьшением количества работающих и ростом количества пенсионеров (фаза X). Денотатом существительного *Nachhaltigkeit* может быть также только вторая фаза, тогда первая вербализована отдельно, а причинно-следственная связь выражена имплицитно: *die Nachhaltigkeit* (фаза Y) *der Finanzpolitik* (фаза X) (*устойчивый результат финансовой политики*).

Таким образом, формулировка концепта, представленная в докладе комиссии ООН 1987 г., органично вписывается в семантику существительного *Nachhaltigkeit*: в этой формулировке представлены обе фазы развития и причинно-следственная связь между ними:

«Развитие, которое отвечает потребностям настоящего (фаза X), не ставя под угрозу (→) способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности (фаза Y)»

Удивительно, что при переводе доклада комиссии ООН 1987 г. переводчик Фолькер Хауфф, сам член комиссии, не учёл возможностей этого слова. Тогда номинация *sustainable development* была переведена на немецкий язык как *dauerhafte Entwicklung* (*длительное развитие*) [4]. Только при переводе следующего документа ООН, «Agenda 21» («Повестка дня на 21 век»), спустя два года после его публикации, в 1994 г. *dauerhafte Entwicklung* было заменено на *Nachhaltigkeit* [1]. Так это широкозначное существительное, став именем нового концепта, приобрело специальное значение (затем новое значение распространилось и на прилагательное *nachhaltig*, которое стало

пониматься как «имеющий отношение к концепту «Nachhaltigkeit»»). В 1994 г. переводчики обратили внимание на то, что уже в начале 18 века посредством глагола *nachhalten* была выражена мысль, сформулированная в докладе комиссии ООН, но не в планетарном масштабе, а применительно к ведению лесного хозяйства: вырубка лесов не должна превышать их способности к восстановлению. Эта идея первоначально была выражена посредством глагола *nachhalten* в форме Partizip I: *nachhaltend*. Это сделал Ганс Карл фон Карловиц, который в 1713 году опубликовал первое на немецком языке сочинение по лесоразведению: «... eine kontinuierliche beständige und **nachhaltende** Nutzung ...» (последовательное, постоянное использование [леса], которое обеспечивает его способность к восстановлению) [2, с. 105]. Существительное *Nachhaltigkeit* в значении «динамическое равновесие между вырубкой лесов и их восстановлением» появляется в сочинении немецкого юриста Иоганна Филиппа Франка в 1789 году: «Auf solche Weise fällt es ihnen auch leicht, einen gemeinschaftlichen Förster zu unterhalten, der für die **Nachhaltigkeit** des Gemeinwaldes Sorge trägt» (Таким [отдельным гражданам] всем вместе будет нетрудно содержать лесника, который станет заботиться о том, чтобы их общий лес сохранял возможность к восстановлению) [3, с. 363].

С 1994 г. употребительность слов *Nachhaltigkeit* и *nachhaltig* резко возросла – благодаря их новому значению. Забота о судьбе будущих поколений стала национальной идеей. Для разъяснения нового значения *Nachhaltigkeit* создаются синонимы с более прозрачной мотивацией, напр.: *Zukunftsfähigkeit* (способность воздействовать на будущее), *Enkeltauglichkeit* (соответствие потребностям внуков), *Generationengerechtigkeit* (справедливость по отношению к разным поколениям).

Выводы

Хотя содержание интернационального концепта во всех языках одинаково, национальная семантика номинантов накладывает отпечаток на его восприятие. В английском, французском и русском языках собственные значения прилагательных, призванных характеризовать мировое развитие, не совпадают с характеристикой, данной в документе комиссии ООН. Значение английского прилагательного *sustainable* должно быть дополнено признаком «связь с будущим», а значения французского прилагательного *durable* и русского *устойчивый* фактически никак не связаны с новым содержанием, более того, для его

передачи из значений обоих прилагательных следует изъять ведущий семантический признак «стабильность». Языковая память об этом признаке препятствует адекватному пониманию содержания концепта французами и русскими. Такой путь развития многозначности слова можно определить как неестественный, вынужденный. Значение немецкого существительного *Nachhaltigkeit* гармонирует с содержанием нового концепта. Кроме того, это существительное уже передавало похожее содержание несколько веков назад. Поэтому в немецкой культуре и лингвокультуре сформировался истинный концепт, который не только понимается, но и переживается.

Литература

1. Agenda 21. Konferenz der Vereinten Nationen für Umwelt und Entwicklung. Rio de Janeiro, Juni 1992. 361 S. URL: https://www.un.org/depts/german/conf/agenda21/agenda_21.pdf (дата обращения: 30.10.2023).

2. *Carlowitz H. C. von. Leipzig: Braun, 1713. 432 S.* URL: <https://digital.slub-dresden.de/werkansicht/dlf/85039/16> (дата обращения: 30.10.2023).

3. *Frank J. H. System der landwirthschaftlichen Polizey. Leipzig: Crusius, 1789. 502 S.* URL: https://books.google.ru/books/about/System_der_landwirthschaftlichen_Polizey.html?id=UHvIO4W60D8C&redir_esc=y (дата обращения: 30.10.2023).

4. *Hauff V. Unsere gemeinsame Zukunft: der Brundtland-Bericht der Weltkommission für Umwelt und Entwicklung. 1. Auflage. Greven: Eggenkamp, 1987. XXIV, 421 S.*

5. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future, 1987. 300 p. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf> (дата обращения: 30.10.2023).

*Бунаева И. А.,
кафедра фонетики и лексики
английского языка имени В.Д. Аракина,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
ia.bunaeva@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 7790-5199*

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ЦЕННОСТЕЙ АНГЛИЧАН: ОСОБЕННОСТИ И
ПРОЯВЛЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ФИЛЬМА «ЛЕДИ В ФУРГОНЕ»)**

Аннотация: в статье анализируется понятие «ценность», рассматриваются примеры и особенности проявления базовых общечеловеческих английских ценностей в лингвокультурологическом аспекте.

Ключевые слова: лингвокультурология; национальная ценность; культурная ценность, национальный английский характер

*Irina Bunaeva,
Department of English Phonetics and
Lexicology named after V.D. Arakin,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical State University;
ia.bunaeva@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 7790-5199*

**THE LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECT OF THE
VALUES OF THE ENGLISH: FEATURES AND
MANIFESTATIONS
(ON THE BASIS OF THE LADY IN THE VAN FILM)**

Abstract: the article analyzes the concept of "value", discusses examples and features of the manifestation of basic universal English values in the linguistic and cultural aspect.

Keywords: cultural linguistics; national value; cultural value, English national character.

Понятие «ценность» широко используется в современных гуманитарных науках, однако единого определения ему не существует. Многозначность понятия и его содержательная сложность связаны с социальной, культурной, духовной и личностной сферами деятельности человека. «Национальные ценности» взаимосвязаны с этническими традициями, национальным самосознанием народа, его менталитетом, «культурные ценности» отражают традиционный опыт и современные знания о культуре в целом, не зависимо от национальности [1].

При изучении окружающего мира у человека формируется общее ценностное отношение ко всем предметам и явлениям, представляющим смысл и значимость. Познавая ценности окружающего мира, человек берет за основу устоявшиеся в его культуре привычки, традиции и правила, которые влияют на формирование национального характера [2]. Без ценностей не может существовать ни общество, ни человек. Следовательно, ценности следует рассматривать через призму общественной жизни, через обобщенные стандарты того, что человек в обществе считает хорошим руководством в жизни. Отношение личности к социальным ценностям является регулятором ее поведения. От своеобразия и индивидуальности культуры зависит, какие ценности для человека являются существенными и значительными, а какие не имеют первостепенной важности. Представители настоящей культуры должны твердо соответствовать установленному образцу поведения.

В статье рассматриваются особенности проявления «ценностей» англичан на материале фильма «Леди в фургоне» [3] – глубоко серьезном фильме обо всех «правильных вещах». Это картина о природе благотворительности, лишенной мотивации человечности и иррациональной доброте. Изучение национального характера сценических персонажей фильма в качестве лингвокультурной модели является объектом нашего исследования.

Отметим, что мисс Шепард и Аллан Беннетт являются реальными людьми. Фильм основан на мемуарах. В конце 1960-х драматург Аллан Беннетт переехал на благородную лондонскую Глостер-Кресент, в Кэмден-Тауне, населенный людьми искусства. Находясь в творческих поисках, жители квартала не забывают об имущественных ценностях. Соседи понимают, какой ущерб может быть нанесен им присутствием

мисс Шепард, бездомной пожилой женщины, которая поселилась на их улице в полуразрушенном фургоне, обходя ограничения на парковку и законы о бродяжничестве.

Итак, индивидуализм, рационализм, независимость, прагматизм, равенство, толерантность есть базовые ценности английской культуры. Идеальный англичанин образован, честен и бескорыстен, тактичен и вежлив, с чувством внутреннего самоуважения. В английском обществе принято решать любые дела «согласно обычаю», основываясь на твердом убеждении: «так принято». Перечисленные категории накладывают отпечаток на образ жизни, межличностных отношениях и поступках англосаксов, что позволяет им гармонизировать отношения в сферах культуры и образования.

Отметим, что система культурных ценностей также отражается в английском языке. Быть сострадательным и добрым к другим людям – одна из ключевых частей английского словаря. Словарный запас для выражения доброты и понимания достаточно широк в английском языке, что помогает в общении в любой ситуации. *Доброта* определяется как качество дружелюбия, щедрости и внимательности. С добротой ассоциируются привязанность, беспокойство и заботливость. Однако проявление доброты часто требует мужества и силы. Простой акт доброты может иметь огромные последствия, как в индивидуальном, так и в глобальном масштабе. *Alan Bennett to himself: “People will think it’s because you’re too nice. It’s actually because you’re too timid. Yes. Though this being England, timid is good, too.”* В фильме изображено английское человеческое разнообразие и постоянный конфликт между тем, что достойно и что правильно. Писатель пытается решить мучительный вопрос о том, что движет великодушным инстинктом человека. *“It’s not kindness, it’s convenience”*, — говорит Беннетт, Эта фраза связана с желанием всех жителей Глостер-Кресчент избавиться от мисс Шепард. Писатель признает что то, что другим кажется добротой с его стороны, является просто способом избежать неприятностей. Он хочет казаться порядочным парнем, а не соседом Руфусом, который открыто заявляет: *“This is London; nobody’s kind.” “Now the old cow (Ms Shepherd) has got a foot in the door. He’s a fool”*, – высказывается другой сосед. Беннетт ведет себя по-доброму, великодушно и чутко, и в то же время, признает, что такие качества не являются бескорыстными, что они на самом деле приносят свои собственные «награды». *Alan Bennett to Social Worker: “Excuse me, may I stop you? Do not call me the carer. I am not the carer. I*

hate caring. I hate the thought. I hate the word. I do not care, and I do not care for. I am here, she is there. There is no caring.”

По темпераменту англичанин – флегматик, ему присуще невозмутимое спокойствие и выдержка. Неотъемлемой составляющей понятия “*Englishness*” являются талант владеть собой как «культ самоконтроля» и умение достойным образом реагировать на жизненные ситуации как «культ предписанного поведения». Представители данной культуры уравновешенные, приветливые, предупредительные люди, твердо глубоко уважающие традиции. Поведение Беннетта полностью соответствует «*принципам джентльменского поведения*», есть национальный английский характер. Позволив мисс Шепард припарковаться на его подъездной дорожке, Беннетт действовал сверх гражданского, не обязательно христианского долга. Старушка пробыла там 15 лет, доставляя домовладельцу «некоторые» неудобства. Необходимо уточнить, что понятие “*privacy*”, не только означает «*личное пространство человека*», «уединённость». Это есть суверенное право на независимость, которое является в английской культуре важнейшей ценностью. Это понимание находит отражение в сознании, в характере, в материальной культуре и в языке.

«*Индивидуализм*» высоко ценится в английской культуре. Понятие группы включает только семейную ячейку. Однако когда здравый смысл подсказывает, что оплошать нельзя, англичанин готов уступить жизненным обстоятельствам и «*быть одним из*», быть в окружении, соседей по кварталу, с которыми у него не много общего. В этом случае он чувствует себя счастливым и спокойным, для него действительно важно. Взаимное молчаливое одобрение в обществе внушает англичанам уверенность в себе, заглушая ощущение незащищенности. Надобность «*быть вместе*» проявляется и в преданности англичан классовой системе. Исторически сложившаяся социальная структура Великобритании оказывает влияние на британское общество и в настоящее время. Причисления к тому или иному классу англичане добиваются с помощью различных сложных путей. Попав в замкнутую общественную группу, они принимают «*правила игры*» недоступные для остальных правила и обычаи, чувствуют себя вполне комфортно, питая ко всем “аутсайдерам” нечто вроде фобии. *Alan Bennett: [narrating] “The houses in the Crescent were built as villas for the Victorian middle class. And their basements are now being enlarged by couples who are liberal in outlook, but not easy with their new-found prosperity. “Guilt,” in a word. Which means that in varying*

degrees, they tolerate Miss Shepherd. Their consciences absolved by her presence.”

В целом, англичанами управляет довольно простой набор жизненных правил и ценностей, которым, следует каждый, пусть даже только на словах. Единственным исключением из этой системы является «здравый смысл» – основополагающее понятие для англосаксов во всем. Благодаря здравому смыслу англичанам присуще общее нежелание допускать ошибки. Благотворительные порывы Аллана по отношению к мисс Шепард – кратчайший путь к искуплению, попытка избежать ошибки, совершенной им в отношении своей стареющей матери. *Alan Bennett: “So, with painful symmetry my mother ends up in a home in Weston-Super-Mare while she (Miss Shepherd) derelict counterpart resides in my garden. Putting my mother in a home, I see as some sort of failure, and giving the other a home, that’s a failure, too.”*

Так, оба героя фильма являют собой пример *стоицизма*, – одной из основных черт истинно английского характера. Мисс Шепард - женщина, скрывающаяся от полиции, о чем соседи никогда ее не спрашивают: недопустимо *совать нос в чужие дела*. Женщина, которая никогда не говорит “спасибо”, даже за подарки на Рождество, никогда не извиняется: *“I’ve no time for sorry. Sorry is for God”*. В юности мисс Шепард была монахиней, “спорщицей”, а также музыкальным вундеркиндом. Ей было запрещено играть на фортепьяно в качестве упражнения в послушании – своеобразное «упражнение в жестокости», по словам пожилой леди: *“Playing came easier than praying.”* Несмотря на то, что пожилая леди индивидуалист и эгоцентрик (как типичный англичанин), ей нужен Аллан Беннетт - благодушный и отзывчивый слушатель. *“Good nature, or what is often considered as such, is the most selfish of all virtues: it is nine times out of ten mere indolence of disposition. William Hazlitt, ‘On the Knowledge of Character’ (1822)” – Allan Bennett*

Литература

1. *Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание.*
URL:https://studylib.ru/doc/1709390/anna-vezhbickaya-yazyk.-kul._tura.-roznanie (дата обращения: 26.10.2023).
2. *Майол Энтони. Эти странные англичане.*
URL:<https://libking.ru/books/ref-/ref-guide/1139571-entoni-majol-eti-strannye-anglichane.html> (дата обращения: 26.10.2023).
3. "The Lady in the Van", a comedy-drama film directed by Nicholas

Нютнер. UK, Production: TriStar Productions, BBC Films, 2015. (Duration: 104 min). URL: <https://moviesjoy.to/movie/the-lady-in-the-van-11225> (дата обращения: 26.1.0.2023).

Ворошкевич Д. В.,
кафедра фонетики и лексики
английского языка имени В.Д. Аракина,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
dv.voroshkevich@mspu.su

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЬЕТНАМСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация: в связи с использованием английского языка для осуществления межкультурной коммуникации в большом количестве стран по всему миру, в настоящее время растет потребность в изучении различных вариантов английского языка. В данной статье рассматриваются особенности вьетнамского варианта английского языка на фонетическом уровне, связанные с влиянием родного (вьетнамского) языка. Автор анализирует различия в фонологических системах английского и вьетнамского языков, что позволяет выявить возможные сложности при обучении вьетнамских студентов фонетике английского языка.

Ключевые слова: фонетические особенности, фонологическая система, интерференция, фонологические ошибки, гласные звуки, согласные звуки.

Darya Voroshkevich,
Department of English Phonetics and
Lexicology named after V.D. Arakin,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
dv.voroshkevich@mspu.su

PHONETIC PECULIARITIES OF THE VIETNAMESE VARIANT OF THE ENGLISH LANGUAGE

Abstract: nowadays English is used as a Lingua Franca in many countries all over the world. This requires the study of different variants of the English language. This article deals with the peculiarities of the phonetic level of the Vietnamese variant of the English language that are connected with the transfer of L1 phonetic features. The author analyses the differences in the phonological systems of the English and Vietnamese languages, which makes it possible to identify difficulties in teaching Vietnamese students English phonetics.

Keywords: phonetic peculiarities, phonological system, L1 transfer, phonological mistakes, vowels, consonants.

Использование английского языка в качестве языка межкультурного общения (English as a Lingua Franca) требует исследования различных вариантов английского языка для повышения эффективности межкультурной коммуникации. В настоящее время всё больше исследований посвящается изучению особенностей вариантов английского языка, которые относятся к расширяющемуся кругу (Expanding Circle) в терминологии Б. Качру [4]. Данные варианты используются в странах, где английский изучается как иностранный язык. К этой группе относится вьетнамский вариант английского языка. Представляется, что особого внимания требует изучение фонетических особенностей данных вариантов, т.к. в той или иной мере будет наблюдаться интерференция национального языка данной страны в изучаемый иностранный [3]. Это будет оказывать влияние на понимание речи на английском языке представителями других культур, а также на эффективность межкультурной коммуникации.

Фонологические системы вьетнамского и английского языков значительно различаются как на сегментном, так и на суперсегментном уровнях [3; 6; 9]. Исследования, посвященные сравнению вьетнамской и английской фонологии, отмечают значительные отличия в системе гласных и согласных звуков, природе ударения и ритмической организации высказывания [3; 5; 6; 8; 9].

Согласно исследованиям [8; 9] в начале слога и в английском и во вьетнамском языке могут встречаться звуки [p, b, d, k, m, n, f, v, s, z, h, l],

а в конце слога во вьетнамском языке произносятся только [p, t, k, m, n, ŋ]. При этом во вьетнамском языке начальные звуки [p, k] являются неаспирированным и часто воспринимаются носителями английского языка как [b] и [g]. Финальные [p, t, k] во вьетнамском языке «сдерживаются», т.е. реализуются способом, при котором поток воздуха прерывается в процессе произнесения звука, в отличие от английского языка, где эти звуки могут произноситься в конце слога [6; 8]. Во вьетнамском языке полностью отсутствуют сочетания согласных звуков. Также в начальной позиции в слоге никогда не встречаются звуки, соответствующие английским [t, g, θ, ð, ʃ, ʒ, ʒ, ʒ, ʒ, w]. Подобные несоответствия приводят к тому, что вьетнамцы, говорящие на английском языке, могут заменять одни звуки другими: в финальной позиции [b] может заменяться на [p], [d] на [t], [f] на [p], [v] на [b] или [p], [s] на [ʃ] или не произноситься вообще, [ʃ] не произносится, [z] заменяется на [ʃ] или [s], [tʃ] на [ʃ], [l] на [n] [3, с.269; 6, с.14-15]. Также они часто заменяют [θ] на [t] или [s], [ð] на [d] или [z], [p] на [b], [g] на [k], [dʒ] на [z], [ʒ] на [z] или [dʒ], [s] на [ʃ] [6, с.15]. То есть [ˈæplz] может произноситься как [ˈæpl], а [wɒtʃ] как [wɒ] [7]. Подобные замены могут вести к фонологическим ошибкам, т.е. замене смысла слова или искажению смысла всего высказывания, непониманию и возникновению коммуникативных барьеров.

Системы гласных звуков также значительно различаются. Согласно Танг [8, с. 8], вьетнамский и английский языки имеют 7 похожих гласных монофтонгов [i:], [æ], [e], [ɔ:], [ɒ], [ʊ], [u:]. Кроме этого во вьетнамском языке есть еще 5 монофтонгов и 3 дифтонга, а также 20 возможных сочетаний двух гласных и 7 сочетаний из трех гласных. Во вьетнамском языке нет звуков, сходных с [ɪ], [ʌ], [z:] и безударным [ə]. Также нет дифтонгов, соответствующих английским [əʊ], [aʊ], [aɪ], [ɔɪ], [eɪ] и четырем сочетаниям гласных звуков [aɪæ], как в слове “Diana”, [ieɪ] как в “pronunciation”, [iəʊ] как в “stereo”, [əueɪ] как в “oasis”. Таким образом, вьетнамский язык имеет более сложную систему гласных звуков, в отличие от английского [8, с.11]. В своей речи на английском языке носители вьетнамского языка могут часто заменять [ɪ] на [i:], [ʊ] на [u:] или [ʌ], [e] на [æ], [æ] на [e] или [ɒ] [6]. Также у них могут возникать сложности с произнесением английских дифтонгов.

Важным отличием фонологической системы вьетнамского языка является строение слога. Выделяют 4 возможных типа слогов: открытый, полуоткрытый с окончанием на полугласную, закрытый,

заканчивающийся глухим смычным согласным, полузакрытый с окончанием на носовой. При этом самым распространенным видом является открытый слог [1].

Вьетнамский является тональным языком, т.е. каждый слог в нем произносится с определенным тоном. Большинство слов во вьетнамском языке моносиллабические, следовательно, тоны выполняют конституитивную, словоформирующую и словоопознавательную функции [1]. Тоны рассматриваются как отдельный вид фонем, называемый тонемами [8]. Во вьетнамском языке выделяют 6 тонов: 1) ровный, 2) нисходящий плавный, 3) нисходяще-восходящий, 4) восходящий прерывистый, 5) восходящий, 6) резко-нисходящий [1]. Один и тот же слог, произнесенный с различными тонами, может менять значение лексической единицы и высказывания, например: *ta* (привидение) и *tá* (щека). Наличие тонов может привести к трудностям в постановке ударения в дву- и многосложных словах. В некоторых исследованиях отмечалось, что носители вьетнамского языка произносят многосложные слова с одинаковым ударением на каждом слоге [2]. При этом отсутствие графического изображения тона над словом воспринимается как необходимость произнести слоги с таким тоном в английском языке.

Вместе с этим в английском и вьетнамском языках различная ритмическая организация речи. Английский относится к изохроническим языкам, т.е. ударные слоги произносятся в равные промежутки времени, а вьетнамский к изосиллабическим, в которых каждое слово во фразе одинаково по времени произнесения и силе артикуляции [6]. Данное различие может привести к изменению ритмического рисунка в речи на английском языке.

Вьетнамский вариант английского языка зачастую оценивается носителями других вариантов английского языка как достаточно сложный для понимания [5]. Подобные трудности могут возникнуть при значительной интерференции вьетнамского языка. Это может стать причиной возникновения коммуникативных барьеров и коммуникативных срывов. Представляется, что для повышения эффективности межкультурной коммуникации, с одной стороны, носителям вьетнамского варианта английского языка необходимо уделять особое внимание формированию фонетических навыков, с другой стороны, носители других вариантов английского языка должны

иметь представление о фонетических особенностях вьетнамского английского.

Литература

1. Пивоварова М. О. К вопросу об особенностях вьетнамского слога // Вестник СПбГУ. 2014. Сер. 9. Вып. 1. С. 204–209.

2. Anh N.P. L1 influence on Vietnamese accented English // *Kajian Linguistik dan Sastra*. Vol. 21. No. 2. Desember 2009. P. 93–104. URL: <https://www.researchgate.net/publication/279682926> (дата обращения: 23.10.2023).

3. Hwa-Froelich, Deborah, Hodson, Barbara W., Edwards, Harold T. Characteristics of Vietnamese Phonology // *American Journal of Speech-Language Pathology*. Vol.11. August 2002. P. 264–273. URL: <https://www.researchgate.net/publication/278524880> (дата обращения: 9.10.2023).

4. Kachru B. Standards, codification and sociolinguistic realism: English language in the outer circle // *English in the world: teaching and learning the language and literatures*. Cambridge University Press, 1985. P. 11–36.

5. Nguyen, Anh-Thu Thi, Ingram, John C. L. Vietnamese accented English: Foreign accent and intelligibility judgement by listeners of different language backgrounds // *English as an International Language Journal*. Vol 11. Issue 1. 2016. P. 19–38. URL: <https://www.researchgate.net/publication/304462492> (дата обращения: 14.10.2023).

6. Nguyen, Thi Huynh Loc, Nguyen, Ngoc Vu. Comparison between English and Vietnamese phonology. URL: https://www.academia.edu/30540205/C06_Nguyen_Thi_Huynh_Loc_and_Comparison_between_English_and_Vietnamese_phonology_1_ (дата обращения: 23.10.2023).

7. Phu, L.Q. Does Vietnamese English or Vietlish really exist in Vietnam? // *Ho Chi Minh City Open University Journal of Science*. No. 1(1). 2011. P. 17–26.

8. Tang Giang M. Cross-Linguistic Analysis of Vietnamese and English with Implications for Vietnamese Language Acquisition and Maintenance in the United States // *Journal of Southeast Asian American Education & Advancement*, 2. 2007. P. 1–33. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Cross-Linguistic-Analysis-of>

Vietnamese-and-EnglishTang/f8310a72665f4e66dfd516e8293b9da03ba39e4d
(дата обращения: 16.10.2023).

9. *Truong L.* Vietnamese and English: Cross-Linguistic Analysis in Phonology, Phonological Transferring, Pedagogical Implications. URL: https://www.academia.edu/16305849/Vietnamese_and_English_phonological_analysis (дата обращения: 23.10.2023).

*Рогожина С. М.,
кафедра фонетики и лексики
английского языка имени В.Д. Аракина,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический государственный университет;
sm.rogozhina@mpgu.su*

РЕАЛИЗАЦИЯ ФОНЕМЫ /Т/ В НАЧАЛЕ УДАРНОГО СЛОГА В СОВРЕМЕННОМ БРИТАНСКОМ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОМ СТАНДАРТЕ

Аннотация: в статье приводятся результаты исследования реализаций фонемы /t/ в начале ударных слогов в стандартном британском произношении и выявляются современные особенности звучания /t/ на материале речи Принца Уильяма и аудиозаписей произношения английских слов, представленных в популярных онлайн-словарях английского языка.

Ключевые слова: фонема /t/, британское произношение, аспирация, аффрикация.

*Svetlana Rogozhina,
Department of English Phonetics and
Lexicology named after V.D. Arakin,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
sm.rogozhina@mpgu.su*

REALIZATION OF THE PHONEME /T/ IN AN ACCENTED SYLLABLE-INITIAL POSITION IN STANDARD BRITISH ENGLISH PRONUNCIATION

Abstract: the goal of the present article is to study realizations of the phoneme /t/ occupying the initial position in accented syllables in modern-day standard British English pronunciation. Auditory features of the consonant in question are examined in Prince William's speech and in the audio samples provided for English words by widely used online dictionaries of the English language.

Keywords: phoneme /t/, British English pronunciation, aspiration, affrication.

Постановка артикуляции фонемы /t/ как одной из наиболее часто встречающихся согласных фонем в английском языке является важным аспектом формирования аутентичного произношения.

В данной статье исследуется реализация фонемы /t/ в начале ударного слога в современном британском произносительном стандарте на материале речи Принца Уильяма (выступление на саммите United for Wildlife 2022: <https://m.youtube.com/watch?v=osSgEdFYH-w>) и аудиозаписей произношения английских слов, представленных в онлайн-версиях Кембриджского и Оксфордского словарей (<http://dictionary.cambridge.org>; <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com>).

Английская фонема /t/ представляет собой глухой альвеолярный взрывной согласный звук, обычно реализуемый с **аспирацией** (придыханием, призвуком глухого глоттального щелевого согласного: [t^h]) в начале ударного слога [1, с.161–162, с.171, с. 159; 2, с. 55; 3, с. 240], если фонеме /t/ в данном слоге не предшествует /s/ [1, с.171; 3, с. 240].

Считается, что аспирация характерна именно для современного британского стандарта и была гораздо менее выражена в консервативном RP [2, с. 55].

Помимо аспирации, реализация фонемы /t/ (без предшествующей /s/ [2, с. 56]) может характеризоваться **аффрикацией** [1, с. 168; 2, с. 56], то есть призвуком глухого альвеолярного сибиланта: [t^s]. Одной из задач настоящего исследования является выявление соотношения аспирации и аффрикации фонемы /t/ в исследуемом материале.

К другим аллофонам фонемы /t/, на которые важно обращать внимание при формировании произносительного навыка, относятся [t^w] с предвосхищением лабиализации последующих звуков и [t] с предвосхищением заальвеолярной артикуляции фонемы /r/ [1, с. 173]. Также важной модификацией фонем /t/ и /d/ является произнесение /tʃ/, /dʒ/ в результате ассимиляции согласных /t/ и /d/ с последующей /j/ (yod-coalescence). Данная модификация стала нормой в современном британском произносительном стандарте не только в безударных слогах, как в консервативном RP [4, с. 247], но и в начале ударных слогов [1, с. 81; 2, с. 59–60], что отражено в современной транскрипции слов, приводимой в Кембриджском онлайн-словаре. В выступлении Принца

Уильяма сочетание /t+/j/ в ударном слоге не встретилось, однако уод-
coalescence наблюдается в слове *due*, которое произносится как [dzu:].

В анализируемом выступлении Принца Уильяма привлекает внимание практически полное отсутствие аспирации фонемы /t/ на фоне активной аспирации фонем /p/ и /k/ (без предшествующей /s/). Для выявления фонетических процессов, происходящих с фонемой /t/, реализация слов, содержащих /t/ в начале ударного слога в выступлении Принца Уильяма (19 лексем, 23 словоформы) была подвергнута аудиторскому анализу, результаты которого были сопоставлены с результатами аудиторского анализа британского звучания тех же слов в онлайн-версиях Оксфордского и Кембриджского словарей.

Шесть слов из 23-х содержат сочетания /st/ и /tr/, в которых реализуются неаспирированный аллофон [t] и заальвеолярный аллофон [t̠] соответственно. Перед гласными фонема /t/ присутствует в 17 словоформах (13 лексемах), которые будут рассмотрены ниже.

Анализ показал, что **выраженная аспирация** [t^h] в начале ударного слога наблюдается в речи Уильяма в двух словосочетаниях: "by continuing our work", и "the luxury of time". В обоих случаях слоги с аспирированной фонемой /t/ получают акцентное выделение. В слове "continuing" фонема /t/ сопровождается аффрикацией: [t^{sh}]. В двух других случаях употребления слова "time(s)" в данном выступлении, характеризующихся меньшей степенью эмфазы, аспирация не наблюдается. В одном из этих случаев /t/ произносится с аффрикацией.

В Оксфордском и Кембриджском словарях (рассматривались аудиозаписи британского варианта) слово *time* звучит с аспирацией, однако слово *continue* произнесено с аффрикацией [t^s] без аспирации. Данные наблюдения говорят о том, что в потоке речи использование аспирации зависит от степени интонационной выделенности ударного слога с начальной фонемой /t/.

Более слабая аспирация с различной степенью аффрикации фонемы /t/ (начальной в ударном слоге) прослеживается в речи Уильяма в словах *to*, *testament*, *nineteen*, *Anton* (один из двух случаев употребления звучит ['æn't^hɒn]), *too* (один из трех случаев).

В Оксфордском и Кембриджском словарях слова *too*, *to*, *testament* звучат либо без аспирации, либо со слабой аспирацией, а также с варьирующейся степенью аффрикации начальной /t/. Для слова *nineteen* в Оксфордском словаре наблюдается более сильная аспирация, а в Кембриджском – аффрикация.

В оставшихся анализируемых десяти словоформах в речи Уильяма (time, times, too×2, protect, protection, take, undertaking, activity, intensify) фонема /t/ в начале ударного слога звучит с разной степенью аффрикации, но **без аспирации**.

В Оксфордском и/или Кембриджском словарях аспирация наблюдается в словах undertake, take, intensify, а аффрикация – в слове take в Кембриджском словаре и в словах undertake, activity, protect и protection в Оксфордском словаре.

Обобщая полученные результаты, можно сделать вывод, что степень аффрикации и аспирации фонемы /t/ в начале ударного слога (без предшествующей /s/) не фиксирована и может варьироваться в потоке связной речи. Значительное влияние на степень аспирации /t/ оказывает степень интонационной выделенности соответствующего слова. Взаимосвязи между степенью аффрикации и степенью аспирации фонемы /t/ на материале двух онлайн-словарей выявлено не было. В проанализированном монологе Принца Уильяма превалировала аффрикация фонемы /t/ в начале ударного слога, что говорит о необходимости уделять особое внимание данному явлению при постановке современного стандартного британского произношения.

Литература

1. *Cruttenden A. Gimson's Pronunciation of English*. London: Hodder Education, 2008. 362 p.
2. *Lindsey G. English after RP: Standard British Pronunciation Today*. Cham: Springer, 2019. 153 p.
3. *Roach P. British English: Received Pronunciation // Journal of the International Phonetic Association*. Cambridge, 2004. Vol. 34, Iss. 2. P. 239–245.
4. *Wells J. C. Accents of English*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. Vol. 1. 278 p.

*Савинова М. С.,
кафедра фонетики и лексики
английского языка имени В.Д. Аракина;
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет
ms.savinova@mpgu.su*

МЕСТО СОВРЕМЕННЫХ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В ПРАКТИКЕ ПОДГОТОВКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация: статья посвящена проблеме выбора произносительной нормы при обучении фонетике будущих учителей английского языка в контексте изменения британского произносительного стандарта.

Ключевые слова: произносительный стандарт, акцент, подготовка учителей английского языка, RP, SSB.

*Marina Savinova,
Department of English Phonetics and
Lexicology named after V.D. Arakin,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University
ms.savinova@mpgu.su*

THE ROLE OF MODERN BRITISH PRONUNCIATION TRENDS IN EFL TEACHER TRAINING

Abstract: the article is concerned with the issues of modern British pronunciation standard in terms of teacher training.

Keywords: pronunciation model, accent, EFL teacher training, RP, SSB.

Темп жизни и изменения общества в 21 веке требуют от современного учителя постоянного развития и совершенствования профессиональных навыков. Не являются исключением и учителя английского языка, перед которыми стоит непростая задача научить

школьников наиболее актуальному варианту языка, позволяющему им без труда общаться как с носителями языка, так и с теми, кто использует английский в качестве языка международного общения.

Постоянное развитие общества приводит к неизбежным изменениям внутри любого языка, однако, английский, обладая статусом глобального языка, без сомнения, подвержен наибольшему количеству изменений на всех уровнях, в том числе, и на фонетическом.

По мнению М. Пеннингтон, степень внимания к произносительной стороне речи в процессе обучения иностранному языку менялась с течением времени, в частности, обучение фонетике отошло на второй план во время всеобщего увлечения коммуникативным подходом, постулирующим главенство смысла над формой высказывания. Тем не менее, в настоящее время едва ли кто-то ставит под сомнение место фонетики в программе обучения английскому языку [6].

Необходимо отметить, что процессы глобального распространения английского языка повлекли за собой неизбежный сдвиг парадигмы обучения. Примечательно, что, наряду с такими тенденциями в обучении произношению, как многоязычная ориентация на произношение, главенство коммуникативной эффективности над точностью и правильностью произношения, признание обусловленности особенностей произношения социальными и психологическими факторами, М. Пеннингтон упоминает необходимость повышенного внимания к учащимся продвинутого уровня и тем, у кого есть профессиональная потребность в совершенствовании произношения [6].

Очевидно, что к последней категории относятся, в том числе, и учителя английского языка, в профессиональные задачи которых входит обучение корректному произношению, что, очевидно, требует от учителя как развития практических произносительных навыков, так и глубинного понимания процессов, происходящих в языке на фонетическом уровне.

Однако, как показывает практика, фонетический аспект речи зачастую представляет сложности не только для учащихся, но и для педагогов. Как отмечает американский лингвист Дж. Левис, «общеизвестно, что многие учителя считают, что их подготовка недостаточна и что им не хватает знаний в области обучения произношению. Это может вызвать страх по поводу того, стоит ли обучать фонетике и как внедрить ее в свои занятия» [4, с. 211].

Подобного мнения придерживаются и британские лингвисты Дж. Дженкинс и Дж. Сеттер: «Произношение повсеместно считается

сложным аспектом в преподавании и изучении английского как второго языка, а, возможно, и наиболее сложным из всех» [6, с.1]. Данную мысль подтверждают результаты исследования Г. Купера, целью которого являлось выявить ряд проблем, связанных с обучением произношению, встающих как перед нативными, так и ненативными преподавателями английского языка. В ходе исследования было обнаружено, что учителя английского языка отмечают наличие проблем, связанных с недостаточной осведомленностью в области фонетики и фонологии, недостатком времени и отсутствием учебных материалов для обучения фонетике, и, в случае учителей, не являющихся носителями языка, неуверенностью в корректности собственного произношения [2].

Таким образом, очевидно, что недостаточное внимание фонетике уделяется не только в процессе обучения английскому языку, но и на этапе предметной подготовки учителя, причем это утверждение касается как преподавателей-иностранцев, так и носителей языка.

Одним из ключевых вопросов фонетической подготовки учителя иностранного языка является вопрос выбора адекватной произносительной нормы для изучения и имитации. Появление множества вариантов и акцентов, являющееся прямым следствием глобального распространения английского языка, с одной стороны, и ориентация на толерантность в отношении акцентных различий и несоответствия произношения традиционным произносительным стандартам (так называемым “reference accents”), с другой, зачастую приводит к коммуникативным сбоям в процессе устного общения.

Как отмечают Дж. Дженкинс и Дж. Сеттер, обучение произношению в учебных заведениях во всем мире до сих пор происходит с ориентацией на традиционные произносительные стандарты, которые они называют OVEs (old varieties of English). Это, в первую очередь, британский и американский акценты, максимально подробно описанные в учебной литературе, книгах по фонетике и фонологии и зафиксированные в произносительных словарях. Примечательно, что подобный выбор, по мнению исследователей, является скорее интуитивным, чем рациональным, и обусловлен, в первую очередь, социокультурными факторами. OVEs повсеместно воспринимаются как «правильные» варианты английского языка, в то время как локальные акценты «недостаточно хороши».

Как известно, в российских школах и вузах традиционно изучается британский вариант английского языка, а следовательно, фонетическая

подготовка преподавателей английского предполагает освоение будущими учителями британской произносительной нормы, а именно *Received Pronunciation (RP)*.

Невозможно не учитывать тот факт, что в последнее время статус RP как орфоэпической нормы все чаще ставится под сомнение, в первую очередь, британскими фонетистами. С начала 21 века для обозначения произносительного стандарта Великобритании все чаще используется термин *Standard Southern British (SSB)*, отражающий современные изменения стандарта, а за RP при этом сохраняется обозначение социально маркированного акцента, характерного для представителей элиты британского общества и воспринимаемого большинством населения Великобритании негативно [1].

Как отмечает Дж. Уэллс в предисловии к книге Дж. Линдзи *English After RP*, существующие описания британского произносительного стандарта, известного как RP, устарели, а люди, говорящие с этим акцентом, звучат старомодно. Эту мысль подтверждает и сам Дж. Линдзи, по мнению которого, «в мировом масштабе знания о произносительном стандарте Великобритании все еще основаны на RP, и многое из того, чему обучают в отношении произношения, уже устарело» [5, preface].

Как показывает практика, ориентация на RP при изучении английского языка едва ли является реальной проблемой: RP – это один из многочисленных акцентов глобального языка, при этом акцент узнаваемый, максимально подробно описанный и кодифицированный, не влекущий за собой сложностей с пониманием речи. Подавляющее большинство учебных курсов и пособий по британскому английскому языку используют систему транскрипции, отражающую именно этот вариант произношения.

В этой связи весьма примечателен тот факт, что Оксфордский словарь английского языка (*Oxford English Dictionary*) и Оксфордский словарь английского языка для продвинутых учащихся (*Oxford Advanced Learner's Dictionary*) используют разные системы фонетической нотации.

В первом случае за основу взят произносительный словарь К. Аптона *The Routledge Dictionary of Pronunciation for Current English*, фонетическая транскрипция которого использует символы IPA, отражающие особенности так называемого ‘mainstream RP’, который, по мнению авторов словаря, несет в себе такие коннотации как «утонченный» и «образованный», но при этом не связан с негативными

оценочными суждениями. Во многих случаях эти транскрипционные знаки не совпадают с привычными многим знаками А. Гимсона: trap /trap/, nurse /nɜ:s/, dress /dres/, square /skwe:/, pride /praɪd/ и т.д.

Составители Оксфордского словаря для учащихся, однако, придерживаются традиционной системы фонетической транскрипции Гимсона, мотивируя это тем, что она является общепринятой при обучении английскому языку и ее изменение может привести в замешательство людей, изучающих английский язык как иностранный.

Комментируя выбор альтернативной транскрипционной системы для Оксфордского словаря английского языка, фонетический редактор OALD Г. Лестер отмечает, что, так как OED не является учебным материалом, он «волен использовать символы, в большей степени отражающие фонетическую реальность» [3].

В связи со всем вышеизложенным представляется необходимым вновь обратиться к вопросу фонетической подготовки преподавателя английского языка. Очевидно, что требования к ней, как в практическом, так и в теоретическом смысле, значительно выше, чем требования к произношению среднестатистического человека, изучающего английский язык как иностранный. На наш взгляд, понимание процессов, происходящих в языке, на всех уровнях, включая фонетический, и способность воспринимать и анализировать «новую фонетическую реальность», как минимум, на перцептивном уровне, является залогом успешной профессиональной реализации современного учителя.

Литература

1. Миндрул О.С. Изменения в британской произносительной норме: от Received Pronunciation (RP) до Standard Southern British (SSB) // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 3. С. 121–132.

2. Couper G. Pronunciation Teaching Issues: Answering Teachers' Questions // RELC Journal. 2021. № 52(1). P. 128–143.

3. Leicester G. Pronunciation in the 10th edition of the Oxford Advanced Learner's Dictionary, Oxford University Press. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/external/pdf/english/OALD10_phons_GL.pdf (дата обращения 30.10.2023).

4. Levis J. M. Conversations with Experts – In Conversation with John Levis, Editor of Journal of Second Language Pronunciation // RELC Journal. 2021. № 52(1). P. 206–219.

5. *Lindsey G.* English after RP: Standard British pronunciation today. Cham: Springer, 2019. 153 p.

6. *Pennington M. C.* Teaching Pronunciation // The State of the Art. 2021. № 52 (1). P. 3–21.

*Сейранян М. Ю.,
кафедра фонетики и лексики
английского языка имени В.Д. Аракина,
Институт иностранных языков
Московский педагогический
государственный университет
myu.sejranyan@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 8932-4696*

**ТЕОРИЯ РЕГУЛЯЦИИ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ М. Я.
БЛОХА В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
МЕДИАРИТОРИКИ**

Аннотация: медиатизация различных видов дискурса (академического, политического, рекламного, юридического и т.д.) предполагает расширение доступа к информации, увеличивает охват аудитории, повышает шансы тотального влияния на ценности и установки, модель поведения, как отдельно взятого индивидуума, так и группы людей. Особое внимание в данной статье уделено специфике медиадискурса. В частности, роли теории регуляции речевого общения в медиариторике

Ключевые слова: медиадискурс, медиариторика, регуляция речевого общения, коммуникативная ответственность.

*Margarita Seiranian,
Department of English Phonetics and
Lexicology named after V.D. Arakin,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University
myu.sejranyan@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 8932-4696*

M.Ya. BLOKH'S THEORY OF REGULATION OF SPEECH COMMUNICATION IN CONTEMPORARY RESEARCH ON MEDIA RHETORIC

Abstract: the mediatization of various types of discourse (academic, political, advertising, legal, etc.) implies expanding access to information, increasing audience coverage, and increasing the chances of exerting full influence on values, attitudes, and behavioral models of both individuals and groups. This article pays special attention to the specifics of media discourse, particularly the role of M.Ya. Blokh's theory of regulation of speech communication in media rhetoric.

Keywords: media discourse, media rhetoric, regulation of speech communication, communicative responsibility.

В условиях доминирования медиатехнологий, стремительной медиатизацией всех сфер профессиональной и личной деятельности человека, обуславливает повышенный интерес исследователей к природе медиадискурса. Учитывая значимую роль медиадискурса как мощного инструмента влияния и воздействия на сознание и поведение, ценности и установки массовой аудитории, риторика приобретает фундаментальное значения для всего комплекса гуманитарных дисциплин. При этом речь идет не только о конкретной «своей» аудитории, определенной социальной группе, но и так называемой случайной, «чужой» аудитории, которая впоследствии становится «своей» (осуществление одной из риторических целей – присоединение аудитории, либо на основе единения взглядов, либо посредством изменения так называемой матрицы поведения).

Медиариторика (риторика дискурса СМИ) сегодня – «область частной риторики, исследующая теорию и искусство построения речи в области медиатехнологий, как правило, в сфере массовой коммуникации (радио, телевидение, массовая пресса, Интернет, различные виды новых «дисплейных» коммуникаций)» [1, с 23]. Очевидно, что медиариторику (как разновидность риторики XX–XXI века), можно рассматривать в двух смыслах, широком и узком. В широком – как область знания о механизмах текстопорождения, смыслообразования и взаимопонимания, о «коммуникативной природе культуры в целом» [5], как «показатель культурного и общественного развития, социальной политической и

идеологической ориентации общества» [4, с. 93], на стыке лингвистики и семиотики, герменевтики, социологии, психологии и теории коммуникации, политологии и философии. В узком смысле – как частную риторику языка СМИ, например, любые разновидности медиакommunikации, рассмотренные (перефразируя определение риторики С. М. Гиндина) как «инструмент осуществления заранее выбираемого воздействия на получателя сообщения» [3, с. 364]. Обновленная риторика приобретает фундаментальное методологическое значение для всего комплекса гуманитарных научных дисциплин. Вне зависимости от предмета и объекта исследования, подходов и целей, зарубежные и отечественные авторы едины во мнении о междисциплинарном характере медиариторики как области знания на пересечении теории и практики классической риторики, неориторики, медиадискурса, критического анализа дискурса. При этом большое внимание уделяется контексту ситуации, в силу того что риторическим медиасообщением делается не присутствие в сообщении риторических приемов: повторов, вопросов, апелляций, метафор, сравнений и т.д., а мастерство говорящего правильно и адекватно интегрировать традиционные риторические приемы в актуальный контекст события. Важным является, как справедливо отмечает Кристиан Кок (*Christian Kock*), не столько знание и владение риторическими приемами, сколько понимание цели и уместности их использования (*Learn all these tricks of the trade but also learn to use them for what they are good at, for the functions that they will serve well and not for other functions where they tend to have a confounding effect*) [5, p. 103–110].

Круг задач, стоящих перед медиариторикой сегодня варьируется от специфики языковой политики СМИ, характеристик участников дискурса, ситуативного контекста, эффективных медиатехник до роли определенных лексических, синтаксических и просодических средств реализации дискурса через призму классического треугольника «этнос-пафос-логос». Медиариторический этос – риторическая позиция журналиста, автора текста. Медиариторический пафос – модальность медиатекста. Медиариторический логос – риторическая аргументация СМИ.

Уместным в данном контексте считаем обратиться к теории регуляции речевого общения, разработанной М.Я. Блохом [2], согласно которой любой вид речевой деятельности интегрирован и обусловлен контекстом ситуации, в частности такими ключевыми факторами, как

целевое содержание речи – личностный статус говорящего – личностный статус слушающего – присутствие третьей стороны (наличие посторонних лиц) – свойства канала связи – пресуппозиция – предположение слушающего о личности говорящего и подлинном смысле речи. Важным для современного медиариторики, несмотря на определенную долю манипулятивности и давления, является принцип коммуникативной ответственности, который в рамках теории регуляции общения вытекает из положения о коммуникативной суппозиции, совмещающей план говорящего, план слушающего и план слышащего. В свою очередь, коммуникативная ответственность предполагает соблюдение базовых требований к основному составу речевой деятельности в рамках медиапространства, на который обращают внимание авторы исследований по медиариторике (практически не отличается от классической и неориторики).

- информативность (помогает избежать речевой избыточности);
- сжатость речи (влияет на живость и ритмику; в условиях медиапространства этот элемент наиболее значим);
- логичность речи (определяет достаточность основания);
- точность и ясность словоупотребления (позволяет избегать мудреного говорения);
- выразительность речи (позволяет достичь образности);
- уместность речи (определяет интерес аудитории). Именно эти качества являются приоритетными, когда мы говорим о фонетическом аспекте медиадискурса любого жанра.

Таким образом, теория регуляции речевого общения полноценно отвечает вызовам, с которыми сталкиваются современные исследования в медиалингвистике (медиариторике), в частности вопросами, связанными с поведением участников коммуникативного процесса в медиапространстве. Например, изучение правил и канонов, стратегий и тактик, национальной специфики речевой культуры, речевого поведения, как отдельной личности, так и определенной группы – авторов «медиапроизведения». Нельзя отрицать значимую роль медиариторики как «показателя культурного и общественного развития, социальной политической и идеологической ориентации общества» [4, с.93]. Кроме того, данная теория является универсальным и продуктивным «инструментом» как для исследования образцов, так и для построения адекватного ситуации медиариторического «произведения» – риторически ориентированного коммуникативного события.

Литература

1. *Аннушкин В. И.* Медиариторика: современный статус и важнейшие задачи // Медиариторика и современная культура общения: наука-практика-обучение: сборник статей XXII Международной научной конференции. Москва. 30 января 2019 года / отв. ред. В. И. Аннушкин. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2019. С. 23–31.
2. *Блох М. Я.* Речевое общение и философия его регуляции // Филология и искусствоведение. 2010. № 4 (2). С. 66–69.
3. Риторика и проблемы структуры текста / Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др. // Общая риторика пер с фр. / общ. ред. и вступ. ст. А. К. Авеличева. М.: Прогресс, 1986. С. 355–366.
4. *Гришанина-Мошкина О. В.* Медиариторика в XXI веке: конструктивность речевого оптимала в дискуссионном процессе // Вестник культуры и искусств. 2021. № 2 (66). С. 92–99.
5. *Тюпа В. И.* Дискурсные формации: очерки по компаративной риторике. М.: Языки славянской культуры, 2010. 320 с.
6. Christian Kock Rhetoric in Media Studies. The Voice of Constructive Criticism. *Nordicom Review*, Vol. 25, No. (1-2). 2004. P. 103–110.

Трунова О. В.,
кафедра иностранного языка,
Российский университет транспорта,
Москва, Россия;
lachesis47@mail.ru
SPIN-код eLibrary: 2864-4254

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Аннотация: мультидисциплинарность в трактовке языка и культуры обусловлена их общими эссенциальными характеристиками и их сущностным предназначением. Оба феномена представляют собой формы сознания и как таковые находятся в постоянном взаимодействии познавательной и социальной деятельности индивида и общества. Оба феномена прямо или опосредованно выполняют функцию формирования личности индивида и характера связей и отношений внутри социума. Фундаментальным фактором осуществления этих функций являются принимаемые и разделяемые субъектами социума социальные ценности. Невозможность достичь консенсуса в принятии общечеловеческих ценностей привела к возникновению концепции толерантности.

Ключевые слова: язык, культура, экзистенциальные ценности, толерантность

Olga Trunova,
Department of Foreign Languages,
Russian University of Transport;
Moscow, Russia;
lachesis47@mail.ru
SPIN-код eLibrary: 2864-4254

LANGUAGE AND CULTURE IN THE PROBLEM FIELD OF TOLERANCE

Abstract: the commonality of essential features and functional specificity of language and culture determines a multidisciplinary approach to their studies. Both phenomena pertain to the sphere of mentality and are constantly interacting in performing cognitive and social functions of an individual and

society. Directly or indirectly, both phenomena participate in molding a personality and regulate people's interactional modi within communities. The fundamental factor helping to activate these functions comprises social values, accepted and shared by all of the societal members.

An obvious impossibility to reach a consensus in defining common essential values brings forth the occurrence of the concept of tolerance.

Keywords: language, culture, existential values, tolerance

Внимание к проблематике функциональной и прагматической значимости языка и культуры в организации жизни общества, характера их взаимодействия и взаимовоздействия является непреходящим. История вопроса, вновь поставленного на рубеже веков [10], восходит к хорошо известным основополагающим идеям о соотношении и взаимовлиянии языка и культуры В. фон Гумбольдта. Более близкими во временной перспективе являются концепции языковой картина мира Л. Вайсгербера, учение о лексических универсалиях А. Вежбицкой, теория структурной антропологии К. Леви-Стросса, основанная на аналогиях между явлениями культуры и языка.

Вызывает неоднозначное толкование гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа, согласно которой мировосприятие и культурная платформа некоторого сообщества определяется его родным языком. Приведу цитату полностью: «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны: напротив, мир предстаёт перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [7, с. 174–175]. Приверженцы этой точки зрения отмечают, что у людей, говорящих на разных языках, формируется разное представление о мире. Ну, скажем, русский и говорит, и мыслит иначе, чем француз или англичанин. Соответственно и мир представляется ему иным, чем француз или англичанину. Это действительно так. Однако в таком рассуждении нарушена причинно-следственная связь. Эта «полифония» мировидения обусловлена прежде всего «средой обитания». Каждая общность людей, каждый народ «рисует» свою «картину мира», исходя из того окружения, в котором он живёт, в рамках тех измерительных систем, которых он придерживается, и тех культурных констант, на которых он воспитан. В своих же гипотезах и Э. Сепир, и Б. Уорф исходили из фиксируемой разницы

тезаурусов и структур сравниваемых языков [12; 13], оставляя за рамками тот факт, что мир – воспринимаемый (тот, который можно увидеть, услышать, ощутить в прикосновении), равно как и воображаемый (тот, который можно представить, придумать, спроектировать) и его интериоризация не всегда и не обязательно передаются вербально.

Две фактора, определяющие специфику отношений внутри исторически сложившихся форм объединённого существования людей (социума) – язык и культура, являются понятийно чрезвычайно ёмкими. Их функциональная значимость, обусловленная их социальной природой, раздвигает рамки гуманитарного поля их исследований, тем самым, как ни странно, сужая возможность чёткого определения их сущности. Поэтому в данной работе ограничимся наиболее общими определениями, понимая культуру как форму социальной организации общества, основанной наприятии некоторой системы ценностей, разделяемых всеми его членами. Статус языка в смысле его роли в становлении вида *homo sapiens* как *homo loquens* оставался на уровне гипотезы [9; 15] до тех пор, пока в 2006 году учеными Лейпцигского Института эволюционной антропологии Макса Планка не было опубликовано открытие «гена речи» FOXP2 [4; 6; 14], ставшее почти таким же сенсационным, как расшифровка английскими биологами Дж. Уотсоном и Ф. Криком структуры молекулы ДНК в 1953 году (справедливости ради, следует отметить, что собственно открытие дезоксирибонуклеиновой кислоты было сделано ещё в 1869 году швейцарским врачом Фридрихом Мишером). В филогенезе, культура, по-видимому, первична, поскольку складывается из поведенческих составляющих и до определённого времени преломляется сквозь призму «коллективной» деятельности, обеспечивающей выработанный приемлемый порядок бытия для объединяемых в её рамках членов сообщества. Таки образом, культура становится «широко-полномочным» модусом существования социума.

По существу, культура в самом полном понимании её сущности – это модусная рамка, обеспечивающая существование социума. Язык же в этом биноме выступает в нескольких ипостасях: как репрезентант культуры (на общих основаниях с другими формами её актуализации), как её модулятор и как её инструмент [11], и как её ретранслятор. Основой, обеспечивающей стабильность состояния и направление развития социума, является система принятых в нем ценностных

констант. Это требует соблюдения единства принципов и критериев определения ценностей, способствующих созданию и сохранению равновесности в социальной среде любого уровня от внутрикорпоративной площадки до международной арены. Диссонанс в понимании важности текущих задач и перспективных траекторий развития ситуации может привести к конфронтации оппонентов. Нельзя не согласиться с тем, что отсутствие единых общечеловеческих ценностей ведёт к культурной раздробленности человечества [2, с. 134–142]. Следует также признать, что внешний контекст отношений, смена социальных парадигм, изменения в понимании деонтических модальностей представляют собой факторы ценностных сдвигов.

Начавшаяся на рубеже XX–XXI веков новая волна глобализации сыграла с нами злую шутку. Казалось, что мир распахнул все двери, давая в новом формате «межкультурной коммуникации» возможность всем узнать, как он живёт и чем дышит, продвигая идею мультикультурализма и толерантности. В эйфории открывающихся перспектив мы как-то забыли, что сама по себе идея не нова и что она оказалась несостоятельной в американском проекте «плавильного котла», рассчитанного на быструю ассимиляцию эмигрантов [3], и в интегративной, более либеральной программе т.н. «салатной чашки», поскольку очевидно, что любая, даже самая немногочисленная нация всегда старается сохранить свою культуру, свои национальные особенности, свою идентичность и свой язык. В отличие от своих предшественниц, новая концепция «межкультурного содружества» теперь уже под маской «культурной мозаики» возникла в начале XXI века в Канаде [1], эмигрировала в Австралию и быстро обосновалась в качестве культурологической подушки в лоскутном одеяле Евросоюза [8], где политические события последних двух лет свидетельствуют о крахе политики социального единения и возрастающем напряжении в отношениях между разнообразными (чаще молодёжными) группировками, выплёскивающимися на улицы городов.

Вопрос о несостоятельности концепции мультикультурализма в формате актуализируемых в настоящее время межкультурных практик ещё десять лет назад поднимался доктором исторических наук, известным политическим деятелем Н.А. Нарочницкой. Анализируя создавшуюся ситуацию, Наталья Алексеевна прямо говорила о том, что «благие намерения и обещания мультикультурализма потерпели – не могли не потерпеть – крах», поскольку «консолидация и

институционализация иммигрантских общин <...> порождает культурно-ценностный разлом» [5]. Здесь следует заметить, что ситуация, в которой мир оказался сегодня, по-видимому, не возникает сама по себе. Достаточно вспомнить, что еще в 1954 году правительствами стран Совета Европы в Париже была подписана Европейская культурная конвенция. Провозглашённая цель предполагала достижение большего единства между странами-участниками этого политического акта. Подразумевалось создание некоего балансирующего культурного пространства, как платформы для организации взаимоотношений для достижения консенсуса в толковании базовых ценностей. При этом речь не шла ни о каком «диалоге культур». Речь шла о возможностях адекватного понимания в толковании смыслового содержания общения. Однако, наши западные корреспонденты даже и не собирались ограничивать себя какими-то рамками в процессе того, что мы считали культурным обменом, и медленно, но верно стали насаждать нам свои ценности, своё понимание того «что такое хорошо и что такое плохо». Конфликт ценностных ориентиров – это, конечно пороховая бочка. Во избежание разрастания политических катаклизмов в качестве «новой» старой идеологической подпорки в сознание людей внедряется давно и широко пропагандируемая идея толерантности. Одним из инструментов убеждения является технология, называемая по имени её изобретателя, американского социолога Джозефа Овертона, предложившего её около тридцать лет назад, так называемое «Окно Овертона» (или «окно возможностей»). Измерительный инструмент – скалярная аксиологическая ось «плохо – хорошо» с «окном», фиксирующим поэтапное передвижение по отмеченным вехам.

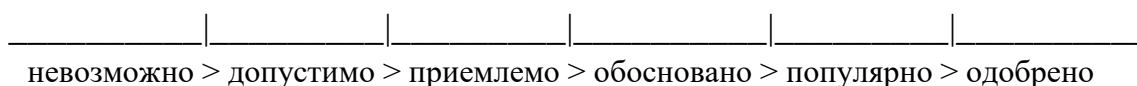

Рис. 1. Окно Овертона

В культурном пространстве каждого социума на разных этапах его становления и развития могут существовать некоторые явления и поведенческие проявления, отступающие от принятых норм или правил, попирающие традиционные устои, нарушающие установившийся порядок. Если звучит диссонансом, расходится с мнением заинтересованных представителей социума, включается поэтапный

(поэтажный) «лифт» ценностной ориентации. На первом этапе табуированная тема (ступень «невозможно») ненавязчиво вводится в коммуникативное пространство, постепенно превращаясь в предмет всеобщего обсуждения. Следующий этап основан на смене терминологического аппарата и осуществляется заменой ранее табуированной лексики более благозвучными эвфемизмами. При этом могут приводиться конкретные имена предшественников, «исторические примеры», подтверждающие допустимость обсуждаемого явления или ситуации, которое таким образом утрачивает ауру необычности или отклонения от нормы. Далее следуют признания известных персон об их приверженности к новому осмыслению идеи, широкие обсуждения, запретный шлейф уходит в прошлое и всё воспринимается как само собой разумеющееся (стадия приемлемости). Подключение «научных» исследований обеспечивает аргументацию, далее следует популяризация (пятая ступень) и все то, что ранее осуждалось, становится нормой. Оглядываясь вокруг, можно найти много примеров использования такого рода приёмов манипуляции сознанием общества. Всё это осуществляется под флагом толерантности к «другому» мнению, предпочтению, поведению. Модель работает, как часы. Тридцать лет назад, например, невозможно было представить, что школьникам младших классов (в европейских странах) будет дано право выбора собственно половой принадлежности. Сегодня это в порядке вещей.

Материальный мир – это физическая среда обитания социума. Культура – его духовная среда, формирующая ценностное отношение ко всему, что его окружает, создающая предпосылки выбора наиболее приемлемого, по возможности, наиболее комфортного способа бытия, то есть жизни, во всех её проявлениях. От того, каковы ценностные константы социума сегодня, зависит, каким будет его завтра. Трансформационные процессы, неизбежные в социально-политическом пространстве обуславливают сдвиги ценностных ориентиров. И общество призывают к толерантности. Но всегда ли «худой мир лучше доброй ссоры»?

Литература

1. Головкина О. В. Канадский мультикультурализм как основа национальной идентичности Канады // Вестник ВолГУ. Серия 4. 2004. Вып. 9. С. 44–53.

2. Культурология: учебник / под ред. Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана. М.: Высшее образование, 2005. 566 с.
3. *Мартин-Йогансон Э.* Западный мультикультурализм. Провальная идеология «плавильного котла» // Свободная мысль. 2021. № 4(1688). С. 79-91.
4. *Наймарк Е.* «Ген речи» FOXP2 оказался регулятором высокого уровня. 18.11.2009. URL: https://elementy.ru/novosti_nauki/431194/Gen_rechi_FOXP2_okazalsya_regulyatorom_vysokogo_urovnya (дата обращения 10.10.2023).
5. *Нарочницкая Н. А.* Мультикультурализм как философско-политическая концепция // Сетевое издание Фонда исторической перспективы. Перспектива, 2013. URL: https://www.perspektivy.info/history/multikulturalizm_kak_filosofsko-politicheskaja_koncepcija_2013-12-12.htm (дата обращения 10.10.2023).
6. *Уилсон Э.* Хозяева земли. Социальное завоевание планеты. СПб.: Питер, 2014. 352 с.
7. *Уорф Б.* Наука и языкознание // Новое в лингвистике. Вып.1. М.: ИЛ, 1960.
8. *Шишкина Е. В., Викторова Е. В.* Культурные аспекты дискурса европейской идентичности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. № 3. С. 437–449.
9. *Chomsky N.* Language and Mind. Massachusetts Institute of Technology; Harcourt Brace Jovanovich Inc. New York, 1968. P. 64–69
10. *Chomsky N.* On Language and Culture // *Osiatynski V.* Contrasts: Soviet and American Thinkers Discuss the Future. MacMillan, 1984. P. 95–101.
11. *Corbin M. A. J.* Understanding Culture and Language. Vol. 9. Issue 1. 2008. P. 67–78.
12. *Deutscher G.* Through the Language Glass: Why the World Looks Different in Other Languages. Arrow Books, 2011. 309 p.
13. *McWhorter J. N.* The Language Hoax. Oxford University Press. 2016. 186 p.
14. *Pennisi E.* Mining the Molecules that Made our Mind // Science. Vol. 313. 2006. P. 1908–1811.
15. *Pinker S.* The Language Instinct: the Mind Creates Language: Harper Collins Publisher, 1997. 558 p.

Чупрына О. Г.,
кафедра английской филологии,
Московский городской
педагогический университет
chuprinaog@mgpu.ru
SPIN-код eLibrary: 9340-5134

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: МИФ, ФАНТОМ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Аннотация: в статье рассматривается проблема теоретического и практического статуса межкультурной коммуникации. Межкультурная коммуникация рассматривается не только как общение индивидуумов, но как взаимодействие различных национальных или государственных культур в современном информационном пространстве.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, эмпатия, диалог культур, информационное пространство.

Olga Chupryna,
Department of English Philology,
Moscow City University
chuprinaog@mgpu.ru
SPIN-код eLibrary: 9340-5134

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION: A MYTH, PHANTOM OR REALITY?

Abstract: the paper deals the status of cross-cultural communication in theory and practice. Cross-cultural communication is viewed not only as communication between people but as interaction of different national or state cultures in the contemporary information domain.

Keywords: cross-cultural communication, empathy, dialogue of cultures, information domain.

Межкультурная коммуникация как предмет языкового изучения естественным образом вошла в антропоцентрическую парадигму лингвистических исследований, несмотря на возражения представителей

коммуникативистики, настаивающих на том, что «теория общения является особой областью гуманитарного знания и не вписывается в рамки науки о языке» [2, с. 172]. Невзирая на нечеткость теоретического аппарата коммуникативных исследований, уже в конце 1980-х – начале 1990-х годов отечественная лингводидактика согласилась с понятием «межкультурная коммуникация», поскольку необходимость изменить парадигму обучения иностранному языку в языковых вузах стала очевидной. В тот момент само понятие и отражавший его термин в русском языке не были разработаны и не имели под собой солидного теоретического обоснования. Это повлияло на их развитие, которое пошло путем заимствования постулатов культурологии и социологии и соединения их с фактами, относящимися к страноведению в рамках методики преподавания иностранного языка. Язык стали одновременно рассматривать как предмет обучения, средство коммуникации и как средство самого широкого ознакомления с культурным наследием, социальными отношениями и бытом носителей изучаемого языка [3, с. 135]. Почти одновременно с появлением в отечественной гуманитаристике и лингводидактике данного понятия и термина в научный оборот вошло терминологическое словосочетание «диалог культур». Неочевидность этого термина отразилась в дискусионности вопроса «о контакте культур: в реальности контактируют не культуры, а индивидуумы» [2, с. 173]. С другой стороны, по замечанию Н. В. Барышникова, данное терминологическое наименование приобрело «в лингводидактической парадигме <...> статус авторитетного теоретического постулата» [Там же, с. 277]. Однако сама «концепция обучения иностранному языку в контексте диалога культур длительное время» не подвергалась объективному анализу. Соединение прочности теоретического постулата и пунктирно очерченной практики межкультурной коммуникации привело к мифологизации диалога культур, который не рассматривался «с реалистических позиций» [Там же]. Фетиширование диалога культур и межкультурной коммуникации, в частности в обучении иностранным языкам, усиливало иллюзорность или фантомность самого явления. В рамках межкультурного взаимодействия усилия, затрачиваемые на понимание иной культуры и наглядного представления своей культуры, во многом оказывались тщетными, их результаты наталкивались на «недоброжелательное и нередко агрессивное отношение со стороны инофонных партнеров по отношению к российским участникам» [Там же, с. 278]. Достаточно

привести в качестве примера публикацию Джереми Кларксона (Jeremy Clarkson), известного ведущего телевизионной программы Top Gear¹, в британской газете *The Sunday Times* в марте 2013 года, в которой он самым нелестным образом описал русских, как общество, не знакомое с хорошим воспитанием [5].

Доступ к межкультурной коммуникации носит ограниченный характер: для одних – это возможность отправиться в туристическую поездку и воочию увидеть другую культуру и ее представителей; для других – это работа в международных компаниях и деловые отношения с партнерами из других стран. Для подавляющего большинства межкультурная коммуникация осуществляется внутри широкого поля – искусство, спорт, литература, в котором знакомство с «ними» сопровождается оценкой «мы».

Исследователи отмечают, что основой международного взаимодействия является культура, она развивает эмпатию и поощряет общение между индивидуумами [8]. Коммуникация, как и диалог строятся на вербальном и ином взаимодействии двух и более акторов – отправителя и получателя сообщения. В этом отношении «создание единого информационного пространства в современном мире» [4, с. 33], которое не есть хаотичное скопление сообщений и новостей, может быть смоделировано «как некая система координат, образуемая константами или инвариантами восприятия материального и духовного мира и их переменными, или вариантами» [1, с. 8]. В таком случае информационное пространство аккумулирует сведения, относящиеся к разным областям деятельности: экономика, культура, искусство, образование и прочее, и превращается в место транслирования культурных смыслов, порождаемых историей народов и их современными материальными и духовными достижениями. В этом поле межкультурное взаимодействие становится реальностью благодаря тому, что разворачивающийся в нем дискурс соотносится с определенным событием, вовлекает институциональных и индивидуальных участников и формирует оценку «мы – они».

Межкультурная коммуникация периода пандемии 2020 года оказалась под влиянием так называемого «вакцинного национализма» (*vaccine nationalism*), который стал жестким проявлением аксиологического противопоставления «мы – они»/ «Север – Юг».

¹ Российская версия программы Top Gear выходила на отечественном телевидении в 2009 году.

Введение во многих странах обязательных паспортов или сертификатов вакцинации превратилось в барьер межкультурной коммуникации [9].

После выхода российского фильма *Вызов*, снятого в космосе с участием актрисы Ю. Пересильд, в британской газете *The Guardian* появилось несколько публикаций, заголовки которых транслировали положительную оценку этого значимого культурного события – “Star quality: Russia premieres first feature film shot in space”, а в самих публикациях отдавалось должное первенству России во многих областях освоения космоса – “The Soviet Union pioneered space travel and the film crew’s mission added to a long list of firsts for Russia’s space industry” [7]. Новостные нарративы британской газеты становятся пространством соприкосновения западной (британской) и российской культур, транслируют сведения, относящиеся к современному их состоянию, и формируют осведомленность об обеих культурах. Противопоставление «мы – они», лежащее в основе межкультурной коммуникации, было отражено в публикациях этой газеты за два года до выхода фильма путем сравнения Голливудского и российского проектов съемки фильма в космосе: “Russians beating US in race for first film shot in space” [7].

Доступность цифрового информационного пространства делает межкультурную коммуникацию реальностью. Данное пространство обеспечивает взаимодействие пользователей социальных сетей, принадлежащих к разным культурным сообществам, создает предпосылки для формирования осведомленности в отношении собственной и другой культур и готовит индивидуума ко вступлению в диалог культур.

Литература

1. Баранова К. М. Диахронический взгляд на константы в американской языковой картине мира // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 6. С. 8–15.

2. Взаимодействие языков и культур: от диалога к полилогу / О. В. Афанасьева, К. М. Баранова, Н. В. Барышников и др. М.: Издательский дом ВКН, 2021. 328 с.

3. Григорьева Е. Я. Реализация лингвокультурологического подхода к преподаванию романских языков в системе подготовки магистратуры // Rhema. Рема. 2019. № 3. С. 133–147.

4. *Ионина А. А.* Особенности создания и восприятия текста в Интернете // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2010. № 2(6). С. 33–39.

5. *Clarkson J. Jeremy Clarkson on the Russian.* URL: <http://www.thesundaytimes.co.uk/sto/comment/columns/jeremyclarkson/article1223369.ece> (дата обращения: 20.09.2015).

6. *Guardian* 2023. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/apr/20/star-quality-russia-premiered-first-feature-film-shot-in-space> (дата обращения: 01.10.2023).

7. *Guardian* 2021. URL: <https://www.theguardian.com/science/2021/oct/05/shooting-stars-russians-beating-hollywood-in-race-for-first-space-film> (дата обращения: 01.10.2023)

8. *Kamali-Chirani Fatemeh.* Discussion and Analysis. Cultural Diplomacy in the Time of COVID-19: Updating SDG-17 (Partnership for Goals), Sustainable Development Policy Institute, 2021. pp. 5–10. *JSTOR*. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep30510.6> (дата обращения: 02.11.2023).

9. *Kampmark Binoy, and Petar Kurečić.* Vaccine Nationalism: Competition, EU Parochialism, and COVID-19. *Journal of Global Faultlines*. 2022. Vol. 9, No. 1. Pp. 9–20. *JSTOR*. URL: <https://www.jstor.org/stable/48676219> (дата обращения: 02.11.2023).

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ТЕРМИНОВЕДЕНИЕ

*Бабенкова Е. А.,
кафедра английской филологии,
Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет имени Н. П. Огарёва;
sar2001@yandex.ru
SPIN-код eLibrary: 4316-4519*

НЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ ЕЕ ТЕМАТИЧЕСКИХ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

Аннотация: в статье представлены результаты проведенного исследования семантических и словообразовательных параметров неологической лексики в современном английском языке. На материале выделенных неологизмов предпринимается попытка анализа способов словообразования с точки зрения их продуктивности в конкретный период времени. Наряду с этим, выделены и описаны семантические группы неологизмов на предмет их тематической направленности.

Ключевые слова: английский язык, неологизм, способ словообразования, стяжение, деривация.

*Elena Babenkova,
Department of English Philology,
National Research Mordovia
State University named after N.P. Ogarev;
sar2001@yandex.ru
SPIN-код eLibrary: 4316-4519*

NEOLOGISMS IN MODERN ENGLISH IN THE ASPECT OF THEIR THEMATIC AND WORD FORMING PARAMETERS

Abstract: the report presents the research of semantic and word coining characteristics of neologisms in contemporary English. The analysis of the word forming process is done in the focus of its productivity in modern

English. In addition, some lexico-semantic groups of neologisms were described in terms of their thematic characteristics.

Keywords: the English language, neologism, word formation, blending, derivation.

Словарный состав языка как перманентно динамичная система традиционно находится в фокусе пристального внимания лингвистов. Современное развитие общества выдвигает потребность в массовой номинации, которая должна быть удовлетворена языком посредством имеющихся в его арсенале словообразовательных моделей. На процесс образования новых слов влияют как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. С лингвистической точки зрения инновации происходят в системе построения слов, меняются продуктивность использования словообразовательных моделей и речевая частотность новых лексических единиц. В связи с этим, представляется весьма актуальным изучить неологизмы современного английского языка с точки зрения способа их образования и тематической соотнесенности. Под неологизмом мы понимаем «всякое новое слово или выражение, появляющееся в языке» [1, с. 79]. Среди многообразия подходов к изучению и трактовке неологической лексики на первый план выходит подход, с позиций которого неологизмы рассматриваются как социокультурно маркированные единицы [4], в силу того, что они являются продуктом деятельности человека и его взаимодействия с окружающим миром. Данный подход возник в связи с осознанием того факта, что формирование и функционирование новых лексических единиц происходит под влиянием не только лингвистических, но и экстралингвистических факторов. Все процессы, происходящие в современном мире, как например, повсеместное распространение интернета и цифровизация общества, не могут не отразиться на языке [3]. Исходя из этого можно считать, что словообразование чутко реагирует на изменения, происходящие в окружающей нас действительности.

В результате проведенного исследования, было проанализировано 140 неологизмов, отобранных методом сплошной выборки из аутентичных онлайн-словарей и периодических изданий периода 2021–2023 года [5,6,7,8,9,10], на предмет их словообразовательных и семантических характеристик. Рассмотренный материал позволяет

констатировать следующие актуальные способы словообразования: деривация, словосложение, сокращение и стяжение.

Аффиксация, как вид деривации, является одной из наиболее продуктивных моделей образования неологизмов в английском языке. Проведенный анализ выявил 35 новых лексических единиц, образованных способом аффиксации, например: *zoomer, rollable, frugaller, polywork, nanolearning, microdelivery, polypill, antiperk*. Следует отметить более высокую продуктивность префиксации по сравнению с суффиксацией в рамках выделенных неологизмов. В ходе анализа было выявлено 4 неологизма, образованные одновременно путем суффиксации и префиксации: *decomponentise, antimasker, deinfluencing, hypermiling*.

Среди отобранных лексических единиц образованных с помощью деривации самой малочисленной оказалась группа слов, образованных способом конверсии, например: *to glitch* – быстро и отрывисто двигаться в видео, создавая впечатление, что у зрителя плохое подключение к интернету, глагол *to street* – выпустить человека, страдающего психическими заболеваниями из больницы из-за нехватки свободных мест, *superskinny* - высокое узкое здание.

Еще одним способом образования новых лексических единиц, выделенных в ходе данного исследования, является словосложение, например: *rosewave, killware, sleepcast, sadwear, wildbelt*. Большинство неологизмов, являющихся сложными словами, образуются при сложении двух корневых основ слов или сложением производной и корневой основы.

Среди продуктивных словообразовательных моделей по мнению ряда исследователей, все большую популярность приобретают различные виды сокращений. Одним из них является образование акронимов. Если на начальных этапах своего существования возникновение акронимов было обусловлено экономией места при письме, то в более поздние периоды их появление объясняется принципом языковой экономии [2]. Из проанализированных нами неологизмов были выделены, в частности, следующие акронимы: *FORO* (*fear of running out* – «тревожное чувство, возникающее при сокращении количества запаса продуктов»), *HOGO* (*hassle of going out* – «сложность в коммуникации, связанная с долгим отсутствием реального общения в период пандемии COVID-19»), *FIRE* – (*financial independence, retire early* - "образ жизни, целью которого является работать как можно больше с 20 до 30 лет, чтобы выйти на пенсию около 40 лет").

Следует констатировать, что в рамках данного исследования наиболее многочисленной (73 лексические единицы) оказалась группа неологизмов, образованных методом стяжения (блендинг): *returnment*, *medfluencer*, *gleefreshing*, *wishcycling*, *quaranteam*, *romantasy*, *coronasomnia*, *kniffiti*. Ввиду стремления к минимальной затрате языковых средств для выражения мысли, неологизмы, образованные путем стяжения, выполняют функцию экономии лексических средств, поэтому стремительно распространяются и наиболее часто употребляются в речи среди носителей языка. «Принцип наименьшего усилия» проявляется в создании слов данного типа, так как современный разговорный английский язык имеет тенденцию упрощения, использования наиболее легких и кратких лексических средств для выражения своих мыслей. Объяснение причины распространения данного явления можно трактовать как «гибкость» современного английского языка.

Все события, связанные с экономикой, здравоохранением, культурой, различными социальными процессами, психологические потрясения, происходящие на глобальном уровне, оказали огромное влияние на общество, вследствие чего английский язык мгновенно отреагировал на эти процессы, создав за несколько лет огромный массив новых слов. Данные неологизмы характеризуются семантической общностью и системными отношениями, что позволяет объединить их в тематические группы.

Методом семантической выборки из аутентичных онлайн-словарей была выделена неологическая лексика, на основе которой были сформированы семантические группы на предмет их тематической общности. Следует констатировать, что лексика понятийно-тематической области COVID-19 является самой многочисленной. Данный факт обусловлен возникновением большого числа новых лексических единиц во время пандемии COVID-19. Появление новых реалий потребовало создания широкого пласта неологической лексики для их номинации. Наряду с этим, многочисленной семантической группой являются неологизмы, связанные с экологией и охраной окружающей среды, что отражает озабоченность проблемой современного социума и продвижение программ поддержки сохранения экологии. Не менее популярной сферой является область компьютеризации, информатизации и связанных с ними технологий. Также следует выделить достаточно объемную группу «работа и организация рабочего процесса». Менее

частотными оказались семантические группы «одежда», «искусство», «космос», «образование», «спорт и туризм», «взаимоотношения между людьми», «политика».

Результаты проведенного исследования подтверждают тезис о том, что неологические процессы детерминированы как внутренними потребностями языка, так и внешними экстралингвистическими параметрами, согласно которым язык меняется, чтобы соответствовать требованиям социума.

Литература

1. Алиева Н. Г. Окказиональные неологизмы последнего десятилетия // Русская речь. 2006. № 3. С.79–80.

2. Блох М. Я., Сергеева Т. С. Аббревиация как продуктивный способ словообразования в истории европейских языков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (29). С. 186–199.

3. Никулина Е. А. Словообразовательные тенденции в современном английском языке // Язык: категории, функции, речевое действие: Материалы XV международной научной конференции. В 3-х ч. Вып. 15. Ч. I. Коломна, 2022. С. 85–89.

4. Rets I. Teaching Neologisms in English as a Foreign Language Classroom // International Conference on Teaching and Learning English as an Additional Language. Antalya, Turkey: GlobELT, 2016. P. 813—820.

5. Cambridge Independent. Milton. – URL: <https://www.cambridgeindependent.co.uk/> (дата обращения: 11.02.2023).

6. Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 28.06.2022).

7. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 28.12.2022).

8. The Conversation. URL: <https://theconversation.com/us> (дата обращения: 16.05.2023).

9. The Daily Telegraph. URL: <http://telegraph.co.uk/> (дата обращения: 1.04.2023).

10. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/international/> (дата обращения: 12.05.2023).

Гаджимурадова М. Г.,
кафедра западноевропейских
языков и культур,
Институт переводоведения,
русистики и многоязычия,
Государственный университет,
г. Пятигорск;
gadzhimuradova2015@yandex.ru
SPIN-код eLibrary: 8130-8006

Каширина Н. М.,
кафедра лингвокоммуникативных и
прикладных иностранных языков,
Институт иностранных языков и
международного туризма,
Государственный университет,
г. Пятигорск;
noreply@lernen.goethe.de
SPIN-код eLibrary: 6332-4565

ЛЕКСИКО СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ КАНЦЛЕРА ГЕРМАНИИ АНГЕЛЫ МЕРКЕЛЬ НА КОФЕРЕНЦИИ «ПАДАЮЩИЕ СТЕНЫ» (ОТ 9.11.2009)

Аннотация: язык является важной частью нашей жизни, и в политике он играет важную роль. С их помощью человек может общаться со своим окружением, представлять свои мысли и взгляды или влиять на слушателей. В частности, работа политиков в значительной степени заключается в изучении языка, потому что «говорить, писать и читать» – это их деятельность. Знание языка является для политиков важным условием их будущего успеха, поскольку только язык позволяет им объяснять свои политические позиции и причины своих политических действий, излагать ближайшие цели, касающиеся политики и общественной жизни, и, прежде всего, убеждать своих слушателей в собственной правоте.

Ключевые слова: слово, лексика, стилистика, речь, язык, стилистическая фигура.

*Marina Gadzhimuradova,
Department of Western European
Languages and Cultures,
Institute of Translation Studies,
Russian Studies and Multilingualism
State University, Pyatigorsk;
gadzhimuradova2015@yandex.ru
SPIN-код eLibrary: 8130-8006*

*Natalia Kashirina,
Department of Linguocommunicative
and Applied Foreign Languages
Institute of Foreign Languages
and International Tourism,
Pyatigorsk State University;
noreply@lernen.goethe.de
SPIN-код eLibrary: 6332-4565*

LEXICO-STYLISTIC ANALYSIS OF GERMAN CHANCELLOR ANGELA MERKEL'S SPEECH AT THE CONFERENCE «FALLING WALLS» (FROM 9.11.2009)

Abstract: language is an important part of our lives, and it plays an important role in politics. With their help, a person can communicate with his surroundings, present his thoughts and views, or influence listeners. In particular, the work of politicians largely consists in learning the language, because "speaking, writing and reading" is their activity. Knowledge of the language is an important condition for politicians for their future success, since only language allows them to explain their political positions and the reasons for their political actions, to set out their immediate goals concerning politics and public life, and, above all, to convince their listeners of their own rightness.

Keywords: word, vocabulary, stylistics, speech, language, stylistic figure.

Владение навыками риторики и социальных отношений, точно также как и умение пользоваться языком, определяют, каким образом политическая партия воздействует на своих слушателей. Важнейшей задачей политического высказывания любого политика является воздействие на общество и манипулирование им. Для того, что добиться максимальной степени манипулирования обществом, оратору, в первую

очередь, необходимо изучить и хорошо узнать своих слушателей, так как это связано с тем, что каждый принадлежит к определенной социальной, географической или культурной демографической группе, и, хотя эти группы в большинстве своем используют общий язык, они отличаются друг от друга образованием, образом жизни и привычками. Следовательно, успех политического оратора зависит от того, насколько удачно и правильно он адаптировал свой собственный язык и используемые выражения к каждой такой группе [3].

Политические выступления – это, как правило, заранее продуманные устные сообщения, адресованные (часто публичной) аудитории, с помощью которых оратор излагает свои собственные политические мысли. Анализ политических выступлений как типичного текстового жанра образования в области социальных наук может преследовать две цели. С одной стороны, появляется возможность идеологически критического содержательного анализа, который может помочь воспринимать, понимать политические явления и делать заявления об их взаимосвязи. Кроме того, политическая речь может быть использована как повод для более широких процессов политического обучения, в частности, для ознакомления с соответствующей политической культурой [6]. В этом случае основное внимание уделяется уже не исключительно содержанию речи, а анализу и размышлению о соотношении содержания и формы (например, стилистических приемов), внешнему случаю и способу общения между оратором и слушателями, а также риторическому мастерству оратора.

Цель политических речей – убедить слушателя в представленном политическом содержании. Они имеют определенную структуру, состоящую из вступления, основной части (аргументации) и заключения. Вступление знакомит с темой выступления и призвано привлечь внимание аудитории. Основная часть содержит аргументацию докладчика. Здесь тема выступления подробно объяснена и обоснована. Заключительная часть (заключение) представляет собой формулировку речевой цели и в конце часто приводится запоминающееся заключительное предложение. На этом этапе говорящий может вернуться к началу речи, использовать самый сильный аргумент или использовать идиому.

В данной статье рассмотрена речь Ангелы Меркель на научной конференции «Падающие стены», которое датировано 22 ноября 2009 года и взято с официального сайта политика, а именно, анализируя

данное политическое выступление, было рассмотрено ее содержание и отдельные стилистические приемы.

Начнем с краткого анализа вышеуказанной речи. Свое выступление Ангела Меркель начинает с приветствия всех присутствующих и слушающих, в том числе господина Тернера, Цельнера и других, которые принимают участие в этой конференции. Далее она повествует о своем собственном опыте и о воспоминаниях, когда она стояла на Борнхольмерштрассе в вечер падения Берлинской стены 9 ноября и просто переходила границу, и как падение Берлинской стены изменило ее собственную жизнь. Ангела Меркель также вспоминает о своей прежней профессии, когда она работала физиком в Академии наук, Центральном институте физической химии – и, конечно же, свою любовь к науке.

В своей речи Ангела Меркель подчеркивает, что восхищается людьми, которые участвовали в падении Берлинской стены, подчеркивая важность свободы, демократии и принципов рыночной экономики. Следовательно, главной темой ее речи-высказывания является Падение Берлинской стены, а подтемами – свобода, мужество людей, важность науки, глобальное сотрудничество, а также толерантность.

Далее остановимся на стилистическом анализе вышеуказанного выступления. Эта речь была произнесена Ангелой Меркель в устной форме, а затем опубликована на ее официальных веб-сайтах. Она выполняет, прежде всего, функции обращения, связи и информации [4]:

➤ **Функция обращения**, например:

1)*Das heißt, wenn wir Europäer uns durchsetzen wollen, wenn wir interessante Ideen einbringen wollen, dann tun wir gut daran, zu kooperieren und so wenigstens mit 500 Millionen Menschen unsere Vorstellungen einzubringen. Das gilt im Übrigen für größere wissenschaftliche Anstrengungen genauso wie für politische Projekte. Vieles kann man im Alleingang überhaupt nicht mehr schaffen.*“– «...То есть, если мы, европейцы, хотим добиться успеха, если мы хотим внести интересные идеи, то нам было бы хорошо сотрудничать и, таким образом, донести наши идеи хотя бы до 500 миллионов человек. Впрочем, это относится как к крупным научным усилиям, так и к политическим проектам. Многое уже невозможно сделать в одиночку».

➤ **Функция связи**, например:

1) „*Lieber Herr Turner, lieber Herr Zöllner, meine Damen und Herren, ich darf Ihnen zu Ihrer Beruhigung sagen, dass ich heute auch noch meine Kollegen Staats- und Regierungschefs treffe. So weit ist die Liebe noch nicht ausgeprägt, dass ich darauf verzichten würde. Aber ich bin sehr gern hierher gekommen, weil diese Veranstaltung und auch das Auditorium natürlich etwas mit der Veränderung meines Lebens zu tun haben, die sich kurz nach dem 9. November ergeben hat.*“ – «Дорогой мистер Тернер, дорогой мистер Цоллнер, дамы и господа, я могу с уверенностью сказать вам, что сегодня я также встречаюсь со своими коллегами-лидерами государств и правительств. Любовь еще не настолько развита, чтобы я мог обойтись без нее. Но мне очень понравилось приходить сюда, потому что это мероприятие, а также зрительный зал, конечно же, имеют какое-то отношение к переменам в моей жизни, произошедшим вскоре после 9 ноября».

Политическая речь подпадает под действие политических текстов. Невозможно однозначно определить стиль этих текстов. Он колеблется между стилем прессы и публицистики [7, с. 56]. Эта речь разделена на тридцать один абзац. В начале выступления выделено жирным шрифтом название, которое снова представляет собой всего лишь часть предложения и сообщает читателю, кем, когда и по какому поводу была произнесена эта речь.

Приветствие всех гостей в начале выступления представляет собой вступление, а последнее предложение (выражение благодарности) можно было бы назвать его заключительным.

Итак, обозначим элементы лексического стиля. Лексическо-стилистические элементы, представленные в этом тексте, следующие:

➤ **Неологизмы:** «Общество знаний» - „*Wissensgesellschaft*“, «Взаимосвязанность» - „*Vernetzung*“, «Перспектива Восточной Германии» - „*DDR-Perspektive*“, «Ближневосточный мирный процесс» - „*Nahostfriedensprozess*“.

➤ **Модное выражение:** «... в ООН» - „...*in der Uno*“.

➤ **Разговорные выражения:** «шпионить» - „*bespitzeln*, «шпионить» - „*die Bespitzelung*“ (Z. 51), «ускользнуть» - „*wegducken*“.

➤ **Политические термины:** «... биполярного мирового порядка» - „...*einer bipolaren Weltordnung*“, «демократия» - „*die Demokratie*“, «Восточный блок» - „*Ostblock*“, «биполярность» - „*Bipolarität*“,

«аграрная политика» - „Agrarpolitik“, «право вето» - „Veto-Recht“, «ратифицировать» - „kooperieren“.

➤ **Собственные названия:** «Борнхольмерштрассе» - „Bornholmer Straße“, «Кудамм» - „Ku'damm“, «Адлерсхоф» - „Adlershof“, «Бархатная революция» - „Samtene Revolution“, «Европейский союз» - „Europäische Union“, «Бранденбургские ворота» - „Brandenburger Tor“, «Вторая мировая война» - „der Zweite Weltkrieg“, «Римские договоры» - „die Römischen Verträge“.

➤ **Иностранные слова:** «аудитория» (с латыни) - „Auditorium“ (aus Latein), «возможность» (с французского) - „Chance“ (aus Französisch), «компьютер» (с английского) - „Computer“ (aus Englisch).

➤ **Функциональные сочетания глаголов:** «разрушать» - „zum Einsturz bringen“, «подвергать сомнению» „in Frage stellen“, «внес значительный вклад в это» - „einen wesentlichen Beitrag dazu geleistet hat“, «задавать правильные вопросы» „die richtigen Fragen zu stellen“.

➤ **«Прагматичные» идиомы:** «От всего сердца благодарю вас и желаю вам всего наилучшего» - „Herzlichen Dank und Ihnen alles Gute“.

➤ **Фиксированные обороты:** «сломал свой путь» - „seine Bahn gebrochen hat“, «играть важную роль» - „eine wichtige Rolle spielen“, «чего бы это ни стоило» - „koste es, was es wolle“, «взяться за дело» - „in Angriff nehmen“.

➤ **Составные слова:** «Лиссабонский договор» - „Lissabon-Vertrag“, «право вето» - „Veto-Recht“, «Перспектива Восточной Германии» - „DDR-Perspektive“.

Подводя итог, можно утверждать, что целенаправленное использование риторики также важно для успешного выступления политического содержания. Стилистические приемы служат для того, чтобы подчеркнуть сообщение и сделать его более понятным. Повторения – важный инструмент: они могут помочь визуализировать главное сообщение. Конечно, повторы следует использовать целенаправленно и лишь выборочно. Это гарантирует, что краткое предложение запомнится слушателям.

Литература

1. Цыбина Т. А. Функции англоязычных кинотитров // Университетские чтения 2020: материалы научно-методических чтений ПГУ. Пятигорск, 2020. С. 111–118.

2. *Коломиец Е. А.* Миграция как фактор, ведущий к трансформации языка // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров: материалы XXI национальной научной конференции (с международным участием). Таганрог. 16–18 апреля 2020 года. Таганрог, 2020. С. 661–663.

3. *Aristoteles*, 384-322 př. Kr. Poetika; Rétorika; Politika. Přeložili Miloslav Okál, Peter Kuklica. 2. preprac. vyd. Bratislava: Tatran, 1980. 278 s. Knižnica estetiky; sv. 2.

4. *Bahner Werner*, et al. Strategien und Prinzipien sprachlicher Kommunikation. 1. Auflage. Berlin: Akademie der Wissenschaften der DDR, Zentralinstitut für Sprachwissenschaft, 1987. 163 s.

5. *Michel Georg*, et al. Sprachliche Kommunikation: Einführung und Übungen. 1. Auflage. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1986. 256 s.

6. *Tischner Christian*: Politische Reden. Beispiele für die Unterrichtspraxis, Deichmann, Carl/ Juchler, Ingo (Hg.): Politik verstehen lernen. Zugänge im Politikunterricht, Schwalbach/Ts., 2010. S. 120-123.

*Головнёва Ю. В.,
кафедра английской филологии,
Государственный университет просвещения;
golovnyova@mail.ru
SPIN-код eLibrary: 7282-8720*

РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ТЕРМИНОСИСТЕМАМИ ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация: сравнение терминологических систем в сфере общей психологии путем сопоставления русскоязычных и англоязычных источников обнаруживает как минимум два существенных различия между ними, а также выявляет несимметричные соотношения между отдельными ключевыми терминами.

Ключевые слова: психологическая терминология, категории, терминосистема, английский язык, русский язык.

*Yuliya Golovnyova,
Department of English Philology,
State University of Education;
golovnyova@mail.ru
SPIN-код eLibrary: 7282-8720*

THE DIFFERENCES IN GENERAL PSYCHOLOGY TERMINOLOGICAL SYSTEMS IN RUSSIAN AND ENGLISH

Abstract: this is an attempt to compare the general psychology terminological systems as represented in Russian and English higher education literature. The research has shown at least two significant differences between the terminological systems. Besides, there are non-symmetrical relations between some key terms.

Keywords: psychological terminology, categories, terminological system, English language, Russian language.

Вопрос о содержании и методологической обоснованности термина «языковая картина мира» (ЯКМ) поднимался неоднократно. Наука

стремится к объективному познанию действительности и по умолчанию считается выразителем позиции, независимой от языка и ЯКМ как привязанной к нему семантической структуры. Тем не менее, не только обиходные семантические структуры, но и научные терминосистемы в различных языках могут содержать заметные расхождения, которые должен принимать во внимание и профессиональный переводчик, и ученый, составляющий аннотацию к своей работе (и тем более – пишущий ее на иностранном языке).

Целью настоящего исследования является выявление сходства и различия основных терминов из области общей психологии, используемых в русскоязычной и англоязычной учебной литературе для вузов.

Первый этап исследования включал сравнение 10 русскоязычных источников по указанной тематике [1–10]. В абсолютном большинстве, кроме одного источника [6], психологи склонны подразделять психические явления на три группы. В первую группу входят *психические процессы*, во вторую – *состояния* человеческой психики, и, наконец, к третьей группе относятся *свойства личности*. В обособленную категорию специалисты выделяют человеческое *сознание*, которое, согласно общепринятой модели, можно рассматривать одновременно в виде процесса и в виде состояния [4]. К разновидностям *психических процессов* мы можем отнести такие психические явления, как *внимание*¹, *речь*, *память*, *мышление*, *воображение*, *восприятие*. К той же категории относятся и *сенсорно-перцептивные процессы* [4]. Некоторые источники включают туда и такие понятия, как *воля*, *эмоции* [2; 5; 8; 9] и *мотивация* [5]. В свою очередь, *психические состояния* тоже делятся на группы. Так, Р.С. Немов описывает *психоорганические состояния* (т.е. здоровье, физическое самочувствие) и состояния, которые можно назвать *собственно психическими*, но при этом носящие *материальный*, *социальный* или *духовный* характер [4]. Несколько различных классификаций *психических состояний* предлагает Ю.В. Чуфаровский [10]. Что же касается *свойств личности*, то здесь речь идет о *целях* и *мотивации* человека, его врожденных *способностях*, особенностях *характера*, *эмоциональных* и *волевых качествах*. В этот же

¹ Курсивом здесь и далее выделены термины, которым посвящены отдельные рубрики в исследуемой литературе по психологии.

ряд входят *самосознание* [3], *половая идентификация*, *конфликтность* или *конформность* [5].

Отметим, что некоторые психические явления по своим свойствам подпадают более чем под одну категорию. Но отнесение понятий одновременно к разным категориям встречается и в естественных науках (ср., например, представление о корпускулярно-волновой природе света) и не является показателем ненаучности подхода или неоправданной условности выделения категорий. Кроме того, ключевой для психологии термин *сознание* в русском языке одновременно является и гиперонимом (в этом значении данный термин синонимичен *психике*), и гипонимом (здесь он противопоставлен *бессознательному*), – такое явление называется гипонимической полисемией. Для научных терминов она не может быть характерна, т.к. от них требуется четкость и недвусмысленность.

Второй этап исследования представлял собой работу с учебной и научно-популярной психологической литературой на английском языке. Всего было использовано 8 источников [11–18]. В процессе исследования мы сравнивали наборы терминов в оглавлениях (необходимо отметить, что в данных источниках отсутствовали иные классификации психических явлений, кроме данных в оглавлении).

В целом англоязычная психологическая терминосистема не содержит небольшого количества наиболее общих категорий. Многочисленные разделы учебников посвящены отдельным психическим явлениям, таким, как *мышление* или *память*. Исключением является *личность*: термина «свойства личности» в англоязычных учебниках нет, но ее свойства анализируются в отдельных параграфах или в отдельных учебных пособиях.

На третьем этапе были сопоставлены списки психических явлений, рассматриваемых в отдельных главах и параграфах русской и английской учебной литературы, – для краткости назовем их изучаемыми (см. табл. 1).

Изучаемые явления психики¹

В источниках на русском и на английском	Только в англоязычных источниках
<p><i>abilities</i> (2) – способности</p> <p><i>attention</i> (1) – внимание</p> <p><i>consciousness</i> (4) – сознание (это понятие противопоставлено бессознательному)</p> <p><i>emotion</i> (4) – термин означает чувства или эмоции</p> <p><i>language</i> (6) – язык, речь</p> <p><i>mind</i> (3) – разум, сознание</p> <p><i>motivation</i> (7) – мотивация как свойство личности</p> <p><i>perception</i> (5) – иногда употребляется термин <i>перцепция</i>, чаще – <i>восприятие</i></p> <p><i>personality</i> (6) – личность</p> <p><i>sensation</i> (5) – означает любую разновидность <i>ощущений</i></p> <p><i>thinking</i> (6) – процесс мышления</p> <p><i>the unconscious</i> (3) – описывает область бессознательного (<i>подсознания</i>)</p>	<p><i>behaviour</i> (6) – термин, означающий поведение человека в целом</p> <p><i>development</i> (4) – термин, которым описывается человеческое развитие</p> <p><i>intelligence</i> (4) – интеллект</p> <p><i>learning</i> (6) – обучение</p> <p><i>mental disorders</i> (6) – этим термином описываются умственные /ментальные расстройства</p> <p><i>social behaviour</i> (1) – социальное поведение (к этой же категории относятся и три термина ниже)</p> <p><i>social cognition</i> (2) – социальное сознание</p> <p><i>social influence</i> (1) – влияние в социальном плане</p> <p><i>social relations</i> (2) – отношения социального характера</p>

Термин «обучение» (*learning*) не входит в отечественные учебники по общей психологии – вероятно, потому, что ему в отечественной традиции посвящены другие дисциплины: педагогика, методика. Развитие личности (*development*) в ней исследует возрастная психология. Подобные комментарии специалист в сфере психологии мог бы дать к

¹ В табл. 1 цифрой в скобках обозначено количество книг из англоязычной выборки, в которых изучается (рассматривается отдельной рубрикой) данное явление.

каждому пункту второго столбца табл. 1, а также к тому факту, что и в русскоязычных пособиях есть ряд терминов, не вынесенных в заголовки разделов в англоязычных: *воображение, воля, темперамент, характер*.

В результате исследования мы приходим к следующим выводам относительно основных различий между данными терминосистемами.

1) В русскоязычной системе терминов присутствует объединение психических явлений в крупные категории, причем эта тенденция сохраняется и у авторов, выделяющих категории по иным основаниям, отличающимся от общепринятых. В терминосистеме на английском языке таких категорий нет.

2) Отношения между терминосистемами несимметричны. Ряд крупных психических явлений рассматривается в русле общей и прикладной психологии только в англоязычной традиции (на русском языке они являются предметом изучения других наук). Другой ряд, наоборот, отражен только в русскоязычной терминосистеме.

Литература

1. *Гуревич П. С.* Психология: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2013. 608 с.
2. Клиническая психология: учебник для вузов. 4-е изд. / под ред. Б. Д. Карвасарского. СПб.: Питер, 2013. 861 с.
3. *Лукацкий М. А., Остренкова М. Е.* Психология: учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Гэотар-Медиа, 2013. 664 с.
4. *Немов Р. С.* Общая психология. В 3 т. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012.
5. *Нуркова В. В., Березанская Н. Б.* Общая психология: учебник для вузов. 3-е изд., перераб и доп. М.: Юрайт, 2013. 604 с.
6. Психология: учебное пособие/ под ред. В. Н. Панферова. СПб.: Питер, 2013. 480 с.
7. *Слободчиков В. И., Исаев Е. И.* Психология человека: Введение в психологию субъективности: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. 360 с.
8. *Столяренко Л. Д.* Психология: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2013. 592 с.
9. *Фалунина Е. В.* Психология: учеб. пособие для студ. специальности «Юриспруденция». М.: МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 2013. 968 с.

10. *Чуфаровский Ю.В.* Юридическая психология: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2013. 470 с.
11. *Eysenck Michael W.* Psychology: An International Perspective. Hove and N.Y.: Psychology Press, 2004. 984 p.
12. *Garrett B.* Brain and Behavior. An introduction to Biological Psychology. 2nd ed. Los Angeles; L.; New Delhi; Singapore, 2009. 600 p.
13. *Glassman, William E.* Approaches to psychology. 3rd ed. Buckingham, Philadelphia: Open univ. press, 2000. 510 p.
14. *Gleitman H., Gross J., Reisberg D.* Psychology. 8th ed. L., N.Y.: W. W. Norton & Company, 2011. URL: <http://www.cce.uma.pt/ron/Psychology%208th%20-%20Gleitman,%20Gross,%20Reisberg.pdf> (дата обращения 27.10.2023)
15. *Lemma G.* General Psychology: Lecture Notes for Health Science Students. Defense University College in collaboration with the Ethiopia Public Health Training, 2006. 293 p.
16. *Levinson H.* Harry Levinson on the Psychology of Leadership. Boston: Harvard business school press, 2006. 184 p.
17. *Long M., Wood C., Littleton K. et al.* The Psychology of Education. 2nd ed. L., N.Y.: Routledge Taylor&Francis Group, 2011. 438 p.
18. *Weiten W.* Psychology: Themes and variations: Briefer version. 5. ed. Belmont (Calif.); London; Singapore: Wadsworth/Thomson learning, cop. 2002. 523 p.

*Журавлева Е. В.,
кафедра романских языков
имени В.Г. Гака,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
ev.zhuravleva@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 9843-7705*

**УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СИНЕГО ЦВЕТА В
ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ. СИМВОЛИЗМ
ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ
(ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые аспекты, связанные с образными сравнениями, устойчивыми выражениями и фразеологическими единицами, содержащими цветообозначение «azul».

Ключевые слова: национальная культура, национально-культурная специфика, цветообозначение, символ, образное сравнение, фразеологизм, устойчивое выражение.

*Elizaveta Zhuravleva,
Department of Romance Languages
named after. V.G. Gak,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
ev.zhuravleva@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 9843-7705*

**AMAZING STORY OF THE COLOUR BLUE IN THE SPANISH
LANGUAGE. SYMBOLISM OF COLOUR DENOMINATION
(LINGUOCULTURAL ASPECT)**

Abstract: the article analyzes some aspects related to the figurative comparisons, set expressions and phraseological units containing colour denomination «azul».

Keywords: national culture, national and cultural specifics, color denomination, symbol, figurative comparison, phraseological unit, set expression.

Цветобозначения в любом языке содержат в себе большое количество национально-культурной информации и обладают богатым ассоциативным фоном. Символизм цветоименований связан с различными историческими, социальными и культурными явлениями и может являться важной составляющей смысловой структуры текста, выполняя различные функции – эстетические, экспрессивные, эмоциональные и оценочные.

Цвет и цветобозначения являются универсальными категориями, но в каждом языковом сообществе обладают специфическими чертами. Количество базовых цветов в каждой культуре может различаться, но именно ими «расцвечен» образ картины мира, при этом каждый цвет по-своему рисует реальность, в зависимости от исторических предпосылок, определенных традиций и опыта нации. Когда мы соотносим наши чувства с цветом, то опираемся на наше мировосприятие. Как и во многих других языках, в испанском сложилась такая национальная картина мира: небо голубого цвета, значит, это цвет божественного, со временем он стал обозначать не только цвет царства небесного (и облачения Девы Марии), но и всего желаемого, вечного (как вечная жизнь), с этим связано устойчивое выражение «*rico como el azul del cielo/celeste*» (чистый, как небесный цвет, т.е. незапятнанный). Одно из значений слова «*azul*» – поэтическое название неба.

История цветоименования для синего цвета в испанском языке началась много позже других цветов, и связано это было с трудностью воспроизводства этого цвета в жизни (использование в качестве красителя для тканей, а впоследствии в живописи). Обозначение синего цвета в испанском языке восходит к существительному «*lazaward*» арабского происхождения, служившего для именования поделочного камня лазурита, «*lapislázuli*», в свою очередь получившего в арабском языке название от слова «*lazurd*» – небо. Камень синего цвета использовали в процессе окрашивания тканей, так данный колорит попал в испанский язык. Изначально он ассоциировался именно с различными оттенками неба, поэтому неудивительно, что в испанском языке существуют устойчивые выражения, относящиеся к этому понятию и к цветобозначению в принципе (включая различные оттенки

искусственных красителей, полученных в конце 19 века): *azul celeste*, *azul marino*, *azul turquí*, *azul de cobalto*, *azul de mar*, *azul de Prusia*, *azul de Sajonia*, *azul de ultramar*, *azul egipcio*, *azul maya*.

Цвет является одним из ключевых концептов национальной культуры, он соотносится с окружающей природой и временем, с чувствами и эмоциями, с символами и мифологией, отражает исторический и социальный опыт. Символика цвета, его оценочный и эмоциональный потенциал проявляется в устойчивых лексических единицах, фразеологии и пословицах.

Несмотря на то, что синий цвет и все многообразие его оттенков окружает нас повсюду, количество устойчивых выражений с этим компонентом-колоронимом невелико. Во фразеологическом словаре зафиксировано всего 10 подобных единиц [1], Словарь испанского языка Королевской Академии предлагает 32 выражения [2, <https://dle.rae.es/azul?m=form>], большинство из которых является наименованием различных оттенков синего/голубого цвета либо искусственными красителями. Таким образом, как показывают исследования, указанный компонент входит в состав не более 10% от общего числа устойчивых выражений с компонентом-цветонаименованием [3].

Рассмотрим некоторые из таких лексических единств, использующихся в пиренейском национальном варианте испанского языка. Многие девушки с нетерпением ждут своего «*príncipe azul*» (идеального жениха), желательно «*con sangre azul*» (благородного, аристократического происхождения). Важно, чтобы он не оказался «*Barba azul*» - Синей бородой. Тогда можно сначала одеться «*de oro y azul*» (нарядиться, разрядиться в пух и прах) и «*darse un verde con dos azules*» (развлекаться, наслаждаться). При этом не стоит забывать и о пословице «*el que quiere azul celeste, que le cueste*» (любишь кататься, люби и саночки возить), иначе можно «*ponerle a uno de oro y azul*» (разбранить, отругать).

Являясь компонентом фразеологизма либо устойчивого выражения, цветообозначение играет важную роль в системе языка и культуры определенной языковой общности, в нашем случае носителей испанского языка, составляя часть национальной картины мира.

Выражение «*estar azul*», в отличие от английского аналога («*feel blue*» - быть грустным), обозначает непонимание, когда кто-то не может уловить суть происходящего. Иногда его заменяют устойчивым

словосочетанием «*estar como un Pitufo*» - буквально «быть Смурфиком» (герои мультипликационного сериала для детей), также символизирующим крайнюю степень непонимания или отсутствия внимания.

Синий цвет не обошел стороной и политическую сферу в Испании.

Banco, bancada azul – такое название используется в качестве метонимии для обозначения Правительства и связано это с цветом скамей, расположенных полукругом в парламенте. На этих местах в первом ряду сидят Председатель и члены правительства, остальные депутаты находятся на скамьях красного цвета. Исторически голубой цвет олицетворял правящий дом Бурбонов, а правительство в Генеральных Кортесах представляло в 19 веке именно их, в отличие от депутатов, избранных народом. Голубой цвет стал цветом правящей династии в Испании не сразу. Изначально цветом монархов был белый. Но в конце 18 века испанский король Карл III учредил орден в честь рождения внука наследника престола, Карлоса Клименте, сына Карла IV. Орден был посвящен непорочному зачатию Девы Марии (именно она является небесной покровительницей Испании), поэтому крест носили на орденской ленте голубого цвета с белой полосой посередине. Эти цвета и стали олицетворять правящую династию Испании.

Цветообозначение голубого и синего в настоящее время ассоциируется с консервативными партиями центристского и правоцентристского толка. В Испании у Народной Партии (*Partido Popular*) с конца 2022 года новая голубая эмблема с изображением крачки (а не чайки), согласно объяснениям Фернандо Мартинеса Виделя, создателя этого логотипа. Сам он рассказывает, что с его точки зрения правые силы олицетворяют свободу, поэтому изображение именно этой птицы он и выбрал, а глубокий синий цвет, в свою очередь, символизирует не только море и свободу, но и силу и надежность.

Нельзя не вспомнить и о печально известной Голубой Дивизии (*División Azul*) - добровольческой дивизии, принимавшей участие в Великой Отечественной войне на стороне фашистской Германии. Она была так названа по голубым воротничкам фалангистских рубашек, выделявшихся на фоне серой формы немецкой армии. «*Camisas azules*» - так звали «синерубашечников», «фалангистов», последователей Испанской Фаланги (*Falange Española*), ультраправой партии, основанной в 1933 году Примо де Ривера при режиме Франсиско Франко, которая была единственной законной партией вплоть до 1975 года.

Однако, выбор цвета в процессе творчества не лишен субъективности. Каждый автор наполняет свои произведения собственным смыслом, творя собственную реальность и создавая авторские образы. Модернисты начала прошлого века превратили все оттенки синего и голубого в отражение состояния души, сделав его настоящим символом этого короткого исторического периода. Если на заре христианства и в Средневековье синий цвет ассоциировался с духовностью, непорочностью и чистотой, то в конце 19 века символисты и модернисты превратили синий цвет в настроение. Считается, что именно никарагуанский поэт Рубен Дарио ввел синий цвет в качестве знакового в течение литераторов-модернистов рубежа веков, избрав его в качестве символа искусства, своего рода недостижимого идеала, желаемого, но недоступного: «*es el color del ensueño, el color del arte, un color helénico y homérico, color oceánico y del firmamento*» (R. Darío). Именно в художественной литературе можно найти удивительные образы и поэтические сравнения, созданные при помощи этого колоронима: *la noche era de un azul pavonado* (J. Marías), *mirada azul* (R. Regás), *rayo azulado de luna, azulada tarde* (G.A. Bécquer), *la estrella es una lágrima en el azul celeste, los días azules* (A. Machado), *azuleaba la huerta bajo el crepúsculo, árboles azules sobre campos morados* (V. Blasco Ibáñez), *sendero pintado de color azul* (C.J. Cela). Авторы используют цветонаименование «*azul*» для создания определенного чувства или настроения, по-разному обыгрывая его природные свойства.

Символическое значение названий цвета, и синего в частности, выражают не только настроение и определенные эмоционально-оценочные оттенки, которые хотел создать автор в своем произведении, выполняя эстетическую функцию, но и обладают ассоциативным фоном, связанным с национальной картиной мира. Несмотря на то, что синий/голубой цвет широко представлен в окружающей нас природе, число устойчивых выражений с этим колоронимом невелико. Тем не менее, прослеживается интересная история развития символического цветовосприятия в испанской культуре, от христианского и духовного символизма синего в прошлые века до политически маркированного и нейтрального в последнее время.

Литература

1. *Испанско-русский фразеологический словарь: 30 000 фразеологических единиц* / Э. И. Левинтова, Е. М. Вольф, Н. А. Мовшович и др. М.: Русский язык, 1985. 1074 с.
2. *Словарь испанского языка Королевской Академии испанского языка*. URL: <https://dle.rae.es/> (дата обращения: 22.10.2023).
3. *Jaskot M.* El aspecto linguoculturológico de los nombres de los colores en las unidades fraseológicas españolas. // *Itinerarios: revista de estudios lingüísticos, literarios, históricos y antropológicos*. 2015. № 22. P. 35–48.

*Ковальчук Д. А.,
кафедра романских языков
имени В.Г. Гака,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
da.kovalchuk@mpgu.su*

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ЛЕКСЕМЫ «INSTRUCTION» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: в данной статье представлены результаты диахронического семантического анализа лексемы «instruction». Материалом исследования послужили аутентичные словари французского языка, в частности Словарь Французской академии. Помимо системы значений, зафиксированной в словаре, в ходе работы были изучены семы, реализующиеся в различных контекстах, в том числе, и в произведениях французской художественной литературы. Результаты исследования отражают процессы становления, развития и лексикографической систематизации семантических признаков «instruction» как номинативного ядра соответствующего концепта.

Ключевые слова: диахрония, семантика, сема, семантическая эволюция, концепт, этимология.

*Dmitriy Kovalchuk,
Department of Romance Languages
named after. V.G. Gak,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
da.kovalchuk@mpgu.su*

SEMANTIC EVOLUTION OF THE LEXEME «INSTRUCTION» IN THE FRENCH LANGUAGE

Abstract: this article presents the results of a diachronic analysis of the core of the nominative field of the concept “instruction”. Authentic

dictionaries of the French language, in particular the Dictionary of the French Academy, served as the material for the study. In addition to the norm fixed in the dictionary, the study also studied the communicative experience of a person. Fiction and works by French authors also formed an important part of the research materials. The results of the study are a description of the development of the semantics of the core of the nominative field of the concept, and, accordingly, a change in the diachrony of the concept being studied.

Keywords: diachrony, semantics, sema, semantic evolution, concept, etymology.

Историко-лексикологические и этимологические методы исследования занимают важное место в изучении концептов. Диахронический подход к анализу ядра концепта позволяет рассмотреть этимологию языковой единицы, принятой за центр номинативного поля. Так, лексема «instruction», согласно словарю Французской академии, датируется XIV веком и заимствована из латинского языка: *instructio* – «action d'adapter, de ranger».

В средние века это слово использовалось для обозначения руководства и указаний по выполнению какой-либо работы.

В XVIII веке лексема *instruction* получила новое значение – «инструкция» или «руководство по эксплуатации», что связано с развитием техники и промышленности. В XIX веке она стала употребляться в контексте образования и обучения, а также в правовой сфере для обозначения правил и инструкций.

В XX веке лексема *instruction* приобрела еще одно значение – «команда» или «приказ», что связано с развитием технологий и автоматизации процессов. В настоящее время эта лексема широко используется в различных областях, таких как образование, наука, технологии, право и бизнес.

Одним из основных экстралингвистических факторов, который повлиял на развитие семантики лексемы «instruction», является Великая французская революция. Данный период в истории Франции характеризуется не только политическими изменениями, но и ростом значимости в социальной сфере жизни людей обучения и процесса формирования личности, обретения навыков и умений как на законодательном уровне, так и в повседневной жизни. Об интересе к вопросам народного образования свидетельствуют речи лидеров

революции. Священники, публицисты и социальные мыслители выступали перед Конвентом со своими проектами и декретами. Например, проект Лаканалья-Сийеса, основным пунктом которого была организация национальных празднеств как лучшего средства формирования республиканских нравов. Ещё один из членов Комитета народного образования Букье предложил проект, который касается пяти вопросов: обучения, контроля над школами, первой и последней ступеней образования, а также основных средств образования [1, с.72]. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что Великая французская революция явилась экстралингвистическим условием семантической эволюции лексемы «instruction»: потребности социально-политического переустройства общества обусловили переосмысление педагогических идей.

Семантическая эволюция лексемы «instruction» прослеживается в словаре Французской академии. В первом издании (1694 г.) словарная статья представлена лишь как фрагмент словарной статьи однокоренного глагола. Среди основных сем выделяются: 1) *éducation, institution*; 2) *les preceptes qu'on donne pour instruire*; 3) *la connoissance de quelques faits, de quelques usages qu'on ignore*; 4) *tout ce qui est necessaire à un procez pour estre en estat d'estre jugé*; 5) *les ordres & les memoires qu'un Prince donne à son Ambassadeur, à son envoyé &c.* Первые три отражают действительность в рамках концепта «обучение». Обратим особое внимание на значение 1, т.к. лексема «instruction» в данном случае семантизируется другими лексемами из синонимического ряда – «*éducation*» и «*institution*». Чтобы раскрыть основные компоненты значения 1, рассмотрим соответствующие словарные статьи того же издания: *éducation* - *le soin qu'on prend de l'instruction des enfants, soit en ce qui regarde les exercices de l'esprit, soit en ce qui regarde les exercices du corps*; *institution* - *action par laquelle on instituë, on établit* [3].

Примечательно, что до шестого издания словаря (1835 г.) значительных изменений в семантике данной лексемы не отмечено. В шестом издании словарная статья получила самостоятельный статус. Ранее приведенный семный состав претерпевает изменения. Например, значение 1: замена лексемы «*instruction*» на другой синоним – «*enseignement*»; значение 2: *leçon, précepte qu'on donne pour instruire*; значение 3: *connaissances, savoir, notions acquises* [3].

В седьмом издании академического словаря (1878 г.) фиксируемые семантические изменения определяются расширением сферы

употребления лексемы за счет военного образования: «l'instruction des nouvelles recrues, l'éducation militaire du jeune soldat» [3]. В восьмом издании (1935 г.) словаря Французской академии редактируется первое значение лексемы «instruction»: action d'instruire quelqu'un sur les préceptes, les principes nécessaires à son éducation. 'Военный' смысл указывается в рамках основного значения: «instruction militaire» [3].

Последнее (девятое) издание словаря новую версию основного значения лексемы «instruction»: «action de transmettre à quelqu'un des connaissances ou des principes nécessaires à son éducation». В это значение включаются дефиниции, которые мотивированы метонимией – «ensemble de connaissances acquises par l'étude, au cours d'un enseignement», и ослаблением смысла – «désigne parfois simplement la connaissance qu'on donne à quelqu'un de certains faits, de certains usages qu'il ignore, afin d'éclairer sa conduite». Второе значение данной лексемы также уточняется: «ordre, indication qu'on donne à quelqu'un pour la conduite d'une affaire; directive, consigne». К нему отнесено выделенное в первом издании словаря пятое значение со следующим изменением формулировки: «directives qu'un gouvernement donne à ses représentants sur la manière dont ils doivent se comporter dans leur mission». Также в структуре второго значения указана новая сема, как результат действия языкового механизма аналогии. Она относится к сфере информатики: «consigne formulée dans un langage de programmation, selon un code». Таким образом, можно сделать вывод, что в академическом словаре современный семантический объем лексемы «instruction» раскрывается не при помощи синонимов, а посредством контекстов употребления, отражающих различные сферы общественной жизни [3].

При изучении семантической эволюции лексикографический анализ недостаточен. Необходимо подтверждение реального функционирования и семантической реализации лексемы «instruction» в различных языковых контекстах (ср. американский психолог У. Кинч утверждает, что язык можно определить как «лингвистическую память» [4, с. 143]). Приведем примеры употребления лексемы в произведениях художественной литературы.

Лексема «instruction» употребляется в значении «des ordres, des explications, des avis qu'une personne donne à une autre pour la conduite de quelque affaire, de quelque entreprise», соответственно в форме множественного числа (отмечено в словаре). Александра Дюма (отец):

«*Il m'a prévenu hier de votre arrivée, en me donnant encore quelques autres instructions relatives à votre fortune*» (Monte-Cristo, т. 1, 1846).

Э. Золя в романе «Доктор Паскаль» использует лексему «instruction» дважды и в разных значениях. В первом случае употребление лексема имеет значение «des ordres, des explications, des avis qu'une personne donne à une autre pour la conduite de quelque affaire, de quelque entreprise», а во втором случае значение лексемы контекстуально определяется как «éducation, institution»: «*Développer, généraliser, répandre l'instruction. Pascal resta désarmé, envahi d'une tristesse croissante. Son remords augmentait de s'être montré tolérant, de n'avoir pas dirigé en maître absolu l'éducation et l'instruction de Clotilde*».

В. Гюго в романе «Отверженные» поднимает вопрос образования человека: «*L'égalité a un organe: l'instruction gratuite et obligatoire. Le droit à l'alphabet, c'est par là qu'il faut commencer*» (Misérables, т. 2, 1862). В данном примере «instruction» означает образование как систему воспитания и обучения личности (значение 1 – enseignement, éducation).

У французских авторов Э. Эркмана и А. Шатриана лексема выступает в значении «connaissances, savoir, notions acquises» (совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков), а контекст произведения отражает роль обучения и знаний в жизни человека: «*Pendant que nous serons là-bas, tu viendras ici souvent chercher des livres, Michel, et tu t'instruiras; sans instruction on n'est rien*» (Histoire d'un paysan, т.1, 1870).

Анализ особенностей семантической эволюции лексемы «instruction» является предпосылкой для дальнейшего изучения концепта, номинативным ядром которого она выступает. Концепт «instruction» занимает важное место в лингвокультурном пространстве, поскольку демонстрирует соотнесенность с познавательной деятельностью человека, необходимость которой обусловлена потребностями социального воспроизводства, обеспечения прогрессивного развития и сохранения общечеловеческих ценностей.

Литература

1. Пинкевич А. П. Педагогические идеи Великой французской революции. М.: Работник просвещения, 1926. 137 с.
2. Centre national de ressources textuelles et lexicales. URL: <https://www.cnrtl.fr/corpus/> (дата обращения: 05.02.2023).

3. *Dictionnaire de l'Académie française*. URL: <https://www.dictionnaire-academie.fr/> (дата обращения: 28.01.2023).

4. *Slamecka, N. J.* Review of Memory and Cognition // *The American Journal of Psychology*. 1978. 91(1). 141–145. URL: <https://doi.org/10.2307/1421833> (дата обращения: 10.02.2023).

*Лим В. В.,
Центр международного образования,
Институт переводоведения,
русистики и многоязычия,
Пятигорский государственный
университет;
valeria.lim@yandex.ru*

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОЙ ОККАЗИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ МЕТАФОРИЧЕСКОГО И МЕТОНИМИЧЕСКОГО ТИПА

Аннотация: статья посвящена рассмотрению проблем лингвокреативности на примере окказиональной лексики, английского языка. В ходе анализа эмпирического материала вскрываются когнитивные механизмы, обуславливающие возникновение окказиональных слов метафорического и метонимического типа. Это позволяет автору определить и формализовать концептуальные структуры, мотивирующие семантику данных слов; типизировать и описать коррелирующие рассмотренными концептуальными структурами модели метафорического переосмысления и метонимического переноса.

Ключевые слова: лингвокреативность, окказионализм, метафора, метонимия, когнитивный механизм.

*Valeria Lim,
Center of International Education,
Institute of Translation Studies,
Russian Philology and Plurilingualism,
Pyatigorsk State University
valeria.lim@yandex.ru*

COGNITIVE MECHANISMS OF LINGUISTIC CREATIVITY BASED ON METAPHORIC AND METONYMIC ENGLISH AD-HOC WORDS

Abstract: the article is devoted to the problems of linguistic creativity based on English ad-hoc words. Analysis into the empirical data reveals cognitive mechanisms which underlie the occurrence of metaphoric and metonymic ad-hoc words. Reference to cognitive metaphor and metonymy allows the author to define and formalize the conceptual structures that motivate the semantics of such words; to typify and describe the models of metaphoric reinterpretation and metonymic transfer that correlate with the considered conceptual structures.

Keywords: linguistic creativity, ad-hoc words, metaphor, metonymy, cognitive mechanism.

Понятие «лингвокреативность» исключительно как способность некоего «идеального» Говорящего, пребывающего в гомогенном языковом сообществе, комбинировать ограниченное число элементов языка в соответствии с параметрами определенного набора исчисляемых синтаксических конструкций, был впервые введен в лингвистический исследовательский дискурс Н. Хомским [8].

Однако интерпретация феномена лингвокреативности в парадигме современного языкознания в значительной степени выходит за рамки, установленные Н. Хомским, и затрагивает аспекты, связанные не только с функционированием единиц и структур языка в речевой деятельности человека, но и безграничным потенциалом людей создавать новые языковые формы и смыслы и обновлять уже существующие в зависимости от сложившихся экстралингвистических обстоятельств и коммуникативных намерений.

Н. В. Смирнова полагает, что «выдвижение лингвокреативности в фокус исследовательского внимания» обусловлено:

1) всплеском внимания к «человеческому фактору» в языке и, в частности, к тому, «какие участки [языка] открыты» для «лингвокреативной деятельности» человека; каков предел возможности влияния на него [4, с. 215];

2) усилением позиций когнитивной лингвистики, включившей «ментальную составляющую» в исследовании лингвокреативности [3, с.

160] и определившей ключевые особенности лингвокреативного мышления, к которым относятся «оперирование языковыми единицами по законам ассоциативных сближений; варьирования языковых форм; проявление тенденции к нарушению языкового стандарта в коллективной и индивидуальной речевой деятельности» [1, с. 11–12];

3) активным изучением поэтического и художественного дискурса, в котором «девиации [...] становятся языковыми новациями, реализующими творческие возможности как субъекта речи, так и самого языка» [5, с. 91];

4) словотворчеством и речетворчеством широких масс, так называемым «массовым лингвокреативом», представленном в обыденной или медийной коммуникации, осуществляющейся в Интернет-пространстве [5, с. 91].

Перечисленные выше причины неослабевающего исследовательского интереса к процессам и результатам лингвокреативности выявляют «участки повышенного напряжения» в языковой системе [5, с. 95], возникающего в силу реализации «лингвокреативного потенциала человеческого мышления» [2, с. 46]. Причем, «основным узлом» воплощения творческого импульса носителей языка является лексика [11, р. 235]. Именно лексические единицы – окказиональные слова современного английского языка, – являются объектом исследования, представленного в настоящей статье. В связи с чем, мы, вслед за О.В. Соколовой определяем феномен лингвокреативности как «создание новых, уникальных языковых единиц и модификацию отношений между ними», требующих от адресата «деавтоматизации» восприятия и «метаязыковой рефлексии» для понимания инноваций, продуцируемых адресантом [6, с. 124].

Именно к таким лексическим инновациям и следует отнести окказиональные единицы английского языка, активно формирующиеся под влиянием целого ряда экстралингвистических факторов, и отражающие долгосрочные и краткосрочные тренды, запускающие процессы лингвокреативности в современном англоязычном обществе.

В ходе проведенного анализа отобранных нами окказиональных лексических единиц было выявлено, что большинство репрезентантов данного лексического пласта в структурном плане представляют собой контаминированные слова, лексические бленды (*youthquake*, *snaccident*, *soonicorn*, *wantpreneur*, *spendemic*, *shecession*, *etc.*) или двусоставные лексические композиты типа [[N] + [N]]_n и [[Adj] + [N]]_n (*sandwich*

generation, black swan, green swan, muffin top, ghost kitchen, sleep camel, muffin chocker, etc.). Данные лексические единицы дифференцируются не только на уровне порождающих их структурных моделей, но и в аспекте когнитивных механизмов, обуславливающих формирование их семантики. В роли таких механизмов выступают концептуальная (когнитивная) метафора [10] и концептуальная (когнитивная) метонимия [7].

Так, будучи двучастными лексическими образованиями, окказионализмы-бленды и окказионализмы-композицы, семантика которых сформировалась на основе метафорического переосмысления, обнаруживают либо парциальную, либо полную (целостную) метафоризацию: метафорической семантикой может обладать (1) вершинный компонент лексемы (*sleep camel* – человек, который высыпается после длительного вынужденного бодрствования в силу профессиональных обязанностей, необходимости выполнить в срок какую-либо задачу и т.п., *soonicorn* (*soon* + *(un)icorn*) – бизнес-проект или компания, которая в будущем может получить рыночную оценку стоимости в размере свыше 1 миллиарда долларов США, *business shower* – вечеринка, организованная по случаю запуска нового бизнес проекта, *youthquake* (*youth* + *(earth)quake* – кардинальные изменения в различных областях жизни социума, осуществляемые молодежью); (2) компонент-модификатор вершинной части слова (*muffin top* – нависающие над слишком узкими джинсами бока и живот, *sandwich generation* – люди среднего возраста, вынужденные заботиться как о своих пожилых родителях, так и о своих, еще не достигших совершеннолетия, детях, т.е. поколение, зажатое между молодыми и старыми, *ghost kitchen* – кухня-призрак, кухня, на которой готовится еда под брендом какого-либо ресторана); (3) оба модификатора являются метафоричными (*black swan* – неожиданное событие, выходящее за рамки того, что обычно ожидается в той или иной ситуации, и потенциально чреватое серьезными последствиями, *green swan* – неожиданно быстрое восстановление природы в период локдауна, вызванного коронавирусом). Следует также отметить, что в окказионализмах-блендах метафора локализуется только в вершинной составляющей, тогда как композицы демонстрируют все три варианта метафоризации.

Наиболее эффективным способом экспликации принципов функционирования концептуальной метафоры как ментального механизма формирования значения таких слов, является концептуальный

блендинг или модель концептуальной проекции, визуализирующая взаимопроникновение двух и более «ментальных миров» (source-input space 1 and target-input space 2), которые интегрируются в новое ментальное пространство (blended space) [9]. Так, например, описание людей среднего возраста как *sandwich generation* (blended space) основано на уподоблении их позиции между младшим и старшим поколениями (target-input space 2) структуре сэндвича (source-input space 1).

Что касается метонимичных окказиональных слов, то вне зависимости от структурного типа, они полностью сигнифицируют перенос фокуса с одного концептуального параметра, включенного в определенный домен, на другой. Таким образом, в отличие от метафорического переосмысления, концептуальный сдвиг, запускающий метонимизацию значения, не выходит за пределы домена, который объективирует та или иная инновационная лексическая единица.

Переключение фокуса и выдвижение когнитивных параметров семантики окказионализма, наиболее релевантных для продуцента, происходит в пределах таких концептуальных пар, как [cause]→[effect], [experiencer]→[emotional state], [event] →[place], [individual] →[institution] и т.п. Например, окказионализмы *muffin choker*, *coffee spiller*, *marmalade dropper*, несмотря на семантическую разнородность составляющих, на концептуальном уровне являются синонимами, так как объективируют одну типовую ситуацию – это крайняя степень удивления, которую испытывает человек, когда читает/слушает/смотрит за завтраком новости и сталкивается с какой-либо сенсационной информацией, в результате чего пощёлкивается кексом (*muffin choker*), проливает кофе (*coffee spiller*) или роняет повидло, вместо того, чтобы намазать его на тост (*marmalade dropper*). Как видно из семантики данных окказионализмов, все они описывают следствие, консеквент ([effect]) сложного каузативного события, а сама причина (сенсационная новость) – antecedent ([cause]) выводится реципиентом данной лексической единицы посредством инференции. Аналогичным образом работает и семантика композита *compassion fatigue* – эмоциональное выгорание, «усталость сопереживать», которое испытывают люди из-за слишком большого количества трагических событий, происходящих в мире. На уровне концептуально структуры, мотивирующей значение данного слова, происходит выдвижение параметра [emotional state] и «затенение» параметра [experiencer], индуцирующего данное состояние.

Таким образом, наиболее эффективными способами когнитивного моделирования семантики окказиональных лексических единиц современного английского языка являются многопространственная модель метафоры и концептуальные пары, формализующие механизм метонимического переноса.

Литература

1. *Гридина Т. А.* Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996. 214 с.
2. *Ирисханова О. К.* Лингвокреативные основания теории номинализации: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004.
3. *Ирисханова О. К.* О понятии креативности и его роли в метаязыке лингвистических исследований // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке: сб. науч. тр. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С.158–171.
4. *Кубрякова Е. С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. М.: Изд. центр РГГУ, 1995. С. 144-238.
5. *Смирнова Н. В.* Концепции лингвокреативности в современном российском языкознании // Актуальные проблемы стилистики. № 7. 2021. С. 89–114.
6. *Соколова О. В.* Дискурс-«логофаг»: границы лингвокреативности и стереотипности в рекламе // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 114–142.
7. *Barcelona A.* Metaphor and Metonymy at the Crossroads. Walter de Gruyter, 2003. 356 p.
8. *Chomsky N.* Cartesian Linguistics. (Studies in Language). New York: Harper & Row, 1966. 119 p.
9. *Fauconnier G., Turner M.* The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities. New York: Basic Books, 2003. 464 p.
10. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. London: The University of Chicago Press, 2003. 193 p.
11. *Zawada B.* Linguistic creativity from a cognitive perspective // Southern African Linguistics and Applied Language Studies, 2009. Volume 24 (2). P. 235-254.

*Малкерова М. А.,
кафедра фонетики и лексики
английского языка имени В.Д. Аракина,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
mariya.malkerova@gmail.com
SPIN-код eLibrary: 3885-5271*

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация: статья посвящена результатам исследования сочетаемости термина *sportsmanship*. Осуществленный сопоставительный анализ позволяет сделать ряд выводов не только о наиболее распространенных моделях сочетаемости лексемы, номинирующей одно из ключевых спортивных понятий, но и о разнице восприятия спорта представителями различных культур.

Ключевые слова: дискурс, спортивный дискурс, лексическая сочетаемость.

*Mariya Malkerova,
Department of English Phonetics and
Lexicology named after V.D. Arakin,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
mariya.malkerova@gmail.com
SPIN-код eLibrary: 3885-5271*

ON THE ISSUE OF LEXICAL COMBINABILITY IN MODERN ENGLISH SPORTS DISCOURSE

Abstract: the article contains the results of the study devoted to the combinability of the term "sportsmanship". The comparative analysis makes it possible to draw a number of conclusions not only about the most widespread

patterns of combinability of the lexeme in question, nominating one of the key sports concepts, but also about the differences in the perception of sports by representatives of different cultures.

Keywords: discourse, sports discourse, lexical combinability.

Дискурсивные исследования часто становятся предметом изучения в работах современных лингвистов. Это связано с тем, что «сложившееся научное направление, развиваясь, не оставляет свой предмет неизменным, а вносит в него изменения в соответствии с обогащающимися данными исследований» [1, с. 10], и, пройдя через две революции, выделенные М.Я. Блохом (возникновение системного языкознания и развитие парадигматического синтаксиса), с 70-х гг. XX века лингвисты сконцентрировались на особенностях построения и бытования текстов. Именно присущий современным исследованиям «междисциплинарный характер определил их теоретическую и практическую значимость в контексте современных концепций языка, культуры, коммуникации» [3, с. 435].

В широком смысле термин «дискурс» часто трактуется, как «текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом» [2, с. 94–95]. Именно контекстный характер дискурса, то есть его непосредственную связь с определенной сферой человеческой деятельности, можно считать основным фактором, влияющим на многообразие типов дискурса: в настоящее время можно говорить о существовании политического, медицинского, рекламного, театрального, экономического, юридического, педагогического и многих других видов дискурса. Необходимо отметить «открытость и историческую изменчивость данного списка дискурсов», что «обусловлено возрастающим или угасающим интересом к существующим в данный момент времени институтам и их востребованностью» [4, с. 82]. При этом, спорт является одной из сфер, интерес к которой не угасает с течением времени, что и объясняет востребованность исследований в этой сфере.

Однако следует отметить некую размытость, свойственную термину «спортивный дискурс», которая состоит в том, что спортивная индустрия активно развивается, появляются новые виды спорта, используется новый инвентарь, можно наблюдать новые каналы общения между спортсменами и болельщиками. В рамках данного исследования рассматривался спортивный дискурс масс-медиа, а именно публикации, размещенные в разделе «Sports» таких англоязычных изданий как New

York Times [<https://www.nytimes.com/>], USA Today [<https://www.usatoday.com/>], The Washington Post [<https://www.washingtonpost.com/>], New York Post [<https://nypost.com/>], Daily Mail [<https://www.dailymail.co.uk/>], Metro [<https://metro.co.uk/>], the Sun [<https://www.thesun.co.uk/>] и др. В качестве материала для анализа отбирались статьи, опубликованные в период с 2020 по 2023 год, при этом сопоставления между публикациями качественной прессы и таблоидов не предполагалось.

В центре проведенного исследования находится лексема *sportsmanship*, репрезентирующая одно из ключевых понятий для сферы спорта в принципе. Целью осуществленного исследования было выделение основных особенностей сочетаемости данной лексической единицы в американском и британском спортивном дискурсе. Для достижения поставленной цели было проанализировано 80 контекстов (по 40 в каждом из вариантов соответственно). Анализ обнаруженных контекстов позволил сделать ряд выводов, представленных ниже.

И в американских, и в британских изданиях спортивное поведение рассматривается как некий стандарт, к которому необходимо стремиться, и в соответствии с которым оценивается поведение конкретных спортсмена или команды. Это подтверждается широкой сочетаемостью слова *sportsmanship* с такими существительными как *level*, *example*, *lack*, *element*, *act*, *example*, *qualities* и т.д. Модель Noun + prep + *sportsmanship* оказалась наиболее распространенной в обеих сопоставляемых группах (20 случаев в американских публикациях и 15 в британских):

При этом довольно интересно использование описательных элементов перед существительным, сочетающимся с термином *sportsmanship*. Проанализированные примеры позволяют сделать вывод о том, что вопреки распространенному мнению о сдержанности, присущей жителям Великобритании, статистически значимой разницы с точки зрения эмоциональности и вариативности в использовании прилагательных и в американском, и в британском спортивном дискурсе, отмечено не было (см. Таб. 1).

Использование описательных прилагательных в рамках американского и британского спортивного дискурса

Американские издания	Британские издания
heartwarming, nationally recognized (example), a memorable (act), the highest (level), a strong (picture), wonderful (examples), true (spirit)	a remarkable (act), the iconic (moment), a shining (example), amazing (act), shocking (lack) fundamental (element)

Следует отметить, что в рамках выделенной модели Noun + prep + sportsmanship было выделено три вариации, связанные с желанием авторов публикаций сделать выражение более эмоционально наполненным, что приводило к использованию дополнительных прилагательных. Выделенные вариации представленной модели включают N + prep + Adj + sportsmanship (*examples of good sportsmanship, the nature of good sportsmanship*), Adj + N + prep + sportsmanship (*shocking lack of sportsmanship, heartwarming example of sportsmanship*) и Adj + N + prep + Adj + sportsmanship (*a good sense of good sportsmanship, a shining example of good sportsmanship*).

Гораздо реже наблюдается использование модели Adj + sportsmanship (7 контекстов было обнаружено среди американских публикаций и 6 – в рамках британских). При этом не удалось выявить значимого перевеса с точки зрения позитивной/негативной коннотации обнаруженных примеров, так как они распределились практически поровну (7 отрицательных (*bad, poor, zero, etc.*) и 6 положительных (*great, amazing, epic, etc.*)).

Необходимо отметить, что для усиления общего эффекта и большего эмоционального воздействия на читателя, американские авторы периодически прибегают к использованию синонимов, тем самым подчеркивая саму суть понятия *sportsmanship* (*athletic prowess and sportsmanship, sportsmanship and civility, fair play and sportsmanship, congeniality, sportsmanship, lob-inducing serve and adroitness*).

Еще одним обнаруженным отличием является большее количество моделей сочетаемости в рамках американского варианта по сравнению с британским. В американском варианте, помимо уже рассмотренных

выше моделей Noun+and+sportsmanship, (Adj) + N + prep + (Adj)+ sportsmanship и Adj + sportsmanship, был найден пример сочетания с наречием (*just sportsmanship*), а также обнаружены также две модели сочетаемости с глаголами (V + sportsmanship, sportsmanship + V). В качестве примеров первой группы можно привести такие словосочетания, как *represent through sportsmanship*, *engage in healthy sportsmanship*, *to show off sportsmanship*, *to question sb's sportsmanship*, а для иллюстрации второй модели можно упомянуть *sportsmanship suffers*, *sportsmanship trumps smth*, *sportsmanship gets worse*. В проанализированных британских публикациях вторая глагольная модель отсутствует. Логично предположить, что это связано с восприятием спортивного поведения представителями двух культур: для жителей Великобритании спортивное поведение является константой, в то время как американцам эта концепция представляется более мобильной и подверженной изменениям.

Более присуще американскому дискурсу и использование лексемы *sportsmanship* в позиции прилагательного (*sportsmanship efforts*, *to take sportsmanship lessons*, *in a sportsmanship way*).

Несмотря на некоторые обнаруженные различия в сочетаемости и восприятии понятия *sportsmanship* в целом, необходимо признать, что они представляют определенный интерес с точки зрения лингвокультурного сопоставления, но не являются существенными, что в некотором роде является доказательством универсальности и значимости спортивной сферы для представителей различных культур.

Литература

1. Блох М. Я. Три революции в языкознании и дискурсология как третья часть грамматики // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики: сборник научных трудов / Московский педагогический государственный университет. Вып. 19. М.: МПГУ, 2021. С. 10–19.
2. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
3. Никулина Е. А., Фрейдина Е. Л. Научные традиции и актуальные направления лингвистических исследований на кафедре фонетики и лексики английского языка им. В.Д. Аракина (к 75-летию Института иностранных языков МПГУ) // Преподаватель XXI век. 2023. № 3-2. С. 433–442.

4. *Тарасова Е. Е.* Спортивный дискурс и проблема интердискурсивности проблема институциональности спортивного дискурса // Вестник военного образования. 2020. № 3 (24). С. 80–83.

Меньшикова Ю. О.,
кафедра фонетики и лексики
английского языка имени В.Д. Аракина,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
уо.menshikova@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 7267-2972

РАЗНОКОРЕННЫЕ ПАРОНИМЫ КАК ЧАСТЬ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация: данная статья посвящена изучению паронимии как системного лексико-семантического явления. В центре внимания – разнокоренные паронимы, которые, наряду с однокоренными, представляют определенный пласт самостоятельных парадигматически связанных единиц лексической системы английского языка.

Ключевые слова: пароним, паронимия, однокоренные паронимы, разнокоренные паронимы, парадигматические отношения, системный подход.

Yuliya Menshikova,
Department of English Phonetics and
Lexicology named after V.D. Arakin,
Moscow Pedagogical
State University;
уо.menshikova@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 7267-2972

«CONFUSABLES» OF DIFFERENT ROOTS AS PART OF ENGLISH LEXICAL SYSTEM

Abstract: the article discusses paronymy as a systemic lexical-semantic phenomenon. Commonly confused words of different roots are in the focus of our attention here. These units, as well as common-root words, make up a layer of paradigmatically related words within the lexical system of the English language.

Keywords: patronym, paronymy, confused words, «confusables», paradigmatic relations, systemic approach.

Целью настоящей статьи является рассмотреть паронимию в качестве системного лексико-семантического явления и представить паронимы как неотъемлемую часть лексической системы английского языка. Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие **задачи**: дать определение лексических паронимов, установив критерии их отличия от смежных явлений, предоставить основания для рассмотрения паронимов как парадигматически связанных единиц в лексической системе английского языка, обозначить перспективные области изучения паронимии как лексического явления в рамках системного подхода. **Объектом** изучения являются разнокоренные паронимы.

Принимая во внимание разнообразные подходы к определению паронимов и пониманию паронимии в целом, обозначим позицию, которой мы придерживаемся в данном исследовании. Имеет место существенное различие между любыми сходнозвучными словами и лексическими единицами, характеризующимися одновременно сходнозвучностью и определенной семантической общностью. Безусловно, сходнозвучающие слова могут ошибочно заменять друг друга в речи в случае недостаточной грамотности носителя языка или же изучающего язык иностранца, а также в случае желания скаламбурить и добиться какого-либо стилистического эффекта. В данных ситуациях следует говорить скорее о субъективном факторе или акте речетворчества, нежели системном лексическом явлении. Таким образом, представляется необходимым разграничить такие явления как паронимия и парономазия, слова-паронимы и слова-парономазы. Под *парономазией* понимается «стилистическая фигура, состоящая в комическом или образном сближении слов, которые вследствие сходства в звучании и частичного совпадения морфемного состава могут иногда ошибочно, но чаще каламбурно использоваться в речи» [1]. Под *парономазами* понимаются «разнокоренные слова, имеющие отчасти сходное звучание и вследствие этого смешиваемые в речи (эскалатор – экскаватор)» [2]. Так, парономазия и парономазы – явления речи, паронимия и паронимы – явления лексической системы языка.

Руководствуясь необходимостью рассмотреть паронимы с точки зрения системного подхода и представить их в качестве самостоятельной

микросистемы словарного запаса английского языка, предложим, наиболее точное и полное, на наш взгляд, определение: *паронимы – это лексические единицы языка одной части речи, характеризующиеся частичным сходством как в плане содержания, так и в плане выражения и которые могут ошибочно смешиваться в речи.* Таким образом, лексические паронимы предлагается характеризовать по 3 основополагающим параметрам: семантическому (наличие в значениях слов-паронимов общего семантического признака, отвечающего за частичное сходство при отсутствии тождества их значений), фонетико-графическому/ формальному (частичное сходство при отсутствии тождества фонетического и/ или графического), функциональному (невозможность взаимозаменяемости слов-паронимов). Выделенные характеристики в совокупности позволяют провести четкую границу между паронимами и смежными явлениями синонимии, омонимии, антонимии, а также необходимы для понимания сути лексической паронимии в целом.

Говоря о лексических паронимах, исследователи зачастую ограничивают область рассмотрения однокоренными словами. Такое понимание мы видим в работах Ю. А. Бельчикова и М. С. Панюшевой, Л. П. Крысина, Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой, М. И. Фоминой. Однако, как показывает анализ практического материала, в английском языке ряды лексических паронимов не ограничиваются однокоренными словами. Существует определенное количество разнокоренных лексических единиц, которые по своим характеристикам полностью удовлетворяют приводимым выше критериям выделения лексических паронимов. К таким паронимичным единицам можно отнести, к примеру, следующие: *abasement – abashment, access – excess, allude – elude, allusion – illusion, collaborate – corroborate, tenuous – tentative* и многие другие. Если частичное формальное сходство данных пар слов является очевидным, частичное сходство в плане содержания было выявлено в ходе предпринятого семантического анализа.

Семантическое сходство единиц «**abasement**» и «**abashment**» заключается в том, что оба имени существительных содержат в значениях информацию о некотором неприятном состоянии/ положении, в котором оказался человек; оба состояния/ положения связаны с идеей понижения, принижения социального статуса человека и/ или чувства

собственного достоинства¹. Значения имен существительных «**access**» (2, 3) и «**excess**»² связаны с идеей некоторого «бóльшего количества», идеей увеличения/ повышения/ превышения каких-либо параметров или норм, выхода за рамки. Единица «**access**», в отличие от «**excess**», отображает состояние в динамике с элементом внезапности его возникновения. Общей идеей, вокруг которой строится семантика единиц «**allude**» и «**elude**»³, является идея совершения маневра, уклонения, избегания чего-либо, особенно путем смекалки и сообразительности, идея уклонения от прямого, логичного, естественного курса. В дефинициях глагола «**elude**» данная мысль прослеживается особенно явно. Глагол «**allude**» обозначает уход, уклонение от прямого ответа/ упоминания, от прямых характеристик чего-либо, выражает «намек» – иносказательное выражение чего-либо, игра словами и смыслами с целью избежать прямого упоминания, что также требует смекалки и сообразительности. Семантика единиц «**allusion**» и «**illusion**» объединена идеей «что-либо вместо того, что логически должно быть», «нечто похожее на что-либо, но не то самое»⁴. Значения глаголов «**collaborate**» и «**corroborate**»⁵ близки тем, что оба содержат идею совместных усилий, помощи, поддержки для достижения какой-либо общей цели, для усиления/ подкрепления чего-либо, чтобы оно работало. Общность значений имен прилагательных «*Tenuous*» – «*tentative*»

¹ «**Abasement**» (унижение, понижение (в должности/ чине) – 1. the state or condition of having been *reduced in* rank, office, *reputation, or estimation*; degradation; 2. the act of *reducing, humbling, or degrading* someone or something [OED]. «**Abashment**» (смущение, замешательство, растерянность) – the quality or state of being abashed (< abash - to *destroy the self-possession*; to confuse or put to shame (as by *arousing suddenly a feeling of guilt or inferiority*) [WTNID]; «embarrassment».

² «**Access**»–2. *ONSET* sense; 3. an *increase* by addition: a sudden *access* of wealth [MWOD]. «**Excess**» – 1. the state or an instance of *surpassing usual, proper, or specified limits*; 2. undue or immoderate indulgence; *also*: an act or instance of intemperance [OED], [WTNID].

³ «**Allude**» – *hint, intimate*, suggest; to refer to casually; an *indirect* reference [OED]. «**Elude**» – to *avoid* or *escape* someone or something by being quick, skillful, or clever [MWOD].

⁴ Allusion is a noun that means a statement that *refers to something without mentioning it directly* [WTNID]. Illusion is a noun that refers to something that *looks or seems different from what it*. It also refers to an idea that is *based on something that is not true* [MWTNID].

⁵ «**Collaborate**» – to *work with* another person or group in order to achieve or do something [MWOD]; 2. to *cooperate* with or *assist* usu. willingly an enemy of one’s country (as an invading or occupying force) [MWTNID]. «**Corroborate**» – to *support or help* prove a statement, theory, etc. by *providing information or evidence* [MWOD].

основана на присутствующей идее малой силы/ интенсивности, слабости, неполного развития¹.

Анализ происхождения слов показал, что в ряде случаев семантическая близость слов-паронимов обусловлена этимологически: слова произошли от одного корня. Так, например, дальнейшее этимологическое родство выявляется у пар слов **abasement** – **abashment** (MF *abaissier* “to be astonished”), **access** – **excess** (L *cēdere* “go, go away, yield”), **allude** – **elude** (L *ludere* “to play, mock, jeer”), **allusion** – **illusion** (L *ludere* “to play, mock, jeer”). Следует при этом отметить, что все деривационные процессы прошли в языке-источнике задолго до их прихода в английский язык. Имеются также случаи, где паронимы не являются родственными: они образованы от разных корней в языках-источниках, сходство их формы и значения обусловлено фонетическими, графическими и семантическими процессами, происходящими в языке: **collaborate** (L *com-* + *laborare* “to labour”) – **corroborate** (L *com-* + *roborare* “to strengthen”), **tenuous** (L *tenuis* “fine-drawn, thin, narrow, slight”) – **tentative** (L *temptātus*, *tentātus*, past participle of *temptāre*, *tentāre* “to feel, test, examine”).

Итак, в данной статье были рассмотрены некоторые пары разнокоренных паронимов с целью продемонстрировать то, что область лексической паронимии как системного лексико-семантического явления не ограничивается однокоренными словами наподобие “historic – historical”, “beside – besides”, “industrial – industrious”, количество которых достаточно велико. Разнокоренные паронимы, имея определенную семантическую общность, также представляют пласт самостоятельных парадигматически связанных единиц лексической системы английского языка. Работа с практическим материалом показывает, что разнокоренных лексических паронимов, в значениях которых вскрывается семантическая общность, значительно больше, чем было обозначено и рассмотрено в данной статье. В связи с этим интересным и актуальным направлением представляется дальнейшая разработка данного вопроса. Подобные исследования позволят четко

¹ «Tenuous» (незначительный, тонкий, бедный, скудный, неважный) – *having little substance or strength* [MWOD]; 1. so weak or *uncertain* that it hardly exists; 2. extremely thin and *easily broken* [OLOD].

«Tentative» (пробный, опытный, экспериментальный; неопределенный, колеблющийся, неуверенный) – 1. (of an arrangement, agreement, etc.), *not define or certain* because you may want *to change it later*; 2. Not behaving or done with confidence, *hesitant* [OLOD]; *not fully worked out or developed* [MWOD].

выделить область лексической паронимии и подробно обсуждать паронимию как одну из разновидностей парадигматических отношений в лексико-семантической системе языка.

Литература

1. *Большая Советская Энциклопедия.* URL: <https://bse.slovaronline.com/27672-PARONOMAZIYA> (дата обращения: 14.10.2023)
2. *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов: изд. 5-е, испр-е и дополн. Назрань: Пилигрим, 2010.
3. *Merriam-Webster Online Dictionary.* URL: <http://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 14.10.2023).
4. *Online English Dictionary.* URL: <http://www.dictionary.com> (дата обращения: 14.10.2023)
5. *The Oxford Learners' Online Dictionary.* URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 14.10.2023).
6. *Webster's Third New International Dictionary of the English Language.* Unabridged. Copyright © 1993. By Merriam-Webster, Incorporated.

Морозова Н. Н.,
кафедра фонетики и лексики
английского языка имени В. Д. Аракина,
Института иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
mnn_mpgu@br.ru
SPIN-код eLibrary: 9399-9798

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Аннотация: в статье приводится социолингвистический анализ пятидесяти фразеологических единиц, которые вошли в список, составленный группой исследователей на основании опроса современных носителей британского варианта английского языка. Развитие языка и переход некоторых идиом в разряд архаичных, непосредственно связан с социальными процессами, которые происходят в современном обществе.

Ключевые слова: фразеологическая единица, идиома, британский вариант английского языка, разговорная лексика, сленг, эвфемизмы, политическая корректность.

Natalia Morozova,
Department of English Phonetics and Lexicology
named after V.D. Arakin,
Institute of Foreign Languages,
Moscow State
Pedagogical University;
mnn_mpgu@br.ru
SPIN-код eLibrary: 9399-9798

SOCIOLINGUISTIC APPROACH TOWARDS ANALYSIS OF IDIOMS

Abstract: the article illustrates a socio-linguistic approach towards the analysis of 50 idioms which are included in the list compiled by the

researchers of the «Perspective Global» group on the basis of the survey of contemporary British native speakers. The development of Language and its vocabulary are closely connected with some social issues which might be observed in modern British society.

Keywords: phraseological unit, idiom, British variant of English, colloquial words, slang, euphemisms, political correctness.

В январе 2022 года сразу две британские газеты опубликовали статьи, связанные с частотностью употребления фразеологических единиц в британском варианте английского языка. Статья в газете “Daily Mail” вышла под заголовком “Pip, Pip! Wave good-bye to traditional sayings!” [1, с.19]. Название статьи в газете “The Sun” звучало как: “Sorry! I don’t get what you mean” [3, с.18]. Материалы обеих статей приводят результаты опроса, проведенного представителями группы “Perspective Global” [3]. В опросе приняло участие две тысячи британцев в возрасте от восемнадцати до пятидесяти лет. На основании данного опроса был составлен список из пятидесяти идиоматических выражений, которые большинство из опрошенных не употребляют в своей речи, а иногда и не понимают значения данных идиом, что позволяет авторам опроса утверждать, что данные идиомы находятся на грани исчезновения.

Любой язык, в том числе и английский, постоянно развивается. В нем появляются новые слова и выражения, отражающие развитие общества, его социальных институтов, в то время как некоторые слова и выражения устаревают, становятся архаичными и перестают употребляться носителями языка. Идиоматические выражения представляют интереснейший материал для анализа, поскольку, являясь поли- номинативными единицами, они отражают социальные нормы и отношения, существующие в обществе, а изменения в употреблении данных единиц косвенно указывают на определенные изменения, которые происходят в обществе.

Влияние политических процессов в обществе на частотность употребления идиом

Рассмотрим более подробно предложенный список идиоматических выражений. На первом месте в данном списке стоит фразеологическая единица “to cast pearls before swine” (to give or offer something valuable to someone who does not understand its value). 78% процентов опрошенных

заявили, что они не употребляют в своей речи идиоматические выражения, восходящие к библейским источникам, что неудивительно, так как библейская тема относится в современной Британии к разряду «щекотливых» тем, где носители языка используют огромное количество эвфемизмов.

Газета “The Sun” приводит шутливую иллюстрацию того, как некоторые молодые британцы не понимают значение идиомы “to take a gander”: “Can I take a gander round your shop?” – “Sure, as long as it’s house-trained.” В данном примере обыгрывается прямое значение выражения “to take a gander”, где существительное “gander” обозначает «гуся, гусака» и идиоматическое значение выражения “to take a look, to check, to examine” которое не знают многие молодые британцы. Гендерная тема также относится к числу политкорректных в литературном языке, где принято использовать эвфемизмы.

Изменения производственных отношений

С точки зрения логики кажется очевидным, что фразеологические единицы, которые возникли несколько веков тому назад, должны устаревать и выходить из употребления. В большинстве случаев данное утверждение совершенно справедливо. Выражение “dead as a doornail”, которое не употребляют 55% опрошенных, возникло еще в XIV веке. Позднее данную идиому использовали в своих произведениях В. Шекспир и Ч. Диккенс. Происхождение идиомы связано с плотницким делом. В те далекие времена плотники использовали в основном «деревянные» гвозди, так как железные гвозди были очень дорогими. Деревянные гвозди были «одноразовыми», их нельзя было использовать несколько раз, что и объясняет значение данного выражения. В наши дни профессия плотника исчезает, уходит в прошлое, а из языка постепенно исчезают слова и выражения, связанные с данным ремеслом.

Отражение социальной стратификации общества в языке

Идиома “a dog’s dinner” (a situation event or a piece of work that is chaotic, badly organized or very untidy), которое не употребляют в речи 59% опрошенных, возникло в британском английском не так давно, в начале 20 века. Дело в том, что данное выражение заимствовано в разговорный язык из сленга: done up like a dog’s dinner, которое использовалось для обозначения человека, который был одет аляповато,

безвкусно. Данное выражение пришло на смену более раннему сленгу “a dog’s breakfast” (someone whose dress contains many colors and accessories).

Лингвистам хорошо известно, что выражения, которые приходят в разговорный язык из сленга, или быстро устаревают или переходят в основной словарный состав языка.

Рассмотрим еще несколько примеров фразеологических единиц, относящихся к фамильярно-разговорной лексике, о чем свидетельствуют пометы в словарях [2]. Идиому “to pop one’s clogs” (to die, British informal) не употребляют в своей речи 54% опрошенных. Выражение появилось в английском языке еще в XIV веке. На заводах и фабриках в северной части Англии рабочие носили деревянные башмаки ‘clogs’. Данная идиома употреблялась в рабочей среде, что является социальным маркером. Идиома “pip, pip” (colloquial, a general greeting used by upper classes), которую не употребляют 70% опрошенных, является социально маркированной, так как употребляется в высших слоях общества. Синонимами данного выражения в сленге будут ‘ ta-ta’, ‘ toddle-pip“. Идиома “to drop a clanger”(a clanger is a slang word for a blunder, something stupid or embarrassing) не употребляют в речи 60% опрошенных.

Фамильярно-разговорная лексика, в том числе и фразеологические единицы, имеют ограниченную сферу употребления, поэтому не все носители языка будут использовать данные идиомы в своей речи. Кроме того, как уже было сказано выше, слова и выражения, входящие в данную группу, быстро устаревают или переходят в основной словарный фонд языка. В данном случае наблюдается тесная взаимосвязь между языком и социальной стратификацией общества.

«Модные» и «немодные» темы в языке

Можно предположить, что в определенный период времени в языке существуют популярные и непопулярные темы. Как показали корпусные исследования, в современном английском языке меняется тематика фразеологических единиц [4, с. 14]. Популярные и непопулярные темы могут отличаться в литературном языке и в сленге. Так в современном британском сленге тема глупцов, недалеких людей является частотной. Интересно, на наш взгляд, идиоматическое выражение “a few sandwiches short of a picnic” (derogatory, not very intelligent or of questionable mental abilities), которое не употребляют в речи 53% опрошенных. Выражение возникло в языке недавно, в 1987 году. Почему же данное выражение не

употребляется многими носителями языка? Можно предположить, что выход из употребления данной идиомы связан с темой политической корректности. В современном британском обществе тема «глупцов, недалеких людей» находится под запретом, это своего рода табу, где носители языка употребляют различного рода эвфемизмы. Данный пример также указывает на связь языка и тех социальных процессов и явлений, которые существуют в современном обществе.

Рассмотрим еще одну идиому “a curtain twitcher” (a person who likes to watch unobserved what other people are doing”. Тема, которая в Оксфордском словаре обозначена словом “Secrecy” [2, с. 323] является весьма актуальной в современном мире. В современном английском языке есть несколько синонимичных идиом:” Peeping Tom, Paul Pry, posey Parker”. Еще одна идиома со сходным значением в языке является избыточной, поэтому идиома плавно переходит в разряд сложных слов, о чем свидетельствует и написание слова через дефис “curtain-twitcher”. Слово имеет ограничения в плане употребления, так как в настоящее время входит в разряд сленга.

Изменения в сфере коммуникации в XXI веке

Перейдем к следующему моменту, который также непосредственно связан с анализом данного списка идиом. В XXI веке происходят значительные изменения в сфере коммуникации. Онлайн коммуникация часто заменяет или вытесняет живое общение. Коммуникация становится все более прагматичной, нацеленной в первую очередь на передачу информации. Все меньше и меньше внимания уделяется образности, эмоциональности речи. Образность, эмоциональность, сценичность – основные свойства фразеологических единиц, поэтому носители языка все реже употребляют идиоматические выражения в речи.” Based on the search results, most of the idioms of the Oxford Dictionary index have the frequency of less than 1 per million in the whole corpus (COCA) except for 17 idioms [5, с. 14]. Наиболее частотными являются темы «секретность» (secrecy) и тема “сотрудничества, кооперации” (cooperation). Именно в данных тематических группах встречаются наиболее частотные фразеологические единицы.

Большинство из приведенного списка фразеологических единиц относятся к другим тематическим группам. Данные идиомы образованы на базе метафорических переносов предметов и явлений, которые входят в повседневную жизнь человека. Это разнообразные представители

флоры и фауны, с которыми человек постоянно встречается в повседневной жизни: “to flog/ beat a dead horse” (an effort is futile), “to see a man about a dog” (to conceal one’s purpose), snug as a bug in a rug (very cozy). Многие метафорические переносы связаны с едой, с приготовлением пищи: “to sell like hot cakes” (to be bought quickly and in large numbers), “to eat a humble pie” (to admit that you were wrong or defeated), “to take the biscuit” (to be especially annoying or surprising) “a good egg” (a nice person). Современному человеку, который живет в виртуальной реальности и в мире компьютерных технологий, данные идиомы кажутся, по-видимому, слишком обыденными, неинтересными. Безусловно, что для носителей языка данные метафоры являются стертыми, а метафорические образы полностью утрачены, но остается сама структура словосочетания и принадлежность слов, которые входят в данные словосочетания, к определенным тематическим группам.

Британский и американский варианты английского языка.

Национальная идентичность

Идиомы непосредственно связаны с культурой народа и его историей, поэтому, когда носители языка перестают употреблять те или иные фразеологические единицы, они отрываются от своих истоков, корней и начинают утрачивать свою самобытность, утрачивают свою национальную идентичность. В данной связи интересным, на наш взгляд, являются отношения между двумя вариантами английского языка. В качестве примера приведем идиому “to know one’s onions” (to be knowledgeable about something). Согласно опросу 68% британцев не употребляют данную идиому, хотя, казалось бы, значение фразеологической единицы полностью отвечает требованиям современного общества.

Данная идиома была заимствована в британский английский из американского варианта английского языка. В США фразеологическая единица была впервые употреблена в 1922 году в журнале “Harper’s Bazaar” и получила широкое распространение во всех слоях американского общества. Носители языка, как это часто случается с популярными словами или выражениями, стали обыгрывать данную идиому в речи, в результате чего появились разнообразные варианты данной идиомы: “to know one’s oats, to know one’s oil, to know one’s apples/eggs/ sweet potatoes”. Популярность идиомы привела к тому, что она была заимствована в британский английский, где данная идиома

входит в разряд разговорной лексики и не является частотной. Это приводит к мысли о том, что британцы, даже не осознавая этого, стремятся к сохранению своей идентичности.

Подведем итог. Приведенный список идиом, которые могут выйти из употребления уже в самом ближайшем будущем, косвенно указывают на социокультурные изменения, которые происходят в британском обществе. Для большинства современных носителей языка характерно клиповое мышление, которое не требует большого словарного запаса.

Литература

1. *Doland Andy* Pip, pip! Wave goodbye to traditional sayings // Daily Mail. UK, Associated Newspapers Ltd, 2022, January 26. P.19.

2. *Oxford Dictionary of English Idioms*. Oxford University Press, 2-nd edition, 2004. 352 pp.

3. *Pattinson R.* Sorry, I don't get what you mean // The Sun, London, News Group Newspapers Ltd, 2022. January 26. P. 18

4. *Perspectus Global*. URL: info@perspectusglobal.com (дата обращения 12.09.2023).

5. *Rafatbakhsh E.* and Ahmadi A. A Thematic Corpus-based Study of Idioms in the Corpus of Contemporary American English // Asian-Pacific Journal of Secondary and Foreign Language Education. 2019. № 4. P.1–21 URL: [file:///C:/Users/User/Desktop/s40862-019-0076-4%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/User/Desktop/s40862-019-0076-4%20(1).pdf) (дата обращения 18.09.2023).

*Пешехонова Е. С.,
кафедра фонетики и
лексики английского языка
имени В.Д. Аракина,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
es.peshekhonova@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 4395-0186*

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА ИЗ СФЕРЫ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация: исследование посвящено использованию прецедентных имен из сферы изобразительного искусства в качестве средства положительной оценки в англоязычном песенном дискурсе. Прецедентные имена выполняют различные функции в песенном тексте, в том числе, и функцию оценки, которая легко расшифровывается слушателем, поскольку в роли таких имен выступают наиболее значимые личности и объекты из сферы искусства. Автор текста, как правило, вкладывает общепринятую оценку стоящей за прецедентным именем реалии, что облегчает понимание слушателем заложенных в песенном тексте смыслов. Наиболее частотными прецедентными именами в этой функции, являются the Louvre и Mona Lisa. В тексте имя в большинстве случаев выступает в составе комплекса прецедентных имен, относящихся к одной понятийной сфере, в данном случае, к сфере искусства.

Ключевые слова: прецедентность, прецедентное имя, англоязычный песенный дискурс, положительная оценка, изобразительное искусство.

*Elena Peshekhonova,
Department of English Phonetics and
Lexicology named after V.D. Arakin,
Institute of Foreign Languages,*

PRECEDENT NAMES FROM THE SPHERE OF PICTORIAL ART AS A MEANS OF POSITIVE EVALUATION IN ENGLISH SONG DISCOURSE

Abstract: the research is dedicated to the use of precedent names from the sphere of pictorial art as a means of positive evaluation in English song discourse. Precedent names perform different functions in song discourse, the function of positive evaluation among them, which is easily decoded by listeners because the most significant artists and art objects are taken as such. Song-writers usually appeal to the widely accepted evaluation of the realia that the precedent name refers to, which facilitates understanding of the nuances of meaning. The most frequent precedent names in this function are "the Louvre" and "Mona Lisa". In songs precedent names are mostly used in a set of precedent names that are related to the same sphere, in this case, to the sphere of pictorial arts.

Keywords: precedence, precedent names, English song discourse, positive evaluation, pictorial arts.

Англоязычный песенный дискурс нередко обращается к прецедентным именам как средству выражения положительной оценки. В настоящем исследовании сферой-источником таких прецедентных имен (далее – ПИ) является изобразительное искусство.

Под оценкой понимается «акт человеческого сознания, заключающийся в сопоставлении свойств предметов, определении их места и роли в собственной жизнедеятельности, и его результаты, которые закрепляются в сознании и языке в виде позитивного, негативного или нейтрального отношения» [1, с. 223]

В языке важным средством оценки стали ПИ, которые, как отмечает В. Б. Гудков, не претендуют на объективность, эта оценка подчеркнута эмотивна и субъективна [2]. Уточним, что среди прочих функция оценки у прецедентных имен выделяется в большинстве работ по теории прецедентности, причем, как пишет Нахимова Е. А., функция оценки

относится к тем функциям, «которые проявляются у ПИ в большей степени, чем у некоторых иных групп существительных» [3, с. 217].

Можно предположить, что ПИ из сферы искусства могут рассматриваться как в положительном, так и в отрицательном ключе, однако в целом каждая личность, каждое произведение искусства имеет в нашем сознании или преимущественно положительную, или отрицательную оценку, так что при использовании ПИ в песенном тексте автор, как правило, реализует общепринятую оценку стоящей за ним реалии, что в свою очередь облегчает понимание слушателем заложенных в песенном тексте смыслов. Вообще, искусство, и в особенности классическое, обыкновенно ассоциируется с положительной оценкой. Так, в англоязычных песенных текстах о любви объект восхищения характеризуется как произведение искусства, шедевр: “it seems to me that's what you are *a rare and priceless work of art*”, “to me you are *a work of art*”, “Mona Lisa wishes she could be *a masterpiece like you*” [4].

Вышеупомянутое ПИ Мона Лиза является одним из самых частотных средств имплицитной оценки, но вместе с тем может использоваться и только с описательной целью, например, как указание на загадочность женщины. Интересно, что это имя в большинстве случаев выступает в составе комплекса имен, относящихся к одной понятийной сфере, в данном случае, к сфере искусства: “Hang me in the *Louvre*, I'm *Mona Lisa*, I'm shiny and glamorous, baby, pretty is abysmal to me <...> Pretend that I am a canvas and you are *the Da Vinci* or I can be your night sky, *Van Gogh* in your lifetime, honey” [4].

Значительно реже встречаются ПИ из сферы изобразительного искусства, входящие в комплекс ПИ из различных сфер-источников. Ярким примером такого песенного текста является “You're the Top” Коула Портера из мюзикла 1934 г. “Anything Goes”, которая до сих пор остается в репертуаре многих популярных исполнителей. В этой песне мужчина и женщина по очереди делают комплименты друг другу, сравнивая друг друга с наиболее значимыми предметами и явлениями мировой культуры: “At least it'll tell you how great you are. You're the top! You're the Colosseum, you're the top! You're the *Louvre Museum*, you're a melody from a symphony by Strauss, you're a Bendel bonnet, a Shakespeare sonnet, you're Mickey Mouse. <...> You're the smile on the *Mona Lisa*”, “You're the *National Gall'ry*, You're Garbo's sal'ry, <...> You're an O'Neill drama, You're *Whistler's mama*” [4]. Особый интерес вызывает последнее из цитируемых ПИ, *Whistler's mama*: — наиболее известная картина

американского художника Джеймса Уистлера, написанная в 1871 году “Arrangement in Grey and Black, No.1”: Portrait of the Artist's Mother”, часто называемая “Whistler's Mother”. Для американцев эта картина — один из самых узнаваемых и символов материнства, которому в 1937 году установили памятник в штате Пенсильвания, в городе Ашленд, переведя плоское изображение Анны Уистлер в бронзу и в 3D. Это, возможно, единственный в мире памятник картине. Таким образом, для американцев это прецедентное имя является знаковым и широко узнаваемым. И, вместе с тем, в нашей подборке оно встречается только в одном песенном тексте.

Наиболее же часто для выражения положительной оценки используются ПИ *Mona Lisa* и *the Louvre*, которое стало в нашей подборке наиболее частотным ПИ: “Label her body with art she's my *Louvre*” [4], “But we're the greatest, they'll hang us in the *Louvre* down the back, but who cares — still the *Louvre*” [4], что неудивительно, поскольку Лувр является наиболее известным и посещаемым музеем в мире (7800000 посетителей в 2022 году, следующая позиция в рейтинге посещаемости музеев – 40000000 посетителей).

ПИ из сферы изобразительного искусства, как видно из вышеприведенных примеров, используются для положительной оценки героя песенного текста. В ряде случаев они могут также использоваться и для описания духовной связи героев лирического текста, где отношения влюбленных сравниваются с процессом творчества: “You're my Picasso, my Michelangelo and I'm your masterpiece” [4], “You're Frida, I'm Diego” [4]. Подобные метафоры делают текст более ярким, способствуют привлечению внимания слушателей.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что авторы популярных песен нередко вводят в свои тексты прецедентные имена из сферы изобразительного искусства, которые выполняют различные функции (важно отметить, что все функции ПИ реализуются в комплексе с возможным преобладанием той или иной функции в определенном контексте), и в том числе, функцию оценки, которая легко расшифровывается слушателем, поскольку в роли таких ПИ выступают наиболее значимые личности и объекты из сферы искусства. Автор текста, как правило, вкладывает общепринятую оценку стоящей за ПИ реалии, что облегчает понимание слушателем заложенных в песенном тексте смыслов. Наиболее частотными ПИ, используемыми в функции положительной оценки, являются *the Louvre* и *Mona Lisa*.

Литература

1. *Ивин А. А.* Основания логики оценок. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 102 с.
2. *Гудков Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
3. *Нахимова Е. А.* Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. 2007. 207 с.
4. *Ruby Hive. You Mix.* URL: <https://genius.com/Ruby-hive-you-mix-lyrics> (дата обращения: 17.10.2023).

*Рыбакова А. С.,
кафедра лингвистики
и межкультурной коммуникации,
факультет иностранных языков,
Государственный социально-
гуманитарный университет;
annrybakova@gmail.com
SPIN-код eLibrary: 9207-1279*

ТЕРМИНЫ – ЭПОНИМЫ ИЗ СФЕРЫ МОДЫ

Аннотация: мода – это не только одежда, но и способ самовыражения. Она отражает нашу индивидуальность и помогает нам выразить свою уникальность. В современном мире мода оказывает значительное влияние на нашу жизнь.

Изучение терминов моды может быть полезным по нескольким причинам. Зная различные термины и тенденции моды, можно определить свой собственный стиль и найти одежду, которая подходит человеку лучше всего – он сможет понять различные типы тканей, стилей и аксессуаров, и выбирать то, что наилучшим образом подчеркивает фигуру и отражает индивидуальный стиль. Изучение терминов моды также помогает понимать и анализировать текущие тренды – легко определять, какие стили и элементы одежды наиболее популярны в данный момент, и следовать им, если они соответствуют вкусу человека. Также стоит отметить, что термины моды помогают людям общаться и обмениваться мнениями с другими модными энтузиастами, т.е. человек, прекрасно владеющий специальной терминологией, сможет легко понимать профессионалов и выражать свои мысли и идеи более точно.

Стоит отметить, что термины моды имеют богатую историю и глубокий смысл, который связан с развитием модной индустрии и влиянием культурных и социальных тенденций. В мире моды существует множество уникальных терминов, которые используются для описания различных аспектов индустрии. В данной статье автор исследует происхождение и эволюцию некоторых популярных терминов-эпонимов из сферы моды, чтобы лучше понять их значение и историю происхождения.

Ключевые слова: мода, термин, терминосистема, эпоним, язык для специальных целей.

Anna Rybakova,
*Chair of Linguistics and Cross-
Cultural Communication,
Department of Foreign Languages,
State University of Humanities
and Social Studies;
annrybakova@gmail.com
SPIN-код eLibrary: 9207-1279*

EPONYMS IN FASHION INDUSTRY

Abstract: fashion is not only about clothes, but also about the way of self-expression. It reflects our personality and uniqueness. Nowadays fashion plays a significant role in the lives of people.

Learning fashion terms can be helpful for several reasons. If you know various terms and fashion trends, you can define your own style and find the clothes that suit you best. Moreover, you will be able to understand different types of fabrics, styles and accessories, and thus choose what suits you best and what reflects your individual style. Fashion terms help to understand and analyze current trends - it is easy to determine which style and elements of clothing are most popular now, and follow them if they suit a person. It is also worth noting that the knowledge of fashion terms helps people communicate and exchange opinions with other people from fashion industry, i.e. a person who is fluent in special terminology will be able to easily understand professionals and express their thoughts and ideas more accurately.

It should be mentioned that fashion terms have rich history and deep meaning, which is associated not only with the development of the fashion industry but also with the influence of cultural and social trends. In the fashion world many unique terms are used to describe various aspects of the industry. The author of the paper dwells upon the origin and evolution of some popular fashion eponyms in order to better understand their significance and historical origin.

Keywords: fashion, term, system of terms, eponym, LSP.

В современном мире изучение терминов имеет большое значение. Термины – это строительные блоки языка и общения, позволяющие нам передавать идеи, делиться знаниями. Без глубокого понимания терминов эффективное общение становится затруднительным, что приводит к недопониманию и неправильному толкованию смыслов услышанных или прочитанных текстов.

Одна из ключевых причин важности изучения терминов заключается в том, что они расширяют нашу способность ясно выражать свои мысли. Зная точное значение термина, мы можем выбрать наиболее подходящие слова и сформулировать свою идею более емко и четко, а подобный навык помогает не только в личном общении, но и в профессиональной среде, где эффективное общение имеет решающее значение для дальнейшего успеха.

Кроме того, изучение терминов позволяет нам понимать и анализировать сложные концепции и теории. Многие области исследований, имеют свои собственные узкоспециализированные термины, необходимые для понимания их принципов и теорий. Без четкого понимания этих терминов становится трудно вникать в тонкости научных теорий.

Более того, знание терминов способствует критическому мышлению и интеллектуальному росту. Когда мы сталкиваемся с незнакомыми терминами, нам предлагается исследовать и расширять наши знания. Этот процесс изучения новых терминов расширяет наше понимание мира и способствует интеллектуальному любопытству.

В.М. Лейчик говорит о том, что «термин – лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [1, с. 31]. В данной статье мы предлагаем обратиться к такому лингвистическому понятию как термин-эпоним и рассмотреть несколько примеров из сферы моды.

Предлагаем начать с определения понятия «эпоним - это любое имя существительное, ставшее именем нарицательным» [2, с. 716]. Эпонимы представляют собой уникальное языковое явление. По сути, это термины или слова, которые произошли от имен людей или мест. Эти слова стали обозначать нечто, выходящее за рамки их первоначального значения, часто становясь синонимами концепции, действия или объекта. Это способ почтить память человека, который внес значительный вклад в определенную область или добился большого признания. Эпонимы

можно найти в различных областях, включая науку, литературу, медицину и даже повседневный язык.

Широкое распространение эпонимы получили в сфере модной индустрии. Многие модельеры используют собственное имя для создания одноименного модного бренда: *Ralph Lauren, Alexander McQueen, Vera Wang, Christian Dior, Michael Kors, Calvin Klein*.

Важно отметить, что некоторые модельеры создают несколько брендов. Некоторые из них могут использовать свое полное имя, а другие могут использовать варианты имени или торговой марки.

Когда компании по производству одежды рассматривают модный маркетинг, важно определить хорошее название бренда. Принятие правильного решения при выборе фирменной этикетки имеет решающее значение для успеха. Использование имени дизайнера для бренда может принести пользу, но также может привести к отрицательному результату.

Однако в сфере моды встречаются термины, которые получили свое название можно сказать случайно. Предлагаем обратиться к наиболее интересным на наш взгляд примерам.

Queen Anne neckline (*Вырез в стиле королевы Анны*)

Данный фасон платья был впервые представлен королевой Великобритании Анной Стюарт, которая популяризировала этот образ во время своего правления в 1700-х годах. Он представляет собой высокий воротник сзади и глубоким вырезом, обычно овальным или v-образным вырезом спереди.

С тех пор и другие величественные личности украшали свои свадебные платья вырезом королевы Анны, например, принцесса Монако Грейс Келли и герцогиня Кэтрин Кембриджская.

Peter Pan Collar (*Воротник Питера Пэна*)

Воротник Питера Пэна получил свою популярность после постановки, в которой в 1905 году в роли Питера Пэна сыграла Моды Адамс. Это плоский воротник, прилегающий к туловищу с мягкими изогнутыми углами.

Bermuda-shorts (*Шорты-бермуды*)

Шорты-бермуды названы так из-за своей популярности на Бермудских островах, где они считаются подходящей деловой одеждой для мужчин, если сделаны из материала, похожего на костюм, и носятся с носками до колен, классической рубашкой, галстуком и блейзером. Их изобретение приписывают уроженцу Бермудских островов и владельцу чайного магазина Натаниэлю Коксону, который в 1914 году подшивал

униформу своих сотрудников, обеспечивая большой комфорт в жару. Британская армия, дислоцировавшаяся на Бермудских островах во время Первой мировой войны, приняла шорты для ношения в тропическом и пустынном климате. Впервые термин «шорты-бермуды» в 1948 году упомянул в своей статье журнал Vogue.

Raglan (Реглан)

Британцы употребляют слово *raglan* для обозначения покроя рукава, который выкраивается вместе с плечевой частью изделия. Название данному типу покроя пальто дал один из военных начальников Британской армии во время Крымской войны – Лорд Реглан.

Cardigan (Кардиган)

Данный термин также связан с историческим событием, описанным в выше. Слово *cardigan* получило жизнь благодаря Джеймсу Бруденеллу, 7-му графу Кардигана, генерал-майору британской армии, который возглавлял атаку легкой бригады в битве при Балаклаве во время Крымской войны. Кардиган представляет собой вязаный шерстяной жилет, который предположительно носили британские офицеры во время войны.

The Balmacaan coat (Балмакаан)

Балмакаан — это однобортное пальто свободного покроя из плотной шерстяной ткани с отложным воротником и рукавами-реглан. Модель названа в честь поместья в Инвернесе в Шотландии, и была изначально создана для защиты от суровой погоды. Предполагают, что за основу модели была взята шинель, которую когда-то носили солдаты прусской армии.

Mackintosh coat (Макинтош, плащ)

Макинтош получил свое название в честь шотландца из Глазго, который изобрел влагоотталкивающий материал и в 1823 году запатентовал свое изобретение. Чарльз Макинтош был первым, кто представил миру тип ткани, которая не только не пропускала воду, но и ее было легко производить в промышленных масштабах, чем он с успехом занимался на основанных им же фабриках по производству прорезиненной ткани для плащей (макинтошей).

В заключении отметим, что термины моды имеют богатую историю и глубокий смысл, который связан с развитием модной индустрии и влиянием культурных и социальных тенденций. В этой статье мы рассмотрели лишь несколько примеров, но каждый из них представляет собой уникальный аспект моды и ее эволюции.

Литература

1. *Лейчик В. М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Либроком, 2009. 216 с.
2. *Старичёнок В. Д.* Большой лингвистический словарь. Ростов-н/Д.: Феникс, 2008. 812 с.

*Седова А. В.,
кафедра немецкого языка,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации;
annysedova@gmail.com
SPIN-код eLibrary: 2135-2531*

ХЕДЖИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ МОДАЛЬНЫХ СЛОВ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация: модальные слова являются одним из наиболее частотных лексических средств хеджирования. В рамках исследования был предпринят анализ немецких публицистических текстов на предмет содержания модальных слов, выполняющих хеджирующую функцию. Для определения частоты употребления интересующих нас лексических единиц использовался электронный корпус DWDS. Выявлено, что журналисты прибегают к такому средству хеджирования, как модальные слова, чтобы минимизировать свою ответственность за сообщаемое, выразить сомнение или указать на неуверенность в достоверности изложенных фактов. Они сигнализируют об осторожности и позволяют автору избежать неверных утверждений.

Ключевые слова: хеджирование, публицистический дискурс, модальные слова, субъективная модальность, немецкий язык, немецкоязычная пресса.

*Anna Sedova,
Department of the German Language
Moscow State Institute of International
Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation;
annysedova@gmail.com
SPIN-код eLibrary: 2135-2531*

HEDGING FUNCTION OF MODAL WORDS IN THE JOURNALISTIC DISCOURSE OF THE GERMAN LANGUAGE

Abstract: modal words are one of the most frequent lexical hedges. The purpose of the study is to analyse German texts of mass media for the content of modal words that perform a hedging function. To determine the frequency of usage of the lexical units of interest to us, the DWDS electronic corpus was used. It was revealed that journalists resort to such a means of hedging as modal words in order to minimise their responsibility for what is reported, to express doubt or to indicate uncertainty about the accuracy of the facts presented. They signal caution and allow the author to avoid making incorrect statements.

Keywords: hedging, journalistic discourse, modal words, subjective modality, German language.

Все большую роль в современном мире играют различные СМИ, информирующие общество об актуальных событиях. С каждым днем увеличивается объем доступной информации, а вместе с тем расширяется и читательская аудитория. СМИ стали неотъемлемой частью современного общества, они формируют мнение и манипулируют им. Этим объясняется и растущий интерес лингвистов к публицистическому дискурсу. Сегодня большое внимание уделяется различным лингвопрагматическим средствам, оказывающим влияние на коммуникативный процесс. Зачастую журналисты стремятся смягчить высказывание, выразиться некатегорично, возможно, даже скрыть некоторую информацию, а также уберечь себя от предоставления неверных данных. Для достижения данных целей публицисты прибегают к хеджированию. Этот термин является относительно новым в лингвистике. Первым его использовал в своих исследованиях американский лингвист Джордж Лакофф для описания слов и оборотов, функция которых заключается в том, чтобы сделать понятия более или менее «неясными, неопределенными» («Words whose job it is to make things fuzzier or less fuzzy» [9, с. 471]. В сегодняшних исследованиях фокус смещается на коммуникативно-прагматический аспект и дискурсивный анализ. Однако в лингвистике до сих пор не существует единого определения хеджирования. Мы полагаем, что хеджирование используется с целью страхования адресанта в случае сомнения в достоверности или действительности суждения, а также позволяет дистанцироваться от высказывания и снять

ответственность с говорящего за сказанное [2, с. 53]. Также не существует и единой классификации средств хеджирования. Мы полагаем, что средства, относящиеся к хеджированию можно разделить на две группы: стилистические средства и лексико-грамматические средства [2, с. 35].

Одним из наиболее высокочастотных лексико-грамматических средств являются модальные слова [2]. С помощью данного средства журналист может снизить степень категоричности высказывания, дистанцироваться от него. Однако не все ученые выделяют это языковое средство в отдельную группу, и в лингвистике нет для него единого наименования. Зарубежные германисты относят его чаще всего к другим частям речи, как, например, прилагательное [8, с. 304] или частицы [7]. Российские же германисты выделяют модальные слова в самостоятельную часть речи [5; 10; 3]. Мы разделяем данную точку зрения, так как модальные слова в отличие от наречий не обозначают признак действия, но имеют общий лексический признак – они несут субъективную оценку содержания высказывания с точки зрения его достоверности. Кроме того, они не выполняют грамматических функций, не являются членом предложения и относятся ко всей основе предложения, а не к какому-либо одному члену предложения как наречия [1, с. 170; 5]. Ключевой для модальных слов является их прагматическая функция. Они служат для усиления или ослабления воздействия высказывания на адресата. С помощью модальных слов говорящий может сигнализировать уверенность или сомнение по отношению к сказанному, а также выразить осторожность и уменьшить степень достоверности утверждений. В этом и заключается их хеджирующая функция.

Среди модальных слов Р. Д. Шакирова делит модальные слова на группы в соответствии со степенью уверенности или неуверенности, которую они выражают, располагая их по шкале от высокой степени уверенности (1) до неуверенности (4): 1) *hochstwahrscheinlich, bestimmt, offenbar, offensichtlich, sicher, gewiss*; 2) *anscheinend, wahrscheinlich*; 3) *eventuell, vielleicht, möglicherweise, vermutlich, wohl* 4) *kaum, scheinbar, schwerlich* [4, с. 132]. Хеджрелевантными являются модальные слова, которым присуща коннотация сомнения, именно они и будут рассмотрены в статье.

Источником материала является электронный корпус текстов немецких публицистических изданий Берлинско-Бранденбургской академии наук (DWDS). Для данной статьи был использован корпус текстов газеты Die Zeit за 1946 – 2018 гг., а также газеты Berliner Zeitung

за период с 1994 г. по 2005 г. Важно отметить, что чаще всего для выражения сомнения или неуверенного предположения в случае наличия непроверенной информации немецкие журналисты прибегали к использованию модального слова **vielleicht** (возможно):

Vielleicht ist es übertrieben, den Hamburger Flughafen einen rechtsfreien Raum zu nennen (Die Zeit).

Vielleicht knackten Unbekannte den Zugangscode auf den Premiere-Chipkarten über einen Seitenkanal (Berliner Zeitung).

Вторым по частотности оказалось модальное слово **wahrscheinlich** (вероятно), которое позволяет выразить большую степень уверенности, маркируя при этом, что информация все же не является абсолютно достоверной:

Jenseits der Grenze, in Darfur, baute er - wahrscheinlich mit libyscher Hilfe - eine Rebellentruppe auf (Berliner Zeitung).

Wahrscheinlich hatte der Mitarbeiter nur noch wenig Energie, um sich zu widersetzen - bei 14-Stunden-Tagen sieben Mal die Woche (Berliner Zeitung).

Также для выражения предположения с высокой долей сомнения журналисты часто используют лексемы **vermutlich** (предположительно) **möglicherweise** (быть может):

Nicht, weil er schädlich ist, sondern weil er in der Kombination vermutlich nicht lebenslang gegen Hepatitis B schützt (Die Zeit).

Vermutlich werden an den kommenden drei Verkaufstagen die Bahnkunden in den Reisezentren Schlange stehen (Berliner Zeitung).

Меньшим количеством примеров в нашем корпусе представлены такая лексическая единица как **scheinbar** (по-видимому), выражающая высокую степень сомнения, а также лексема **voraussichtlich** (ожидаемо):

Auch wenn es mit dem ursprünglichen Konzept des Homesharing nicht mehr viel zu tun hat, wünschen sich das scheinbar die Kunden (Die Zeit).

Offiziell wird das neue Logo voraussichtlich am 5. Januar vorgestellt (Berliner Zeitung).

С помощью статистических данных электронного корпуса DWDS мы установили частотность каждого из модальных слов, которые используют авторы публицистических текстов. Результаты анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Количественное соотношение модальных слов в немецкой
прессе**

Модальные слова	Die ZEIT	Berliner Zeitung
<i>vielleicht</i>	177053 (49 %)	59768 (44 %)
<i>wahrscheinlich</i>	54002 (15 %)	19758 (15 %)
<i>vermutlich</i>	38267 (11 %)	15951 (12 %)
<i>möglicherweise</i>	35607 (10 %)	15201 (11 %)
<i>scheinbar</i>	19484 (5 %)	5748 (4 %)
<i>voraussichtlich</i>	17662 (5 %)	12325 (9%)
<i>anscheinend</i>	9180 (3 %)	1673 (1 %)
<i>eventuell</i>	8767 (2%)	5117 (4 %)
всего	360022 (100 %)	135541 (100%)

Из таблицы 1 видно, что наиболее частотным в обоих корпусах является модальное слово *vielleicht*, наименьшим же количеством примеров представлены слова *anscheinend* и *eventuell*, частота их использования не превышает 4% от общего числа примеров с использованием модальных слов. Каждая из вышеперечисленных лексических единиц выражает различную степень сомнения и позволяет некатегорично выразить неуверенность в точности данных. Кроме того, с их помощью автор может подчеркнуть вторичность излагаемой информации, в случае если есть сомнения в ее достоверности.

Литература

1. Аверина А. В. Референциальный аспект использования модальных слов в высказывании (на примере семантики предположения немецкого языка) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 2. С.169–175.

2. *Седова А. В.* Хеджирование в экономическом дискурсе Германии и Швейцарии (на материале немецкоязычной прессы): дис. ... канд. филол. наук. М., 2022.

3. *Шакирова Р. Д.* Немецкие модальные слова, маркирующие вторичность информации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2009. № 3. С. 83–89.

4. *Шакирова Р. Д.* О соотношении категории эвиденциальности и эпистемического статуса высказывания (на материале современного немецкого языка) // Вестник СамГУ. 2005. №4 (38). С. 127–134.

5. *Шендельс Е.И.* Практическая грамматика немецкого языка: учебник. М.: Высшая школа, 1979. 397 с.

6. *Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS)*. URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 30.10.2023).

7. *Engel U.* Gaudium in scientia linguarum. Ausgewählte Schriften – Bd. 44. Wrocław-Dresden: Neisse Verlag, 2006. 371 S.

8. *Jung, W.* Grammatik der deutschen Sprache. Спб., 1996. 544 S.

9. *Lakoff G.* Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Journal of Philosophical Logic. 1973. № 2 P. 458–508.

10. *Moskalskaja O.I.* Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 288 S.

Смирнов А. А.,
кафедра лингвистики и
межкультурной коммуникации,
факультет иностранных языков,
Государственный социально-
гуманитарный университет;
seventhgate027@gmail.com
SPIN-код eLibrary: 4969-9678

ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНОГО АСПЕКТА ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ С КОМПОНЕНТОМ- ЗООНИМОМ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация: статья посвящена изучению фразеологических единиц английского языка с национально-культурным компонентом-зоонимом и способам отражения гендерного аспекта в современном фразеологическом фонде английского языка. В качестве основного контекста исследования были отобраны иллюстративные примеры из текстов художественного и публицистического стилей, которые в дальнейшем были проанализированы на наличие гендерных особенностей в составе фразеологических единиц. В заключении авторы приходят к выводу о необходимости исследования фразеологических единиц с точки зрения гендерного аспекта и обращения к этимологии фразеологизма, как одной из причин возникновения гендерных ассоциаций.

Ключевые слова: фразеология, компонент-зооним, гендерный аспект, этимология.

Alexander Smirnov,
Chair of Linguistics and Cross-
Cultural Communication,
Foreign Languages Department,
State University of Humanities
and Social Studies;
seventhgate027@gmail.com
SPIN-код eLibrary: 4969-9678

REFLECTION OF GENDER ASPECT IN PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A ZOONYM COMPONENT (ON THE BASIS OF THE PHRASEOLOGICAL FUND OF THE ENGLISH LANGUAGE)

Abstract: the article is devoted to the study of English phraseological units with a zoonym component and the ways of reflecting the gender aspect in the modern phraseological fund of the English language. The examples from fiction and non-fiction literature were selected as the main basis of the study, which were further analysed for the presence of gender peculiarities in the structure of phraseological units. In conclusion, the authors state that it is necessary to study phraseological units from the gender aspect and to address the etymology of phraseology as one of the reasons for the emergence of gender associations.

Keywords: phraseology, zoonym component, gender aspect, etymology.

В настоящее время изучение языковых явлений в лингвистике сконцентрировано на человеке и происходит в рамках антропологической парадигмы. Этим подходом обусловлены современные направления научной работы: изучение национально-культурной специфики языков, проведение когнитивных, лингвокультурологических и сравнительно-сопоставительных исследований. Одним из современных направлений исследований является изучение гендерного аспекта и его отображение в языке, основную роль в котором сейчас выполняет гендерная лингвистика. Многие российские и зарубежные ученые посвятили научные труды изучению современного состояния гендерной лингвистики, гендерных особенностей и их выражению при помощи языковых средств. В современной фразеологии, учитывая главенствующую антропоцентрическую парадигму, пристальное внимание ученых уделяется национально-культурным маркерам. К одним из таких маркеров можно отнести и подход к гендерным особенностям, отраженным во фразеологическом фонде языка.

Многие современные исследователи затрагивают вопрос отражения гендерного аспекта в составе фразеологических единиц. К примеру, Е. В. Белик в своей работе изучила национально-культурные и гендерные

стереотипы, отраженные в лексических и, в частности, фразеологических единицах английского языка. Она рассматривала концепты «мужественность» и «женственность» на основе лингвокультурологического поля «Мужчина и женщина (в обществе и семье)» [1, с. 2–5].

В качестве примера другого недавнего исследования, посвященного этой теме, можно назвать диссертацию О. М. Лазаревой «Структурно-семантические, прагматические и гендерные особенности анималистической фразеологии (на материале электронных версий англоязычных изданий)». В ней автор, анализируя особенности фразеологических единиц с компонентом-зоонимом, приходит к выводу о том, что подобные фразеологические единицы также могут имплицитно выражать гендерные особенности, заложенные в наивной картине мира [2, с. 205–206].

При анализе фразеологических единиц важным аспектом является установление того, каким образом фиксируется гендерный компонент, является ли он частью структуры или семантики фразеологической единицы. Маркерами гендера могут выступать как их структурные элементы, так и смысловые компоненты семантики. Таким образом, возможны два критерия отбора фразеологического материала для исследования гендерного фактора:

1) «структурный принцип (материал отбирается по гендерным маркерам структуры; опорными компонентами структуры являются слова, обозначающие лицо мужского или женского пола)»;

2) «семантический принцип (материал отбирается по гендерным маркерам семантики; отбираются фразеологизмы, в дефиниции которых есть слова, указывающие на лицо мужского или женского пола)» [4, с. 201].

Для подтверждения актуальности данной темы мы решили проанализировать тексты публицистического и художественного стилей. Методом сплошной выборки мы отобрали иллюстративные контексты с фразеологическими единицами, в которых содержится компонент-зооним, и установили наличие гендерного аспекта в их структуре. В результате исследования мы получили данные, которые будут обсуждены ниже.

В ходе исследования текстов публицистического стиля нам удалось отобрать 60 примеров иллюстративных контекстов с 24 компонентами-зоонимами, в которых содержатся фразеологические единицы, в составе

которых имеется гендерный аспект (структурно либо семантически). Приведем несколько примеров:

1) The one who turned up to preside over my fiscal destruction was particularly dismal, a desolately unattractive woman in a pink cardie who looked **like a sitting duck** for household cleanser advertisements [Punch. London: Punch Pub. Ltd, 1367 s-units.]. В этом примере женщина сравнивается с сидящей уткой (то есть, легкой мишенью) для продавцов рекламы бытовых чистящих средств, и созданный образ не является результатом фразеологического переосмысления, а отражает добавочный семантический компонент, намеренно созданный автором произведения.

2) MPs yesterday accused NatWest chief Lord Alexander of behaving like a **loan shark** by charging penal rates. Astonishingly he defended his policy of imposing sky high 36.3 per cent rates, saying it had cut unauthorized loans by almost a third in a year [Today. 14530 s-units.]. В данном примере автор сравнивает мужчину с ростовщиком, используя фразеологическую единицу *a loan shark*, добавляя гендерный аспект в семантический состав фразеологизма. Подобное использование фразеологизма создает отрицательный образ в сознании читателя и помогает увеличить экспрессивность публицистического текста.

В ходе исследования текстов художественного стиля нам удалось отобрать 56 примеров иллюстративных контекстов с 35 компонентами-зоонимами, в которых содержатся фразеологические единицы, в составе которых выражается гендерный аспект (структурно либо семантически). Приведем несколько примеров:

1) «Don't be shy – **Yehudi's a teddy bear**. Why don't you chaps»—she turns to Jonah and me – «amuse yourselves in this glorious sunshine for a little while?» [6, с. 23]. В данном примере автор создает образ персонажа, используя окказионализм *to be a teddy bear*, добавляя новое значение в семантику фразеологической единицы. Подобный фразеологизм создает образ безобидного, доброго человека, подчеркивая его положительные характеристики.

2) 'If you didn't **breed like a buck-rabbit with every she-bunny** who raises her fluffy tail your way, Jock, you wouldn't *have* so many children on the brink of starvation [5, с. 134]. В этом контексте использована фразеологическая единица *to breed like a rabbit with every she-bunny*, которая описывает особенности поведения мужчины. Автор использует грамматический и семантический способы отражения гендера, добавляя лексическую единицу *buck*, что означает «самец» и местоимение *she* к лексической единице *bunny*. Данный фразеологизм использован с

негативной коннотацией, осуждающий подобное поведение и указывающий на его отрицательные последствия.

Наличие подобных случаев выражения гендера в составе фразеологических единиц предоставляет возможности для изучения этого явления в будущем и получения интересных данных для современной гендерной лингвистике.

Таким образом, в современной лингвистике сейчас можно проследить интерес ученых к данной проблеме и, соглашаясь с Е.А. Никулиной, наметить следующие направления ожидаемых исследований: «компонентный анализ фразеологизмов, в которых нет явно выраженных гендерных маркеров, изучение гендерно-направленной бизнес-фразеологии, проведение исследований, граничащих с социолингвистикой, как, например, изучение фразеологизмов, означающих трудовые отношения или содержащие названия профессий» [3, с. 252].

Литература

1. *Белик Е. В.* Лингвокультурологические и гендерные особенности лексики и фразеологии современного английского языка (на материале лингвокультурологического поля «мужчина и женщина» в обществе и в семье): автореф. дисс. ... к.филол.н. М., 2003.

2. *Лазарева О. М.* Структурно-семантические, прагматические и гендерные особенности анималистической фразеологии (на материале англоязычных электронных версий изданий): дисс. ... к.филол.н. М., 2018.

3. *Никулина Е. А.* Современные гендерные исследования в английской фразеологии // *Язык. Культура. Перевод: научные парадигмы и практические аспекты.* 2020. С. 249-252.

4. *Смирнова Г. В.* Выражение гендера во фразеологизмах французского и русского языков // *Вестник Московского государственного лингвистического университета.* 2015. №12 (723). С. 197-205.

5. *Mitchell D.* Black Swan Green. London, Random House, 2006. 244 p.

6. *Mitchell D.* Slade House. London, Sceptre, 2015. 233 p.

7. *British National Corpus.* URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения 09.10.2023).

Степанова С. Ю.,
кафедра фонетики и лексики английского языка
имени В. Д. Аракина,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
Stepanova2008@mail.ru

АНГЛИЙСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: в статье рассматриваются структурные, семантические и стилистические характеристики неологизмов, появившихся в сфере образования за последнее десятилетие. Материалом для изучения послужили статьи методического характера и блоги учителей, ориентированные на коллег, учащихся и их родителей.

Ключевые слова: неологизм, словообразование, словосложение, словослияние, сокращение.

Svetlana Stepanova,
Department of English Phonetics and
Lexicology named after V.D. Arakin,
Institute of Foreign Languages,
Moscow State
Pedagogical University;
Stepanova2008@mail.ru

LEXICAL INNOVATIONS IN THE SPHERE OF EDUCATION

Abstract: the article is concerned with the study of structural, semantic and stylistic properties of new English words used in the sphere of education. The analysis is based on the materials of the articles related to methods of teaching and teacher's blogs aimed at educators, students and their parents.

Keywords: neologism, word formation, composition, blending, shortening.

Значительные изменения, происходящие во всех сферах человеческой деятельности, не могут не найти отражения в языке. Как следствие, неизменно актуальной темой лингвистических исследований остается изучение лексических новообразований и их статуса: останутся

ли они словами-однодневками, подобно многочисленным единицам, возникшим, например, во время пандемии коронавируса и выполнявшим, отчасти, игровую и психотерапевтическую функции (coronacoaster, coronaclosed, quarantimes) или прочно закрепятся в английском языке наряду с такими образованиями как social distance, to google, photoshop?

Целью данной статьи является изучение структурных, семантических и стилистических характеристик неологизмов, появившихся в сфере образования за последнее десятилетие. Материалом послужили как статьи методического характера, ориентированные, скорее, на профессионалов в сфере образования, так и блоги учителей, где они рассказывают о своей преподавательской практике и делятся опытом с коллегами, а также родителями и студентами.

Первое, что обращает на себя внимание, - это частотность использования слова 'educator', во многих случаях используемое как синонимическая замена для слова 'teacher'. Вместе с тем семантический объем лексемы 'educator' намного шире, на что указывают и данные словарей:

1. One trained in teaching; a teacher
2. a) A specialist in the theory and practice of education
b) An administrator of a school or an educational institution

[American Heritage Dictionary of the English Language]

1. Someone who teaches or who is involved in running a school
2. Someone who is an expert in education

[Macmillan English Dictionary for Advanced Learners]

1. A person whose work is teaching others, or one who is an authority on methods or theories of teaching
2. A person who teaches people

[Cambridge Dictionary]

Данная лексическая единица является стилистически нейтральной и называет специалиста, который занимается обучением, при этом его функции могут отличаться от чисто учительской деятельности. Так, может подчеркиваться его высокий профессионализм, а также сфера деятельности (специалист по методике преподавания и педагогике) или статус (руководитель образовательного учреждения). Таким образом, для перевода данного слова на русский язык могут быть предложены следующие варианты: учитель, преподаватель, воспитатель, педагог,

наставник, просветитель, тренер, инструктор, работник сферы образования.

Отметим, что существительное «educator» нельзя отнести непосредственно к неологической лексике, по данным Этимологического словаря английского языка оно впервые было зафиксировано в 1560 году [1]. Но в настоящее время данная единица активно выступает как компонент сложного слова при словопроизводстве: fellow educator, social educator, teacher educator, nurse-educator.

Обратим внимание на такую единицу как «para-educator», которая безусловно относится к неологической лексике, так как отражает современные тенденции образования. Префикс греческого происхождения «para-«, участвующий в словообразовательном процессе, обладает значением «наряду, рядом, возле», в результате аффиксации появляется новое слово, которое используется для называния ассистента учителя или помощника для детей с ограниченными возможностями здоровья при инклюзивном образовании, как правило, это специалист без высшего образования. Наличие графического маркера является важным показателем неологизма: paraeducator, para-educator. Как мы видим, графически данная единица может быть оформлена с помощью дефиса или написана слитно, что наглядно демонстрирует отсутствие зафиксированной в словаре нормы его написания.

Также к неологизмам, обозначающим специалистов в системе образования, выполняющих новые функции в связи с изменениями в процессе обучения, можно отнести такие единицы как 'online proctor' и «online test proctor». Семантика данных композитов очевидна: изначально проктором называли инспектора или надзирателя, в задачи которого входило наблюдение за студентами во время экзамена, в системе онлайн-обучения – это специалист, который контролирует соблюдение правил во время дистанционного испытания.

Целый ряд лексических новообразований возник в связи с необходимостью отражения реалий современного обучения, в частности, возникновения новых форматов обучения, то есть дистанционного обучения, а также тех форм, которые сочетают обучение в классе и онлайн-обучение. Как правило, это неологизмы, в основе которых лежит словосложение: hybrid schooling, zoom learning, zoom classes, zoom school. Как компонент сложного слова в ряде наименований выступает название одной из самых популярных программ для организации видеоконференций - Zoom. В некоторых наименованиях наряду со

сложением участвуют и такие словообразовательные процессы как сокращение, например, «flexi-schooling» (flexible + schooling) – «гибкое обучение», подразумевающее сочетание домашнего обучения и обучения в классе. Модель обучения, основанная на совмещении элементов очного и дистанционного обучения, называется «hyflex learning», или «hyflex», данный неологизм является примером контаминации, или словослияния (hybrid + flexible) и апокопы (усечения конечного элемента). Интересный пример аналогического, или каламбурного словообразования представляет сложная единица ‘glassroom’, построенная на противопоставлении онлайн-обучения традиционным урокам в классе: ‘classroom – glassroom’. Также были отмечены неологизмы, образованные при помощи аббревиации: SFH (studying from home), MOOC (massive open online courses). Нельзя не упомянуть и наименование традиционных школ, по сути, превратившееся в ретроним - brick and mortar school (brick-and-mortar education) – с помощью которого подчеркивается важность самого здания, где происходит процесс обучения, его реальность и осязаемость.

Следующий блок неологической лексики относится к наименованию различных методик обучения. Так, существительное ‘gamification’ (геймификация) было придумано в 2004 году английским программистом Ником Пеллингом [2]. Оно означает внедрение игровых форм и применение игровых методик в неигровых ситуациях, например, деление класса на команды или получение учащимся награды за выполнение какого-либо задания является примером использования геймификации в обучении. Как представляется, новая лексическая единица в данном случае служит для обозначения достаточно традиционного игрового метода, вместе с тем, использование неологизма для его наименования призвано подчеркнуть новизну, современность и оригинальность вполне стандартной методики.

Проявление этой тенденции можно наблюдать и в таких неологизмах, полученных при помощи словосложения, как micro education, micro learning, bite-sized learning и nanolearning. Последняя единица в данном списке наглядно демонстрирует свою новизну: три различных способа его написания (nano learning, nanolearning, nano-learning) свидетельствуют о том, что слово находится на начальном этапе своего функционирования в языке. Вместе с тем за этим современным и непривычным наименованием скрывается название метода обучения, подразумевающего обучение «маленькими порциями», то есть уроки

небольшого объема, посвященные одной теме. Благодаря неологической лексике название данного метода звучит по-новому, свежо и актуально.

Проанализированный материал подтверждает, что неологизмы появляются в языке по причинам разного характера: как для наименования новых материальных и нематериальных объектов и явлений, так и для придания старым объектам и явлениям нового, более современного звучания. Тем интереснее непосредственно наблюдать за неологической лексикой, ее появлением и функционированием в языке.

Литература

1. *Online Etymology Dictionary*. URL: https://www.etymonline.com/word/educator#etymonline_v_32145 (дата обращения: 03.10.2023).
2. *Modern Trends in education: 50 different approached to learning*. URL: <https://www.teachthought.com/pedagogy/modern-trends-in-education/> (дата обращения: 03.10.2023).
3. *American Heritage Dictionary of the English Language*. URL: ahdictionary.com (дата обращения: 03.10.2023).
4. *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners* / Bloomsbury Publishing Plc, 2006. 1712 p.
5. *Cambridge English Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/educator> (дата обращения: 03.10.2023).

*Харитонова И. В.,
кафедра романских языков им. В.Г. Гака,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
iv.kharitonova@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 2466-7391*

*Беляева Е. Е.,
кафедра романских языков им. В.Г. Гака,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
ee.belyaeva@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 3191-2874*

ЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация: статья посвящена логико-символическому моделированию фразообразовательных процессов. На примере французских фразеологических единиц продемонстрировано действие формирующих механизмов и механизма отбора элементов содержания сложного понятия. Предлагаемые модели отражают семантические трансформации, которые ведут к первичной транспозиции переменного сочетания слов и формированию устойчивого воспроизводимого состава компонентов, суммарное значение которого не выводится из суммы значений этих компонентов.

Ключевые слова: фразообразование, фразеологическая единица, формирующий механизм, механизм отбора, первичная транспозиция, номинация, логико-символическая модель.

*Irina Kharitonova,
Department of Romance Languages
named after V.G. Gak,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical*

*State University;
iv.kharitonova@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 2466-7391
Ekaterina Belyaeva,
Department of Romance Languages
named after V.G. Gak,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
ee.belyaeva@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 3191-2874*

LOGICAL STRUCTURE OF PHRASEOLOGICAL MEANING (BASED ON THE FRENCH LANGUAGE)

Abstract: the article is devoted to logical-symbolic modeling of phrase-formation processes. Using the example of French phraseological units, the action of formative mechanisms and the mechanism for selecting elements of the content of a complex concept is demonstrated. The proposed models reflect semantic transformations that lead to the primary transposition of a variable combination of words and the formation of a stable, reproducible composition of components, the total value of which is not derived from the sum of the values of these components.

Keywords: phrase formation, phraseological unit, formative mechanism, selection mechanism, primary transposition, nomination, logical-symbolic model.

Метаязык классической фразеологии позволил лингвистам схематически изобразить процесс фразеологизации переменных сочетаний слов [5, 7], но не дал ответа на вопрос о языковых механизмах, которые приводят к возникновению устойчивых сочетаний слов, обладающих значением, не выводимым из суммы значений компонентов. Согласно системно-организационному подходу [7], для решения этой проблемы следует соотнести описанные структурно-семантические процессы с действиями операторов и механизмов познавательной, мыслительной и коммуникативной деятельности человека [7]. Логический анализ фразообразования дает возможность сущностно

охарактеризовать условия, операторы и механизмы, обеспечивающие «выход» сочетания слов из лексической системы языка и его «вход» во фразеологический корпус языка.

Анализ фразеологических единиц французского языка в терминах традиционной фразеологии показал следующее:

- фразообразование осуществляется по транспозиционным обобщенным схемам (символическим моделям, далее СМ);
- первичная транспозиция развивается по модели $FS \rightarrow FS1$ (F форма, языковой знак; S содержание), где FS переменное сочетание, а FS1 фразеологическая единица;
- первичной транспозиции свойственна неизменность формы F;
- первичная транспозиция предполагает изменение содержания ($S \rightarrow S1$);
- вторичная транспозиция представлена как $FS1 \rightarrow F1S2$;
- вторичной транспозиции свойственно изменение формы ($F \rightarrow F1$);
- вторичная транспозиция предполагает изменение содержания ($S1 \rightarrow S2$) [4].

Отталкиваясь от перечисленных символических моделей, проведем логический анализ фразообразования. Формирование ФЕ подчинено универсальным закономерностям, присущим всем объектам бытия, которые возникают и исчезают за счет действия двух механизмов: формирующего и регулирующего [1, 2, 7]. Формирующий механизм представлен двумя противоположностями соединением и разъединением, или конъюнкцией и дизъюнкцией элементов формы и содержания языковых единиц. Регулирующий механизм состоит в отборе средств номинации. Действие указанных механизмов характеризуется цикличностью, что соответствует представлению об этапности (фазовом характере) протекания фразообразования и открытости, незавершенности данного процесса.

Механизм отбора приводит к целенаправленному поиску и конъюнкции (\wedge знак конъюнкции) лексических единиц языка (далее ЛЕ) для создания в процессе коммуникации сообщения, смысл которого отражает некоторую ситуацию бытия, сведения о которой имеют ценность для собеседников: $F=f1 \wedge f2 \wedge f3 \wedge \dots \wedge fn$

Соединяясь друг с другом, ЛЕ ($f1, \dots, fn$) образуют переменные сочетания (F), т.е. временную «цепную связь» элементов с исходным совокупным значением (S), представляющим собой сумму тех сем,

которые остаются в результате семантических «потерь», являющихся неизбежным результатом конъюнкции: $S = s_1 \wedge s_2 \wedge s_3 \wedge \dots \wedge s_n$

«Потери», или дизъюнкция ЛЕ с не востребуемыми семами, обусловлены тем, что ЛЕ взаимно «парализуют» семы (ограничивают их набор), излишние для выражения требуемого смысла. Синтез такого переменного сочетания потенциально выступает основой первичной транспозиции (\in знак принадлежности), в котором форма соответствует содержанию, т.е. содержание принадлежит форме:

$$F(f_1 \wedge f_2 \wedge f_3 \wedge \dots \wedge f_n) \in S(s_1 \wedge s_2 \wedge s_3 \wedge \dots \wedge s_n)$$

Таким образом, совокупное значение переменного сочетания (временной цепной связи ЛЕ) представляет собой сумму отобранных для выражения данного смысла сем, каждая из которых сохраняет прямую связь с той ЛЕ, к которой изначально относится. Формула, приведенная ниже, является символической моделью формирования переменного сочетания. Знак \sum обозначает сумму связанных ЛЕ (форм f), каждая из которых сохраняет соотнесенность со своей семой (s). Символы $F(S)$ отражают взаимообусловленность формы и содержания. Запись $s=m$ показывает, что переменная (сема s) меняет свои значения от формы (ЛЕ) к форме и что значение этой переменной m . Верхний индекс n показывает последнее значение, которое принимает переменная s для достижения коммуникативной цели:

$$\sum_{s=m}^n F(S) = f_1(m) + f_2(m+1) + f_3(m+2) + \dots + f_n(n)$$

Данная логико-символическая модель (далее ЛСМ) иллюстрирует конъюнкцию на уровне формы и содержания как между элементами переменного сочетания, так и между элементами и связанными с ними семами. Однако переменное сочетание характеризуется нелинейностью связей между элементами формы и содержания, что означает, что 1) при изменении коммуникативной ситуации любой из этих элементов ($f(m) + f(m+1) + f(m+2) + \dots + f(n)$) может быть замещен другим в соответствии с новой коммуникативной задачей и другим смыслом, что приведет к нарушению достигнутой временной целостности формы и содержания; 2) любой из элементов формы переменного сочетания может свободно использоваться в любом из своих значений в любых других переменных сочетаниях.

Как было указано выше, первичная транспозиция развивается согласно СМ $FS \rightarrow FS_1$, т.е. $F(S_1) = F(s_1(1) + s_1(2) + \dots + s_1(n))$

Целесообразность фразообразования связана с тем, что совокупное значение сочетания частично или полностью утрачивает соотнесенность с семантикой ЛЕ его образующих: происходит, соответственно, дизъюнкция (знак \vee) между отдельными или всеми элементами и их значениями, с одной стороны:

$$S (s_1 \wedge s_2 \wedge s_3 \wedge \dots \wedge s_n) \Rightarrow S_1 (s_1 \vee s_2 \vee \dots \vee s_n) \Rightarrow S_1 (s_1(1) \wedge s_1(2)) \wedge \dots \wedge s_1(n));$$

а с другой стороны, имеет место конъюнкция раздельной формы с частично и полностью новой совокупностью сем:

$$F (f_1 + f_2 + f_3 + \dots + f_n) \wedge S_1 (s_1(1) + s_1(2) + \dots + s_1(n)).$$

Совокупное значение сочетания перестает соответствовать сумме сем своих частей, и номинация приобретает не прямой, а косвенный характер, поэтому на уровне содержания протекают следующие изменения:

$$S (s_1 \wedge s_2 \wedge s_3 \wedge \dots \wedge s_n) \Rightarrow S_1 (s_1 \vee s_2 \vee \dots \vee s_n) \Rightarrow S_1 (s_1(1) \wedge s_1(2)) \wedge \dots \wedge s_1(n)).$$

Так происходит образование раздельноформленной единицы языка (конъюнкция формы сохраняется) с целостным, не членимым значением. Именно это несоответствие между раздельностью формы и целостностью содержания является источником фразеологизации. ЛСМ данного несоответствия может быть представлена следующим образом:

$$\sum F(S) = (f_1 + f_2 + f_3 + \dots + f_n) (S)$$

На моделях показано, что механизм первичной транспозиции заключается в содержательном или формальном переформлении исходного переменного сочетания (или предложения), при котором временная «цепная связь» между элементами формы приобретает устойчивый характер, и устойчивые единицы языка становятся воспроизводимыми в речи, сохраняя при этом структуру исходных [3].

Приведем пример. Во французском языке существует сочетание слов, которое служит для прямой и косвенной номинации *souffler sur la braise/les braises* ‘дуть на уголь/угли’/’ (дословно) для того, чтобы ‘разжечь огонь’/’*ranimer le feu*’, в прямом значении (прямая номинация) и ‘разжигать конфликт’/’*attiser un conflit*’ (косвенная номинация). Примечательно, что для разных видов номинации равнозначно используются обе формы: *souffler sur la braise* = *souffler les braises*.

Итак, обозначим форму переменного сочетания буквой F. Форма F складывается из ряда компонентов, которые представлены в модели

$F = f1 (\text{souffler}) \wedge f2 (\text{sur}) \wedge f3 (\text{la}) \wedge f4 (\text{braise}),$

при этом

$f1 (\text{souffler}) \wedge f2 (\text{sur}) \wedge f3 (\text{la}) \wedge f4 (\text{braise}) = f1 (\text{souffler}) \wedge f2 (\text{sur}) \wedge f3 (\text{les}) \wedge f4 (\text{braises})$ по отношению к выражаемому ими инвариантному значению, что является свидетельством нелинейного характера F (на уровне формы наблюдается вариативность). Данная особенность может быть обозначена следующим образом: $\forall f, S (f)$ значение S верно для всех форм f , где \forall квантор всеобщности).

Содержательная, или смысловая сторона (S) формы (F) отражает реальную, референтную ситуацию (R), в которой движимый некоторой жизненно важной потребностью ‘человек дует на тлеющие угли, чтобы возобновить их горение’. Данное переменное сочетания, отвечая цели прямой номинации, может использоваться для описания именно такой бытийной ситуации, или отображать её.

Рассмотрение конкретного примера приводит к необходимости уточнения и/или замещения некоторых использованных ранее понятий (форма, содержание, значение, сема, образ, образность и т.п.). С когнитивно-коммуникативной точки зрения, при использовании в речи данная форма ($\text{souffler sur la braise} = \text{souffler les braises}$) осуществляет функцию сигнала, который вызывает в сознании говорящих образ этой ситуации представление о ней, т.е. происходит конъюнкция формы с образом. Но поскольку форма материальна, а образ идеален, необходим вводный элемент, обладающий свойствами и того, и другого (ингрессия [7]). Таким элементом выступает значение, которое позволяет при помощи слов (иных форм, не совпадающих с формой-сигналом) описать образ, вызываемый формой-сигналом. Поэтому сформулированное значение переменного сочетания называет представление целостный образ (обозначим его буквой I) ситуации (R). ЛСМ связанности формы, значения и образа может быть представлена как (\mapsto знак отображения): $F : S \mapsto R (I)$

В свою очередь, семы, образующие значение, называют элементы представления, соотнесенные с признаками референтной ситуации.

В процессе первичной транспозиции действуют два формирующих механизма: абстракция и ассоциация, и регулирующий механизм (отбор существенных признаков). При фразообразовании абстракция состоит в мысленном отвлечении, обособлении тех или иных сторон, свойств или связей предметов и явлений для отбора существенных их признаков.

Имеет место мысленная дизъюнкция признаков реальной ситуации, обозначенной переменным сочетанием, и отбор коммуникативно значимых для другой реальной ситуации (R1). Если при создании переменного сочетания семы его компонентов после отбора суммируются, то в ходе фразеологизации имеют место «вычитание» сем, лишних для представления о R1, и «сложение» их с семами, соотношенными с признаками, характеризующими иную референтную ситуацию.

Фаза «вычитания» представлена в следующей ЛСМ ({} символы множества, \ символ вычитания):

$$R: \{ s1, s2, s3, \dots sn \} \setminus \{ s1, s2, s3 \dots s1(1), s1(2), s1(3), \dots \} = \{ s1(1), s1(2), \dots \}$$

Фаза «сложения» отражена в ЛСМ

$$R1: \{ s1(1), s1(2), \dots \} \wedge \{ s2(1), s2(2), \dots \}$$

Применяемый метод логико-символического моделирования позволяет с новой точки зрения рассматривать понятие образности, используемое в лингвистике и фразеологии как направлении языкознания. Как было показано выше, образ – это представление о предмете, явлении действительности или ситуации взаимодействия предметов или явлений действительности. Поэтому образ – это атрибут не только косвенной номинации, но и прямой номинации в первую очередь. Мысленное «видение» объектов [7] – закономерность языка и мышления. Отображение фрагмента бытия в виде представления (образа), которое воспроизводит референтную ситуацию, обычно в лингвистике называется «картиной». Так, В.Г. Гак, а вслед за ним и другие языковеды, под образностью понимали «совмещенное видение двух картин» [3, с. 110], возникающее обычно у слов или словосочетаний с конкретным значением.

В соответствии с принятой в данном исследовании концепцией, речь идет все-таки не о «картинах», а именно о представлениях, или образах. Покажем это в ЛСМ:

$$R (I) \Leftrightarrow R1 (II)$$

Данная ЛСМ демонстрирует конъюнкцию в поле сознания двух представлений и их взаимопереход. Интерпретация образности при помощи понятия «картин» имеет особенность, которая состоит в том, что рассматриваемое явление («совмещенное видение двух картин») воспринимается как статическое. На самом деле, как было сказано выше,

это – последовательность мыслительных операций, протекающих во времени, т.е. явление, которое имеет динамический характер. Для того, чтобы совместить два представления, их необходимо сопоставить. Сопоставить или сравнить, можно только то, что однородно или имеет одинаковые признаки. При сопоставлении имеет место выделение (дизъюнкция) общих признаков представлений о двух реальных ситуациях (исходной $R(I)$ и производной $R1(I1)$) и соединение (конъюнкция) их с признаками, специфическими для представления о производной ситуации. Следовательно, представление – это образная память, ингрессия между чувственным и рациональным познанием. Накапливая признаки единичных образов, представления служат «строительным материалом» для «портрета класса объектов», которым выступает понятие основной элемент рационального познания. Логическая структура понятия, как было показано выше, включает две составляющие объем [7] и содержание. Объем понятия, выражаемый единицей языка, имеет обобщенный характер, не связанный с конкретной референтной ситуацией. Напротив, содержание понятия – это те его признаки, которые непосредственно актуализируются в процессе коммуникации для описания реальной ситуации. Поэтому в представленных нами ЛСМ символ S обозначает содержание понятия, а символы $s1$, $s2$ и т.д., которые были названы семами, элементы этого содержания (признаки понятия), соотнесенные с отдельными свойствами референтной ситуации R .

Генезис понятия осуществляется в два этапа. Первая фаза формирование понятия на основе представлений, а вторая усвоение понятия. Данное положение является ключом к ответу на вопрос о том, как можно объяснить логически возникновение устойчивости у переменного сочетания слов.

Устойчивость сочетания слов имеет ту же самую природу, что и устойчивость цельнооформленного языкового знака (слова). На этом основании целостный (равный одному слову) и раздельнооформленный (равный сочетанию слов) знаки приобретают свою устойчивость и воспроизводимость благодаря действию одних и тех же механизмов. Языковой знак (выше форма) – это сигнал, который осуществляет посредством психомеханизмов бивалентную связь (конъюнкцию) материального и идеального как в процессе познания, так и в ходе коммуникации. Языковой знак – материальный (звуковой, графический, жестовый и т.п.) носитель идеального комплексного образа обобщенного

класса объектов бытия, т.е. понятия. Будучи результатом сопоставления представлений, понятие в фазе своего формирования – это различие общего и специфического. Фаза усвоения понятий обуславливает их сохранение в языке. Это процесс, в результате которого человек учится устанавливать связь или осуществлять конъюнкцию формы и содержания, т.е. узнавать признаки, присущие каждому из понятий, по сигналу, которым служит языковой знак. Слово как целостный языковой знак соотносится с простым понятием, а сочетание слов как раздельнооформленный языковой знак со сложным. Но и тот, и другой виды понятия закономерно усваиваются языком, а значит приобретают устойчивость и связанную с ней воспроизводимость за счет целостности содержания.

Целостность содержания производного устойчивого сочетания определяется тем, что один или несколько признаков обозначаемого им понятия, является/являются одновременно одним или несколькими признаками понятия, обозначаемого исходным переменным сочетанием (см. выше о «вычитании» и «сложении» признаков). При закреплении в языке раздельнооформленного знака как отдельной целостной его единицы ряд признаков понятия, заключенного в исходной переменной (не закреплённой в языке) форме, наследуются новым сложным понятием и присоединяются к множеству его признаков, отражающих через представления свойства референтной ситуации R1, которая соотносится с исходной референтной ситуацией R.

Исходя из изложенного можно утверждать, что в процессе первичной транспозиции за счет семантического преобразования переменного сочетания (модель преобразования построена выше), а также формирования и усвоения единого целостного содержания сложного понятия исходное переменное сочетание становится устойчивым сочетанием фразеологического характера. Динамическую устойчивую связь двух сложных понятий иллюстрирует следующая ЛСМ:

$$R(I) \mapsto F(S) \Leftrightarrow R1(I1) \mapsto F(S1)$$

Механизмом, поддерживающим данную связь, является абстракция.

Образность переменного сочетания лежит в основе ассоциативного принципа, введенного при изучении возможностей транспозиции переменных сочетаний и возникновении первичных фразеологических единиц.

В заключение необходимо отметить, что предложенная методология моделирования фразообразовательных процессов на французском фразеологическом материале была апробирована в ходе ряда научных экспериментов. Действенность логического обоснования структуры фразеологического значения подтверждена полученными результатами в области идентификации антонимических [8] и синонимических [9] отношений, в которые вступают фразеологические единицы. ЛСМ позволяют, в отличие от методик традиционной фразеологии, провести четкое разграничение явлений синонимии и вариантности фразеологических единиц.

Литература

1. *Богданов А. А.* Всеобщая организационная наука (Тектология). М.: Книга, 1929. 221 с.
2. *Богданов А. А.* Тектология: (Всеобщая организационная наука): В 2-х кн.: Кн. 1-2. М.: Экономика, 1989.
3. *Гак В. Г.* Сопоставительная лексикология. М.: Международные отношения, 1977. 264 с.
4. *Приходько К. Д.* Соотношение фразеологических единиц и нефразеологических сочетаний одинакового лексико-грамматического состава: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972.
5. *Соколова Г. Г.* Фразообразование в современном французском языке. М.: МПГУ, 2020. 244 с.
6. *Соколова Г. Г.* Фразообразование во французском языке. М.: МПГУ, 2018. 144 с.
7. *Харитонова И. В.* Системный подход к исследованию языка. М.: МПГУ, 2016. 296 с.
8. *Харитонова И. В.* Логико-символические модели формирования антонимических отношений в корпусе глагольных фразеологических единиц с компонентом номинатом эмоций 'любовь', 'ненависть', 'радость', 'грусть', 'смелость', 'трусость' // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2(87). С. 588–591.
9. *Харитонова И. В.* Синонимия фразеологических единиц с компонентом номинатом эмоции 'любовь' (на материале французского языка) // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4 (83). С. 468–471.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*Алдабергенова А. А.,
кафедра синхронного перевода,
факультет перевода и филологии,
Казахский университет
международных отношений и
мировых языков имени Абылай хана;
aiyma.aldabergenova@gmail.com*

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ И ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА

Аннотация: в последние годы заметно увеличился перевод англоязычной литературы на казахский язык. Эта тенденция направлена на то, чтобы дать возможность казахоязычным читателям расширить свои интересы, получить всестороннее понимание мировой литературы и участвовать в интеллектуальном обмене с западными учеными. Однако процесс перевода не лишен проблем, включая потенциальные недостатки и ошибки, которые могут исказить первоначальные намерения и цели автора. В статье представлены переводческие решения и оценка качества перевода научных (лингвистических) текстов. Оценка качества перевода включает в себя оценку переведенного текста, чтобы определить, насколько он соответствует определенным заранее установленным стандартам. В качестве исследовательского материала используется книга Майкла Райана и Джули Ривкин «Literary Theory: A Practical Introduction» на английском языке и ее перевод на казахский язык. Автор ставит целью оценить качество переводов с английского на казахский язык путем сравнения оригинального и переведенного текстов. При оценке качества перевода автор использует структурный анализ на основе модели Д.М.Бузаджи.

Ключевые слова: оценка качества перевода, переводческие решения, казахский язык, английский язык, модель перевода, трансформации.

*Aiym Aldabergenova,
Department of Simultaneous Interpretation,
Faculty of Translation and Philology,
Kazakh Ablai Khan University of
International Relations
and World Languages;
aiyma.aldabergenova@gmail.com*

TRANSLATION SOLUTIONS AND TRANSLATION QUALITY ASSESSMENT

Abstract: in recent years, there has been a notable increase in the translation of English-language literature into Kazakh. This trend aims to enable Kazakh-speaking readers to broaden their interests, acquire a comprehensive understanding of global literature, and engage in intellectual exchange with Western scholars. However, the translation process is not without its challenges, including potential shortcomings and errors that can distort the author's original intentions and purposes. The article represents translation solutions and translation quality assessment of scientific (linguistic) texts. Translation quality assessment involves evaluating a translated text to determine how well it adheres to certain predefined standards. It uses as its research material the original book by Michael Ryan and Julie Rivkin, titled "Literary Theory: A Practical Introduction," in English and its translation into Kazakh. The author aims to assess the quality of translations from English to Kazakh by comparing the original and translated texts. In evaluating translation quality, the author employs structural analysis based on D.M. Buzadzhi's model.

Keywords: translation quality assessment, translation solutions, Kazakh language, English language, translation model, transformations.

Translation quality assessment involves evaluating a translated text to determine how well it adheres to certain predefined standards. These standards can vary depending on the context and purpose of the translation. While translation quality is a multifaceted concept, it generally encompasses factors such as linguistic accuracy, fluency, adherence to cultural norms, and the ability to convey the intended message without distortion.

Therefore, the article examines various categories and classifications related to assessing the quality of translations. The article places particular emphasis on scrutinizing translation transformations, lexical and grammatical errors, and deficiencies that may arise during the translation process.

The article attempts to analyze the translation quality assessment from English into Kazakh by comparing the original and target text. In the course of the analysis of translation quality assessment, a structural analysis according to the model of D.M. Buzadzhi [1] is performed, namely errors of logical, syntactic, lexical, stylistic nature, which in turn are categorized into groups and categories. The aim of the article is to analyze the main practical approaches to the evaluation of translation quality and to compare international and national standards that determine the quality of translation by comparing the original and the translated text.

M.A. Kunilovskaya in the article “Classification of translation errors and their electronic marking in brat” considers the use of classification of translation errors not only and not so much as a tool for assessing the quality of student translations, but as an element of teaching technology [2, p. 60].

E.A. Knyazheva offers her own typology of errors for assessing educational translation:

1. Errors at the level of semantic content. This type of error includes distortions at the level of the subject situation, logical organization, statements and the explicitly expressed position of the author of the source text.

2. Errors at the level of linguistic design of the statement. This category includes obvious violations of the norm and usage of the translating language. Accordingly, in the context of a learning situation, we can talk about lexical compatibility, grammatical, stylistic, spelling, and punctuation errors.

3. Errors at the level of technical design of the translation text. In this case, we are talking about non-compliance with design requirements [3, p. 82].

Such a classification has the right to exist for pedagogical or editorial purposes, but for the purposes of qualified translation evaluation, which prioritizes the principle of functional correspondence to the original of the whole translation text, it seems more appropriate to speak about more global groups of errors, distinguishing categories within the groups.

According to D.M. Buzadzhi the following groups and categories of errors are distinguished:

The first group of errors: violations in conveying meaning related to the denotative content of the text: omission, addition and substitution of information, inaccurate translation of the denotative content of the text.

The examples are taken from the book by Michael Ryan and Julie Rivkin “Literary Theory: A Practical Introduction” [4] and their translations in Kazakh language from the book “Әдебиет теориясы: Кіріспе” [5]. When comparing the source and target texts, some inconsistencies were found. For example,

Source text: The word “tree” seems to name an object. But the word itself is a combination of a sound and an idea [4, p. 95].

Target text: “Терек” деген сөз заттың атауын білдіріп тұр. Әйтсе де сөз дыбыс пен идеяның қабысуынан пайда болады [5, с. 65].

In this example we can notice that the translator used the method of concretization and translated “tree” as “терек”. However, the exact meaning of the word in the original text is *tree* not a *poplar*. Besides it, in the ST the verb *seems* is translated as “білдіріп тұр”, there might be some other versions of translation as “білдіріп тұрғандай”.

The second group of errors: violations associated with the transmission of the stylistic characteristics of the original: violations in the transmission of functional-style or genre features of the original text, tracing of the original, violations of the usage of the translating language. For example,

ST: Literature (and film and theater and television) is a technical enterprise that requires skill in the manipulation of devices from storytelling or narration to figuration or metaphor [4, p. 12].

TT. Әдебиет (кино, театр және телевизия да) – ауызша баяндаудан бастап, бейнелеу һәм метафора сияқты көркемдік құралдармен түрлендіру тәсілдерін талап ететін шығармашылық сала [5, с. 13].

In this example, in our opinion, the translator used the right technique of semantic development translating «technical enterprise» not as «техникалық кәсіпорын» but as «шығармашылық сала». As we should keep in mind that the sentence is about literature and its definition. However, the word *skill* would be better to translate as *шеберлік*.

The third group of errors: violations related to the transfer of the author's assessment. Within its framework, two types of errors are distinguished: errors associated with weakening or increasing the expression of the original, errors associated with inaccurate transmission of the author's assessment (including its neutralization or unmotivated creation). For example,

ST: In Shakespeare's King Lear, the logic governing the plot structure is schematic and rhetorical. The plot teaches a lesson organized around an irony. The old king loses his kingdom because he tries to save it in the wrong way [4, p. 94].

ТТ: Қартамыс король өз билігін жымысқы жолмен сақтаймын деп, ақырында, бар корольдігінен айырылып тынады [5, с. 64].

If we compare ST with the TT we can easily notice how the sentence was shortened and a lot of words and even sentences were omitted. The first two sentences were even missed. It causes to the inaccurate transmission of the author's assessment and weakens the expression of the original text.

The fourth group of errors: Obvious violations of the norms and usage of the translating language: errors associated with violation of spelling and punctuation norms of the translating language, errors associated with incorrect rendering of proper names in translation, errors, associated with obvious violations of the stylistic norms of the TL, errors associated with violations in the transmission of specific types of digital data, and errors associated with violations of the design requirements imposed in the TL for this type of text. For example,

ST: Like Plato, Philip Sidney felt that literature should provide moral instruction, and Samuel Johnson shared Aristotle's belief that art provided access to universals [4, p. 13].

ТТ: Платон, Филипп Сидни сияқты, «әдебиет адамзат баласын моральдық құндылықтармен қамтамасыз етуі тиіс» десе, Сэмюэл Джонсон Аристотельдің «өнер ғаламға жол ашады» деген пікіріне қосылды [5, с. 14].

Examining these sentences, we see that there is a big mistake in the translation of the proper names. At first, the translator made a mistake in translation of the names *Like Plato* and *Philip Sidney*, which completely changed the meaning of the sentence. Secondly, the word «instruction» means not the *моральдық құндылықтар*, but *нұсқаулықтар*. Thirdly, the verb *provided* in the original text is used in the past tense, however in translation it is in the present tense.

The article was implemented within the framework of the project AP19680449 of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan «Translation quality assessment: scientific and educational fields».

Analyzing the examples, we can conclude that even some mistakes which may seem unimportant can change the meaning and perception of the text. The translation solution should not be ignored, because it directly affects to the translation quality assessment.

Литература

1. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок / Д. М. Бузаджи, В. В. Гусев, В. К. Ланчиков и др. М.: Всерос. центр переводов, 2009. 120 с.
2. Куниловская М.А. Классификация переводческих ошибок и их электронная разметка в brat // Проблемы теории, практики и дидактики перевода: Сборник научных трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Нижний Новгород: НГЛУ, 2023. Вып. 16. Т. 1. С. 59–71.
3. Подготовка переводчиков: дисциплины по выбору: коллективная монография / под общ. ред. Н. Н. Гавриленко. М.: Флинта, 2022. 168 с.
4. Ryan M., Rivkin J. *Literary Theory: A Practical Introduction*. 3rd ed. Wiley-Blackwell, 2017. 248 p.
5. Райан М., Ривкин Д. Әдебиет теориясы: Кіріспе. (ауд. Ахметов Ә., Жапақ Ә., Төлеген М. ж.т.б.). Алматы, 2019. 304 с.

Блохина Е. Н.,
кафедра немецкого языка,
МГИМО МИД России;
blohinaen@gmail.com
SPIN-код eLibrary: 9475-3510

ОСОБЕННОСТИ КОННОТАТИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ЛЕКСЕМ *БУЛКА* И *BRÖTCHEN* В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация: статья посвящена результатам сопоставления семантики идиом с лексемами, выражающими понятие *булка* в русском и немецком языках и сравнению коммуникативных значений таких лексем.

Ключевые слова: идиома с компонентом *булка* / *Brötchen*; экстралингвистическая информация; лингвокультурный концепт; коммуникативное значение; коннотативное значение.

Elena Blokhina,
Department of the German Language
MGIMO University;
blohinaen@gmail.com
SPIN-код eLibrary: 9475-3510

FEATURES OF THE CONNOTATIVE MEANINGS OF THE LEXEMES *БУЛКА* AND *BRÖTCHEN* IN RUSSIAN AND GERMAN

Abstract: the author reports on the results of comparing both the semantics of the idioms with lexemes expressing the concept of *bun* in the Russian and German languages and the communicative meanings of such lexemes.

Keywords: idioms with the component *булка* / *Brötchen*; extralinguistic information; linguocultural concept; communicative meaning; connotative meaning.

Названия предметов и явлений быта, составляющих основу жизни у представителей многих народов, рассматриваются в

лингвокультурологии как особая группа лексем. Накопленное в их значениях знание отражает универсальные общечеловеческие ценности, сформулированные в разных языках, например, в виде аналогичных или схожих фразеологизмов. Одновременно с этим, в таких лексических единицах обнаруживаются ассоциативные связи, возникшие и закрепившиеся в одних культурах и чуждые для других. Именно такие факты расхождений не позволяют говорить о полной тождественности наименований одного и того же явления в двух или более разных языках. В лингвистике такие различия имеют множество определений: *лексический фон* (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров); *культурные коннотации* (В.Н. Телия); *специфические средства вербализации лингвокультурного концепта* (Г. Г. Слышкин); *экстралингвистическая информация* (М. А. Мошкина) и мн. др. Будем называть их *коннотативными значениями* в составе лексического значения слова, а само лексическое значение определять в соответствии с алгоритмом, изложенным в [3], где под лексикографическим значением подразумевается «обобщение словарных дефиниций разных толковых словарей», а под коммуникативным значением – смыслы, реализованные в «зафиксированных контекстах употребления» [3, с. 26].

Хлеб является исторической основой рациона и базовым элементом культур большинства европейских стран, в т.ч. немецкой и русской. Сравнивая коннотативные значения лексем *хлеб* и *Brot*, исследователи отмечают вышеуказанные сходства и различия, например, в работах [1], [2], [4], фокусируясь на фразеологизмах, где прообразом хлеба является общедоступный продукт из неприхотливых зерновых культур. Но, параллельно с грубыми сортами хлеба, на протяжении нескольких столетий существует и элитный продукт, предназначавшийся изначально лишь для зажиточного класса. Эволюция хлебобулочных изделий из белой пшеничной муки и отношение к ним имеют собственную уникальную историю в каждой стране. Это даёт нам основания предположить, что в значениях лексем *булка* и *Brötchen* закрепились неравнозначные культурно-обусловленные смыслы, выявление которых является целью данного исследования. Актуальность проблемы обусловлена, среди прочего, тем, что востребованность данных лексем в речи увеличивается с ростом потребления белого хлеба и смещения приоритетов в представлениях о хлебе.

Ни в русском, ни в немецком языке не существует трактовок, однозначно определяющих форму/размер и состав денотата. Из словарей

немецкого языка следует, что *Brötchen* может быть как круглой, так и вытянутой, преимущественно из пшеничной муки, но и из ржаной и отрубей. Этимология указываемых как синонимы слова *Brötchen* региональных лексем показывает, что лишь одна из них, *Semmel*, происходит от названия белой пшеничной муки, тогда как *Wecke*, *Rundstück*, и *Stuten* связаны с формой булки, а *Schrippe* – с надрезом на её поверхности. В русском языке слова *булка*, *булочка*, *батон*, *белый хлеб*, часто выступают как синонимы, а булкой в сочетании со словом *хлеб* называют буханку (*булка хлеба*). Поэтому неизбежна определённая условность результатов исследования, состоявшего из следующих этапов: 1) сбор и систематизация лексикографических описаний интересующих нас синонимов русского и немецкого языка в более двух десятков справочников, издававшихся с 2005 г., включая большие словари русских пословиц, поговорок, сравнений В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной, немецко-русский фразеологический словарь Б.П. Шекасюка, академический словарь русской фразеологии А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, справочники Х. Вальтера / Harry Walter, этимологические словари, справочники по фразеологии немецких диалектов и др.; 2) поиск не отмеченных в словарях устойчивых идиом в текстах Национального корпуса русского языка, корпуса DeReKo Института немецкого языка, корпуса цифрового словаря немецкого языка DWDS, текстов поисковой системы Google; 3) классификация совокупных данных и 4) сопоставление результатов по двум языкам.

Выявленные значения были сгруппированы по четырём признакам:

1. Сегмент функциональных и лексических совпадений оказался достаточно обширным. В обоих языках булка выступает *символом средств к существованию, мерой величины, индикатором экономического благосостояния общества, символом лёгкой и приятной части какой-либо деятельности, «прообразом» части тела*, и мн. др. Но необходимо подчеркнуть, что функциональное совпадение далеко не во всех случаях означает равенство содержания значений. Например, применительно к частям тела немецкий язык достаточно ограничен в единственном сравнении “*einen Arsch wie ein Brötchen haben*”, тогда как в русском языке булкой называют ягодичи, груди, щёки, руки, любые пухлые части тела. Или же, выступая в качестве *меры величины*, немецкая булка олицетворяет некую константу, позволяющую представить реальный размер предмета, а размер русской булкой зависит от ситуации: «не худо, что булка с полпуда»; «бутон банана размером с

булку хлеба», «томаты размером с булочку» и др. Ещё одним ярким примером является полное отсутствие в немецком языке в значении *внешность* характерной для русского языка связи с молодой, здоровой и крепкой симпатичной девушкой.

2. Следующую группу составляют одинаковые функциональные значения, выраженные в двух языках разными хлебобулочными изделиями. Это пары *пирожок – Semmel, булка – Kuchen* и др., выступающие как символы *чрезвычайно востребованного продукта* («расхватывать что-либо как горячие пирожки» – “etw. wie heiÙe (warme) Semmel verkaufen”; “begehrt wie warme Semmeln sein”); *дешёвой субстанции с вкраплениями ценного вещества* («выковыривать изюм из булки» – “die Rosinen aus dem Kuchen picken, klauben”); и в других значениях. Относительно последнего следует подчеркнуть несовпадение в подразумеваемом количестве изюма в русской булке (много) и в немецком Kuchen (мало), ср.: «нашпигован / напичкан чем-либо как булка изюмом», “rar wie Rosinen im Kuchen”.

3. Третья группа представлена схожими устойчивыми словосочетаниями, в которых для выражения одного и того же значения образ булки используется лишь в одном из языков. Одним из примеров данной группы является смысл *дармовых благ*. В русском языке их символизируют растущие на деревьях булки, в немецком – растущие на деревьях деньги. Показательно, что оба образа восходят к одной и той же сказке “Schlaraffenland” Л. Бехштейна / Ludwig Bechstein, в которой деревья плодоносят булками (Semmeln), деньгами и красивой одеждой. Данный пример в очередной раз подтверждает, что формирование бытующих в массовом сознании инвариантов одного и того же исходного текста в разных обществах культурно обусловлено. Описания аналогичных ситуаций выглядят в двух языках следующим образом: “Wichtig ist aber, dass Kinder aus allen sozialen Schichten den Umgang mit Geld erlernen müssen, ..., auch Kinder aus wohlhabenden Familien müssen verstehen, dass das Geld nicht auf den Bäumen wächst” [NEWS, 27.07.2018]; «Ребенку не обязательно становиться крестьянином, но он должен знать, что булка не на дереве растёт» [Известия, 26.10.2016].

4. Четвёртая группа, по нашему мнению, наиболее отчётливо указывает на принципиальные различия двух культур в отношении к булке, названия которой в двух языках используются как лексические средства для выражения совершенно разных коннотативных значений. В немецком языке мы видим апелляцию к смыслам *уверенности*,

стабильности, незыблемой традиции (“Dat is so wiß un wohr, als de Bäcker Stuten backt”; “so sicher wie alte Semmeln in der Bulette”; и мн.др.). Лексемы русского языка больше похожи на лакмус, отражающий текущие настроения в обществе. Это проявляется и в определённых «дискредитирующих» булку коллокациях, закрепившихся в период последних десятилетий существования СССР («несчастливая, пресловутая, захудалая, пожилая булка/булочка»), и в представлениях граждан СССР о загранице («Какие улочки, о Кадриорг! Какие булочки, восторг, восторг!»); и в реакциях как на значимые политические события («булки Госдепа», «булки от Нюланд», «фальшивые демократические булочки»), так и на песню-хит («хруст французской булки»); и мн. др.

Устойчивость многовековой традиции потребления булки в немецкой культуре и отсутствие таковой в русской подтверждается, на наш взгляд, и гораздо большим количеством сложных слов с корнем *Brötchen* в немецком языке. Некоторые из них, например *Brötchentüte* даже не имеют однословных русских эквивалентов, потому что бумажные пакетики для отпуска мелкоштучных булочных изделий появились в наших пекарнях относительно недавно.

Представленные результаты могут найти применение в теории и практике как преподавания немецкого языка, так и перевода. На одних лишь примерах параллельного немецкого подкорпуса Национального корпуса русского языка видно, как различаются мнения переводчиков в выборе эквивалентов для лексем *булка* и *Brötchen*. С учётом неослабевающего интереса фразеологов к кулинарному дискурсу работу целесообразно продолжить и расширить с привлечением более широкого спектра названий продуктов, формирующих ежедневный рацион современного человека.

Литература

1. *Зими́на Л. Ж.* Концепт «хлеб – das Brot» в зеркале фразеологий русского и немецкого языков // *Язык и культура: поликультурный потенциал немецкого языка.* Ульяновск: Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, 2013. С. 34–44.

2. *Плисов Е. В.* Образ хлеба в русской, немецкой и английской картинах мира // *Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки.* 2016. № 2 (28). С. 20–31.

3. *Стернин И.А., Саломатина М.С.* Семантический анализ слова в контексте. Воронеж: Истоки, 2013. 71 с.

4. *Walter H.* Deutsche Sprichwörter und Redensarten. Hamburg:
Verlag Dr. Kovač, 2021, 606 S.

Войченко Н. В.,
кафедра контрастивной лингвистики,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
nv.voichenko@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 7051-4718

О ПОНЯТИИ ДОБРОТА В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация: в статье предпринята попытка конструировать понятия «доброта», «добрый» на материале русских, английских и немецких словарных дефиниций. Сложность лексикографического анализа русских единиц наряду с поиском наиболее точных английских и немецких эквивалентов данной этической категории обнаружили необходимость обратиться к реконструкции одноименных концептов.

Ключевые слова: понятие, сравнительно-сопоставительное языкознание, типологические и контрастивные черты, «доброта», «добрый».

Natalia Voichenko,
Department of Contrastive Linguistics,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
nv.voichenko@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 7051-4718

ON THE NOTION OF KINDNESS IN RUSSIAN, ENGLISH AND GERMAN

Abstract: the author tries to construct the notion of ‘kindness’ in the Russian, English and German languages. The lexicographic analysis of the Russian words reveals to be demanding. Moreover, the search of their precise English and German equivalents confirms the need to reconstruct their ethical concepts.

Keywords: notion, comparative linguistics, typological and contrastive features, ‘kind’, ‘kindness’.

В современных лингвокогнитивных работах *доброта* чаще всего рассматривается как категория концепта «Добро» [1], однако его сильный внутренний потенциал, этическая универсальность и разнообразие этноспецифических интерпретаций позволили нам выделить данный феномен в качестве отдельного объекта лингвистических исследований.

Конструирование понятия *доброта* с целью “иметь общий язык” [3, с. 45] при обсуждении данного явления в сопоставительном аспекте привело нас к семантическому описанию данной единицы, изучению результатов экспериментальных и коммуникативных исследований ее семантики.

Методика обобщения словарных дефиниций, основанная на принципах неединственности метаязыкового описания ментальных единиц, дополнительности семантических описаний и словарных дефиниций, денотативной дифференциации значений [4, с. 27], является в нашем исследовании первым этапом системного описания семантики.

Приведем обобщенное описание русского слова «доброта», выполненное на материале шестнадцати словарных дефиниций из авторитетных толковых словарей (в том числе БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ). Формирование данной семантемы в нескольких словарях начинается с отсылки к прилагательному «добрый» в первом значении («Отвлеченное существительное, свойство по прилагательному «добрый»), поэтому дескриптивные характеристики также включены нами в основные дефиниции:

Рус. ДОБРОТА

1. Добродетель, духовно-нравственное качество человека, личности, выражающее склонность, наклонность к добру, а также способность, стремление, свойство, умение делать другим людям добро, благо, что-то хорошее. *В глазах, голосе, во всех чертах светилась старческая, умная и приветливая доброта — плод долгой жизни и практической мудрости. И. Гончаров, Фрегат «Паллада».*

2. Заботливое отношение к другим людям, отзывчивость, щедрость, готовность помочь, стремление защищать. *[Я] нередко наблюдал необычное выражение в глазах влюбленных людей, чувствовал особенную доброту любящих. М. Горький, В людях.*

3. Душевное расположение к людям, благожелательность, доброжелательность, доброжелательство. *Его блестящему уму / Противоречия прощали, / Противоречий этих тьму / По доброте не замечали. А. Пушкин.*

4. Нежное отношение к другим людям, сочувствие, добродушие, мягкость, милосердие, благодать, мягкосердие, жалость (притом иногда слабость ума и воли). *Доброта без разума пуста.*

К устаревшим русским значениям относятся: (1) *достоинство вещей, ценность товара, добротность, (о лошади) ретивость*; (2) *блага, богатство, достояние, цена, важность, интерес, выгода, превосходство, величие, слава*; (3) *умение, деловитость*; (4) *красота, привлекательность, статность, взрачность; изящество, блеск, великолепие, украшение, искусство.*

В английском языке 'kindness' как наиболее частый эквивалент «доброты» также в первую очередь обнаруживает отсылку к прилагательному 'kind' (*The quality or state of being kind*), однако лишь во втором и третьем значениях:

Англ. KINDNESS

1. The quality or state of being good. *I feare thy Nature, It is too full o' th' Milke of humane kindnesse. W. Shakespeare, Macbeth.*

2. The quality or state of being gentle, helpful, ready to assist, caring about the comfort, happiness or feelings of others; compassion, sympathy, generosity. *Kindness does not consist in gifts, but in gentleness and generosity of spirit. S. Smiles, Character.*

3. Benevolence, consideration, obliging disposition, friendliness or warm-hearted manners towards a particular person, group or animal; the quality or state of being nice (never angry or violent) and (*now somewhat formal*) courteous. *Her kindness did sometimes overpower her judgment. J. Austen, Mansfield Park.*

4. Fondness, affection, or love for someone or something. *Etienne had a kindness for his young cousin. A. Stuart, Reckless.*

В качестве устаревших значений английские словари упоминают о (1) *good will, favour, friendliness*, (2) *kinship, near or special relationship; (also) natural affection arising from this*, (3) *natural inclination, disposition, or aptitude*, (4) *goodness of quality or standard; possession of a particular good or useful attribute*; (5) *a benefit, an advantage*; (6) *a gift*. Сопоставление русских, английских и немецких устаревших значений представляет особый интерес для концептуального анализа, о чем нами было сказано ранее [2].

Типичным элементом английских дефиниций являются маркеры *'the demonstration of', 'or showing'*, которые не были включены нами в интегрированное лексикографическое значение, но не могут остаться без внимания при сопоставительном анализе. Направленность англ. *kindness* на описание поведенческих характеристик проявляется и в единицах *'manners', 'consideration', 'obliging disposition', 'courteous'*, раскрывая данное понятие как одно из принципов этикета. Дополнительным аргументом является и тот факт, что англ. *kindness* может быть исчисляемым и употребляется в значении *'a helpful, courteous, considerate deed or act of good will; a good turn, a favour'*, например: *Mr. Dockwrath had permitted his wife to accept all those numberless kindnesses which a lady with comfortable means and no children is always able to bestow. A. Trollope, Orley Farm.*

Доброта как морально-нравственная категория находит свое выражение в английском слове *'goodness'*, которое реализует уровни разной абстрактности значения: от морального совершенства (*moral excellence, virtue*) до хорошего поступка (*good deed or act*).

В немецком языке *доброта* как внутреннее совершенство есть *'(die) Güte'*: *'(anbetungswürdig-) vorbildlicher Sittlichkeit, verehrenswerter Tugendhaftigkeit'*, которое включает в себя любое моральное качество, отношение, образ действий, оцениваемый положительно. Системное описание рус. *добро / благо*, англ. *goodness* и нем. *die Güte* не входит в задачу настоящего исследования, однако в немецком языке *доброта* является категорией именно этого понятия:

Нем. (die) GÜTE

1. (Anbetungswürdig-)vorbildlicher Sittlichkeit, verehrenswerter Tugendhaftigkeit. [*Therese üb Natalie:*] *ihre Schönheit, ihre Güte macht sie der Anbetung einer ganzen Welt würdig. Goethe, Wilhelm Meisters Lehrjahre.*

2. Großmut, Großherzigkeit, Generosität, Huld. [*Clav, im Sterben Vergebung von Baum, Sophie u Buenco erhaltend:*] *Geist meiner Geliebten, schau herab, sieh diese himmlische G., sprich deinen Segen dazu, und vergib mir auch. Goethe, Clavigo.*

3. Gütherzigkeit, (freundl, herzl) Freundlichkeit, Wohlwollen, Gewogensein, Wohlwollen, Gunst, (in formel-) Entgegenkommen. [*Herrn vRevanne dÄ*] *gleich nicht unbekannt war, daß Güte, ja Vermögen selbst, nur Reizungen sind .. die .. [bei einem jungen Frauenzimmer] unwirksam bleiben, sobald Liebe sich mit den Reizen .. der Jugend zeigt. Goethe, Wilhelm Meisters Lehrjahre.*

4. Sanftmut, Milde, Herzenswärme, Nachsicht, Gefälligkeit. [*Merkulo zu den Hoffräulein Mana u Sora:*] *meine Damen .. Eigentlich sollte ich .. Sie .. bitten, diesen Saal .. zu verlassen; allein wie vermag ich das gegen Ihre Güte und gegen Ihre Reize! Goethe, Der Triumph der Empfindsamkeit.*

5. Innige Zuneigung der Geliebten. [*Fernando zu Stella:*] *beugt sich doch immer mein Herz vor dir, unendliche Lieb' und Güte. Goethe, Stella.*

В то время как русское понятие «доброта» обнаруживает личностные и поведенческие черты высокого уровня абстрактности, в немецком языке данное понятие «растворяется» в общих представлениях о добре (*die Güte*).

В английском языке понятие является двуядерным и формируется словами 'goodness' и 'kindness' ('kindliness'), при этом в обеих единицах реализуется значение «доброта как отдельный поступок». Интерес для контрастивного анализа представляет также наличие наблюдателя, ориентация на правила поведения и связь с понятиями 'nice', 'comfort', 'happiness', важными для англоязычного общества. Особым является и английское значение 'Fondness, affection, or love for someone or something'. Обратим внимание также на местоимение 'something', перекликающееся в обобщенном описании с единицей 'animal'.

Таким образом, унифицированная лексикографическая дефиниция, составленная на материале толковых словарей, позволила нам составить общее представление о значении слова «доброта» в русской языковой системе и выделить некоторые типологические и контрастивные особенности понятия в английском и немецком языках.

Тем не менее, на примере лингвистического анализа *доброты* мы убедились, что в случае с этическими категориями конструировать понятия довольно сложно, особенно если речь идет о сопоставительном анализе. Более продуктивным представляется реконструировать концепты как привычные смыслы, на основе которых, не разрушая их, попытаться сконструировать новые понятия. Ведь «новое, особенно в этике, является реконструкцией старого» [3, с. 45].

Литература

1. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Т. 5. Волгоград: Парадигма, 2007. 349 с.

2. *Войченко Н. В.* Об этимологической связи «доброты» и «красоты» в русском, английском и немецком языках // Материалы двенадцатой межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы языкознания». СПб., 2023. С. 23–28.

3. *Демьянков В. З.* Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 35–47.

4. *Стернин И. А., Рудакова А. В.* Словарные дефиниции и семантический анализ. Воронеж, 2017. 34 с.

*Емец Е. А.,
кафедра восточных языков,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
ea.emetc@mpgu.edu*

СОВРЕМЕННОЕ КИТАЙСКОЕ ФЭНТЕЗИ: ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Аннотация: цель статьи – дать характеристику современных китайских произведений в жанре фэнтези и осветить особенности их перевода. Рассматриваются характерные особенности современного китайского фэнтези (сянься, сючжэнь и т.п.). Затрагивается глубокая связь данного жанра с традиционной китайской литературой и философскими воззрениями. В частности, внимание уделяется фольклорным существам и элементам традиционной медицины, присутствующим в современных новеллах. Произведён анализ трудностей перевода, возникающих при работе с текстами данного жанра.

Ключевые слова: фэнтези, новелла, перевод, жанровые особенности.

*Elena Emets,
Department of Asian languages,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
ea.emetc@mpgu.edu*

GENRE PECULIARITIES OF MODERN CHINESE FANTASY NOVELS AND ASSOCIATED TRANSLATION PROBLEMS

Abstract: the goal of this paper is to describe modern Chinese fantasy and the challenges that should be considered during translation. It examines genre features of modern Chinese fantasy (xianxia, xiuzhen, etc.). The author highlights its connection to traditional Chinese literature and philosophy. In particular, the focus is placed on folklore creatures and traditional medicine involved in modern novels. An analysis of translation problems that often occur during translation of fantasy novels from China is reflected in the paper.

Keywords: fantasy, novel, translation, genre features.

Фэнтези (англ. *fantasy*) – разновидность фантастики. Произведения данного жанра изображают вымышленные события, в которых главную роль играет иррациональное, мистическое начало, и миры, существование которых нельзя объяснить логически [2].

На данный момент сложилось множество вариаций фэнтези, каждая из которых отличается собственным хронотопом и выбором ключевых тем. Однако существует ряд общих признаков, которыми обладает большинство произведений в данном жанре. В частности, это широкое применение магических систем или волшебства, акцент на приключениях и использование мифологических образов и тропов в сюжете. При этом мифы являются не столько объектом культурного наследия, сколько реалиями для героев: они действительно сталкиваются с легендарными чудовищами и могут изменять окружающий мир с помощью сакральных слов и жестов. Автор произведения в жанре фэнтези подразумевает, что читатель поверит в предложенные обстоятельства и откажется на время чтения от рационального рассмотрения фигурирующих в сюжете проблем и их решений.

В англоязычной литературе фэнтези, как отдельный поджанр, оформилось в XX веке. В случае с китайской литературой точно установить временные рамки его возникновения не представляется возможным, так как отдельные его элементы и затрагиваемые в нём темы присущи традиционной китайской картине мира в целом. Первым произведением в жанре фэнтези, как правило, считают роман «Путешествие на Запад», датированный XVI веком. Расцвет современного китайского фэнтези, однако, начался в ранних 2000-х с публикацией первых интернет-новелл.

Китайское фэнтези подразделяется на два типа:

- 1) Цихуань (奇幻, западное фэнтези на китайском языке);
- 2) Сюаньхуань (玄幻, фэнтези с традиционными китайскими элементами) [3].

В данной статье будут рассматриваться особенности сюаньхуань, так как оно представляет больший интерес с точки зрения китаистики. В частности, внимания заслуживает молодая вариация сюаньхуань, «сючжэнь» (от кит. 修真, «культивация»), в последние годы завоевавшая популярность как в Китае, так и среди зарубежных читателей.

Данное название отражает одну из центральных тем китайского фэнтези: культивацию внутри тел героев золотого ядра (также известного как «золотая пилюля»), позволяющего им стать бессмертными. В работах данного жанра также часто фигурируют перерождение, традиционная медицина, магия и её применение для борьбы с силами зла. Современные произведения построены на отсылках к китайскому фольклору. Вводимые неологизмы и авторские вариации магических систем также во многом перекликаются с уже существующими наименованиями и понятиями о волшебстве. В силу этого, переводчику данных новелл необходимо быть хорошо знакомым с китайской культурой, в частности, с традиционными bestiариями и философскими воззрениями характерными для даосизма, конфуцианства и школы инь-ян.

Произведения в жанре сюжэнь крайне многообразны с точки зрения временных рамок сюжетов и фигурирующих в них героев. Их объединяет лишь то, что действие происходит в фантастической версии Китая. На заре развития жанра сюжэнь, авторы выбирали в качестве времени действия XX век. Затем, с отдалением от влияния западного фэнтези, временные рамки излагаемых сюжетов постепенно отодвигались в прошлое. Действие самых популярных сюжэнь-новелл, опубликованных в 2010-х, происходит в Древнем Китае (от VII века до н.э. ориентировочно до III века н.э.). Как правило, авторы не стремятся точно описывать исторические события или давать характеристику временного периода, в котором происходит действие их новеллы или романа. Они создают собственную версию мира, которая может во многом отличаться от истинного положения дел (например, женщины могут быть влиятельными в обществе, отношения между социальными классами частично сглажены или показаны в положительном свете).

Фэнтези крайне популярно среди читателей в Китае, но воспринимается, как развлекательная литература, в силу обилия тропов и относительной простоты публикации работ в данном жанре. Тем не менее, язык сюжэнь-новелл не всегда прост для понимания. Даже если главные герои не являются представителями высшего сословия, для того, чтобы освоить традиционную магию и техники самосовершенствования, нужно быть учёным человеком. В силу этого, герои нередко говорят на сложном, красочном языке, используя множество вэньянизмов и цитат из традиционных философских трактатов, а также других литературных источников.

Таким образом, помимо общего представления о традиционных китайских bestiариях и магических системах, переводчику, работающему с жанром сюжэнь необходимо быть подкованным в распознавании цитат и поиске их источников. Кроме того, важным навыком является умение читать и переводить вэньянь, в противном случае в переводе смысл отдельных высказываний может быть искажён, либо могут быть утеряны оттенки смысла или принципиально важные для описания персонажа или его действий оттенки смысла.

Однако подкованности в терминологии, устойчивых выражениях и афоризмах недостаточно для создания качественного перевода. Современная китайская проза отличается от классических романов более активной ролью героев в развитии сюжета. Тогда как в классических произведениях личность героев рассматривалась лишь как инструмент для создания определённой истории, теперь она является неотъемлемой частью повествования, влияющей на её ход.

По мере культивации истинный даос должен отбросить мирское и научиться быть спокойным и отрешённым. Тем не менее, авторы сюжэнь-новелл нередко позволяют своим героям быть смешными и нелепыми в начале их пути, чтобы они могли вырасти и стать более серьёзными в ходе своей культивации. Эти тонкости личности героев и арки их развития также раскрываются сквозь речь героев и выбор ими языковых средств. В силу этого, переводчику необходимо найти баланс между красочной, витиеватой прозой описаний и живой речью героев. Для выполнения данной задачи требуется не только обширный словарный запас, но и языковое чутьё и эстетический вкус, позволяющие улавливать стиль письма автора и создавать соответствующий текст перевода.

Таким образом, сюжэнь – это молодая вариация китайского фэнтези. Сюжэнь-новеллы отличаются от иных жанров современной китайской прозы насыщенностью мифологическими образами и отсылками к традиционным философским трактатам. Переводчику, работающему с произведениями данного жанра, необходимо не только обладать эстетическим вкусом, но и быть подкованным в китайской мифологии и философии, а также владеть соответствующей терминологией.

Литература

1. *Савицкая Т. Е.* Культура электронной эры. Екатеринбург: Издательские решения, 2018. 186 с.
2. Словарь литературоведческих терминов. URL: <https://rus-literary-criticism.slovaronline.com/> (дата обращения: 03.10.2023).
3. *Ji, Yunfei* 吉雲飛. 2018b. Xiuxian/xianxia/xiuzhen 修仙/仙俠/修真. In *Pobishu: Wangluowenhua guanjianci* 破壁書: 網絡文化關鍵詞 [Breaking the Walls: Cyberculture Keywords]. Edited by Shao Yanjun 邵燕君. Beijing: Sanlianshudian, pp. 253–55.
4. *Schipper K.* The Taoist Body. Berkeley: University of California Press., 1993. 312 с.

Жумабекова А. К.,
кафедра восточной филологии и перевода,
Казахский национальный педагогический
университет им.Абая,
Алматы, Казахстан;
e-mail: aigzhum@mail.ru
SPIN-код eLibrary: 9914-0974

О КРИТЕРИЯХ ОЦЕНКИ ПЕРЕВОДА В УЧЕБНОЙ СФЕРЕ

Аннотация: ситуация учебного перевода имеет свои специфические особенности по сравнению с научным или производственным переводом. В самом общем виде процедура оценки представляет собой проверку учебного перевода, основанную на сопоставлении с исходным текстом и использовании традиционных нормативных критериев, к которым относятся полнота передачи содержания и соблюдение норм переводящего языка. Но такие оценки зачастую субъективны, а применяемые критерии различны. Системный подход к оценке качества перевода в учебной сфере должен проводиться на основе обоснованных критериев.

Ключевые слова: оценка качества перевода, системный подход, учебная сфера, критерии оценки качества учебного перевода

Aigul Zhumabekova,
Department of Oriental Philology
and Translation,
Abay Kazakh National
Pedagogical University,
Almaty, Kazakhstan;
e-mail: aigzhum@mail.ru
SPIN-код eLibrary: 9914-0974

TRANSLATION ASSESSMENT CRITERIA IN THE EDUCATIONAL FIELD

Abstract: the problem of assessing the quality of translation is one of the most debated issues. The situation of educational translation has its own

specific features compared to scientific or *manufacturing* translation. In its most general form, the evaluation procedure is a check of educational translation based on comparison with the source text and the use of traditional normative criteria, which include the completeness of the content transfer and compliance with the norms of the target language. But such assessments are often subjective, and the criteria applied vary. A systematic approach to assessing the quality of translation in the educational field should be carried out on the basis of *valid criteria*.

Keywords: translation quality assessment, systematic approach, educational sphere, criteria for assessing the quality of educational translation

Одной из наиболее дискуссионных проблем в переводоведении является оценка качества перевода (ОКП).

Ситуация учебного перевода имеет свои специфические особенности по сравнению с научным или производственным переводом. Об этом писал, например, W. Hu [9]. В самом общем виде процедура оценки представляет собой проверку учебного перевода, основанную на сопоставлении с исходным текстом и использовании традиционных нормативных критериев, к которым относятся полнота передачи содержания и соблюдение норм переводящего языка. Но такие оценки зачастую субъективны, а применяемые критерии различны. Как указывает В.В. Сдобников [7], в рамках такого текстоцентрического подхода, кроме того, не учитывается реальная ситуация, в которой осуществляется перевод и используется переводной текст. С позиций же коммуникативно-функционального подхода результаты перевода оцениваются с точки зрения соответствия/несоответствия параметрам конкретной коммуникативной ситуации. В.В. Сдобников выделяет разные типы коммуникативной ситуации с использованием перевода (КСП) в зависимости от «первичных и вторичных параметров, цели перевода, ожиданий и предпочтений всех участников коммуникативного акта и/или инициатора перевода, а также с учетом использованной стратегии перевода» [7, с. 61]. При этом отмечается, что в разных КСП, например, устного (КСП-1) или письменного (КСП-2) перевода, подразделяемых, в свою очередь, в зависимости от инициаторов, типов текстов и субъектов оценки, используются разные критерии оценки.

В рамках данного направления Е.А. Княжевой [4] предложена коммуникативно-функциональная модель ОКП, реализуемая в разных сферах: научной, учебной, производственной. Подробно описаны

форманты КСП: субъект, цель, формат, метод, критерии и параметры оценки. Автор использует разработанную им модель в рамках учебного курса для студентов переводческих специальностей [6].

Субъектами ОКП в учебной сфере являются, с одной стороны преподаватели (*внешняя ОКП*), с другой стороны, обучающиеся (*внутренняя ОКП*). Объектами перевода как внутренней, так и внешней ОКП могут быть тексты различных типов и жанров в устной и письменной форме.

Целью внешней оценки качества учебного перевода является развитие профессиональных переводческих компетенций, предполагающей в итоге умение обосновать выбор определенной стратегии перевода. В.В. Сдобников акцентирует внимание на том, что «в аудитории должна имитироваться ситуация из реальной жизни, с четким определением участников коммуникации, их потребностей, назначения перевода и соответственно требований к переводу» [7, с. 88].

Соответственным будет и формат итоговой оценки: в учебной сфере – внешняя ОКП предоставляется преподавателем суждением в вербальной форме, а также в виде оценок в баллах, обучающимся – вербальным оценочным суждением, комментарием. На наш взгляд, важно развивать регулярность выставления внутренней оценки, т.е. самооценки студента.

Критериями внешней ОКП становятся нормативные требования: формализованные (если выработана четкая система оценок с разбалловкой за все виды переводческой деятельности); понимаемые интуитивно (если такой системы нет); интерпретационная позиция (если в качестве критерия оценки избирается определенная методологическая установка).

Во многих работах, посвященных данной проблеме, отмечается, что основным критерием ОКП является переводческая ошибка. Наиболее полно исследователями ОКП разработаны типологии переводческих ошибок разного типа: от традиционных (формально-количественных) до экспериментальных (измерительных), выполняемых соответственно, ручными или автоматическими способами. Последние могут уменьшить процент субъективности в ОКП.

Больших успехов добилась в обучении переводчиков добилась испанская школа переводоведения, разные методы которой описал Ch. Waddington [11].

В казахстанских вузах, по нашим наблюдениям [3], используются ручные методы оценки в рамках текстоцентрического подхода.

В ряде российских университетов внедряются авторские системы ОКП, разработанные по разным критериям: большей частью применяются ручные методы оценки (Д.М. Бузаджи и др. [2]) или автоматические (М.А. Куниловская [5]). Внимания заслуживают, на наш взгляд, те, которые комбинируют эти методы.

Например, Е.А. Княжева [4] излагает свою систему ОКП студентов, описывает процедуру оценки качества перевода с использованием методов экспертного оценивания, включающих метод простого ранжирования и метод анализа иерархий.

Такую же позицию видим в работе К.В. Акулиной, Е.В. Тихоновой [1], предложивших свой комбинированный подход к стандартам ОКП, где 70% оценки – баллы за перевод, полученные по количественной системе оценки по LISA [10], 30% – комплексная оценка с указанием на навыки, над которыми стоит поработать.

Авторы одной из последних работ в этой области [8] правомерно указывают, что оптимально сочетать ручные и автоматические методы ОКП.

Хотелось бы отметить, что методически и психологически важно вначале отмечать достоинства и удаchi выполненных учебных переводов, а затем уже переходить к разбору допущенных ошибок.

Таким образом, коммуникативно-функциональный подход позволяет наиболее полно реализовать принцип системности в оценке качества учебного перевода, поскольку позволяет сочетать внешнюю и внутреннюю оценку на основе обоснованных критериев.

Статья опубликована в рамках грантового финансирования по научным проектам Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан на 2023-25 гг. по теме «Оценка качества перевода: научная и учебная сферы» (AP19680449).

Литература

1. Акулина К. В., Тихонова Е. В. Применение системы оценки качества перевода в обучении студентов-лингвистов // Язык и культура. 2021. № 56. С.129–145.
2. Бузаджи Д. М., Гусев В. В., Ланчиков В. К., Псурцев Д. В. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок. М.: ВЦП, 2009. 120 с.

3. *Жумабекова А. К.* Современное переводоведение и подготовка переводчиков в Казахстане. Переводоведение в Казахстане и странах зарубежного Востока: коллективная монография. Алматы: Guppy Print, 2019. С.32-67.

4. *Княжева Е. А.* Оценка качества перевода: история, теория, практика: монография. М.: Флинта, 2018. 248 с.

5. *Куниловская М.А.* Классификация переводческих ошибок и их электронная разметка в *brat* // Проблемы теории, практики и методики перевода: Сб. научн. тр. Сер. «Язык. Культура. Коммуникация». Нижний Новгород, 2003. Вып.16. Т. 1. С. 59–71.

6. Подготовка переводчиков: дисциплины по выбору: монография / под общ. ред. Н. Н. Гавриленко. М.: ФЛИНТА, 2022. 168 с.

7. *Сдобников В.В.* Оценка качества перевода. Коммуникативно-функциональный подход: монография. 3-е изд., стер. М.: Флинта-Наука, 2016. 112 с.

8. *Han L, Jones G. J. F., Smeaton A.F.* Translation Quality Assessment: A Brief Survey on Manual and Automatic Methods // *Computation and Language*.05.05.2021. URL: <https://arxiv.org/pdf/2105.03311.pdf> (дата обращения: 19.06.2022).

9. *Hu W.* Revisiting Translation Quality Assurance: A Comparative Analysis of Evaluation Principles between Student Translators and the Professional Trans-editor *World Journal of Education*. 2018. Vol. 8, No. 6. URL: <https://doi.org/10.5430/wje.v8n6p176> (дата обращения: 15.07.2023).

10. TMS: LISA QA Metric. URL: http://producthelp.sdl.com/SDL_TMS_2011/en/Creating_and_Maintaining_Organizations/Managing_QA_Models/LISA_QA_Model.htm (дата обращения: 25.01.2021).

11. *Waddington Ch.* Different Methods of Evaluating Student Translations: The Question of Validity // *Meta*. 2001. Vol. 46, is. 2. P. 311–325.

*Золотухин Д. С.,
Лаборатория «История
лингвистических теорий»,
Университет Paris Cité;
denzolutukhin@gmail.com
SPIN-код eLibrary: 5185-5748*

ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ ОБЩЕЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ Ф. ДЕ СОССЮРА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Аннотация: работа посвящена изучению ключевых терминов теории швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра в переводческом аспекте. Рассматривается история подходов к переводу лексических единиц, составляющих ядро терминосистемы: *langue, langage, parole, idiome, discours*. Подчеркивается актуальность подбора адекватных эквивалентов в свете новых материалов – обнаруженной в 1996 г. и не имеющей перевода на русский язык рукописи. Предлагаются оптимальные варианты перевода терминов.

Ключевые слова: перевод терминов, лингвистический термин, Фердинанд де Соссюр

*Denis Zolotukhin,
Laboratory «History of
Scientific Theories»,
Paris Cité University;
denzolutukhin@gmail.com
SPIN-код eLibrary: 5185-5748*

TRANSLATION OF FERDINAND DE SAUSSURE'S TERMS IN GENERAL LINGUISTICS INTO RUSSIAN

Abstract: the purpose of the study is to analyze the key terms of the theory of the Swiss linguist F. de Saussure from a translator's point of view. The history of approaches to the translation of such lexical units as *langue, langage, parole, idiome, discours* that form the core of the terminological system is considered. We emphasize the relevance of the selection of adequate equivalents in the light of new materials – manuscripts discovered in 1996 and not translated yet into Russian. Different options for translating the terms are suggested.

Keywords: translation of terms, linguistic terms, Ferdinand de Saussure

Изучение научного наследия Ф. де Соссюра отечественными лингвистами имеет богатую историю: на протяжении XX века благодаря высокому профессионализму именитых учёных идеи швейцарского языковеда проникали во все области советской лингвистики. Однако на мировой арене в XXI веке соссюрские идеи успели увидеть своё возрождение, в частности, благодаря «новым» текстам лингвиста, которые были обнаружены и опубликованы в течение последних 20-ти лет. Пренебрежение данными текстами со стороны большей части российских лингвистов привело к ряду научных проблем, одной из которых остаётся адекватная передача терминов Ф. де Соссюра на русский язык в перспективе перевода неизданных в России текстов.

История интеграции идей Ф. де Соссюра в мировую лингвистику началась с публикации в 1916 г. Ш. Балли и А. Сеше «Курса общей лингвистики», созданного на основе тетрадей учеников женевакого преподавателя. Данная работа неоднократно переиздавалась, в том числе в связи с обнаружением новых текстов, во-первых, учеников, во-вторых, принадлежащих перу самого Ф. де Соссюра. Последние выходили в отдельных сборниках: в 1922 г. – «Сборник научных публикаций» (Ш. Балли, Л. Готье), в 1954 г. – «Неизданные заметки» (Р. Годель), в 1957 г. – «Рукописные источники Курса общей лингвистике» (Р. Годель) и в других изданиях, объединяющих соссюрские тексты по разным принципам.

Все эти тексты переводились на русский язык. Так, в 1933 г. А. М. Сухотин переводит «Курс...», который выходит под редакцией Р.И. Шор. В 1977 г. данный перевод перерабатывается А. А. Холодовичем и публикуется вместе с переводами других постепенно обнаруживаемых текстов в сборнике «Труды по языкознанию». В 1990 г. выходят «Заметки по общей лингвистике» с новым переводом аутентичных текстов, выполненного Б. П. Нарумовым под редакцией Н.А. Слюсарёвой. Нужно отметить, что появление и перевод новых материалов влияли на восприятие теории Ф. де Соссюра в отечественной лингвистике очень опосредованно: основной работой, на которую продолжали и продолжают ссылаться, цитируя Ф. де Соссюра – это «Курс...», написанный не им, хотя очевидно, что «со страниц рукописных источников на нас смотрит несколько иной Соссюр» [4, с. 15]. В 2002 г. С. Буке и Р. Энгер публикуют «Труды по общей лингвистике», куда вошли тексты Ф. де Соссюра, обнаруженные лишь в 1996 г., которые не были переведены на русский язык, но их теоретическое содержание делает необходимым пересмотр способов передачи всей терминологической системы на русский язык, в том числе, в тексте «Курса...». Отметим, что на данную проблему уже обращали

внимание переводчики ранее известных работ [4–6]. В результате, сегодня мы имеем иногда несколько вариантов перевода одного и того же соссюрского термина [9].

Одна из переводческих сложностей связана с тем, что мы говорим о разных категориях текстов, даже разных жанрах: черновики, статьи, подготовительные записи к лекциям и т.д. Основная масса таких текстов является терминосоздающими [3] – в них Ф. де Соссюр лишь предлагает разные термины для выражения только зарождающихся понятий, для каждого из которых используются синонимы: например, *языковые явления* – это *faits / phénomènes du langage, de la langue, linguistiques* и т.д.; *означающее* – это *forme, signe, symbole, signe vocal, image vocale, aposème, sôme, image acoustique*. Затруднение вызывает и наличие омонимов: например, *signe* как означаемое (форма) и *signe* как целостный знак. Учитывая индивидуальные жанровые особенности текстов, переводческим решением, на наш взгляд, должно быть сохранение синонимических и омонимических рядов при переводе.

Более сложным случаем является синонимия, напрямую затрудняющая восприятие и интерпретацию научных понятий. В частности, это касается терминов *langage* (известный как *языковая / речевая деятельность*) и *langue* (*язык*), которые иногда не имеют четкого разграничения в текстах, особенно в ранних. Остановимся на терминах, выражающих понятия языка и речи, подробнее.

Поскольку мы говорим об общелингвистической терминологии, нужно понимать, что концепция Ф. де Соссюра заключалась в постепенной систематизации и обобщении накопленного языкового материала на основе анализа различных индо-европейских языков. Когда Ф. де Соссюр пишет не о языке вообще, а о частных языках, предлагая конкретные примеры, он употребляет термин либо с неопределённым артиклем (*une langue*), либо во множественном числе (*langues*), либо берётся его синоним в единственном числе – *idiome* (Таблица 1). Для Ф. де Соссюра важно не смешать языки, на которых «говорят», с центральным объектом своих исследований – абстрактной языковой системой (*la langue* в единственном числе с определённым артиклем). Как видно из представленной таблицы, переводчики находят выход из этой ситуации, передавая *langues* так же во мн. числе (*многообразие языков, языки*). Сложнее с термином *idiome*, который требует уточнения с помощью прилагательного *конкретный*. Использование термина *наречие* требует предварительного уточнения статуса обозначаемого явления. Однако, на наш взгляд, употребление термина *язык* в единственном числе без уточняющего прилагательного не является удачным.

Таблица 1

Перевод терминов *idiome* и *langues* на русский язык

год	автор перевода	IDIOME	LANGUES
1977	А.А. Холодович	(конкретный) язык	многообразие языков
1990	Н.А. Слюсарева	наречие / язык	языки
наш вариант		конкретный язык	языки

Гораздо более сложная ситуация обстоит с ядром терминологии. Известная российскому лингвисту триада *речевая деятельность-язык-речь* вызывает много вопросов [9], что отлично прослеживается при обращении к разным вариантам переводов в Таблице 2. С *langue (язык) parole (речь)* дело обстоит полегче. Самый первый переводчик «Курса...» А.И. Ромм, который так и не опубликовал свой перевод [2], предлагал термины *язык* и *говорение* (вместо *речи*). В.Н. Волошинов, который не выполнял официальный перевод, в своих работах о Ф. де Соссюре предлагал термин *язык как система форм* для *langue* и *высказывание* для *parole* [9, с. 186–187]. Затем все переводчики единогласно принимают дихотомию *язык / речь*, но проблемным остаётся термин *langage*, выражающий сложное понятие, «раскладывающееся» на язык и речь. Поэтому В.Н. Волошилов и предлагал переводить *langage* как *язык-речь* [Там же]. Однако в отечественной лингвистике прочно закрепился вариант А. М. Сухотина – *речевая деятельность*. Такой термин ни раз подвергался критике, и ему даже приписывают идеологические причины [10]. Е. П. Иванова ссылается на приверженность советских лингвистов теории Л.В. Щербы, который выделял *речевую деятельность, язык как систему и языковой материал*, которые не могут быть эквиваленты терминам триады Ф. де Соссюра [9, с. 188-189].

Как справедливо отмечала Н.А. Слюсарёва, термин *речевой* не соответствует французскому термину *langage*, который является однокоренным термину *langue (язык)*. Поэтому исследователь предложила словосочетание *языковая деятельность* [4]. Однако сомнения вызывает и вторая часть словосочетания – *деятельность*. Такой выбор был сделан, помимо идеологических и концептуальных причин, из-за суффикса *-age* в термине *langage*, который во французском

языке содержит сему /действие/. Подобная этимология подвергнута критике Р. Кихенг: суффикс *-age* включает сему /действие/ только в случае образования существительного от глагола. Если существительное образовано от другого существительного, как в случае с *langage* (от *langue*), этот суффикс включает сему /совокупность свойств/ или /набор предметов/ [10]. Следовательно, *langage* – это не деятельность, а совокупность явлений, включающая языковые (*langue*) и речевые (*parole*) феномены. На это, кажется, обратил внимание ещё А.А. Холодович, предложивший эквивалент *совокупность языковых явлений*. Е.П. Иванова предлагает вариант *язык вообще* [8, с. 192], а В.И. Богодист – *язык как феномен* [1]. На наш взгляд, наилучшей синтагматической сочетаемостью обладает вариант *языковой феномен*. Отграничить общелингвистическое понятие от частных языковых феноменов допустимо с помощью термина *языковое явление*, который бы продолжил обозначать фрагменты языковой действительности.

Таблица 2

Перевод терминов *langage, langue, parole* на русский язык

год	автор перевода	LANGAGE	LANGUE	PAROLE
1922	А.И. Ромм	речь	язык	говорение
1929	В.Н. Волошинов	язык-речь	язык как система форм	высказывание
1933	А.М. Сухотин	речевая деятельность	язык	речь
1977	А.А. Холодович	речевая деятельность / совокупность языковых явлений	язык	речь
1990	Н.А. Слюсарева	языковая деятельность	язык	речь
2000	Е.П. Иванова	язык вообще	язык	речь
2011	В.И. Богодист	язык как феномен	язык	речь
	наш вариант	языковой феномен	язык	речь

Сложность также вызывают термины, которые «неожиданно» возникают в текстах Ф. де Соссюра: *discours, langage discursif, le discursif, langue discursive*. В первом переводе «Курса...» *discours* передаётся с помощью термина *речь*, который уже используется в том же тексте как эквивалент *parole*. В издании под редакцией Н.А. Слюсарёвой для *discours* предлагается термин *дискурс*, а для *le discursif* –

дискурсивный ряд [4, с. 267], что может ввести в заблуждение современного читателя, ввиду становления и развития многочисленных теорий дискурса.

В качестве вывода мы лишь ещё раз обратим внимание на причину, по которой существующие переводы работ Ф. де Соссюра требуют пересмотра, а планируемые переводы «новых» текстов – тщательно обдуманного подхода. Аутентичные труды швейцарского лингвиста однозначно доказывают, что его концепция глубже и сложнее, чем она изложена в «Курсе...», и чем её интерпретируют современные русскоязычные исследователи, давая неосторожные отсылки на разграничение «речевой деятельности» на язык и речь. Кроме того, эти тексты динамичны – термины, имеющие синонимы и омонимы как в синхронии, так и в диахронии, эволюционируют, требуя адекватного соотнесения с выражаемым понятием при подборе русского эквивалента, способствуя продолжению прекрасной истории изучения научного наследия Ф. де Соссюра в России.

Литература

1. *Богодист В. И.* Фердинанд де Соссюр: новые материалы // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков. Памяти профессора Р. Г. Пиотровского: материалы II Международной научной конференции. Минск, 2010. С. 34-46.

2. *Тоддес Е. А., Чудакова М. О.* Первый русский перевод «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра и деятельность Московского лингвистического кружка: материалы к изучению бытования научной книги в 1920-е годы // Федоровские чтения 1978. М.: Наука. 1981. С. 22–249.

3. *Лейчик В. М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Либроком, 2012. 256 с.

4. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. Пер. с фр. Б. П. Нарумова. М.: Издательская группа «Прогресс». 2001 (2000). 280 с.

5. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. Перевод с фр. А. А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. 696 с.

6. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Редакция Ш. Балли и А. Сеше; пер. с фр. Пер. с франц. С. В. Чистяковой. под общ. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.

7. *Chidichimo A., Sofia E.* A propos des traductions, la diffusion et la réception du Cours de linguistique générale en Russie (1916–1927) // La correspondance entre linguistes. Un espace de travail. 2017. P. 155–177.

8. *Engler R.* Lexique de la terminologie saussurienne. Paris: Utrecht Anvers, 1968. 60 p.

9. *Ivanova E.* Le problème de la traductibilité des termes linguistiques (l'interprétation de langue-langage-parole de Saussure en russe) // Cahiers Ferdinand de Saussure. 2000. № 53. P. 177–196.

10. *Kyheng R.* Le langage : faculté, ou généralisation des langues ? Enquête saussurienne. *Texto!* 2006, vol. XI, n°1. URL http://www.revue-texto.net/Saussure/Sur_Saussure/Kyheng_Langage.html (дата обращения 09.10.2023).

11. *Tchougounnikov S.* Idéologie et traduction scientifique // Traduction et implicites idéologiques, Ouvrage collectif sous la direction d'Astrid Guillaume *Revue Texto*, 2017. vol. XXII, № 3. P. 39–64.

Иванова С. В.,
кафедра иностранных языков в сфере
экономики и права,
факультет иностранных языков,
Санкт-Петербургский
государственный университет;
svet_victoria@mail.ru
SPIN-код eLibrary: 7447-1179

SPACE ART И COSMIC ART: «КОСМИЧЕСКИЕ» ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОВ

Аннотация: объектом исследования являются термины искусствоведения *cosmic art* и *space art*, служащие обозначению особого жанра искусства о вселенной и космосе. Цель работы состоит в выявлении факторов, осложняющих поиск адекватной единицы при переводе данных синонимических для англоязычной терминологии искусства терминов. Обсуждается соотношение понятий, которые выражают указанные термины, выявляется разница в их семантических объемах, раскрываются трудности перевода анализируемых английских терминов на русский язык, связанные с семантическим объемом входящих в их состав лексических единиц. В исследовании задействованы методы дефиниционного, компонентного, семасиологического и контекстуального анализа. Материалом исследования послужили терминологические словари, а также тексты искусствоведческого характера.

Ключевые слова: перевод, искусствоведение, терминология, искусствоведческие термины, синонимия терминов.

Svetlana Ivanova,
Department of Foreign Languages
in the Sphere of Economics and Law,
School of Foreign Languages,
St. Petersburg State University;
svet_victoria@mail.ru
SPIN-код eLibrary: 7447-1179

SPACE ART AND COSMIC ART: «COSMIC» PROBLEMS OF TERMINOLOGY TRANSLATION

Abstract: the object of the study is the art history (or art criticism) terms *space art* and *cosmic art*, designating a special genre of art about the universe and space. The purpose of the work is to identify the factors that complicate the search for an adequate unit while translating these synonymous English terms into Russian. The study opens with a discussion of the relationship of concepts that these terms express, some difference in the semantic volume of these terms is revealed, the difficulties of translating the analyzed English terms into Russian, associated with the semantic volume of the lexical units included in their composition, are disclosed. The study involves methods of definitional, componential, semasiological and contextual analysis. The research material comprises terminological dictionaries as well as art history texts.

Keywords: translation, art history, art criticism, terminology, adequate translation, synonymy in terminology.

В центре рассмотрения настоящей статьи искусствоведческие термины *space art* и *cosmic art* с точки зрения тех трудностей, которые они представляют для перевода на русский язык. Актуальность исследования обусловлена комплексом факторов, среди которых интерес современных исследователей к проблемам, связанным с описанием развития терминосистем; к спорным вопросам перевода, связанным с диффузией предметных областей, а также несовпадением семантических объектов однопорядковых терминов разных языков, влиянием синонимии на ограничение семантики синонимических терминов; к факторам давления языковой системы и контекста на формирование значения слова. Объектом настоящего исследования служат искусствоведческие термины *space art* и *cosmic art*. Предмет исследования предопределяется переводческим ракурсом рассмотрения и может быть описан как особенности передачи в языке перевода специфики термина исходного языка. Соответственно, цель статьи состоит в выделении факторов, которые оказывают влияние на перевод указанных выше синонимических терминологических единиц с английского языка на русский. В статье рассматривается специфика данных терминов на фоне особенностей терминосистемы

искусствоведения, обсуждается семантика обоих терминов и аргументируются подходы, которые могут быть реализованы при переводе. В исследовании задействованы методы дефиниционного, компонентного, семасиологического и контекстуального анализа.

Терминосистема искусствоведения представляет собой довольно сложную область с точки зрения составляющих ее единиц. Прежде всего, значительные трудности влечет за собой сам ядерный компонент рассматриваемой терминосистемы – *art*. Речь, прежде всего, идет о многочисленных вопросах, которые касаются как статуса данной единицы (термин *vs* слово общего языка) [1], так и его определения (искусство с трудом поддается определению, при этом целая отрасль человеческого знания строится вокруг и на основе этого, по меткому замечанию М. Кларка, ускользающего для определения понятия [5]). Следующий фактор, осложняющий работу с искусствоведческой терминосистемой, это действующие в ее рамках и характерные для нее широкозначность (эврисемия) и многозначность (полисемия) [2]. Кроме того, сложности описания терминологии искусствоведения способствуют действующие в ее рамках активные процессы, связанные с ее пополнением и развитием, когда терминологические единицы соседствуют с номенами, терминоидами и словами общего языка (нетерминами). Наконец, далеко не последнюю роль играет статус и предметная область дисциплины, в рамках которой функционируют данные термины: как соотносятся искусствоведение / искусствознание, с одной стороны, и критика искусства и история искусства, с другой. Так, если в русскоязычной терминологической традиции выделяется искусствоведение / искусствознание, то в англоязычной традиции специалист имеет дело с *history of art* (история искусства) либо с *art criticism* (критика искусства), при этом родовой термин для обозначения целой дисциплины, которая бы охватывала и то и другое, в английском языке отсутствует. Безусловно, это свидетельствует о междисциплинарном, интегральном и даже диффузном характере и самой дисциплины и ее терминосистемы.

Лексические единицы *space art* и *cosmic art* представляют собой довольно интересный кейс как с точки зрения их статуса в рамках искусствоведческой терминосистемы, так и с точки зрения перевода. В предшествующих исследованиях нами было установлено, что в терминологии искусствоведения *space art* и *cosmic art* соотносятся по семантическому объему и в зависимости от контекста могут

функционировать в качестве синонимов. При этом несколько сложно установить специфику их синонимических отношений в связи с различиями в денотатах. Важно отметить, что в процессе функционирования данные лексические единицы могут употребляться в отличном от словарного толкования контексте [3]. Представляется, что именно специфика контекстуального использования является ключом к поиску возможных адекватных вариантов перевода рассматриваемых единиц.

Так, согласно словарю, *space art* понимается как «the term for a genre of modern artistic expression that strives to show the wonders of the Universe. Like other genres, space art has many facets and encompasses realism, impressionism, hardware art, sculpture, abstract imagery, even zoological art <...>», то есть данный термин служит для обозначения жанра современного художественного выражения, нацеленного на отражение чудес Вселенной. Подобно другим жанрам, космическое искусство многогранно и включает в себя реализм, импрессионизм, аппаратное искусство, скульптуру, абстрактную образность и даже зоологическое искусство [4]. Соответственно, на русском языке речь в данном случае идет о космическом искусстве как направлении и жанре. Однако в других контекстах этот термин может подразумевать искусство, реализованное в космосе: так в статье «In Defense of Space Art: The Role of the Artist in Space Exploration» речь идет о создании произведений искусства в космосе, в связи с чем дискутируются проблемы окружающей среды: «*It is unlikely that artworks will ever pose the kind of **environmental** threat that already exists from scientific, commercial and military activities; the cultural value of **creating some space art** balances the associated costs and risks. Public **space art** should be subject to a process of public scrutiny similar to that of earth-based public art works*» [7, с. 146]. Данное контекстуальное употребление делает возможным перевод терминологической единицы *space art* как «искусство в космосе», поскольку «космическое искусство» в данном случае может вызвать неоднозначность – и жанр произведения и пространство его размещения.

Схожие трудности, связанные с неоднозначностью самого термина, как и с его еще неустоявшимся терминологическим статусом (см. об этом [3]), характеризуют и *cosmic art*. Определение указывает на то, что «*cosmic art is not merely a classification of the arts, but is the idea to create an artistic way of life. It is the idea that will lead you to a cosmic sphere to find both universality and particularity in anything*» [6]. Соответственно, в

данном случае речь идет о вселенском искусстве, которое касается идеи художественного осмысления бытия, направленной на передачу универсальности и уникальности сущего. Таким образом, в качестве переводческих вариантов *cosmic art* может иметь как космическое, так и вселенское искусство.

Таким образом, перевод указанных единиц, несомненно, представляет определенную трудность, ибо находится в прямой связи с контекстом употребления, что свидетельствует о находящемся в становлении их семантическом объеме и связанным с этим неустоявшимся терминологическом статусе данных единиц. Немаловажным фактором является и диффузный характер как явлений, так и языковых единиц, используемых для их обозначения.

Литература

1. Гапиенко П. Е. Статус терминологической единицы «Art» в современной англоязычной терминосистеме // Российский гуманитарный журнал. 2020. № 4. С. 264–270.

2. Иванова С. В., Гапиенко П. Е. Терминосистема искусствоведения: широкозначность и многозначность в действии // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 4. С. 38–46.

3. Иванова С. В., Довгопят П. Е. Синонимия терминов искусствоведения: синонимы, варианты или конкуренты за место в системе // Дискурс профессиональной коммуникации. 2023. 5 (1). С. 95–114.

4. *Alchetron, free social encyclopedia for the world*. URL: alchetron.com (дата обращения: 10.05.2021).

5. *Clarke M. The Concise Oxford Dictionary of Art Terms (2ed.)*. 2010. URL: <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199569922.001.0001/acref-9780199569922> (дата обращения: 11.05.2021).

6. *Cosmic art* // *Cosmic Art Research Committee*. URL: <http://cosmicart.org/cosmic-art/> (27.08.2022).

7. *Malina R. F. In Defense of Space Art: The Role of the Artist in Space Exploration* // *International Astronomical Union Colloquium No 12*. 1991. P. 145–152.

*Aizhan Kurkimbayeva,
Department of Speech Practice of
Foreign Languages,
Faculty of Translation and Filology,
Kazakh Ablai Khan University of
International Relations and World Languages;
aizhankurkim555@gmail.com*

THE CONCEPT OF «QUALITY» IN TRANSLATION STUDIES

Abstract: Western and Russian scientists have already conducted extensive research in this area. The relevance of our research work lies in the fact that so far the evaluation of translation quality of this work has not been the subject of research in Kazakh linguistics. In the desire to ignore the decision-making process lies the lack of objectivity in the evaluation of translation. The question of what criteria we use to evaluate the quality of translation in translation studies makes everyone think.

Keywords: translation studies, concept "quality", educational sphere, translation evaluation, educational text.

*Куркимбаева А. М.,
кафедра практики речи
иностранных языков,
факультет перевода и филологии,
Казахский университет
международных отношений и
мировых языков им. Абылай хана;
aizhankurkim555@gmail.com*

КОНЦЕПТ «КАЧЕСТВО» В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

Аннотация: в данной научной статье рассматривается концепт «качество» в переводоведении. Многие западные и российские ученые уже провели масштабные исследования в этой области. Актуальность нашей исследовательской работы заключается в том, что до настоящего времени оценка качества перевода данной работы не являлась предметом исследований в казахстанском языкознании. В стремлении игнорировать

процесс принятия решений кроется в недостаточности объективности в оценке перевода. Вопрос о том, по каким критериям мы оцениваем качество перевода в переводоведении, заставляет задуматься каждого.

Ключевые слова: переводоведение, концепт «качество», учебная сфера, оценка перевода, учебный текст.

First, it is better to find out about the emergence of a concept “quality” in translation studies. Quality matters to everyone. Canadian researcher Louise Brunette investigated terminologies that are related to translation quality assessment such as assessment procedures, including pragmatic revision, translation quality assessment, quality control, didactic revision, and ‘fresh look’. Since the early period reviewers thought about the definition of translation quality according to notes, found in the House of Wisdom in Baghdad [1].

In Antiquity, Cicero already had spoken of translation at the level of meaning rather than the meanings of individual words. This idea is developed in the works of early critics of translation, such as Jerome of Stridon, Etienne Dole, Leonardo Bruni, and is the basis of the denotative and interpretative models of translation developed by the linguistic translation studies of the twentieth century.

Notion of quality is assumed that a translation can be correct or incorrect. However, when you think about it, is there absolute perfection probably not? As a gradation of values, some are acceptable, some are not acceptable, and some could be made acceptable. How do we handle that range, how do we conceptualize it without reference to the idea of perfect translation? Definitely, quality is a central issue in the translation process.

For example, nowadays one can easily distinguish higher-quality product from the lower-quality one. Translation quality is also comparable to it. Academicians in this field and professional translators working in the industry do not always agree on the criteria used to define quality. Academicians who are involved in Translation Studies try to focus more on theoretical aspects and the process of translation. The major concern for professional translators are practical and result oriented issues such as cost-effectiveness or client relationship. However, both of them concern about quality.

As soon as Translation Studies was founded as a discipline of its own, translation quality has been an object of debate.

German linguist Juliane House in her scientific works has written about the standard approach agreed upon and no single objective way to measure

quality. Juliane House underlined the importance of preserving illocutionary force of the original in the translation. Reflecting the ideational and interpersonal components are also vital in translation. According to Juliane House, equivalence with the preservation of meaning through two different languages and cultures is crucial in translation [2].

The translation quality assessment model developed by Juliane House is well known in Translation Studies. House's translation assessment model is based on studying the source and target texts from pragmatic theories of language use, specifically speech act theory, and functional and contextual views of language, and textual considerations using a large number of criteria.

Who will assess the translation? English professor of translation Peter Newmark in his book "Textbook of Translation" has written everything that are related to translation studies as quality in translation and translation criticism etc.

According to Peter Newmark translation assessors could be the following group of authorities:

1. The reviser employed by the film or the translation company;
2. The head of the section or of the company;
3. The client;
4. Professional critic of a translation or the teacher;
5. The readers of the published work [3].

The issues as how we are assessing the translation quality and if we have the unique criteria bothers a lot of us who is teaching translation. For example, intuitive assessment is usually subjective, impression-based and does not follow explicit criteria. This is frequently seen in the criticism of published translations. Partial assessment takes into account some of the final translation's good sides. Finally, reasoned assessment is objective. Here to evaluate the errors certain type of criteria are used.

Translation quality assessment, proposed in the concept of Komissarov V. N. N. Komissarov's concept consists in determining the conformity of the translation text to the so-called translation norm. In this case, it is a set of requirements for the quality of translation and the need to comply with the norm of translation equivalence, the genre-stylistic norm of translation, the norm of translated speech, the pragmatic norm of translation, and the conventional norm of translation [4].

Professor of Voronezh State University Knyazheva E.A. studied translation assessment problems in historical, theoretical, and practical aspects. The scientist underlined the importance of creating the error typologies [5].

In addition, what about professional translators? How do they ensure consistent quality in translation? According to them consistent quality is what separates an amateur from a professional. Their clients expect the same level of service as before, no matter the weather, your mood, workload or despair. Quality is number one priority as it is a vital part of branding and conversion. It takes commitment, willpower and, sometimes, courage.

Translation quality assessments of literary books have been carried out in many countries. However not so many academic and scientific books' translations have not undergone assessment of translation quality.

Kazakh writers as A. Baitursynov, M. Dulatov had spoken about translation and translation process.

Literary translation in Kazakh literature has more than a century of history. Well-known writers, poets translated from Russian into Kazakh language.

In the XIX century, literary translation activities led by Ibray Altynsarin, Abay and Shakarim continued at the beginning of the XX century with translations of advanced works of world literature of such talented generations as Alikhan Bukeikhan, Akhmet Baitursynov, Zhusupbek Aimauytov, Magzhan Zhumabayev.

Kazakhstani researcher Nurken Aubakir studied Translation Quality Assessment of popular science material on the basis of the «National Geographic» magazine articles by Juliane House's model. He conducted the source text analysis according to the field, tenor, mode, genre, statement of function and comparison of original and translation. Having analyzed TT and ST according to House's model the researcher made the quality statement. It is quite a remarkable work.

To assess the translation quality is definitely a problematical concept. Making any "final judgement" on the quality of a translation that meets the demands of scientific objectivity is very hard indeed. However, we must not think that translation criticism is worthless. Assessment of the quality of translation of published textbooks in the scientific and educational field has not lost its relevance today. Western scientists have achieved very good results in these areas. We will continue to evaluate the quality of translation within this framework.

Reference

1. *Brunette L.* Normes et censure: ne pas confondre. TTR: traduction, terminologie, rédaction. 2002. Vol. 15. No. 2. P. 223–233.

2. *House J.* Translation Quality Assessment: Past and Present. London and New York: Routledge, 2015.
3. *Newmark P.* A textbook of translation. Pearson Education Limited, 1988.
4. *Komissarov V.N.* Sovremennoye perevodovedeniye: ucheb. Posobiye. M.: ETS, 2001. 424 s.
5. *Knyazheva E. A.* Otsenka kachestva perevoda: problemy teorii i praktiki // Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2010. №2. P. 190–195.
6. *Aubakir N. A.* Translation Quality Assessment of popular science material (on the material of the «National Geographic» article): Juliane House's model // Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya Filologiya. 2019. № 4 (96). P. 30–35.

*Zhannura Manapbayeva,
PhD, Assistant-Professor of
Languages Department,
«International Information Technology
University» JSC
zh.manapbayeva@iitu.edu.kz*

SURVEYING AS A TRANSLATION QUALITY ASSESSMENT TOOL

Abstract: the article presents information about the compilation and pilot administering of a translation quality assessment (TQA) survey. The author gives a thorough theoretical background on TQA criteria used in translation studies, and the use of empirical research methods. It has been found out that a well-structured survey, designed with clear objectives, empowers assessments of accuracy, fluency, cultural relevance, and overall impact. Through anonymous participant feedback and the inclusion of relevant demographic data, surveys offer a holistic view of translation quality. They enable both quantitative and qualitative analysis, ensuring that translations meet intended purposes and resonate with the target audience.

Keywords: translation, survey, quality, assessment

*Манапбаева Ж. Ж.,
PhD, ассистент-профессор кафедры языков
АО «Международный университет
информационных технологий»
zh.manapbayeva@iitu.edu.kz*

ОПРОС КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА

Аннотация: в статье представлена информация о составлении и пилотном проведении опроса по оценке качества перевода (ОКП). Автор предоставляет тщательное теоретическое обоснование критериев ОКП, используемых в исследованиях перевода, и применение методов эмпирического исследования. Было установлено, правильно структурированные опросы с четкими целями способствуют оценке точности, легкости чтения, культурной ответственности и общего восприятия перевода. Анонимная обратная связь и учет соответствующих демографических данных позволяют получить всестороннее представление о качестве перевода. Эти опросы

предоставляют как количественный, так и качественный анализ, обеспечивая соответствие переводов задачам и ожиданиям целевой аудитории.

Ключевые слова: перевод, опрос, качество, оценка

Introduction. TQA is an act of great importance for the theory and practice of translation studies. It allows to distinguish high-quality translation from low-quality one, to identify "good" and "experienced" translators, to train young translators, to form a general theory of translation, etc.

Translation quality assessment is a multifaceted field influenced by various translation theories and approaches. These different approaches emphasize specific criteria for evaluating the quality of translation. Here's a brief overview of some of these theoretical foundations and their associated criteria:

Equivalence Theory (Eugene Nida et al.): Nida's equivalence theory suggests that a successful translation should aim to achieve equivalence between the source text and the target text in terms of both meaning and function. This theory emphasizes the following criteria for translation quality assessment:

- Semantic Equivalence: Ensuring that the meaning of the source text is accurately conveyed in the target text.

- Functional Equivalence: Adapting the translation to fulfill the same communicative purpose or function as the source text [1].

Skopos Theory (Katharina Reiss and Hans J. Vermeer): Skopos theory centers on the idea that translation should serve the purpose or function of the target text and its intended audience, rather than trying to replicate the source text exactly. Key criteria in skopos theory include:

- Functionality: Assessing how well the translation fulfills its intended function and purpose.

- Cultural Adaptation: Considering cultural appropriateness and adaptation to the target culture [2].

Functionalism: Functionalism in translation studies emphasizes the importance of rendering the function of the source text in the translation. Criteria for assessing translation quality from a functionalist perspective include:

- Textual Function: Evaluating how well the translation serves the same textual function as the source text (e.g., informative, persuasive, expressive).

- Pragmatic Equivalence: Ensuring that the translation respects the pragmatic norms and conventions of the target language and culture [3].

Some translation quality assessment models are based on the analysis of specific text types, such as legal, medical, or technical texts. Criteria here

would include adherence to genre conventions, specialized terminology, and the preservation of legal or technical accuracy.

The choice of which criteria to emphasize in a translation quality assessment may vary depending on the translation project's goals, context, and target audience. In practice, many translation quality assessments incorporate a combination of these criteria and may use various theoretical foundations to ensure that the translation meets the desired standards and objectives.

Just like the categories that cannot be formalized in humanities, TQA cannot get rid of its subjective nature. Everyday opinions about the quality of translation are based on the "criteria" of each "evaluator", such as "likes/dislikes", and evaluation works in scientific discourse are based on the biased opinion of the certain scholar. Despite focusing on specific criteria, TQA is usually a representation of a single opinion of an assessor, thus, leading to more subjectivity. What might be considered a high-quality translation by one person could be viewed differently by another based on their language background, dialect, or regional differences [4, 195]. Similarly, what might be appropriate and effective in one cultural context could be viewed as less suitable in another. The goals of a translation project can vary widely, leading to different assessments of quality. Some projects prioritize accuracy and fidelity to the source text, while others prioritize readability and cultural adaptation. It corresponds to what H. Honig called an evaluation scenario to narrow the TQA [5, c. 28].

Some strategies can be applied to mitigate subjectivity in translation quality assessment. For example, employing multiple evaluators or reviewers with diverse backgrounds and perspectives can help provide a more balanced assessment. Aggregating their opinions can provide a more comprehensive view of quality. It means that translation quality assessment should apply not only one-person analysis, but the use of various social research tools like polls, survey from a bigger number of respondents.

Surveys can be used as self-assessment surveys: translators review a translation they have completed and complete a survey that asks them to rate their own performance based on certain criteria. The same way the translators can assess the work of their peers. This involves having one translator review and evaluate the translation of another, providing feedback through a survey or questionnaire. This approach involves evaluating multiple translations of the same source text and comparing them [6, c. 344]. Translators or assessors can use surveys to rank or rate each translation based on predefined criteria. This can help identify the most accurate and appropriate translation. Surveys can be used to analyze the types and frequencies of errors in a translation. Translators or assessors can categorize errors and provide feedback on the translator's accuracy, consistency, and attention to detail.

Methodology. In the framework of the program "100 new textbooks in the Kazakh language" in the Republic of Kazakhstan, the best foreign textbooks were translated into the Kazakh language and presented to university students. These textbooks were included in the educational programs and passed approval.

The task of the research is to identify whether it is possible to assess the quality of translation with the help of survey, what things must be taken into account, and what results can be obtained.

The survey was taken from 48 students studying "Translation studies" in the period from 18.09.2023 to 18.10.2023. The questions were prepared by doctors of science, candidates of science, PhD doctors who train young translators in the field of "Translation studies" since August 1, 2023. The survey was conducted in electronic form using Google Forms technology in an anonymous format.

The textbooks "Language Instinct" by S. Pinker, "Literary theory: Introduction" by M. Ryan, D. Rivkin, "Language and intercultural communication" by S.G. Ter-Minassova, "Introduction to Language" by V. Fromkin, R. Rodman, N. Hyams, "History of Language: Introduction" by T. Jansson and their translation into Kazakh were considered. Buzaji's classification of translation errors was applied as theoretical framework for compiling the survey questions:

1. Content errors related to the denotative meaning of the text;
2. Errors related to the translation of stylistic features of the original;
3. Errors related to author evaluation. This group is associated with neutralizing the expressiveness of the original;
4. Misrepresentation of norms and usage of translation language [7, 109].

The official printed translation and the "corrected" versions of the questionnaire compilers were provided as translation versions. The answer options were created in the form of multiple-choice questions and open questions in order to get additional opinions of the respondents, as well as to collect qualitative data.

Results and discussion

The survey consists of three sectors. The first sector was intended to get general information about the respondents like their age, native language, level of English, etc. Thus, the students who participated in the survey were the 4th year students with an Intermediate level of English (Fig. 1).

Сіздің ағылшын тілі деңгейіңіз қандай?

48 responses

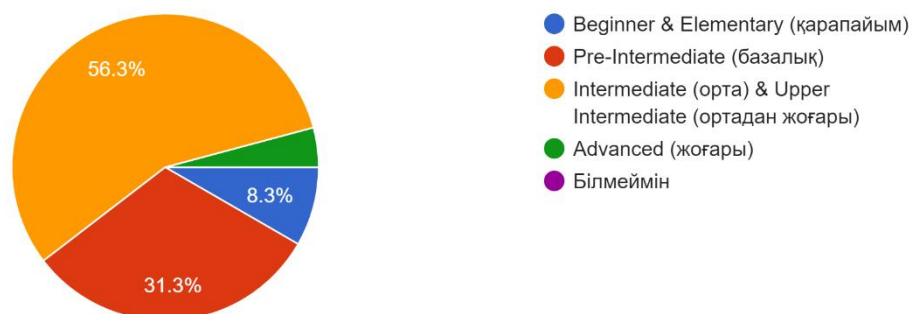

Figure 1. The respondents' level of English

The first sector is very important, as it helps to draw the picture of an average evaluator and correlate the given answers with his or her background and experience.

The second sector is dedicated to getting general feedback (Fig. 2) about the translation of the textbooks, and comprised questions about whether the students use the mentioned textbooks, have seen any errors, etc.

Аталмыш оқулықтар қазақ тілінің конвенциялары мен нормаларына сәйкес келе ме, әлде қандай да бір орфографиялық, т.б. қателер бар ма?

48 responses

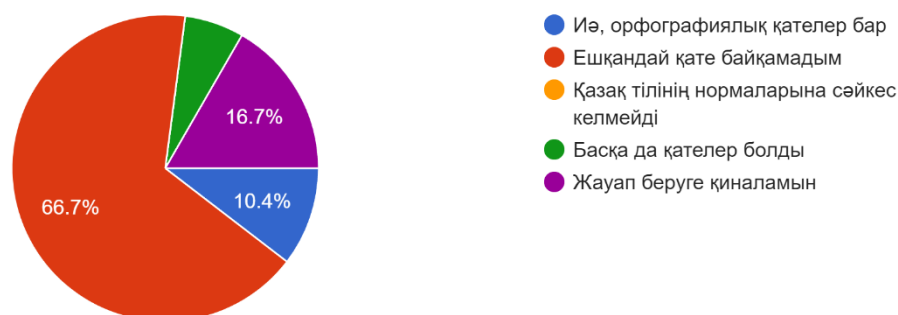

Figure 2. The general feedback on translation

The results of the second sector haven't been very informative because of being too general, and lacking attribution to a specific textbook. Moreover, students or readers usually don't remember the errors they have seen in the books unless they are very eye-catching. Therefore, it is recommended that this kind of questions should be put at the end of the survey, or taken away at all.

The third sector is the most specific. The compilers offered two translations, one is from printed textbook, and the other is corrected version of the first. Four questions corresponding to Buzaji's 4 groups of errors were presented.

This sector was the most informative. Multiple-choice questions gave plenty of quantitative data. For example, in Fig. 3, we can see that 100% of the respondents chose the second variant. Such data is easy to count, and make some conclusions.

Мына үзіндінің қай аудармасымен келісесіз? In Shakespeare's King Lear, the logic governing the plot structure is schematic and rhetorical. The p...ecause he tries to save it in the wrong way [1, 94].
48 responses

Figure 3. The general feedback on translation

In the third sector it is recommended to add answers such as both translations are correct or incorrect to get deeper understanding of people's opinion. In addition, there should be a line for the respondents to write their own translation versions or explanations.

Totally open-ended questions seem to give very deep knowledge about the associations and thoughts of the evaluator, though they are quite difficult to categorize and conclude (Fig. 4). There is also a chance that the respondents will not give any answers at all, so the questions must be as concise as possible to get the written answer.

The best option would be giving multiple-choice and open-ended answers in all questions, so it would be possible to get both quantitative and qualitative data.

The results obtained show that surveys cannot help in assessing the quality of the whole textbook, but just identifying which criteria are 'paid attention to' by the potential target readers. As the result of the survey we held, it was found out that the respondents mostly don't consider the errors presented by the survey compilers as errors. And translation studies now shall consider bridging this gap between the official critics and general readership.

48 responses

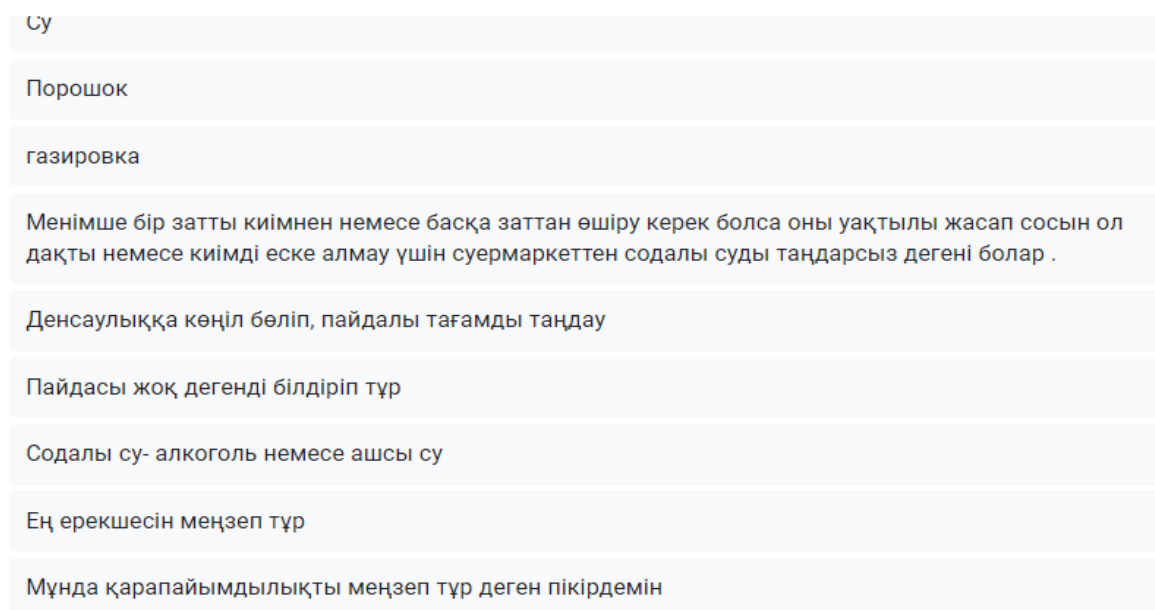

Figure 4. The general feedback on translation

Conclusion

Surveying can be used as an effective assessment tool for evaluating translation quality if compiled correctly. Here are some recommendations on how to conduct surveys in translation studies.

The questions in a survey should be carefully designed to be clear, unbiased, and free from leading language. Both closed-ended questions and open-ended questions should be used. It's important to conduct polls with integrity, ensuring privacy and consent. Ethical considerations are crucial in both the design and execution of polls. Polls may be subject to sampling biases, non-response bias, and other methodological limitations. Careful planning and analysis are required to mitigate these issues.

Surveys can be a valuable tool for assessing translation quality when compiled and administered correctly. Surveys allow you to gather feedback from a diverse group of readers or end-users and can provide valuable insights into how well a translation meets their needs and expectations. Here are some considerations for using surveys as an assessment tool for evaluating translation quality:

Define Clear Objectives: Before creating a survey, define clear objectives for the assessment. Having well-defined goals will help you create relevant survey questions.

Create Relevant Questions: Design survey questions that are clear, concise, and relevant to your assessment goals. Questions should address the specific criteria you want to evaluate. For example, you can ask participants

about the clarity of the translation, its cultural appropriateness, or its overall impact.

Use a Mix of Question Types: Surveys can include various question types, such as multiple-choice, open-ended, or yes/no questions. A mix of question types can provide both quantitative and qualitative data, giving you a more comprehensive view of translation quality.

Pilot Testing: Before distributing the survey widely, conduct pilot testing with a small group of participants. This helps identify any issues with the survey's wording or structure and allows you to make necessary adjustments.

Ensure Anonymity: If possible, make the survey anonymous to encourage honest and unbiased feedback. Anonymity can be particularly important when assessing translations where participants may be hesitant to criticize the work of a specific translator.

Collect Demographic Information: Gathering demographic data about participants, such as their language proficiency, cultural background, or familiarity with the subject matter, can help you analyze the results more effectively.

References

1. *Nida Eugene A.* Toward a science of translating. Leiden: E. J. Brill, 1969.
2. *Reiß K.* Möglichkeiten und Grenzen der Übersetzungskritik. München: Max Hueber, 1971.
3. *Vermeer H. J.* Ein Rahmen für eine allgemeine Translationstheorie. *Lebende Sprachen* 23, 1978. pp. 99–102.
4. *Knyazheva E. A.* Evaluation of translation quality: problems in theory and practice // *Bulleting of VSU. Series: Linguistics and intercultural communication.* 2010. No. 2. P. 190–195.
5. *Honig H. G.* *Positions, Power and Practice: Functionalist Approaches and Translation Quality Assessment, Current Issues in Language and Society,* 4:1, 1997. Pp. 6–34.
6. *Kuznik A., Albir A., Espinal A.* The use of social surveys in Translation Studies. Methodological characteristics. *MonTI. Monografías de Traducción e Interpretación.* 2010. P. 315–344.
7. *Buzadji D.M., Gusev V.V., Lanchikov V.K., Psurtsev D.V.* A new look at the classification of translation errors. M.: All-Russian Center for Translation, 2009. 120 p.

*Низовцева К. В.,
внештатный переводчик,
Московский центр переводов;
ksenia.nizovtzeva@yandex.ru*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЕМ *КРАСНЫЙ* В РУССКОМ, НЕМЕЦКОМ И ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация: в статье рассматриваются особенности использования цветообозначения *красный* в фразеологизмах в русском, немецком и латышском языках. Показано, что в составе фразеологизма цветообозначение *красный* соотносится главным образом с самим цветом, однако, в ряде случаев оно реализует свое первоначальное значение *красивый, прекрасный*. Кроме того, оно может переосмыслиться метафорически как *важный, праздничный, святой, запрещающий*, а в ряде случаев может вносить информацию о *левой идеологии*.

Ключевые слова: языковая картина мира; цветообозначение; фразеологизм; прототипическое значение, метафора.

*Ksenia Nizovtseva,
freelance translator,
Moscow Translation Center;
ksenia.nizovtzeva@yandex.ru*

COMPARATIVE ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH COLOR DESIGNATION *RED* IN RUSSIAN, GERMAN AND LATVIAN LANGUAGES

Abstract: the article deals with the features of the use of the color designation "red" in phraseological units in the Russian, German and Latvian languages. It is shown that as part of a phraseological units the color designation "red" correlates mainly with the color itself, however, in some cases it realizes its original meaning "beautiful", "gorgeous". In addition, it can be reinterpreted metaphorically as "important", "festive", "holy", "forbidding", and in some cases it can introduce information about left ideology.

Keywords: linguistic picture of the world; color designation; phraseological unit; prototypical meaning; metaphor.

Одной из частей языковой картины мира (ЯКМ) является цвет. В связи с появлением когнитивной лингвистики, одной из задач которой выдвигается описание ЯКМ отдельного социума либо её фрагментов, изучение цветового восприятия обрело второе дыхание.

Антрополог Б. Берлин и лингвист П. Кей открыли, что есть всего 11 базисных наименований цвета: белый, черный, красный, желтый, зеленый, синий, коричневый, фиолетовый, розовый, оранжевый и серый. В одних языках используются все 11 наименований, в других их количество меньше [11]. Позже П. Кей и Ч. МакДаниэл пришли к выводу, что базовые наименования цвета являются результатом как когнитивных, так и нейрофизиологических операций, а независимо от живых существ цветообозначение (ЦО) не существует [12], то есть цвета возникают в ходе контакта с миром и являются категориями ума. Учитывая, что каждый народ в силу особенностей (географических, исторических, социальных и т.д.) по-своему контактирует с окружающей действительностью, в различных культурах границы базовых цветов не совпадают, а их смысловое восприятие отличается. Это позволяет трактовать ЦО как колористический культурный код.

Мы предприняли попытку выявить значение ЦО *красный* / *rot* / *sarkans* в составе ФЕ русского, немецкого и латышского языков. В этих целях были выбраны единицы из фразеологических словарей (в ФСРЛЯ [9] с ЦО *красный* – 27 ед., в НРФС [1] с ЦО *rot* – 16 ед., в LФV [15] и LVV [16] с ЦО *sarkans*– 11 ед.). Под *значением* мы понимаем информацию, привносимую словом в контекст [7]. Исходя из определения ФЕ как семантически связанного сочетания слов [10], её значение необходимо рассматривать в совокупности частей. Ю. С. Маслов отмечает, что значение идиом во всех случаях потенциально выводимо из структуры и состава идиомы – образ, лежащий в основе, более или менее ясный. Однако в ряде случаев для восстановления утраченной мотивировки ФЕ нужен специальный этимологический анализ [5]. Этот образ переосмысливается посредством метафоры и метонимии. Следовательно, можно предположить, что значение ЦО даже в составе ФЕ сохраняет свое основное, исходное значение, которые мы вслед за О. Н. Селивёрстовой считаем прототипическим [6]. Мы предполагаем, что основное значение слов *красный*, *rot* и *sarkans* соотносится с самим *цветом*. Это в частности подтверждают данные этимологических словарей ЭСРЯ [8], DWDS [12], LEV [14] (см. ниже). Хотя для русской единицы необходимо учитывать наличие значения *красивый*, о чём ЦО вносит информацию в целом ряде ФЕ.

Исследование проводится на основе прототипического подхода с установкой на базисный уровень категоризации, на котором целостно-

образное восприятие становится основой для систематизации значения [4], что особо актуально для ФЕ. Использовались синхронический, когнитивно-дискурсивный методы, применялся концептуально-идеографический анализ [4].

ФЕ русского языка с ЦО *красный*.

Употребление ЦО *красный* в ФЕ русского языка чаще всего привносит информацию о наличии признака, *соотносимого с самим цветом*, то есть употребляется в начальном значении, но в ряде случаев привносит и информацию о наличии признака *красивый*. Согласно данным этимологических [8], а также толкового словаря БТСР [2], соотношение значения непосредственно с цветом *красный* вторично по отношению к значению *красивый, прекрасный*.

Примерами ФЕ с ЦО *красный* с нейтральной коннотацией, в которых ЦО вносит информацию непосредственно о цвете, являются: *проходить красной нитью* ('*быть основным, главным в чём-либо, быть важной темой чего-либо*') – данная ФЕ является заимствованием из немецкого языка, где впервые была употреблена И.Ф. Гёте в романе «Избирательное сродство» как метафора при сравнении основной темы, определяющей жизнь героини Оттилии, с *красной* нитью, которую вплетали во все снасти королевского флота (соответствия в нем. яз.: *sich wie ein roter Faden ziehen durch etwas*; в лат. яз. *kā sarkans pavediens*);

Примерами ФЕ с негативной коннотацией являются: *Красная книга* ('*список животных и растений, находящихся под угрозой исчезновения*') – как представляется, в данной ФЕ имеет место метафорическое сравнение *красный* → *опасность, запрет* (ср. также с *красным* цветом светофора) или *красный* → *важный*, возможно, при совмещении обеих метафор (соответствие в лат. яз.: *Sarkanā grāmata*; в нем. яз. отсутствует);

красная строка ('*строка текста, начинающаяся отступом и обычно являющаяся первой строкой абзаца*') – в древних рукописях первая буква нового абзаца была особенной – красивой, крупной, с завитками и узорами, отмечалась красной краской; если летописец не умел рисовать, то за него букву дорисовывал художник; то есть посредством ЦО одновременно констатируется цвет буквы и начальное значение данной единицы *красивый* (соответствия в нем. и лат. яз. отсутствуют);

Отдельно необходимо привести ФЕ, в которых ЦО *красный* является метафорическим символом *левой (коммунистической) идеологии: красный террор* ('*комплекс карательных мер, проводившихся большевиками во время Гражданской войны*') (соответствия в нем. яз.: *der rote Terror*; в лат. яз.: *sarkanais terors*);

ФЕ немецкого языка с ЦО *rot*.

Прототипическое значение слова *rot* так же соотносимо с самим цветом *красный*, о чём свидетельствуют данные в DWDS [12], где отмечается его происхождение от германского **reuda-* со значением *rot, blutig* (*красный, кровавый*) и подчёркивается, что речь идёт о самом старом и самом распространённом ЦО в индогерманских языках. В свою очередь, толковый словарь DWDS [12] определяет *rot* буквально как *‘цвет, соседствующий с оранжевым, находящийся на краю солнечного спектра’*.

Примерами ФЕ с нейтральной коннотацией являются: *im Kalender rot anstreichen* (*‘отметить что-то как важное событие в календаре’*) – в данной ФЕ ЦО реализует метафорический перенос *красный* → *важный*, возможно, также при совмещении с метафорическим переносом *красный* → *праздничный, торжественный* (соответствия в рус. и лат. яз. отсутствуют);

Среди ФЕ с негативной коннотацией фиксируются: *heute rot, morgen tot* (*‘непредсказуемость и изменчивость жизни, возможность резкого изменения ситуации, даже смерти; сегодня в порфире, завтра в могиле’*) – в данной ФЕ ЦО *rot* является контекстуальным антонимом к слову *tot* (*‘мертвый’*) и посредством метонимического переноса передает образ живого человека с *красными, румяными* щеками (соответствия в рус. и лат. яз. отсутствуют);

В немецком языке также есть примеры ФЕ, в которой ЦО *rot* является метафорическим символом *левой (коммунистической) идеологии*: *rot sein* (*‘относиться к партии СДПГ’*) – социал-демократическая партия СДПГ обладает своим цветом – *красным* (соответствия в рус. и лат. яз. отсутствуют);

ФЕ латышского языка с ЦО *sarkans*

Основываясь на данных этимологии [14, с. 789], где отмечается происхождение слова *sarkans* от индоевропейского **ser-* со значением *‘красный, алый’*, а также на трактовках в LVV [16], в которых отмечается значение *‘имеющий, например, цвет крови’*, прототип *sarkans* можно соотнести с самим *цветом*.

Примерами ФЕ с нейтральной коннотацией являются: *sarkanais (tiesas) galds* устар. (*‘стол, вокруг которого сидят судьи в суде’*) – раньше в Латвии судьи носили мантии *красного* цвета, то есть посредством ЦО констатируется окрашенность объекта при метонимическом переносе с цвета одежды (соответствия в рус. и нем. яз. отсутствуют);

Среди примеров фразеологизмов с негативной коннотацией выделяются следующие: *nav ne sarkana graša vērts* ('не иметь цены в силу низкого качества, ничего не стоит') – данная ФЕ возникла, предположительно, в XVI веке, когда в Риге, находившейся в зависимости от Речи Посполитой, начали чеканить деньги, в частности самую мелкую монету гроши, производимые из меди *красного* цвета; то есть в данной ФЕ ЦО констатирует цвет монеты (ср. со значением ЦО в ФЕ *keinen roten Heller haben* частичные соответствия без включения ЦО в рус. яз.: *гроша ломанного не стоит*; в нем. яз. *keinen Groschen / Heller / Pfennig / Pfifferling wert sein*);

Таким образом, информация, привносимая ЦО *красный* в состав ФЕ, в трёх рассматриваемых языках, главным образом, соотносится с самим цветом, однако в ряде случаев при употреблении ЦО *красный* в составе ФЕ русского языка ЦО реализует свое первоначальное значение *красивый, прекрасный*. Цветовое значение ЦО *красный* может метафорически переосмыслиться: в трёх языках как *важный*, в русском как *праздничный, святой, запрещающий*, в трёх языках как *левый*.

Литература

1. *Бинович Л. Э., Гришин Н. Н.* Немецко-русский фразеологический словарь (НРФС). М.: Русский язык, 1975. 615 с.
2. Большой толковый словарь русского языка (БТСРЯ). URL: <http://www.academic.ru> (дата обращения: 06.07.2023).
3. *Комарова З. И.* Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012. 818 с.
4. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категория языка говорят нам о мышлении. Книга 1: Разум вне машины / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М.: Гнозис, 2011. 512с.
5. *Маслов Ю. С.* Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1987. 272 с.
6. *Селивёрстова О. Н.* Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 12–26.
7. *Сулейманова О. А.* Принципы и методы семантических исследований: учебно-методическое пособие. М.: МГПУ, 2010. 120 с.
8. Этимологический словарь русского языка (ЭСРЯ) / М. Фасмер; Пер. с нем. О. Н. Трубачёва. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986. 608 с.
9. *Федоров А. И.* Фразеологический словарь русского литературного языка (ФСРЛЯ). М.: Астрель: АСТ, 2008. 828 с.

10. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. 685 с.
11. *Berlin B., Kay P.* Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley and Los Angeles: University of California Press. 1969. 178 p.
12. Das Digitale-Wörterbuchportal des Instituts für Deutsche Sprache (DWDS). URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 05.07.2023).
13. *Kay P., McDaniel Ch.* The Linguistic Significance of the Meanings of Basic Color Terms. *Language* 54, no. 3, 1978. 210 p.
14. Latviešu etimoloģijas vārdnīca (LEV) / K. Karulis. Rīga: Avots, 2001. 1304 p.
15. Latviešu frazeoloģijas vārdnīca (LFV) / Atb. Red. A. Laua. Rīga: Avots, 2000. 121 p.
16. Latviešu valodas vārdnīca (LVV) 30 000 pamatvārdu un tos kaidrojumu / Redaktores D. Guļevska, I. Rozenštrauha, D. Šnē. Rīga: «Izdevniecība Avots», 2006. 1210 p.

*Петеленкова М. Г.,
кафедра немецкого языка,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
mg.petelenkova@mpgu.su*

СРАВНЕНИЯ С ЭТАЛОНОМ «БОГ» В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация: в статье представлены результаты корпусного анализа немецких и русских сравнений с эталоном «Gott» / «бог». Считается, что именно эталон является национально-специфическим компонентом сравнения. Однако лингвокультурные различия могут быть обнаружены и при сопоставлении сравнений с один и тем же эталоном в разных языках. На базе корпусов текстов DWDS и НКРЯ проведен анализ сравнений с эталоном «Gott» / «бог» и выявлены типичные модели таких сравнений, отмечены сравнения, зафиксированные в словарях немецкого языка, и отсутствие устойчивых сравнений с эталоном «бог» в русском языке. Помимо указанных различий в ходе анализа были выявлены и некоторые сходства между языковыми картинами мира рассматриваемых языков.

Ключевые слова: сравнения, язык, культура, корпуса текстов, культурные различия.

*Maria Petelenkova,
Department of the German Language,
Institute of Foreign languages,
Moscow Pedagogical
State University;
mg.petelenkova@mpgu.su*

GERMAN AND RUSSIAN SIMILES WITH «GOD» IN COMPARATUM

Abstract: the results of a corpus-based study of German and Russian similes with “god” in comparatum will be presented. Many researchers believe

that the comparatum (vehicle) is the national-specific component of a simile. However, linguistic and cultural differences can be detected when comparing similes with the same comparatum in different languages. Based on the text corpora DWDS and NKRYA, an analysis of similes with the comparatum “Gott” / “бог” was carried out and typical models of such similes were identified, similes recorded in German dictionaries, and the absence of fixed similes with the comparatum "god" in Russian. In addition to these differences, the analysis revealed some similarities between the linguistic worldviews of the both languages.

Keywords: similes, language, culture, text corpora, cultural differences.

Многие исследователи языка признают, что сравнение является не просто основанным на уподоблении тропом [5], а одним из видов интеллектуальной деятельности [3, 4]. Сопоставляя новое с уже известным, сравнение способствует познанию окружающего мира, а также познанию человеком самого себя. Отражая национально-специфическое видение мира, устойчивые сравнения являются частью языковой картины мира. В. В. Малькова справедливо указывает на то, что «наиболее изучены лексико-синтаксическая структура, отличительные особенности устойчивых сравнений ... и критерии создания словаря устойчивых сравнений отдельных языков» [1, с. 39]. Д. О. Добровольский подчеркивает важность сопоставления похожих или даже идентичных по структуре фразем разных языков, т.к. подобное контрастивное исследование на материале корпусов текстов позволяет выявить тончайшие различия между языковыми картинами мира, уточнить семантику и прагматику исследуемых единиц и указать на отсутствие полной эквивалентности там, где вне контекста она казалась бесспорной [10].

Сравнения, как правило, имеют трехкомпонентную структуру: 1) объект сравнения, или *comparandum*, т.е. то, что сравнивается; 2) основание сравнения, или *tertium comparationis*, т.е. общий признак сопоставляемых объектов; 3) эталон сравнения, или *comparatum*, т.е. то, с чем сравнивается объект [2, 6, 8]. Обычно именно эталон является либо «наиболее творческим, индивидуальным элементом сравнительной конструкции» [6, с. 9], либо национально-специфическим компонентом сравнения.

Рассмотрим далее характерные для немецкого и русского языков сравнения с эталоном «Gott»/«бог». Первое, что бросается в глаза при

сопоставительном анализе — это наличие в немецком языке фразеологизма *wie Gott in Frankreich leben* «жить в достатке, изобилии, жить беззаботно». Справочники отмечают существование разных версий происхождения данного фразеологизма: согласно одной из них он появился в результате контаминации выражений „*leben wie ein Gott*“ и „*leben wie ein Herr* (в значении «священнослужитель») *in Frankreich*“ [11]. Анализ корпуса текстов на портале DWDS [9], а также анализ немецкоязычной прессы показывают, что данный фразеологизм существует в современном языке в виде многочисленных вариаций. Так, вместо Франции в текстах появляются названия других стран и регионов: *wie Gott in Deutschland, im Elsass, in Apulien*. Глагол *leben* также может претерпевать изменения (*Damit lebt es sich wie Gott in Frankreich, leben und arbeiten wie Gott in Frankreich, ein gutes Leben führt Ihr wie „Gott in Frankreich“*) или заменяться другими глаголами. Так, в текстах регулярно встречается глагол *essen* «есть» и реже его синонимы *speisen, schlemmen, genießen*. В 80-е годы в Германии выходило телешоу под названием «*Essen wie Gott in Deutschland*». Взаимосвязь названия популярного шоу с явлениями языка требует отдельного изучения. Стоит также отметить, что вместо *leben* возможно употребление и других глаголов: (*Ski, Taxi*) *fahren, laufen, schweben, streiken, spielen, feiern, sich fühlen* и т.д.

Помимо описанного выше фразеологизма в немецком языке употребляются и другие сравнения с эталоном «Gott», в большинстве своем незафиксированные словарями, но многократно встречающиеся в корпусе текстов на портале DWDS [9]. Такие сравнения образуются по модели Verb + *wie* + Gott. Другие модели устойчивых сравнений с эталоном *Gott* в корпусе текстов обнаружены не были. Наиболее часто эталон *Gott* сочетается с глаголом *verehren* «почитать, уважать»: *Werden die Pop-Idole nicht tatsächlich wie Götter verehrt? Die alten Fans mögen Michael Jackson noch wie einen Gott verehren*. Также в корпусе текстов зафиксировано много примеров сравнений с эталоном *Gott* и глаголами *spielen* «играть», *fahren* «ездить, водить, кататься», *singen* «петь», *aussehen* «выглядеть», *tanzen* «танцевать», *feiern* «праздновать, чествовать». Очевидно, что большая часть таких сравнений подчеркивает высокий уровень мастерства описываемого человека: *Ein Musikgenie, das singt und E-Gitarre spielt wie ein junger Gott. Es war einmal ein Brasilien, wo die kleinen Jungs Fußball spielten wie Götter. Er ist Auto gefahren wie ein Gott. Hübsch sind sie beide nicht, aber singen können sie wie junge Götter*.

Die schiefe Nase ihres Mannes, in den sie sich im Tanzlokal verliebte 1967, weil er tanzte wie ein Gott.

Эталоном сравнения в немецкой лингвокультуре обычно выступает некий языческий бог, об этом свидетельствует употребление неопределенного артикля *ein*, множественного числа *Götter*, а также ряда прилагательных (реже других языковых средств): *Da fühlt sich der Gast tatsächlich wie ein Gott auf dem Olymp. Der Tscheche Jagr zeigte, dass man auch mit fast 40 noch spielen kann wie ein junger Gott. Trotzdem sahen sie aus wie vom Himmel gefallene Götter. Sie sahen aus wie nordische Götter... Er sieht aus wie ein griechischer Gott. Niki Lauda, Ex-Weltmeister und Aufsichtsrats-Chef des Teams, lobte: „Er fährt wie ein kleiner Gott.“ Paul Bocuse konnte Feste feiern wie ein antiker Gott.* Выражение *wie ein junger Gott* зафиксировано словарями как устойчивое сравнение, имеющее значение «блестяще, великолепно, впечатляюще». В редких случаях эталоном в немецкой лингвокультуре становится Бог христиан, в таких сравнениях существительное *Gott* употребляется без артикля или с определенным артиклем, иногда с прилагательным *lieb*, что характерно именно для христианского дискурса: *Und, ganz ernsthaft, sieht Beckenbauer aus wie der liebe Gott? Er sah wie Gott aus, sagte seine Freundin und Kollegin Harper Lee, nur sauber rasiert. Der Nullinger verkauft sich so gut wie der Gott...*

В текстах НКРЯ [7] слово *бог* чаще встречается в метафорах, нежели в сравнениях: *Вагнер — бог, но я ему не молюсь.* Ю. Кантор. *Для Шаргородского Фет был Богом, и прежде всего русским Богом.* В. Гроссман. *Бывало, заглядишься, когда он вылезает из башни танка, — бог войны!* А. Н. Толстой. *Антокольский, вслед за М. Цветаевой восклицал: «Бог поэзии — ритм!»* Е. Добровенская. *Зато тебя не узнать, прям дочь бога Ра.* Г. Ариткулова. *Например, я влюблена в юного французского бога с северо-востока столицы.* Е. Мищерская. Однако, обнаруженные в ходе анализа модели сравнений несколько разнообразнее, чем в немецком языке: сущ. + связка + бог (*Герой, например, признаётся, что долго гордился всеобъемлющим отцовским гением, пока Истина, как Бог, не повелела ему: оставь отца и мать и иди за мной.* И. Новикова); глагол + связка + бог (*Ещё недавно она верила в Павла Алексеевича как в Господа Бога...* Л. Улицкая. *Хочешь порекомендую тебя в личную охрану к товарищу Сталину? Стреляешь ведь как бог!* А. Купер); прил. + связка + бог (*Находили, что я красив, как бог.* А. Н. Толстой).

В русской лингвокультуре, также как и в немецкой эталоном может выступать языческий бог или Бог христиан. В первом случае существительное *бог* пишется со строчной буквы и иногда сопровождается прилагательными: *И в первый раз увидела такого беленького мальчика с голубыми глазами, чистенького, аккуратного, красивого, как молодой бог*. А. Рыбаков. Во втором случае существительное *Бог* пишется с прописной буквы: *Величайший дар — творчество, именно в момент творчества, в момент созидания человек становится подобным Богу*. Г.М. Гупало, А. А. Данилова.

Итак, лингвокультурные различия могут проявляться не только в выборе эталона, но и в его сочетании с объектом или основанием сравнения. В ходе анализа удалось выявить тонкие различия в языковых картинах мира немецкого и русского языков. Когда речь заходит о сопоставлении с богом, русский язык предпочитает метафору сравнению. В немецком языке устойчивые сравнения *wie Gott in Frankreich leben* и *wie ein junger Gott* зафиксированы словарями. В немецкой языковой картине мира эталон *бог* часто сочетается с определенными глаголами, перечисленными выше. В русской языковой картине мира сложно выявить подобные закономерности из-за относительно небольшого количества примеров: так, в корпусе текстов по два раза встретились сравнения *верить, как в бога; смотреть, как на бога; красивый, как бог*. Однако такого количества примеров недостаточно, чтобы делать однозначные выводы о типичности таких сравнений для русского языка.

Литература

1. Малькова В. В. Реализация тематического поля «внешность человека» в устойчивых сравнениях русского и немецкого языков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. М., 2013. С. 39–43.

2. Малькова В. В. Устойчивые сравнения как средство выявления ассоциативного потенциала русских и немецких слов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2014.

3. Маслова В. А. Культурно национальная специфика русской фразеологии // Культурные слои во фразеологизмах и культурных практиках. М., 2004. С. 69–76.

4. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов вузов. М., 2001. 202 с.

5. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. 1976. URL: <https://rus-lingvistic-term.slovaronline.com> (дата обращения: 11.07.2023)
6. Трегубчак А. В. Семантика сравнения и способы её выражения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
7. Национальный корпус русского языка. 2003–2023. URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 11.07.2023).
8. *Dalmas M.* Ein Mann ohne Bauch ist wie ... Zum spielerischen Umgang mit Vergleichen. // Research Bulletin. Philological Sciences. 187. KOD, Kropyvnytskiy. 2020. S. 15–20.
9. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 11.07.2023).
10. *Dobrovolskij D.*: Phraseme aus kognitiver und kontrastiver Sicht. // Engelberg, S./ Kämper, H./ Storjohann, P. (Hrsg.): Wortschatz: Theorie, Empirie, Dokumentation. Berlin & Boston. 2018. S. 151–170.
11. Duden online. URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения: 11.07.2023).

Филиппова Д. О.,
кафедра теории и практики
перевода и коммуникации,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
dasik-fil@mail.ru

МАНИФЕСТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В БРИТАНСКИХ И АВСТРАЛИЙСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СКАЗКАХ

Аннотация: множество вариантов и функций английского языка являются следствием его мирового распространения и господства в разных странах. Проблема признания вариантов так называемого «Расширяющегося круга» является одним из самых острых вопросов вариантологии сегодня. Английский язык стал мультикультурным и это определяет равенство всех его вариантов, так как он является проводником и посредником между культурами. Различие культур, обуславливающее различие менталитетов, является первопричиной выделения варианта из ряда других и впоследствии – легитимизации варианта в результате осознания его носителями своей лингвокультурной идентичности, а также признания своеобразия своего варианта в силу культурных и лингвоконтактных черт. Через свой вариант пользователь английского языка воспринимает себя как члена определенной культурной общности.

Ключевые слова: варианты, языковые нормы, эндонормы, экзонормы, имена собственные, культура, Расширяющийся круг, Внешний круг.

Darya Filippova,
Department of Theory and Practice
of Translation and Communication,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
dasik-fil@mail.ru

NATIONAL CULTURE MANIFESTATION IN BRITISH AND AUSTRALIAN LITERARY FAIRY TALES

Abstract: one of the most important consequences of the worldwide spread of the English language is the multiplicity of its variants and functions in different countries. One of the most acute problems of our time has become the problem of recognizing the variants of the so-called Expanding Circle. Serving cultures, English has become multicultural, which determines the equality of its all variants. It is the difference of cultures, which determines the difference of mentalities, that is the root cause of the separation of the variant as a result from a number of other variants and subsequently the legitimization of the variant as the result of its carriers' awareness of their linguistic and cultural identity and recognition of the uniqueness of their variant due to cultural and linguistic contact features. Through its own version, the user of the English language perceives himself as a member of a certain cultural community.

Keywords: variants, language norms, endonorms, exonorms, proper names, culture, Expanding circle, Outer circle.

Брадж Бихари Качру представил разнообразие английского языка в виде трех концентрических кругов и классифицировал все разновидности на три группы, каждая из которых относится к определенному кругу: Внутренний, Внешний и Расширяющийся [3].

Термин «эндонормы» относится к языку, внутренние стандарты которого разработаны именно в этой языковой разновидности, например, британские нормы развились в британском английском. Термин «экзонормы» подразумевает внешние нормы, разработанные в какой-либо другой разновидности языка, используемой в качестве модели в преподавательской практике. Экзонорма – это норма, перенесенная в новый социолингвистический контекст и используемая образованными пользователями английского языка из расширяющегося круга [1].

Дискурс англоязычной детской прозы двадцатого века настолько обширен, что проанализировать или просто описать его в рамках одной научной работы не представляется возможным. Однако существуют знаковые произведения, которые представляют собой продолжение и развитие основных традиций национальной литературы. В этом

дискурсе первенство вновь принадлежит британским авторам – Роалду Далю, Диане Уинн Джонс, Джоан Роулинг и Филипу Пулману. Они развили жанр, созданный их великими предшественниками – сказочное фэнтези, раздвинув его границы. Следовательно, мир художественного произведения неизбежно отражает национальные культурные концепты и реалии социальной жизни. Для Англии двадцатый век – время разнообразных литературных течений, время трансформации волшебной сказки под влиянием других жанров. Глубоко к истокам национальной и мировой культуры обратились два британских профессора, создавшие совершенно новый культурный дискурс, принятый во всём мире. Были опубликованы «Хроники Нарнии» Клайва Стейпла Льюиса и «Властелин Колец» Джона Рональда Руэла Толкиена. Несмотря на явную отнесенность этих произведений к сказочному жанру, сами авторы адресовали его не только детям: «Когда-нибудь вы станете достаточно взрослыми, чтобы снова прочитать сказки». В случае с Клайвом Льюисом произошло именно сознательное восприятие библейских мотивов и намеренный синтез их с мотивами мифологическими. Рассматривая историю создания произведения, очевидно, что и Толкиен, и Льюис основывались на мифологическом языке как на способе передачи истинного библейского знания. Они выбрали не только два различных жанра канонического сюжета путешествия, но два различных способа повествовать о божественном. Льюис и его соратник Джон Толкиен воспринимали мифы как отражение событий, о которых рассказано в Библии и создали собственный мир, мифологичность которого также является воплощением библейских сюжетов и образов.

На этом фоне австралийская детская литература не получила того широкого признания. Австралийские авторы не испытывали нужды в создании выдуманного волшебного мира – действительность отдалённого континента с его невиданными животными и необычной природой сама по себе являлась фантастикой. В детской литературе продолжились основные идеи национальной культуры, сформированные в начале века – сила духа, противостоящая непреодолимым превратностям судьбы. Наиболее показательны в этом смысле творчество самых знаменитых австралийцев – Джеймса Олдриджа и Алана Маршалла. Олдриджа в литературоведении часто называют английским писателем, поскольку его произведения на собственно австралийском материале стали широко известны гораздо

позже. Алан Маршалл отразил путь становления национального характера на примере автобиографической трилогии – «Я умею прыгать через лужи», «Эта трава, что повсюду растёт», «В сердце моём». Но в книгах Маршалла полноценным персонажем выступает природа Австралии – горы, озёра, города, которые слиты с людьми. Австралийская литература представляет собой многогранное явление.

В мире литературной сказки воплощается модель реальности, которая объединяет в себе объективные и субъективные знания, то есть «ценности и их иерархии, когнитивные структуры, обобщающие опыт индивида и социума. Таким образом, этот мир представляет собой сумму смыслов, усвоенных из различных источников в процессе кросс-ментального взаимодействия». Основными средствами создания образов в этих сказках являются метафоры и символы. Образы создаются на основе сходства самого образа с тем, через что он представлен. Это может быть понятие, человек, цвет или музыка. Но самое главное – это то, что образы, созданные с помощью метафор и символов, вызывают мгновенные эмоциональные реакции и легко выражают широкий спектр эмоций. Ассоциации с уже знакомыми явлениями природы помогают ребёнку описать и осознать новые ощущения в чувственном восприятии мира, который порой может быть пугающим и даже зловещим: (10) She could feel the sticky, silky petals, the stem, hairy like a gooseberry skin... (11) When she did it in a long plait she felt it on her backbone like a long snake [4, с. 64].

Это можно продемонстрировать на примере сказок, написанных на австралийском варианте английского языка. Манифестация культурного кода на примерах имен собственных, образов представителей флоры и фауны богатой австралийской природы в австралийской сказке можно проследить на примерах, взятых из «*Parker Langloh K. Australian Legendary Tales*»:

Oobi Oobi – Baiame’s sacred mountain dwelling-place, in the other world; **Wirinuns** – clever-man, medicine man, sorcerer, a fully initiated man, a learned person; **Walla-guroon-bu-an** – Baiame’s messenger, a male spirit kind to children; **Birra-nulu** – Woman’s name meaning “face like a tomahawk handle; **Kunnan-beili** – girl’s name meaning pigweed root; **Bun-yun** – frog; **Woggi** – plains; **Flood-frogs** [5].

Таким образом, манифестация культурного кода в английских национальных сказках ярко проявляется в книге Джоан Роулинг «Фантастические звери и места их обитания». В переводе М. Д. Лахути

можно выделить огромное множество безэквивалентной лексики: имена собственные (*Herpo the Foul: foul ...* [2]. Межъязыковой и межкультурный контакт можно наблюдать на примерах употребления лексических единиц английского языка и в текстах австралийских сказок. Уникальные природные явления, события, сюжеты быта народа, имеющие особое наименование в британском и австралийском варианте английского языка способны нести уникальный языковой код через литературное произведение посредством авторского выражения.

Литература

1. Прошина З. Г. Основные положения и спорные проблемы теории вариантности английского языка: учеб. пособие. Хабаровск, 2007. 172 с.

2. Роулинг Дж.К. Фантастические звери и места их обитания. [https://www.knigger.org/rowling/Fantastic_Beasts_and_Where_to_Find_Them/Rowling J.K. Fantastic Beasts and Where to Find Them](https://www.knigger.org/rowling/Fantastic_Beasts_and_Where_to_Find_Them/Rowling_J.K._Fantastic_Beasts_and_Where_to_Find_Them). URL: <https://bookfrom.net/j-k-rowling/31083-fantastic-beasts-and-where-to-findthem.html> (дата обращения: 10.12.2019).

3. Kachru Braj B. Standards, codification and sociolinguistic realism. The English language in the outer circle // English in the World: Teaching and Learning the Language and Literatures / Edited by Randolph Quirk and H.G. Widdowson. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P.11-30.

4. Mansfield, K. The Doves' Nest and Other Stories. London: Penguin Books, 1991. 64 p. URL: <http://nzetc.victoria.ac.nz/tm/scholarly/tei-ManDove-t1-body1-d2.html> (дата обращения: 10.12.2019).

5. Parker Langloh K. Australian Legendary Tales. London, 1953.

Шитикова А. В.,
кафедра немецкого языка,
Московский государственный
институт международных отношений
МИД России;
a.shitikova@inno.mgimo.ru
SPIN-код eLibrary: 2684-1744

ГРАММАТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ НЕМЕЦКИХ ПОСЛОВИЦ

Аннотация: в статье анализируются грамматические, морфологические и грамматико-морфологические модификации немецких пословиц; рассматриваются способы образования их вариантных форм. В современной системе коммуникации часто употребляются преобразованные варианты пословичных изречений. Модификации касаются структурного, семантического, грамматического, морфологического аспектов преобразований. В статье представлены примеры измененных пословиц в аспекте грамматико-морфологических модификаций.

Ключевые слова: пословицы, модифицирование, грамматические преобразования, морфологические модификации, немецкий язык, лингвокультурологическая коммуникация.

Anzhelika Shitikova,
Department of the German Language,
Moscow State Institute of
International Relations;
a.shitikova@inno.mgimo.ru
SPIN-код eLibrary: 2684-1744

GRAMMATICAL AND MORPHOLOGICAL MODIFICATIONS OF GERMAN PROVERBS

Abstract: the article analyzes grammatical, morphological and grammatical-morphological modifications of German proverbs; the ways of formation of their variant forms are considered. In the modern communication system transformed variants of proverbial sayings are often used.

Modifications concern structural, semantic, grammatical, morphological aspects of transformations. The article presents examples of modified proverbs in the aspect of grammatical and morphological modifications.

Keywords: proverbs, modification, grammatical transformations, morphological modifications, German language, linguocultural communication.

Пословицы являются культурным кодом любой нации. В них содержатся специфические представления народа, отражающие его картину мира [3]. По ним можно изучать историю, культуру, развитие, менталитет народа. Самыми известными немецкими паремиологами являются Mieder W., Fleischer W.

Пословица является устойчивым, то есть обладающим постоянством лексического состава и местоположением элементов, ритмически и грамматически организованным изречением, выступающим в речи как самостоятельное суждение [1]. Главными характеристиками пословиц являются воспроизведение в речи, как правило, в готовом виде, образность и экспрессивность. Как правило, пословица употребляется в конкретной ситуации. Ее значение не складывается из значения компонентов, а само событие связано с определённой уже существующей закономерностью, выражающейся обычно данной сентенцией. Однако, её смысл может иметь как буквальное, то есть определённое значение, так и «абстрактное, обобщённо-переносное».

Важной структурно-семантической особенностью пословицы является то, что она является предложением, представляет собой завершённый текст, поэтому обладает его главными характеристиками: коммуникативной направленностью, смысловым и структурным единством.

В последние десятилетия процесс модифицирования пословичных изречений активно исследуется лингвистами в разных его аспектах и проявлениях, активно изучаются структурные, семантические, грамматические, морфологические преобразования пословиц. Структурные и семантические изменения – явление не редкое, однако, часто пословицы подвергаются одновременно структурным и семантическим преобразованиям. В современной системе коммуникации часто употребляются модифицированные варианты пословиц. Но несмотря на активное трансформирование, пословица должна узнаваться, т.е. обладать узнаваемым набором компонентов, их сочетанием с полной или частично сохранённой структурой [6]. А вот грамматические изменения пословиц в чистом виде встречаются довольно редко. К таковым относятся

употребление субстантивного элемента пословицы в другом, отличном от оригинала, падеже или числе; замена одного артикля другим, то есть определенного на неопределенный, или наоборот; его добавление или опущение [2]. Однако, категория определенности/неопределенности может носить также и лексико-семантический характер. Например, *Eine alte Liebe rostet nicht*¹ (оригинал – *Alte Liebe rostet nicht* (дословно: Старая любовь не ржавеет)). В данном примере речь идет не просто об обобщенном смысле пословичного словосочетания «старая любовь», а о любой или одной из, например, некой любви к чему-то или кому-то (более понятно это может быть из контекста): *Любая старая любовь не ржавеет* или *Одна старая любовь не ржавеет*. Если добавить определенный артикль, то явление или ситуация конкретизируются и речь идет не об общем положении вещей, не о том, что происходит всегда, а о данном конкретном случае: *Die vielen Köche verderben den Brei*² (оригинал – *viele Köche verderben den Brei* (досл.: Много поваров портят кашу)). В определенной ситуации те самые повара, которые и варили кашу, а в метафорическом значении, те, кто делал(и) это дело и испортили это самое дело [5]: *Эти многие повара испортили кашу*. О том, что измененным вариантом описывается конкретная ситуация или явление, свидетельствует и изменение временной формы глагола. Об этой модификации речь пойдет ниже.

Грамматическая форма местоимения *aller* в форме родительного падежа в оригинальной пословице *Aller guten Dinge sind drei* (досл.: Всех хороших вещей по три) заменена на форму именительного падежа: *Alle guten Dinge sind drei*³ (досл.: Все хорошие вещи три).

К морфологическим изменениям относятся словообразовательные изменения пословиц. Оригинал пословицы *Kleinvieh macht auch Mist* (досл.: Мелкий скот также оставляет грязь) представлен следующим вариантом: *Kleineres Vieh macht auch Mist*⁴ (досл.: Более мелкий скот также оставляет грязь). Составное существительное *Kleinvieh* заменено на словосочетание прилагательное в сравнительной степени + существительное *kleineres Vieh* (досл.: меньший скот (не просто

1 <https://www.stern.de/politik/deutschland/gewerkschaften-eine-alte-liebe-rostet-nicht-3075016.html> (дата обращения: 25.10.2023).

2 <http://www.stern.de/lifestyle/mode/gucci-85-jahre-und-immer-noch-knackig-3326266.html> (дата обращения: 25.10.2023).

3 http://www.focus.de/panorama/vermischtes/pyeongchang-2018-alle-guten-dinge-sind-drei_aid_643528.html (дата обращения: 15.10.2023).

4 <http://www.sueddeutsche.de/politik/parteienfinanzierung-kleinere-spenden-gleichen-verlust-an-grossspenden-aus-1.1564927> (дата обращения: 22.10.2023).

маленький). Также интересен пример замены числительного на существительное в пословице *Aller guten Dinge sind drei* (перевод представлен выше): *Aller guten Dinge sind der Dreier!*¹ (досл.: Всех хороших вещей тройка). В данной онлайн заметке речь идет о футболисте под номером три.

К грамматико-морфологическим трансформациям относятся изменения формы глагола в пословице. В основном по цели высказывания пословицы — повествовательные предложения, реже — побудительные. В повествовательных предложениях глагол употребляется в настоящем времени, как правило, в третьем лице единственном или множественном числе (в зависимости от формы подлежащего). Поэтому с изменением формы глагола пословица как бы подгоняется под ситуацию. Если глагол стоит в настоящем времени в форме конъюнктива, это значит, что прямая речь переведена в косвенную, передаются чужие слова. Например, *Reden sei Silber und Schweigen Gold*² (досл. (Как) говорят, говорение – серебро, молчание – золото), оригинал – *Reden ist Silber und Schweigen ist Gold* (досл.: Говорение – серебро, молчание – золото)). Если вербальная часть появляется в форме прошедшего времени, то речь идет не об общепринятом суждении, а о свершившемся действии, явлении, которое как раз подтверждает пословица. Например, *Die vielen Köche verderben den Brei* (перевод представлен выше). В данном предложении изменение коснулось не только грамматического аспекта модифицирования пословицы, что было описано выше, но и грамматико-морфологического, а именно: глагол (*verderben*) появился в форме простого прошедшего времени *verdarben* (Präteritum). Оба преобразования конкретизируют ситуацию или явление, которое описывает пословица.

На наш взгляд, контекстная замена одного предлога на другой также может быть приписана к грамматико-морфологическим модификациям. Е.И. Шендельс относит предлоги к служебным частям речи в разделе «Морфология» [4]. Конечно, каждый предлог имеет свое значение, однако, иногда они синонимичны, бывают взаимозаменяемы. Такой случай применим к преобразованной пословице *Der Appetit kommt*

¹ http://www.focus.de/regional/mein-fussball-moment/mein-fussball-moment-glueck-fuer-tsv-lengfeld-alle-guten-dinge-sind-der-dreier_id_5086098.html (дата обращения: 12.10.2023).

² <https://www.welt.de/politik/ausland/article144460218/Die-skurrielen-Fabelhonorare-fuer-Politikerreden.html> (дата обращения: 27.01.2022).

beim Essen (досл.: Аппетит приходит во время еды): ... *der Appetit kommt mit dem Essen, sagte Trainer Miron Markewitsch*¹ (досл.: Аппетит приходит с едой). Предлог *bei* (при) заменен на *mit* (с), что не повлекло за собой изменение первоначального смысла пословицы. Можно также учесть еще один момент: человеческий фактор. Пословица приводится чужими словами, тренером футбольной команды. Возможно, предлог *bei* специально заменен для усиления эффекта высказывания, возможно по незнанию. Но в любом случае, в данном контексте модификация незначительна, синонимична, грамматико-морфологически обусловлена.

Таким образом, в процессе исследования темы стало очевидно, что грамматические и морфологические модификации пословиц в чистом виде — явление довольно редкое. Такие преобразования, как правило, не меняют смысл пословицы кардинально, а носят лишь уточняющий, оценочный характер. Чаще всего пословичные предложения трансформируются одновременно несколькими способами и видами, и видоизмененные пословицы представляются как варианты с комбинированными трансформациями. И в этом случае речь можно вести об изменениях семантической составляющей пословичного высказывания. Модифицированные пословицы разнообразят, украшают речь, делают ее более живой, насыщенной, в то же время сохраняют принятые и устоявшиеся стандарты и нормы языка.

Литература

1. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Рус. яз., 1993. 537 с.
2. Занглигер В. Вариантность и синонимия пословиц // Болгарская русистика. 2010. № 3-4. С. 12–33.
3. Пивоварова Е. В., Санжарова И. Э. Лингвокультурологическая компетентность как основа адекватного перевода реалий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 5 (83). Ч. 2. С. 375–379.
4. Шендельс Е.И. Грамматика немецкого языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1954. 365 с.
5. *Duden*. Bd.11: Redewendungen. 2., neu bearbeitete und aktualisierte Auflage. Mannheim, 2002.
6. *Mieder, W. Proverbs: F Handbook*. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 2004, 305 p.

1 <http://www.sueddeutsche.de/news/sport/fussball-dnjep-r-kapitaen-rotan-vor-finale-werden-alles-geben-dpa.urn-newsml-dpa-com-20090101-150526-99-09176> (дата обращения 18.09.2023)

*Шумбасова С. С.,
кафедра лингвистики и
межкультурной коммуникации,
факультет иностранных языков,
Государственный социально-
гуманитарный университет
svetshumbasova@gmail.com
SPIN-код eLibrary: 3951-9540*

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-
КОЛОРОНИМОМ «КРАСНЫЙ» В АНГЛИЙСКОМ,
НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Аннотация: настоящая работа посвящена типологическим исследованиям английского, немецкого и русского языков, а именно тем лингвистическим единицам, которые особенно ярко отражают специфические национальные особенности, зафиксированные в языковой картине мира, и которые указывают на особое восприятие действительности – фразеологизмам. Они же могут, с другой стороны, явиться связующим звеном в группе как родственных, так и совсем далеких друг от друга языков. Особый символизм проявляется в таких компонентах, как «цвет». Рассмотрим более подробно значение колоронима «красный» в английских, немецких и русских фразеологических единицах.

Ключевые слова: лингвокультурология, фразеология, цвет, германские языки, колороним, символизм.

*Svetlana Shumbasova,
Chair of Linguistics and Cross-
Cultural Communication
Department of Foreign Languages
The State University of Humanities
and Social Studies (Kolomna)
svetshumbasova@gmail.com
SPIN-код eLibrary: 3951-9540*

LINGUOCULTURAL ASPECT OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH COLOUR COMPONENT «RED» IN ENGLISH, GERMAN AND RUSSIAN

Abstract: the research under discussion is devoted to typological studies of the English, German and Russian languages, namely those linguistic units that especially vividly reflect specific national features fixed in the language world picture and which indicate a special perception of the surrounding reality – idioms. They can, on the other hand, be a link in a group of both related to each other and very distant languages. Special symbolism is manifested in such components as ‘colour’. Let’s take a closer look at the meaning of the colour component ‘red’ in English, German and Russian phraseological units.

Keywords: linguoculturology, phraseology, colour, germanic languages, colour-component, symbolism.

Фразеология, несомненно, является «кладовой» народной мудрости и, будучи используемой в языке, передает отношение человека к окружающей его действительности. Фразеологические единицы часто выносятся в отдельный раздел лингвистики и рассматриваются отдельно от лексики. И это неслучайно. Возможно проследить связь фразеологии с лингвокультурологией и с когнитивной лингвистикой, поскольку каждый отдельный фразеологизм может представлять собой концепт, то есть некое культурное явление, которое имеет форму словосочетания, но скрывает в себе квинтэссенцию целого языкового и культурного феномена.

Образ, который содержит фразеологическая единица, придает ей метафорическое значение, через которое окружающим транслируется субъективное коллективное восприятие реальности. Рассмотрим английский, немецкий и русский языки в рамках лингвокультурологического подхода, а именно, фразеологизмы-колоронимы, то есть фразеологические единицы, в состав которых входит элемент, обозначающий цвет. Анализируя цветообозначение, возможно оценить определенное отношение представителей той или иной культуры к окружающей действительности. Цвет часто играет роль определенного индикатора, который становится либо объединяющим фактором для разных культур, либо «подсвечивает» особенности

восприятия в данной конкретной культуре. Безусловно, есть универсальные цвета, символическое значение которых, если не одинаково, то схоже в разных культурах, но есть и индивидуальные случаи функционирования в языке, что для лингвистов представляет особый интерес. Проанализируем зафиксированные в словарях фразеологические единицы с компонентом «красный» в английском и немецком языках, а затем рассмотрим аутентичные русские фразеологизмы.

Испокон веков человек ассоциирует себя с природой. Эмпирическое восприятие окружающей действительности формируется за счет органов чувств, в том числе и посредством зрения, поэтому цвет начинает играть важную роль в жизни первобытного человека. Через цвет люди соотносили себя с представителями своего рода или племени, обозначали свою территорию и передавали определенные сигналы «своим» и «чужим». Существование любимых народных цветов исторически объяснимо и конвенционально. От природных условий, национальных черт, обычаев и традиций, норм и религии зависело распространение того или иного цвета в костюме и предметах быта, в произведениях искусства и даже литературе.

Изначально в английской и американской культуре красный цвет обозначал кровь, гнев и смерть. Подтверждение тому мы находим в таких идиомах, как: *as red as blood* – кроваво-красный; *to be like a red rag to a bull* – быть «красной тряпкой для быка»; интересным примером на стыке культур является фразеологизм *better red than dead*, что означает «лучше быть под контролем коммунистов, чем умереть в ядерной войне» (широко применялся противниками ядерного оружия во времена холодной войны). Красный цвет – это также цвет любви, здоровья и красоты: *as red as a rose* – красивый, привлекательный (в этом примере «красный» имеет значение, схожее с русским значением «красивый»). Красный цвет может символизировать веселье и наслаждение: *to paint the town red* – хорошо повеселиться, провести время «с огоньком».

В Германии красный цвет имеет политическое значение и ассоциируется с одной из крупнейших и влиятельных политических партий в стране – Социал-Демократической Партией Германии (SPD), которая провозглашает социал-демократические ценности, такие как социальная справедливость, равенство и защита прав трудящихся. Красный преобладает в логотипе партии и символизирует революционный дух. Например, политический смысл заключен в таких

символах, как: *rote Melke* – красная гвоздика, которая олицетворяет революционные события; *rote Fahne* – красное знамя рабочего движения. Красный цвет также ассоциируется с жизнью: *heute rot, morgen tot* – говорится, если кто-либо неожиданно умирает.

Red/rot. В языковой паре английский–немецкий аналогичное значение имеют идиомы, используемые для описания эмоционального состояния. В английском красный может означать сигнал опасности (однако опасность связана с потерей денег, банкротством, разорением): «*be in the red* – быть в долгу, иметь задолженность; *go into the red* – приносить дефицит; стать убыточным; *put in the red* – привести к банкротству, сделать нерентабельным, убыточным» [5, с. 88]. Представителям разных культур будет понятен образ, заключенный в таких фразеологических единицах, как: «*red as a beet* – багровый, красный как рак; *red as a cherry* – румяный, с румянцем во всю щеку: «кровь с молоком»; *red as fire* – огненно-красный; покрасневший, вспыхнувший (о лице); *ein rotes Tuch sein* – быть «красной тряпкой», раздражать, действовать на нервы; *rot anlaufen* – покраснеть, залиться краской; *rot sehen* – (рас)свирепеть, (о)звереть; *red-handed* – виновный; застигнутый на месте преступления» [5, с. 88]. Оригинальными являются выражения: «*the Red Book* – «Красная книга» (родословная книга дворянских родов); *a red ribbon* – лента ордена Бани; *reds under beds* – «красные под кроватью» (о воображаемой «красной опасности»); *drag/draw a red herring across the path* – намеренно вводить в заблуждение; отвлекать внимание от обсуждаемого вопроса; сбивать с толку; *the red, white and blue* – английский флот и армия (по цветам флага); *der rote Faden* – лейтмотив, «красная нить»; *keinen roten Heller haben* – не заплатить ни гроша; *im Kalender rot anstreichen* – отметить как событие, запомнить день как особо знаменательный» [5, с. 88].

Красный цвет имеет глубокие исторические корни в русской культуре. Как и у большинства народов, красный цвет ассоциировался с огнем, символизируя солнце, жизнь и силу. Во времена Древней Руси красный цвет означал мощь и волю, поскольку кровь считалась символом жизни. Красный цвет в одежде использовался во время коронации царей, а также на праздниках. В народной культуре красный ассоциировался с любовью и весельем, поэтому красные наряды и украшения использовались на свадьбах для привлечения удачи и счастья. Неслучайно, мы находим в языке много фразеологизмов, в которых «красный = красивый, лучший»: *красный каблук* (щеголь в XVIII веке);

красный товар (лучший товар); **красный угол** (почетное место); **красное слово** (остроумная речь; меткое изречение, выражение); (как) **красная девица** (робкий, застенчивый человек, как неопытная молодая женщина); **красная цена** (лучшая цена); **красный день календаря** (праздничный / выходной день). Красный привлекает внимание, сигнализирует об опасности: *писаться с красной строки* (писаться с нового абзаца); **Красная книга** (реестр редких видов животных и растений всего мира, находящихся на грани исчезновения (вымирания или истребления); **красный петух** (поджог, пожар – эквивалент немецкого фразеологизма *ein rotes Hahn*). Еще одним эквивалентом немецкой идиомы является выражение «*проходить красной нитью*». Это неслучайно, поскольку его автором является великий немецкий поэт И.В. фон Гете. Также красный цвет ассоциируется с советским периодом: **красный уголок**; **красный следопыт**; **красная доска**.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы: во-первых, полных соответствий в английском и немецком языках (хотя они и относятся к одной западно-германской группе), почти нет; во-вторых, несмотря на «универсальность» символизма красного цвета в разных языках и культурах, оригинальных фразеологизмов в рассмотренных языках больше. Изучение фразеологизмов-колоронимов в разных языках позволяет проанализировать множественные внутренние процессы развития языка и культуры, формирование языковой и концептуальной картин мира и становление национальной идентичности.

Литература

1. *Бинович Л. Э., Гришин Н. Н.* Немецко-русский фразеологический словарь: сл.-справ. / под ред. д-ра Малиге-Клаппенбах и К. Агрикола. Изд. 2-ое, испр. и доп. М.: Русский язык, 1975. 656 с.
2. *Кошеренкова О. В.* Символика цвета в культуре // Аналитика культурологии. 2015. № 2 (32). С. 156-162.
3. *Кунин А.В.* Большой англо-русский фразеологический словарь: сл.-справ. / под ред. А.В. Кунина. Изд. 5-ое, перераб. М.: Русский язык – Медиа, 2005. 1210 с.
4. *Полякова Д. Н.* Структура лингвоцветовой системы и критерии ее определения (в русском, английском и немецком языках) // Вестник ЧелГУ. 2011. № 11 (226). С. 102-104.
5. *Шумбасова С. С.* Фразеологизмы-колоронимы в английском и немецком языках: лингвокультурологический аспект // Вестник ГСГУ /

под ред. Ж. К. Леоновой и др. Коломна: ГОУ ВО МО «ГСГУ», 2023. № 1 (49). С. 84–91.

ПРОБЛЕМЫ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

*Гладчук Е. А.,
кафедра иностранных языков ИТХТ,
МИРЭА – Российский технологический
университет;
e-portalikhina@yandex.ru
SPIN-код eLibrary: 1793-8321*

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМНОГО ПОДХОДА В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ ХИМИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ ИНОЯЗЫЧНОЙ УСТНОЙ РЕЧИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЧАТ-БОТОВ

Аннотация: в статье рассматриваются инновационные особенности, связанные с применением проблемных заданий и цифровых ресурсов (таких как чат-боты) при обучении английскому языку студентов химических направлений подготовки как способ усиления мотивации студентов, их вовлеченности в образовательный процесс и улучшение усвояемости материала. Автор показывает, каким образом чат-боты могут быть использованы во время практических занятий со студентами, а также во время самостоятельной подготовки. Анализ преимуществ и сложностей, связанных с разработкой проблемных заданий с помощью чат-ботов, свидетельствует о целесообразности применения такого рода заданий на занятиях иностранным языком. Автором рассматривается также личный опыт реализации проблемного подхода с помощью чат-ботов со студентами-химиками.

Ключевые слова: проблемный подход, коммуникативно-проблемные задания, цифровые образовательные ресурсы, чат-боты в обучении иностранному языку.

*Ekaterina Gladchuk,
Department of Foreign Languages,
MIREA – Russian Technological
University;
e-portalikhina@yandex.ru*

IMPLEMENTATION OF A PROBLEM-BASED APPROACH IN TEACHING FOREIGN LANGUAGE ORAL SPEECH TO STUDENTS OF CHEMICAL MAJORS

Abstract: this article examines innovative features associated with the use of problem-based tasks and digital resources (such as chatbots) when teaching English to students of chemical majors as a way to enhance motivation, their involvement in the educational process and improve the assimilation of the material. The author shows how chatbots can be made use of during practical classes with students, as well as during self-study. The analysis of the advantages and difficulties associated with the development of problem-based tasks using chatbots indicates the advisability of using this kind of tasks in foreign language classes. The author also discusses personal experience in implementing a problem-based approach using chatbots with chemistry students.

Keywords: problem-based approach, communicative-problem tasks, digital educational resources, chatbots in teaching foreign languages.

В современном мире обучение иностранному языку стало важным компонентом академического процесса для студентов химических направлений подготовки. Как никогда прежде, умение эффективно общаться на английском языке ценится в современном обществе и становится неотъемлемой частью профессионального роста и академического успеха в области химии. В этом контексте проблемный подход к обучению и использование цифровых ресурсов приобретают особенное значение.

Проблемный подход, как метод обучения, акцентирует внимание на решении конкретных задач и проблем, что стимулирует активное мышление и развивает умения анализировать. Одновременно, цифровые ресурсы, такие как чат-боты, становятся все более распространенными инструментами в образовании, предоставляя новые возможности для интерактивного обучения иностранному языку.

Цель данной статьи состоит в рассмотрении инновационных особенностей, связанных с применением проблемных заданий и цифровых ресурсов, таких как чат-боты, при обучении английскому

языку студентов химических направлений подготовки. Мы рассмотрим, как чат-боты могут стать эффективным инструментом для усиления мотивации студентов, их вовлеченности в образовательный процесс и улучшения усвояемости материала.

Проблемный подход является одним из ключевых подходов в современной образовательной практике. Он акцентирует внимание на разрешении конкретных задач и проблем, ставя студентов в активную позицию в процессе обучения. Согласно Г.К. Селевко, «под проблемным обучением понимается такая организация учебных занятий, которая предполагает создание под руководством учителя проблемных ситуаций и активную самостоятельную деятельность учащихся по их разрешению, в результате чего и происходит творческое овладение профессиональными знаниями, навыками, умениями и развитие мыслительных способностей» [3, с. 60]. В контексте обучения иностранному языку, проблемный подход способствует развитию коммуникативных навыков и умений, а также самостоятельности студентов.

С развитием технологий в сфере образования появилась возможность использования цифровых ресурсов для обогащения учебного процесса. Т. А. Дмитренко отмечает, что цифровые технологии обучения иностранному языку позволяют не только интенсифицировать занятия со студентами, но также повысить их познавательную активность [2]. Чат-боты стали популярным инструментом для обучения и коммуникации с учащимися. Они предоставляют возможность для интерактивных диалогов и языковой практики в реальном времени.

Цифровые ресурсы в целом и чат-боты в частности способны оказать положительное влияние и на внеаудиторную работу, что представляется особенно важным в контексте обучения студентов-химиков. Во-первых, иностранный язык для многих из них не является приоритетной дисциплиной, поэтому время на выполнение домашнего задания по английскому языку выделяется по остаточному принципу. Во-вторых, некоторых студентов демотивируют сложности, с которыми они сталкиваются во время самостоятельной работы. Это происходит из-за низкого уровня владения английским языком и отсутствия педагога, которому можно задать вопрос и незамедлительно получить ответ.

В данных условиях чат-боты помогают оптимизировать время на выполнение домашней работы, могут «помочь» решить возникающие вопросы и заинтересовать студентов, положительно влияя на их

мотивацию. Кроме этого, чат-бот воспринимается как приоритетный партнер по изучению английского языка по сравнению с одноклассниками. Причина этого заключается в страхе ошибиться или показаться некомпетентным в разговоре с реальным человеком [1].

В то же время разработка заданий с использованием чат-ботов и использование чат-ботов при подготовке студентов к занятиям имеет и ряд сложностей. Студенты еще не до конца понимают, как взаимодействовать с чат-ботом таким образом, чтобы работа принесла положительный результат. Кроме того, чат-боты могут иметь ограниченную способность адаптировать задания под уровень и потребности студента.

Помимо этого, отсутствие эмоционального интеллекта и эмпатии ставит чат-боты и цифровые образовательные ресурсы в целом в проигрышное положение по отношению к преподавателю, и во взаимодействии со студентами это может привести к отсутствию поддержки, которую может дать преподаватель. Зависимость от технической стороны также относится к сложностям, с которыми сталкиваются преподаватели и студенты при внедрении чат-ботов в образовательный процесс.

Однако несмотря на указанные сложности, чат-боты могут быть весьма успешно интегрированы в образовательный процесс. Рассмотрим, к примеру, одно из заданий, предложенное студентам второго курса бакалавриата направления «Химическая технология».

Согласно календарно-тематическому плану, студентам необходимо прочитать текст “The Nature of Polymeric Materials”, подготовить пересказ текста, ответить на вопросы и, после обсуждения текста на занятии, подготовить его пересказ. Однако, по мнению некоторых студентов, такой вид работы является скучным и не развивающим, другие сталкиваются со сложностями при пересказе, потому что пытаются заучить часть текста целиком, не разбираясь в его грамматических и лексических конструкциях.

В качестве эксперимента одной из групп 2 курса было предложено альтернативное задание: составить свой рассказ на тему “The Nature of Polymeric Materials”, используя при подготовке чат-боты. Перед выполнением задания студентам были даны так называемые «опоры»: ключевые слова, на основе которых студентам нужно было выстроить текст. Также они могли дополнить список «опор» на своё усмотрение.

В этот список вошли следующие понятия: суть и определение полимеров, история использования и изучения полимеров, природные полимеры, искусственные полимеры, синтетические полимеры. Задание заключалось в необходимости задавать чат-боту вопросы на основании предложенных «опор», а затем составить монолог, взяв за основу реплики чат-бота.

Анкетирование студентов после выполнения предложенного задания с использованием чат-ботов показало положительные результаты. Большинство студентов отметили рост мотивации к выполнению задания, а также повышение уровня уверенности в своих коммуникативных навыках и умениях. Также они оценили современный подход к обучению с использованием цифровых инструментов, удобство и доступность использования чат-ботов. Однако некоторые студенты столкнулись с трудностями в общении с чат-ботом, особенно в начале использования, что свидетельствует об обоснованной необходимости дополнительных объяснений и инструкций.

В заключение следует отметить, что практический опыт реализации проблемного подхода с использованием чат-ботов подтверждает его положительное влияние на развитие коммуникативных навыков и умений студентов химических направлений подготовки. Этот опыт демонстрирует дидактический потенциал чат-ботов в образовании и подчеркивает необходимость дальнейшего исследования и развития данной методики.

Литература

1. Будникова А. С., Бабенкова О. С. Использование чат-ботов при изучении иностранного языка // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2020. № 3 (55). С. 60–64.
2. Дмитренко Т. А. Современные технологии обучения иностранным языкам в условиях цифровизации иноязычного образования // Дискурс профессиональной коммуникации. 2022. № 4 (4). С. 33–41.
3. Селевко Г. К. Современные образовательные технологии: учебное пособие. М.: Народное образование, 1998. 256 с.

*Гришенко В. Д.,
кафедра лингвистики и
межкультурной коммуникации,
Государственный социально-
гуманитарный университет;
veragrishenko@rambler.ru
SPIN-код eLibrary: 1220-6557*

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: информационно-коммуникационные технологии играют огромную роль в современном образовании. В связи с тем, что молодёжь 21 века быстрее и лучше усваивает информацию, которую воспринимает в первую очередь через каналы, визуализирующие получаемые данные, электронные образовательные ресурсы (ЭОР) с их мультимодальными возможностями выходят на первое место среди многообразия дидактических средств, применяемых в процессе обучения. Следует отметить, что использование электронных образовательных ресурсов способствует росту учебной мотивации учащихся, отвечает требованиям и потребностям современных молодых людей, а также повышает качество образования. Для того, чтобы электронные образовательные ресурсы служили на благо учащимся, необходимо, чтобы их отбор (или создание) соответствовал определённым требованиям, т.е. чтобы они содержали аутентичную и актуальную информацию, соответствовали дидактическим целям и были адекватно технически представлены. Настоящая статья обобщает опыт в рамках работы с электронными образовательными ресурсами и нацелена на то, чтобы помочь преподавателям использовать критериальный подход в оценке эффективности применения электронных образовательных ресурсов в учебном процессе.

Ключевые слова: электронные образовательные ресурсы, критерии, дидактическая эффективность.

*Vera Grishenko,
Chair of Linguistics and Cross-
cultural Communication,
State University of Social Studies
and Humanities;
veragrishenko@rambler.ru
SPIN-код eLibrary: 1220-6557*

EVALUATION CRITERIA FOR EDUCATIONAL EFFECTIVENESS OF ELECTRONIC EDUCATIONAL RESOURCES

Abstract: information technologies play a significant role in modern education. Due to the fact that the youth of the 21st century are mostly visuals, they accept and acquire information via various modes of communication, electronic educational resources are becoming more and more popular among educators and efficient in the process of education. Electronic educational resources are characterized not only by multimodality, but can easily develop learners' motivation, meet their needs and demands, improve the quality of education as a whole. Evidently, electronic educational resources should work for the best of the learners. For the sake of this, educators must be very careful in the choice of electronic educational resources and rely on certain criteria. This article summarizes the practical experience and is aimed primarily at assisting professionals in their work on the creation and evaluation of educational usefulness and usability of electronic educational resources.

Keywords: electronic educational resources, criteria, didactic efficiency.

В последние годы всё чаще и чаще появляются новые электронные образовательные ресурсы (ЭОР), обучающие платформы, которые создаются как преподавателями вузов, школьными учителями, так и различными издательствами в поддержку разрабатываемыми ими УМК. Для того чтобы предлагаемые интернет-рынком ресурсы были эффективны и полезны, необходимо, чтобы они соответствовали определённым требованиям. Какие же это требования? Мы попытаемся ответить на этот вопрос, основываясь на собственном опыте работы с различными электронными образовательными ресурсами в процессе обучения иностранным языкам.

В соответствии с современными требованиями к образованию, преподаватели практически вынуждены использовать ЭОР. Однако, при их многообразии, педагоги часто становятся в тупик, какой же ресурс выбрать, чтобы он был действительно эффективным. Анализ ЭОР должен включать в себя следующие элементы: эффективность системы, её безопасность для учащегося и пользу для достижения поставленной образовательной цели [3, с. 13].

Первостепенной задачей любого средства обучения является то, что оно должно эффективно способствовать решению поставленной образовательной задачи. Поэтому, выбирая ЭОР, преподаватель должен многократно и со всех сторон проанализировать предлагаемый учебный ресурс. Параметрами анализа может выступать следующее:

- информативность, т.е. объём предлагаемой информации на страницах ресурса в соответствии с учебной задачей;
- возможности доступа, т.е. простота или сложность навигации для учащихся в данном ЭОР;
- мультимодальность, т.е. разнообразие используемых каналов подачи информации (аудитивные, визуальные, сенсорные и т.д.);
- интерактивность, т.е. есть ли возможность для учащихся обсуждать полученную информацию на форумах, видео-конференциях и т.д.;
- многозадачность, т.е. как много учебных задач могут быть решены с помощью этого ресурса [4, с. 1292];
- достоверность и надёжность, т.е. предлагаемая для изучения информация не должна носить фейковый характер, соответствовать воспитательным, образовательным и развивающим целям.

Все вышеперечисленные параметры могут быть объединены под общим названием – насыщенность информационного потока ресурса.

Следующим критерием оценки эффективности ЭОР является плотность информационного потока. Сюда входят такие параметры, как:

- разнообразие предлагаемых заданий для учащихся;
- возможность творчески адаптировать, редактировать учебный материал как учителем, так и учеником;
- наличие или отсутствие возможности взаимодействовать пользователям данного ЭОР [4, с. 1292].

Важным критерием в оценке ЭОР является также его мотивационный потенциал, который включает такие характеристики, как получение обратной связи, возможность осуществлять самооценку,

адаптивные возможности ресурса (трансформирование интерфейса в зависимости от индивидуальных особенностей обучающихся), наличие дополнительных опций, которые можно получить в качестве поощрения за успешное выполнение задания (например, виртуальная экскурсия).

С целью создания условий для стимулирования интереса обучающихся к процессу познания, не следует забывать о гипертекстовых системах в рамках используемого ресурса. Гипертекстовая система – это система текстовых страниц, соединённых между собой ссылками. Все текстовые страницы должны быть легко доступны, чётко структурированы и организованы, вся информация хорошо сбалансирована, соответствовать интересам и потребностям обучающихся, а также учебным задачам.

Очевидно, любой ЭОР должен быть ориентирован на пользователя, т.е. предоставлять ему максимум возможностей для автономного использования данного ресурса, обеспечивать помощь в навигации, соответствовать уровню обученности, быть доступным как в техническом, так и в физическом плане, в том числе и для учащихся с ОВЗ.

Одним из критериев оценки эффективности ЭОР являются качественные и функциональные характеристики его интерфейса, т.е. его интерактивность, навигационные возможности, способы получения обратной связи и дизайн.

Дизайн играет важную роль не только в плане привлекательности ЭОР, но и должен соответствовать определённым медико-психологическим требованиям: палитра цветов и их подбор, количество символов на экране, их расположение и возможность использовать одновременно в конкретный промежуток времени, способы поддержания интереса к ЭОР.

Одним из таких способов является возможность обучающимся активно взаимодействовать с системой и другими учениками посредством голосовых команд, составления текстов, использования технологии touch screen, joystick, применения видео- и аудиоопций. Такие технические возможности системы позволяют обучающимся легко ориентироваться на платформе, давать и получать инструкции, выполнять задания и моделировать новый продукт, а также взаимодействовать друг с другом.

Одним из важных показателей эффективности ЭОР является уровень активности пользователя при работе с данным ресурсом. Существуют

различные формы взаимодействия с ЭОР: условно-пассивные, активные, деятельностные, исследовательские [1, с. 18].

Условно-пассивные формы характеризуются тем, что обучающийся пользуется контентом ресурса, но не изменяет его, т.е. он является лишь реципиентом информации. К таким действиям относятся чтение текста, просмотр графических изображений, рисунков, диаграмм, прослушивание подкастов и т.д.

Активные формы взаимодействия представляют собой незначительные операции пользователя по работе с контентом: операции в гипертексте, выполнение переходов от одного визуального объекта к другому, копирование элементов контента, выбор необходимой для выполнения познавательной задачи информации и т.д.

Деятельностные формы взаимодействия – это конструктивные изменения контента ЭОР в рамках достижения учебной цели: установление иерархии объектов, введение/удаление информации, систематизация объектов, составление определённых композиций с использованием предложенного контента.

Исследовательские формы работы с ЭОР предполагают создание собственного продукта. Для этого ЭОР должен быть интерактивной аудиовизуальной многомодельной системой, которая максимально использует такие педагогические инструменты, как интерактив (взаимодействие преподавателя, обучающихся и электронной среды), моделинг (имитационное моделирование с аудиовизуальным отражением изменения сущности объекта) и мультимедиа (использование множества каналов отображения реального или воображаемого мира) [2, с. 4].

Таким образом, для того чтобы оценить эффективность того или иного ЭОР, преподавателю необходимо проанализировать контент, дизайн и возможность применения педагогических инструментов с целью решения конкретных учебных задач.

Литература

1. *Азевич А. И.* Методы оценки образовательных электронных ресурсов. URL: https://sdo.mgpu.ru/pluginfile.php?file=%2F218723%2Fmod_resource%2Fcontent%2F3%2F%D0%9B%D0%B5%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf (дата обращения: 15.10.2023).

2. *Осин А. В., Калина И.И.* Электронные образовательные ресурсы нового поколения в вопросах и ответах / ФГНУ «Республиканский мультимедиа центр». М., 2007. 28 с.

3. *Preece J., Rogers Y., Sharp H.* Interaction Design: beyond human-computer interaction, John Wiley & Sons, Inc. New York, 2000. 584 p.

4. *Tsankov S.* Criteria for Evaluation of Educational Usefulness of Electronic Educational Resources. ICERI2021 Proceedings 14th International Conference of Education, Research and Innovation, November 8th-9th. IATED Academy. 2021. P. 1291–1296.

*Дмитренко Т. А.,
кафедра лингводидактики и современных
технологий иноязычного образования,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
dmit.t.a@mail.ru
SPIN-код eLibrary: 4889-7605*

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКИ В ВУЗЕ

Аннотация: в статье анализируется проблема, связанная с иноязычной подготовкой специалиста с использованием цифровых образовательных ресурсов, обеспечивающих современного педагога набором различных инструментов и программных средств, позволяющих готовить более совершенные учебные материалы, организовывать процесс обучения иностранному языку на новом качественном уровне, мотивируя при этом студентов к более эффективному овладению иноязычной речевой деятельностью.

Ключевые слова: цифровизация образования, поликультурная среда, конкурентоспособный специалист, цифровые ресурсы, цифровой контент.

*Tatiana Dmitrenko,
Department of Linguodidactics and
Modern Technologies of Foreign
Language Education,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
dmit.t.a@mail.ru
SPIN-код eLibrary: 4889-7605*

MODELING THE DIGITAL EDUCATIONAL SPACE AS A FACTOR IN INCREASING THE EFFECTIVENESS OF FOREIGN LANGUAGE TRAINING AT THE UNIVERSITY

Abstract: the article analyzes the problem associated with foreign language training of a specialist using digital educational resources that provide the modern teacher with a set of various tools and software that allow preparing more advanced educational materials, organizing the process of teaching a foreign language at a new qualitative level, while motivating students to be more effective mastering foreign language speech activity.

Keywords: digitalization of education, multicultural environment, competitive specialist, digital resources, digital content.

В цифровом обществе обучение иностранному языку существенно трансформировалось из-за появления цифровых инструментов, которые стали новым дидактическим средством организации образовательного процесса. Подача образовательного контента студентам видоизменилась в современных условиях, так как она предусматривает как визуализацию образовательного контента, так и возможность интерактивного взаимодействия обучающихся в цифровом образовательном пространстве.

Обучение иностранному языку с использованием игровых элементов и игрового дизайна, а также обучающих видеороликов становится современным образовательным трендом. Моделирование цифровой образовательно-развивающей среды на занятиях по иностранному языку повысило мотивацию студентов, обеспечив им оперирование большими объёмами информации, а также комплексное воздействие на основные каналы восприятия информации [1; 2]. Следует особо подчеркнуть, что «нелинейная модульная многомерная подача учебной информации привела к переходу от репродуктивной, вербальной формы подачи учебного материала к наглядно-логической, обеспечивающей синхронную работу двух полушарий головного мозга учащегося, комплексно воздействуя на основные каналы восприятия» [2, с. 36].

В цифровом обществе появилось электронное обучение с использованием цифровых инструментов и возможностей Интернета, в котором особо выделяется технологическая составляющая, расширяющая возможности для самообучения студентов. В открытом доступе на разных образовательных платформах находятся огромные

массивы обучающих материалов, облегчающие процесс обучения иностранному языку. Это побудило преподавателей к творческому пересмотру учебного материала, его переконпоновке и облечению в иные формы для презентации, применению инновационных технологий обучения иноязычному общению [3].

Моделирование цифрового образовательного пространства открывает широкий простор для обучения иностранному языку с использованием цифровых образовательных ресурсов и творческого осмысления учебного материала. В цифровой среде предусматривается персонализация образовательного процесса, что создает более комфортные условия для обучения. Таким образом, моделирование преподавателем цифровой образовательно-развивающей среды при обучении иностранному языку за счёт использования интерактивных обучающих ресурсов, виртуальных сред, компьютерных демонстраций, электронных баз данных является фактором повышения эффективности иноязычной подготовки студентов в вузе.

Использование в оптимальном сочетании текстовой и аудио-, а также видео наглядности позволяет не только в привлекательной форме представить языковой материал обучающимся, но еще и умело управлять вниманием с помощью эффектов анимации, звука и гиперссылок, что способствует росту мотивации и эффективности восприятия обучающего материала на основе воздействия различных каналов информации.

Смоделированная педагогом цифровая образовательно-развивающая среда предлагает обучающимся мультимедийные задания занимательного характера, которые выполняются студентами как на занятиях по иностранному языку, так и внеаудиторно. Такие задания позволяют, например, пополнять лексический запас, улучшать произношение, приближая его к эталонному с помощью технологии распознавания речи Via Voice. В этом случае отработка произношения и выполнение заданий происходит в голосовом режиме.

Использование цифровых образовательных ресурсов обеспечивает индивидуализацию обучения с учётом особенностей контингента обучающихся, их уровня обученности и склонностей, является стимулом к раскрытию их личностного потенциала, в том числе резервов памяти. В цифровом образовательном ресурсе, представленном в электронном формате, можно выделить как информационно-справочные источники, так и инструменты создания и обработки информации, а также управляющие элементы.

Применение цифровых образовательных ресурсов направлено на повышение качества и эффективности процесса обучения. Обучающий материал, представленный посредством цифровых технологий, усваивается студентами на творческом уровне при моделировании на занятии культурного пространства и погружении учащихся в аутентичную языковую среду народа страны изучаемого языка. В связи с этим, цифровые образовательные технологии рассматриваются сегодня как инновационный способ организации учебного процесса, базирующийся на использовании электронных средств обучения, обеспечивающих наглядность и эффективность обучения, а также успешную социализацию студентов [3].

Особой популярностью сегодня пользуются следующие цифровые технологии: мобильное обучение, технология облака, онлайн-курсы, геймификация и веб-квест. Технология мобильного обучения в настоящее время наиболее востребована в образовательной сфере, потому что она предоставляет возможность комфортной и продуктивной совместной работы обучающихся, обмен знаниями и учебным материалом удаленно, передаваемыми через мобильные устройства внутри группы студентов.

Облачные технологии, на наш взгляд, представляют не меньшую ценность для обучающихся, ведь они позволяют хранить и обрабатывать огромное количество информации, при этом они имеют ещё и удобный сетевой доступ.

В процессе профессиональной подготовки специалистов в сфере межкультурных контактов популяризируется в настоящее время геймификация, предполагающая интеграцию элементов игры и игрового дизайна в процесс обучения в неигровых ситуациях, что способствует вовлечению обучающихся в образовательный процесс, поддерживает работоспособность каждого из них в течение занятия, снимая усталость.

Геймификация предлагает новые возможности в образовательном процессе, в связи с чем она становится неотъемлемой частью занятия по иностранному языку, так как она позволяет удерживать внимание обучающихся на долгое время и проигрывать различные ситуации профессионального и непрофессионального общения в ходе межкультурного взаимодействия на занятии по иностранному языку.

В условиях цифровизации иноязычного образования особую роль отводят сегодня веб-квестам, которые отлично вписываются в рамки как личностно-деятельностного, так и компетентностного подходов к

обучению, так как они направлены на приобретение учащимися опыта использования полученных знаний и умений на практике. Веб-квест представляет собой проблемное задание с элементами игры, для выполнения которого используются информационные ресурсы Интернета. Конкретный профессиональный интерес для преподавателей представляет то, что веб-квест концентрирует внимание студентов не на поиске информации, а на ее использовании.

Моделирование цифровой образовательно-развивающей среды на занятии по иностранному языку восполняет отсутствие языковой среды, эмоционально воздействуя при этом на обучающихся. Таким образом, иноязычная подготовка специалистов в сфере межкультурных контактов с использованием цифровых инструментов обучения и программных средств позволяет готовить более совершенные учебные материалы, организовывать процесс обучения иностранному языку на новом качественном уровне, мотивируя при этом студентов к более эффективному овладению иноязычной речевой деятельностью. Это формирует у них способность и готовность взаимодействовать в цифровой среде, выстраивать при этом плодотворные отношения с носителями иной культуры и вести с ними конструктивные беседы.

Литература

1. *Бартош Д.К., Гальскова Н. Д., Харламова М. В.* Электронные технологии в системе обучения иностранным языкам: теория и практика: учебное пособие. М.: МГПУ, 2017. 220 с.

2. *Дмитренко Т. А.* Современные технологии обучения иностранным языкам в условиях цифровизации иноязычного образования // Дискурс профессиональной коммуникации. 2022. № 4 (4). С. 33–41.

3. *Dmitrenko T.A, Kadilina O.A.* Profession-oriented training of foreign language teachers in modern conditions // Profession-Oriented Research: Educational and Methodological Perspectives. Training Language and culture. RUDN University Moscow, Russia. March 2020. Vol. 4. Issue 1. P. 8–22.

*Иванова А. А.,
преподаватель иностранных языков,
Mid-South Gifted Academy, США;
annaivanova2112@gmail.com*

ОБУЧЕНИЕ ОДАРЕННЫХ ДЕТЕЙ В ШКОЛАХ США (НА ПРИМЕРЕ MID-SOUTH GIFTED ACADEMY)

Аннотация: в статье объясняются причины возникновения специализированных школ для одаренных детей, рассматриваются особенности преподавания и организации учебного процесса на примере школы Mid-South Gifted Academy.

Ключевые слова: одаренный ученик, инновации, учебный план.

*Anna Ivanova,
World Languages Guide
at Mid-South Gifted Academy in the USA;
annaivanova2112@gmail.com*

TEACHING GIFTED CHILDREN IN US SCHOOLS (BASED ON THE EXAMPLE OF MID-SOUTH GIFTED ACADEMY)

Abstract: the author talks about the reasons behind the increasing necessity in the modern community for special schools for gifted students; analyzes peculiarities of teaching gifted students and describes the learning plan based on Mid-South Gifted Academy.

Keywords: gifted student, innovations, learning plan.

В настоящее время возрастает потребность в более продвинутом и лично-ориентированном обучении школьников, которые академически явно превосходят своих сверстников. Обычная школа руководствуется программой, основанной на возрасте ученика, а не его реальных знаниях и умениях. Одаренные дети проявляют свои способности уже в раннем возрасте и, как правило, либо откровенно скучают в обычных школах, либо обучаются на дому. В некоторых общеобразовательных школах, начиная с 3 класса, предлагается более углублённая программа, которая работает факультативно в виде часового

урока, чего явно не хватает таким детям. Как правило, одаренные дети знают 50–90% материала своего класса уже к первому дню школы, и они не имеют мотивации учиться, чувствуют себя отстраненными от процесса, приобретают ярлык «всезнайки» и часто впадают в депрессию и не хотят идти в школу. Решением такой задачи становятся частные школы, где существует ускоренная учебная программа, ученики сами могут выбирать факультативные занятия и создавать клубы по своим интересам, и, что самое главное, учебный план подстраивается под каждого ребенка отдельно.

В США остро стоит вопрос, что же делать с такими детьми и как им помочь. В 2018 году с помощью предприимчивых преподавателей и родителей была решена эта проблема. Открылась полноценная школа: Академия для Одаренных Детей на Среднем Юге (Mid-South Gifted Academy или MSGA).

Mid-South Gifted Academy – это уникальная школа для одаренных учеников от 3 до 16 лет. Она находится на Среднем Юге, это считается территорией США, которая охватывает такие штаты вокруг города Мемфис, как Теннесси, Миссури, Миссисипи, Иллинойс, Кентукки, Алабама и Арканзас. Данное учебное учреждение расположено как раз в нескольких милях от Мемфиса.

Главной миссией школы является обучить и воспитать будущих инноваторов и людей, способных изменить мир, давая им возможность раскрыть свои способности и таланты. Когда ученик поступает в школу MSGA, учителя задаются вопросом: «Чему этот ребенок может научиться, если у него есть безграничные для этого возможности?» Программа у школы основана на стимулирующей, динамичной системе, которая приносит детям радость и дает возможность улучшить свои сильные стороны. Здесь приветствуется задавать вопросы и быть любопытным, использовать критическое мышление и мыслить нестандартно. Студенты приобретают такие знания, которые можно применить в реальных жизненных ситуациях, это является главным фокусом практического обучения. В старших классах новейшей разработкой является IDEA Lab – место, специально разработанное для внедрения инноваций, дизайна, предпринимательства и воплощения своих идей в реальность. В школе не только предоставляется место для обучения, но создаются все условия, чтобы дать платформу для творчества и исследования, чтобы формировать будущее учеников.

Школа начала свое существование всего с 17 учеников и за пять лет увеличила их уже до 115 человек. Студентов становится все больше, что послужило толчком для построения нового двухэтажного здания, где уже учатся дети с 5 по 10 классы.

Что же понимается под термином «одаренность»?

Национальная ассоциация Одаренных Детей предлагает целый список общих черт и характеристик, которые часто наблюдаются у таких детей. Вот некоторые из них:

- высокоразвитая любознательность и сложное, логическое мышление;
- глубокие эмоции и интенсивная реакция, сверхчувствительность;
- интенсивная концентрация и сосредоточенность;
- яркое воображение и отменная память;
- жажда к чтению, как правило с раннего возраста, и необычно сложный словарный запас;
- желание экспериментировать и действовать по-другому.

В MSGA прекрасно знают об этих и многих других особенностях своих учеников и делается всё, чтобы сделать обучение максимально интересным, полезным и мотивирующим. Тут учат преодолевать трудности, учат уметь проигрывать и справляться со своими эмоциями, быть другом и ладить со всеми.

Школа делит учеников на следующие студии, где учатся дети разных возрастов:

1. Wonder – ученики с 3 до 6 лет;
2. Exploration – 1 и 2 класс;
3. Discovery – 3 и 4 классы;
4. Design – 5 и 6 классы;
5. Innovation – 7 и 8 классы;
6. Adventure – 9–12 классы.

Студия Wonder использует программу Монтессори; класс полностью оборудован для этого. Учителя работают над созданием мотивации и желания учиться, получать от процесса обучения радость. Большое внимание уделяется письму, математике и естественным наукам. Ученики учатся уже с раннего возраста нести ответственность за свое обучение, следуя своему индивидуальному плану и свободе думать критически.

Каждая студия по-своему уникальна и удивительна. Что же представляет собой любой другой класс в MSGA? Представьте себе

большую комнату, в которой расположены удобные столы, парты и разные стулья, табуретки или мягкие креслица. У доски мягкий ковёр, на котором ученики собираются с персональным компьютером для индивидуальной работы или прочтения книг, удобные диваны и кресла, которые позволяют ученикам чувствовать себя как дома и найти то место, где учиться им нравится больше всего. На стенах висят расписание дня и цели на неделю, мотивирующие фразы, правила поведения и поделки.

Что представляет собой типичный день студии Discovery (3 и 4 классы)? Дети собираются в школе к 8 утра и читают приветственное слово от своего классного руководителя на доске. Как правило, там будет и задание, которое дети должны обдумать и быть готовыми к ответу. В 8 утра учебный день начинается с клятвы верности флагу Америки. Дети рассаживаются на ковре, и учитель просит детей поприветствовать друг друга и обменяться новостями. Далее они обсуждают план на день или оговаривают мероприятия на неделю, например, предстоящую экскурсию на ферму, в музей или зоопарк. В 8:15 студия делится на две группы, одна группа идет в соседний класс читать книгу или дописывать сочинение, другая группа занимается испанским. Потом они меняются. После 5-минутного перерыва у них математика, далее перерыв на перекус и небольшая перемена для игры на улице перед школой, далее музыка или ИЗО, STEM урок. STEM (Science, Technology, Engineering, Mathematics) образование – это модель, объединяющая естественные науки и инженерные предметы в единую систему. В ее основе интегративный подход: биологию, физику, химию и математику преподают не по отдельности, а в связи друг с другом для решения реальных технологических задач. Такой подход учит рассматривать проблемы в целом, а не в разрезе одной области науки и технологии. После обеда может быть Flex time – время, когда ученик может выбрать сам то, чем хочет заниматься – почитать, доделать задание по литературе или математике или выполнить онлайн-урок – шахматы, история, языки и так далее. Учебный день заканчивается в 14:45, когда дети опять собираются на ковре, предварительно убрав все свои вещи. Вместе с преподавателем они обсуждают, что им больше всего понравилось в этот день, высказывают свои наблюдения. После короткой молитвы ученики выстраиваются перед школой и ждут своих родителей, которые уже готовы их забирать домой. Интересной особенностью является

отсутствие домашнего задания для всех учеников, за исключением старшекласников.

MSGА руководствуется следующими главными принципами: любовь, эмпатия, добросовестность, работа в команде, лидерство и инновация. Это не просто приятные слова, в каждом классе учителя подробно разбирают эти качества, работают с ними и составляют стратегию, как их использовать в жизни каждый день.

Администрация школы держит тесный контакт с родителями своих учеников, каждую неделю предлагая принять участие в опросе, где можно задать вопрос, оставить комментарий и так далее. Более того, раз в четверть администрация приглашает всех желающих родителей лично встретиться в кафе, в неформальной обстановке, чтобы так же обсудить любые вопросы. Школой организовываются экскурсии, семинары, приглашаются специалисты из разных областей науки для семинаров и многое другое. Они любят отмечать такие праздники, как Хеллоуин, День благодарения, Рождество и многие другие. В конце каждой четверти детьми организовываются так называемые Presentations of Learning, где дети показывают родителям, чему они обучились за последние месяцы, демонстрируют навыки и умения. Это большое событие в жизни школы, и к нему готовятся заранее.

Подводя итоги, хочется отметить, что школы с подобным подходом пользуются большой популярностью и отвечают реальным потребностям детей 21 века. Такое обучение не ограничивает детей, но открывает окно в безграничный мир возможностей и инноваций.

Литература

1. Официальный сайт школы Mid-South Gifted Academy. URL: <https://midsouthgiftedacademy.com> (дата обращения: 12.10.2023).
2. *Уайт Джессика*, S5E1, September 10. URL: <https://colliervillechamber.com> (дата обращения: 12.09.2023).

*Лизина М. А.,
кафедра иностранных языков,
Институт тонких химических
технологий им. М. В. Ломоносова,
Российский технологический
университет – МИРЭА;
masha_lizina@mail.ru*

ЗАДАЧИ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ-БИОТЕХНОЛОГОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ КАК СРЕДСТВУ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

Аннотация: в статье изложены цели и задачи обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов через анализ ФГОС. Иностранный язык должен осваиваться не только как профессиональная компетенция, но и как инструмент межкультурного общения. Автор делает вывод о необходимости пересмотра целеполагания дисциплины «Иностранный язык» в неязыковых вузах.

Ключевые слова: профессиональная иноязычная компетенция, ФГОС, межкультурное общения, знания, умения, навыки.

*Maria Lizina,
Department of Foreign Languages,
Institute of Fine Chemical Technologies,
Russian Technological University –
MIREA;
masha_lizina@mail.ru*

LEARNING OBJECTIVES FOR STUDENTS- BIOTECHNOLOGISTS IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING AS A MEANS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Abstract: the article examines the goals and objectives of teaching foreign languages to students at non-linguistic universities through the analysis of the Federal State Educational Standard. A foreign language should be mastered not only as a professional competence, but also as a tool of intercultural communication. The author concludes that it is necessary to

revise the goal-setting of the discipline “Foreign Language” in non-linguistic universities.

Keywords: professional foreign language competence, Federal State Educational Standards, intercultural communication, knowledge, skills.

В эпоху активного развития социально-экономических процессов на международной арене в современном образовании уделяется большое внимание изучению иностранных языков как на школьном уровне, так и в высших учебных заведениях. Так овладение иностранным языком студентами в неязыковых вузах остается особенно актуальным в современном обществе. Во многом это обусловлено тем, что иностранный язык является одним из компонентов государственного образовательного стандарта. Изучение иностранного языка позволяет студенту расширить не только кругозор, повысить общий уровень культуры и образования, но и иметь доступ к дополнительному информационному пространству, общаться с представителями других культур, обмениваться профессиональным и личным опытом. Помимо этого, приобретаемые навыки общения на ИЯ значительно повышают профессионализм студента как будущего специалиста.

Несколько десятилетий назад для студента вероятность общения на изучаемом иностранном языке была невысокой, поэтому требовалось понимать только устную и письменную иноязычную речь.

С изменением социокультурного положения иностранного языка в современном обществе от будущего специалиста требуется обладать комплексом знаний и умений, которые позволят в ходе межкультурного общения адекватно оценивать ситуацию, эффективно организовывать свое речевое и неречевое поведение в соответствии с задачами общения, реализовывать свои коммуникативные намерения и проверять результаты общения с помощью обратной связи [4].

Как известно, биотехнология является одним из перспективных и многообещающих направлений в современной науке. В связи с этим социальный заказ государства направлен на то, чтобы высшие учебные заведения выпускали высококвалифицированных специалистов биотехнологов, которые будут способны сотрудничать и работать с международными специалистами, перенимать опыт в профессиональной сфере, представлять личные и профессиональные интересы. Поэтому общеобязательная дисциплина «Иностранный язык» на этапе обучения

студентов бакалавриата в неязыковых вузах является важнейшей частью образовательного процесса.

Данная статья посвящена рассмотрению целевой составляющей иноязычного образования студентов – будущих биотехнологов.

Для более глубокого изучения образовательных целей для студентов неязыковых вузов мы обратились к государственному образовательному стандарту нового поколения (далее ФГОС ВО), где основной целью изучения иностранного языка является формирование профессиональной иноязычной компетенции. Согласно ФГОС ВО, содержание дисциплины должно быть профессионально ориентировано с учетом специфики подготовки выпускников и содействовать реализации задач профессионально-воспитательной деятельности.

Так, по направлению 19.03.01 «Биотехнология» предполагается формирование у студентов общекультурной компетенции ОК-5 в языковом, социокультурном, прагматическом и культурологическом аспектах. Данная компетенция ОК-5 формирует способность эффективно общаться в устной и письменной формах для решения задач, связанных с профессиональной деятельностью.

Для овладения общекультурной компетенцией по дисциплине «Иностранный язык» необходимо:

- овладеть специальной терминологией;
- приобрести новые знания и умения, применять их на практике;
- развивать навыки и умения межкультурного общения как в профессиональной, так и повседневной ситуациях;
- использовать регистры иноязычного общения в зависимости от ситуации общения.

Согласно ФГОС, при овладении профессиональной компетенцией предлагаются следующие результаты, которые должны быть достигнуты:

- уметь собирать и обрабатывать информацию на ИЯ;
- производить редактирование, аннотирование и реферирование текстов на ИЯ;
- вести деловую переписку;
- выступать на международных конференциях с научными докладами на ИЯ;
- вести дискуссию на ИЯ с представителями иных культур [7].

Иными словами, дисциплина «Иностранный язык» носит профессионально-ориентированный характер, основанный на развитии коммуникативных навыков студентов применительно к их

специальностям. Таким образом, роль языковой подготовки существенно влияет на дальнейшее трудоустройство будущего специалиста и не уступает по значимости профессиональной подготовке. [3].

Исходя из вышеперечисленных задач обучения ИЯ студентов-будущих биотехнологов, стоит отметить, что знание ИЯ является лишь инструментом межкультурного общения в профессиональной сфере. К сожалению, в данной компетенции не отражается роль ИЯ как средства для взаимодействия с представителями культуры изучаемого языка, благодаря которому будущий биотехнолог будет способен познавать особенности иных культур, транслировать свои национальные и научные интересы и свои культурные ценности. Связь между языками и культурами, а также необходимость их совместного изучения, не вызывает сомнений.

Мы согласны с высказыванием С.Г. Тер-Минасовой, что культурный барьер является более опасным и может иметь более негативные последствия, чем непонимание на языковом уровне. Как правило, культурные ошибки по сравнению с языковыми больше врезаются в память и могут оставить неприятное впечатление от общения [5].

Важно отметить, что в последнее время обостренная обстановка на международной арене диктует новые реалии межкультурного общения. Будущие специалисты должны быть готовы не только к межкультурному общению, но и являться трансляторами своих культурно-моральных ценностей, а также уметь адекватно отстаивать свою точку зрения.

Наши идеи находят подтверждения во взглядах отечественного методиста Н.В. Барышникова. Он утверждает, что многоязычная личность специалиста не должна «подстраиваться» под своих иноязычных партнеров, с которыми он взаимодействует на их родных языках. Мы полностью разделяем мнение Н.В. Барышникова, что специалист не должен «маскироваться под носителя иной культуры», поскольку он сам является полноправным коммуникантом в профессиональном общении. По его словам, нет никакой необходимости копировать речеповеденческие стратегии и тактики при вербальном и невербальном общении [1].

Проанализировав цели и задачи обучения студентов-биотехнологов ИЯ как средству межкультурного общения, отметим, что при обучении ИЯ в неязыковом вузе первостепенной задачей является овладение технической стороной языковой подготовки, т.е. грамматическими конструкциями, широким овладением тезаурусом и переводческими

навыками по специальной тематике. Однако, в современном мире от будущего специалиста требуется не только знать иностранный язык, но и научиться использовать его как инструмент межкультурного взаимодействия. Как утверждает А.Л. Бердичевский, сегодня «происходит обучение не языку как таковому, а культуре, неотъемлемой частью которой является язык». Незнание национально-специфических составляющих культур-коммуникантов, неумение представлять свои собственные и национальные ценности перед оппонентом может существенно затруднить процесс межкультурного общения. Поэтому иноязычная подготовка в системе высшей школы должна быть направлена не только на развитие способности у студента использовать иностранный язык в качестве средства для взаимодействия в профессиональной сфере, так и на формирование иноязычной коммуникативной компетенции в диалоге культур в ходе изучения ИЯ.

Литература

1. *Барышников Н. В.* Культурный шок как мифологизированный феномен в реализации многоязычной коммуникативной компетенции // Известия ВГПУ. 2012. № 11 (75). С. 9–13.
2. *Бердичевский А. Л., Гиниатуллин И.А., Тарева Е. Г.* Методика межкультурного иноязычного образования в вузе. М.: Флинта, 2019. 368 с.
3. *Клименко И. Л.* Роль иностранного языка в формировании профессиональной мобильности студентов неязыковых вузов. URL: http://www.rusnauka.com/3_anrd_2009/40132doc.html (дата обращения: 25.09.2023).
4. *Садохин А.П.* Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Высшая школа, 2005. 310 с.
5. *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Изд-во МГУ, 2008. 352 с.
6. *Чекун О.А.* Педагогические условия подготовки студентов к межкультурной коммуникации: на примере неязыковых факультетов вуза: дис. ... канд. пед. наук. М., 2007. 269 с.
7. *Шишкина Е. Н.* Цели и задачи обучения иностранному языку в магистратуре МГТУ им. Н. Э. Баумана // Гуманитарный вестник. 2013. № 5 (7). С. 1–7.

*Литвин Е. Ю.,
кафедра грамматики английского языка
имени М.Я Блоха,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
eyu.litvin@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 8220-5971*

НЕСКУЧНАЯ АВТОМАТИЗАЦИЯ: КАК ИСПОЛЬЗОВАТЬ ИГРОВОЙ ПОДХОД И ИЗБАВИТЬ ШКОЛЬНИКОВ ОТ ОШИБОК

Аннотация: в статье предлагаются методы автоматизации речевых навыков, способствующие развитию быстроты и правильности речи у школьников, изучающих английский язык. Описаны упражнения по постановке звуков и закреплению интонационных образцов, автоматизации грамматических конструкций и усвоению лексических единиц.

Ключевые слова: автоматизация, быстрота речи, правильность речи, принцип преемственности, повторение, речевые паттерны.

*Elena Litvin,
Department of English Grammar
named after M. Ya. Blokh,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
eyu.litvin@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 8220-5971*

NON-BORING AUTOMATION: HOW TO USE THE GAMIFICATION APPROACH AND PREVENT SCHOOLCHILDREN FROM MAKING MISTAKES

Abstract: the article suggests methods for automating speech skills that contribute to the development of fluency and accuracy of speech in

schoolchildren learning English. The author describes exercises on sounds articulation and intonation patterns, the automation of grammatical structures and internalization of lexical units.

Keywords: automation, fluency, accuracy, the principle of continuity, drilling, speech patterns.

Одной из задач, требующих постоянного внимания при обучении школьников английскому языку, является развитие быстроты и правильности речи (fluency/accuracy). Достичь этой цели непросто, особенно, если учебная программа не реализовывает должным образом принцип преемственности, опоры нового на старое. Лексические единицы зачастую будто выбираются случайным образом, что, в свою очередь, затрудняет их запоминание. Обучение, таким образом, имеет поверхностный характер. Ученик, не усвоив те или иные слова или правила, должен быстро переключаться на изучение нового материала. Результатом этого становится несистемное восприятие тем, а также неспособность грамотно построить высказывание.

Решением данной проблемы в условиях невозможности выбора преподавателем учебно-методического комплекса являются упражнения, направленные на автоматизацию навыков устной речи. На наш взгляд, достижение автоматизации навыков является одной из приоритетных задач, условием, при котором в принципе становится возможной правильная беглая речь.

Согласно психологическим исследованиям, речевые образцы в среде первого языка усваиваются в раннем детстве [Выготский, Пиаже]. Мы говорим заготовками, которые воспринимали посредством аудиовизуальных каналов, и комбинируем их для создания «новых» данных. При изучении второго языка, напротив, возможность погружения в среду изучаемого языка, при котором автоматически усваиваются речевые формулы, крайне мала. Польза от погружения в среду возможна при соблюдении следующих условий: отказ от общения на родном языке, длительность проживания в стране изучаемого языка – от нескольких месяцев до нескольких лет, в зависимости от поставленных целей.

Если у обучающегося нет возможности проживать в стране изучаемого языка, для того чтобы овладеть рецептивными и продуктивными навыками, придется пройти обучение по одной из образовательных программ, реализованной в соответствии с принципом

преемственности. Это должно занять значительное количество времени, поскольку УМК включает определенное количество учебников от слабого уровня к продвинутому (в школе это обычно 10 учебников, начиная со второго класса, то есть освоение программы должно занять десять лет). Казалось бы, такой внушительный срок должен быть достаточен, чтобы овладеть языком, но по ряду причин бывшие выпускники школ, теперешние студенты не могут быстро и правильно построить высказывание на изучаемом языке.

По нашему мнению, можно форсировать усвоение речевых образцов, доводя их до автоматизма путем выполнения упражнений разных типов.

Постановка и автоматизация звуков

Парные по долготе – краткости гласные звуки. Учитель несколько раз произносит парные гласные звуки, например /ʌ/-/ɑ:/. Класс повторяет за учителем в режимах «тише – громче». Гласные звуки присоединяются к изученным, поставленным согласным звукам, например, /tʌ/-/tɑ:/. (5 раз от шепота к самому громкому варианту, также можно пропевать сочетания звуков на знакомые учащимся мелодии).

Непарные гласные звуки. Учитель объясняет, как произносить звук. Класс повторяет за учителем звук в режимах «тише – громче – тише», после этого – заготовленные учителем слова (при этом нельзя предлагать слова с буквосочетаниями, еще не изученными учениками). Слова произносятся с разной интонацией (имитация голосов животных, сказочных персонажей и т.п.).

Согласные звуки. Учитель объясняет, как произносить звук, описывая последовательность действий и пользуясь жестами. Добившись положительного результата (ученики правильно произнесли звук), учитель закрепляет его, многократно повторяя звук (класс повторяет за учителем) в режимах «медленно – быстро», «громко – тихо», разных ритмических рисунков. Далее звук в разных режимах закрепляется в сочетании с последующими гласными звуками (/tʌ/-/tɑ:/, /ti/-/ti:/, /tɒ/-/tɔ:/, /tʊ/-/tʊ:/, /tæ/-/tɜ:/). От выбора режимов, их интересности и интенсивности зависит вовлеченность учащихся. После повторения слогов в разных интонационных режимах разучиваются скороговорки, а при постановке достаточного количества звуков – песни.

Если у обучающихся есть трудности с произношением конкретного слова или словосочетания, можно воспользоваться следующим алгоритмом, который мы разберем на примере сочетания “this is”,

которое произносится как фонетическое единство. Сочетание /ðisiz/ делим на два слога /ði-siz/, вначале отрабатываем слог /ði/, затем /siz/, потом соединяем их. При этом снимаем смущение учеников от того, что нужно высунуть язык («теперь все дразнимся»), убираем возможную ошибку уподобления звука /s/ звуку /ð/ (а теперь прячем язык за зубки). При этом определенную роль играет смена режимов «медленно – быстро», задающая темп работы и не позволяющая ученикам отвлекаться.

Частой проблемой является элиминация пауз между короткими словами в фразах по типу «He is a student», «Look at it!», «Wait for us!». Ученики должны научиться произносить фразы без пауз, усвоив, что паузы должны быть смысловые или эмоциональные – после каждого слова не должна идти пауза. Однако у лиц, изучающих иностранный язык, существует психологический барьер: пробел после слова воспринимается как знак паузы. В этом случае, во-первых, нужно на примерах показать учащимся, что на родном языке они говорят «без пауз» (паузы есть, но смысловые). Далее нужно напомнить им, как говорят на русском языке иностранцы (с паузами между словами). Дети должны прийти к выводу, что свободное владение языком предполагает произношение фраз без лишенных смысла пауз. После этого учитель переходит к многократному повторению фраз по типу «цепочки»: “Look (повторение) Look at (повторение) Look at me”, когда учащиеся каждый раз «приклеивают» одно слово к другому. Здесь нужно найти понятную ученикам метафору (говорим на легато, нанизываем бусы и т.п). После этого проговариваем фразу в разных интонационных режимах.

Закрепление грамматических правил

Грамматические ошибки часто можно объяснить именно тем, что ученики недостаточно хорошо закрепили материал – конструкции не доведены до автоматизма. Мы видим, что ученики понимают правило – например, знают, что нужно ставить артикль с исчисляемым существительным, или что после личных местоимений в копулярных предложениях нужно ставить “am-is-are”, но делают ошибки, как будто забывая поставить слово, куда требуется. Ошибки такого типа впоследствии влияют на пропуск вспомогательных глаголов в схемах сказуемого времен Continuous и Perfect. В таких случаях нужно обратиться к автоматизации. К. И. Ракова предлагает строить на принципах автоматизации закрепление системы времен английского языка, при этом начиная с элементарных копулярных синтаксис [Ракова

1990–2023, лекции в БелГУ]. Приведем основную последовательность закрепления:

1) Отработка личных местоимений в последовательности (I-he-she-it-we-you-they). Ученик должен произнести всю последовательность «на выдохе». Последовательность делится на две части (*I-he-she-it* и *we-you-they*), ученики многократно повторяют первую часть «на выдохе» (при этом учитель контролирует произношение звуков, а также направляет смену режимов «громко – тихо», «медленно – быстро»), затем – вторую часть, потом части соединяются, произносятся без пауз (разными голосами, пропеваются). Работа с мячом или с другой игрушкой, которую можно подбрасывать, также позволяет закрепить последовательность. Так, на каждое слово последовательности можно подкидывать мяч и ловить его, чередовать с хлопком, бить мячом вниз и т.п.

2) Отработка с личными местоимениями форм глагола “to be” (I am – he is – she is – it is – we are – you are – they are). Цель: научить ребенка произносить данные сочетания без пауз. Способ закрепления: пропевание на запоминающуюся мелодию, пение с хлопком, с топанием ногой.

3) Отработка выученной последовательности с прилагательным (те же формы работы).

4) Отработка выученной последовательности с существительным (I am a student и т.д.) Цель: закрепление артиклей и их отсутствия во множественном числе (те же формы работы).

Доведение целевых конструкций до автоматизма способствует дальнейшему свободному и правильному употреблению данных конструкций, поскольку вступает в действие принцип подстановки.

Подобный механизм работает и при закреплении времен. В случае, если ребенок с трудом запоминает особенности построения фразы в том или ином времени, следует воспользоваться упражнениями, целью которых становится закрепление конструкции путем ее многократного повторения. Здесь же помогает упражнение «Снежный ком». Вариант упражнения: учитель заготавливает историю на русском языке (не более восьми предложений). Начиная с третьего предложения каждая последующая не должна быть сложнее предыдущего, в идеале – короче и легче. Новые слова или грамматические конструкции даны в первом-втором предложении, чтобы ученики многократно их повторили, и чтобы было не очень сложно восстановить в памяти всю историю. Данное

упражнение эффективно при одновременном закреплении грамматических правил и словаря.

Включение в учебный процесс упражнений, нацеленных на автоматизацию, способствует достижению учащимися беглости и правильности речи.

Литература

1. *Выготский Л. С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1996. 416 с.
2. *Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. СПб.: Союз, 1997. 269 с.
3. *Ракова К. И.* Лекции по методике преподавания английского языка. Белгород, 1990–2023.

Найденова М. Ю.,
*кафедра лингводидактики и современных
технологий иноязычного образования,
Институт иностранных языков
Московский педагогический
государственный университет;
mu.naidenova@mpgu.su*

ФОРМИРОВАНИЕ ГНОСТИЧЕСКИХ УМЕНИЙ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО МЕТОДИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ

Аннотация: в статье раскрываются особенности формирования у будущих учителей иностранного языка готовности к познавательной деятельности как компонента их методической подготовки, роль гностических умений в развитии познавательной деятельности студентов, характеризуются условия формирования гностических умений у будущих педагогов.

Ключевые слова: разумное мышление, познавательная деятельность, организация познавательной деятельности, готовность к организации познавательной деятельности студентов педвуза, гностические умения.

Marina Naydenova,
*Department of Linguodidactics and
Modern Technologies of
Foreign Language Education,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
mu.naidenova@mpgu.su*

CONDITIONS FOR THE FORMATION OF GNOSTIC SKILLS IN FUTURE FOREIGN LANGUAGE TEACHERS IN THE PROCESS OF PROFESSIONAL METHODOLOGICAL TRAINING

Abstract: the article reveals the features of the conditions for the formation of future foreign language teachers' readiness for cognitive activity as a component of their methodological training, the role of gnostic skills in the development of students' cognitive activity, characterization of the methods of developing gnostic skills in future teachers.

Keywords: rational thinking, cognitive activity, organization of cognitive activity, readiness to organize cognitive activity of pedagogical university students, gnostic skills.

Современная система высшего образования в России, преломляясь в условиях социальной практики, стремится направить обучение в русло консолидации всех участников педагогического процесса с целью соответствия современным требованиям общества. Императивность по отношению развития человека в условиях постиндустриальной цивилизации отражается в рамках как традиционной педагогики, так и методики преподавания конкретных дисциплин.

Система образования играет уникальную роль не только в формировании трудовых умений и развитии трудовых навыков, но и выдвигает на передний план передачу от поколения к поколению всех результатов общественно-исторического познания, отраженного в конкретных науках. Передавая общественно значимый опыт подрастающим поколениям, молодые учителя сталкиваются с проблемой развития способности к прогнозированию эффективных решений потенциальных профессиональных задач.

Одним из ключевых противоречий, возникающих в процессе профессиональной подготовки студентов, является противоречие между быстрыми темпами роста знаний в каждой конкретной области человеческой деятельности и возможностями индивида эти знания усвоить.

Ввиду обозначенного противоречия ученые все чаще обращают внимание на проблему развития у студентов в процессе профессиональной подготовки умения систематизации информации,

распознавания и преобразования полученных знаний. Отсюда возникает необходимость уточнения компонентного состава педагогической компетентности учителя.

В требованиях ФГОС ВО от 22.02.2018 г. к результатам освоения программы бакалавриата 44.03.05 – Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) первой установлена универсальная компетенция системного и критического мышления (УК-1): «Способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач» [3; 7].

Критический анализ информации требует способности оценивать качество и достоверность данных, а также определенное умение проверки информации, что позволяет избегать заблуждений и принимать обоснованные решения на основе достоверных фактов.

Способность к синтезу позволяет увидеть связь между различными фактами и концепциями, выявить общие закономерности и выделить основные аспекты, что содействует принятию комплексных и основательных решений.

С целью выявления специфики формирования вышеуказанной компетенции необходимо обратиться к сущностным характеристикам познавательной деятельности.

Процесс познания носит непрерывный характер. В ходе познавательной деятельности объект внимания открывается с точки зрения все большего уточнения его понимания, и в то же время рождает все новые и новые неразрешенные проблемы. Это обстоятельство оказывается недостижимым идеалом, однако такой идеал указывает исследователю направление его дальнейшего поиска. Ключевыми аспектами познавательной деятельности выступают осмысление и познание.

М. Я. Блох предлагает следующее определение: «Осмысление – это деятельность сознания, направленная на проникновение в сущность рассматриваемых фактов (предметов, явлений, связей). Эта деятельность реализуется через язык и принимает форму речи» [1, с. 130].

Познавание – это процесс увеличения запаса знаний путем целенаправленного отражения ранее неизвестных элементов и свойств бытия с помощью мыслительного аппарата. Познавание – это конкретный акт познания [Там же].

Информативную роль в процессе контакта человека с внешним миром играют гностические функции. Гностические функции носят

имплицитный характер (заданы изнутри). Под влиянием сознательного контроля гностические функции трансформируются в познавательную деятельность. Они формируют интеллектуальный потенциал человека, ассимилируются во внутренние психические процессы (ощущение, восприятие, память), преобразуют представления о мире, реализуют процессы мышления и воображения и выступают неотъемлемой частью структуры личности каждого конкретного индивида [2;1].

Основными понятиями в структуре процесса познавательной деятельности являются такие понятия, как истолкование (интерпретация), понимание, объяснение, интеллектуализация, факт, идея, интуиция, холия, версия, гипотеза, теория. Одни из этих понятий обозначают гностические формы разумного мышления, другие – гностические процессы [5].

В контексте профессиональной подготовки будущих педагогов познавательная деятельность рассматривается в двух основных взаимосвязанных формах:

- 1) Под руководством преподавателя, где познавательная деятельность принимает форму обучения и воспитания. Методы учебной деятельности студента характеризуются с внешней стороны. В этом случае студент выступает в качестве субъекта учебной деятельности.
- 2) По собственной инициативе студента (возникает на основе личностных потребностей познавательной деятельности). Методы познания характеризуют деятельность студента с внутренней стороны. Студент выступает как субъект профессиональной деятельности.

Анализ методической литературы показал, что исследователи (Е. В. Жесткова, Н. В. Кузьмина, С. И. Кисельгоф, С. Л. Суворова и др.) выделяют гностические умения в качестве компонента структуры педагогической деятельности. Если у будущих учителей не сформированы основы гностической деятельности, логический и мыслительный аппарат, то процесс обучения будет не только затруднен, но и как следствие они не смогут передать накопленные знания ученикам [4].

Мы выдвигаем следующие условия формирования гностических умений у студентов будущих-учителей:

- 1) психолого-педагогические;
- 2) учебно-методические;

3) профессионально-деятельностные.

Под психолого-педагогическими мы понимаем психологически обоснованные особенности организации педагогического процесса, которые определяют сущность учебно-познавательной деятельности. В процессе методической подготовки студент, получив факты (дидактические закономерности), так или иначе учится их упорядочивать, т.е. прибегает к классификации и обобщению.

Однако, каждый факт будущей профессиональной деятельности предстает изолированно, без связи с рядом других таких же фрагментов. По этой причине возникает необходимость организовать занятия таким образом, чтобы познавательная деятельность студента приобретала формы обучения и воспитания. На данной этапе создаются условия для систематизации знаний.

Учебно-методические условия направлены на процесс систематизации ранее полученных изолированных фактов. Результат данного процесса выражается в понимании и способности объяснить, т.е. идет процесс связывания, объединения. Таким образом, выстраивается система профессиональной деятельности.

Однако, в данном случае объединение означает не воссоздание целого из частей, а выявление общего между всеми явлениями, заключенными в том, что все они подчинены действию одного и того же закона, законов. Мысль движется не от части к целому, а от одного уровня общего к более глубокому его уровню. Здесь ключевым аспектом выступает структура самого учебного материала, которая содержит в себе сведения о теориях, основных элементах (идеи, законы, правила, принципы, концепции).

С целью организации условий учебно-методической деятельности следует организовать занятия таким образом, чтобы максимально реализовать логику усвоения знаний. В этом случае при подготовке студента к профессиональной деятельности возникает необходимость разработки эффективных методов структурирования учебного материала.

Прослушав лекции, студенты учатся их интеллектуализировать, т.е. воссоздавать с помощью конспектов в своем мышлении, выраженные в них идеи, холии, теории, и усвоить их. Здесь следует уделить внимание развитию умений монологической речи студентов. Данный вид речевой деятельности дает возможность студентам продемонстрировать логику развития доказательств, постепенно повышая самостоятельность при

решении проблем. Посредством монолога студент учится выражать свои знания не чужими, а своими словами.

Среди методов структурирования учебного материала мы предлагаем использовать опорные схемы или опорные конспекты, в которых закодировано содержание изучаемого материала в основных его связях и отношениях.

Профессионально-деятельностные условия заключаются в погружении студента в искусственно воссозданную ситуацию профессиональной деятельности. В рамках практических и семинарских занятий студенты должны проигрывать различные ситуации, с которыми они могут столкнуться в процессе реальной профессиональной деятельности. К видам профессиональной деятельности мы относим:

- 1) диагностический (умение выявлять возрастные и индивидуальные особенности учеников);
- 2) прогностический (умение предвидеть результат своей профессиональной деятельности);
- 3) проектировочный (умение проектировать и планировать образовательный процесс);
- 4) организаторский (умение организовать ученический коллектив на достижение поставленных целей и задач урока);
- 5) воспитательный (умение формировать определенные установки, мировоззрения, качества личности);
- 6) коммуникативно-стимулирующий (умения поддерживать педагогическое общение на уроке и вне его, а также умение выстраивать взаимоотношения с родителями, коллегами и руководством школы);
- 7) контрольно-оценочный (умение контроля и оценки достигнутых результатов образовательной деятельности учащихся);
- 8) рефлексивный (умение дать оценку эффективности своей профессиональной деятельности);
- 9) исследовательский (умение научно интерпретировать результаты своей профессиональной педагогической деятельности).

Таким образом, разделение условий на психолого-педагогические, учебно-методические и профессионально-деятельностные создает основу для проблемного изложения материала, способствует активному восприятию, более глубокому пониманию, развитию аналитико-синтетической деятельности студентов, облегчает усвоение материала и в целом способствует формированию гностических умений учащихся.

Литература

1. *Блох М. Я.* Человек и мир сквозь призму языка. Философские раздумья: монография. М.: Прометей, 2020. 534 с.
2. *Норина В. Н.* Гностические функции // Образовательный портал «Справочник». URL https://spravochnick.ru/psihologiya/gnosticheskie_funkcii/ (дата обращения: 08.11.2023).
3. Приказ Министерства образования и науки РФ от 22.02.2018 №125. «Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)» // Собрание законодательства РФ. 03.06.2018. № 33. ст. 4777.
4. *Садовая Т. А.* Формирование гностических умений будущих воспитателей в процессе профессионально-педагогической подготовки // Обучение и воспитание: методики и практика. 2013. № 7. С. 265-270.
5. *Семенов Ю. И.* Введение в науку философии. Кн. 4: Современные проблемы теории познания, или логики разумного мышления (умозримый мир в себе и для нас, факты, проблема, понимание и объяснение, идея, интуиция, холия, гипотеза, теория). М.: ЛЕНАНД, 2020. 304 с.

Резцова С. А.,
кафедра лингвистики и
межкультурной коммуникации,
факультет иностранных языков,
Государственный социально-
гуманитарный университет;
svetareztsova@rambler.ru
SPIN-код eLibrary: 3076-3449

Степанова Н. Ю.,
кафедра лингвистики и
межкультурной коммуникации,
факультет иностранных языков,
Государственный социально-
гуманитарный университет;
stepanovanyu@yandex.ru
SPIN-код eLibrary: 1500-6100

ТЕХНОЛОГИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ АВТОНОМНОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Аннотация: последние годы в теории и практике обучения иностранным языкам наблюдается переход от традиционной модели обучения к студентоцентричному подходу, который основывается на принципах педагогики конструктивизма. Конструктивизм в образовании, в отличие от инструктивной парадигмы, отражает концепцию индивидуализации обучения. Он предусматривает создание индивидуальных образовательных траекторий, основанных на принципах активного и проблемного обучения, технологии сотрудничества, критического мышления. Одним из ключевых понятий данного подхода является «учебная автономия», которая зачастую ошибочно трактуется как полное отсутствие вмешательства в процесс обучения или контроля со стороны учителя. Основой автономного обучения становится коллаборация обучающихся. Умения автономной учебной деятельности в образовательном процессе по иностранному языку могут быть успешно сформированы при помощи технологии сотрудничества. В статье рассматриваются понятия учебной автономии и технологии

сотрудничества в контексте перехода к студентоцентричному обучению. Авторы описывают технологии обучения иностранному языку в высшей школе, позволяющие эффективно организовать групповую работу. Данная стратегия создает комфортные условия для обучения, активизирует познавательную активность, способствует повышению мотивации обучающихся и вовлеченности каждого обучающегося в учебный процесс, приобщает к совместной деятельности и помогает выработать навыки успешного взаимодействия со сверстниками и может быть использована со студентами любого уровня вне зависимости от содержания курса. Авторы характеризуют основные принципы технологии сотрудничества, такие как максимальное взаимодействие в группе, обеспечение каждому обучающемуся равных возможностей для совместной деятельности, обучение без принуждения, индивидуальный подход и положительная взаимозависимость, а также приводят примеры эффективных групповых технологий, обеспечивающих формирование учебной автономии, из собственной практики преподавания в языковом вузе. В статье также затрагиваются проблемы, препятствующие внедрению технологии сотрудничества, и даются рекомендации по их преодолению.

Ключевые слова: педагогика конструктивизма, студентоцентричный подход к обучению, учебная автономия, технология сотрудничества, групповые формы работы, взаимодействие.

Svetlana Reztsova,
*Department of Linguistics and
Crosscultural Communication,
Faculty of Foreign Languages,
State Socio-Humanitarian University;
svetareztsova@rambler.ru
SPIN-код eLibrary: 3076-3449*

Natalia Stepanova,
*Department of Linguistics and
Crosscultural Communication,
Faculty of Foreign Languages,
State Socio-Humanitarian University;
stepanovany@yandex.ru
SPIN-код eLibrary: 1500-6100*

COOPERATE LEARNING STRATEGIES AS A WAY OF EMPOWERING LANGUAGE LEARNER AUTONOMY IN FLT IN TERTIARY EDUCATION

Abstract: recent years have been characterized by a shift from traditional teacher-centered instruction to learner-centered instruction, which is built on the principles of constructivism. The constructive approach (in contrast to the instructive approach) is essentially student-centered. It implies a student-based curriculum that encourages active learning, participation, critical thinking, and problem solving. One of the key concepts of the approach is ‘learner autonomy’, which is sometimes wrongly assumed to imply that students are learning alone and without any involvement on the part of the instructors. The core of learner autonomy is therefore peer collaboration and interaction, which can be achieved through various cooperative learning strategies. To this end, the paper dwells upon learner autonomy and cooperative learning as part of a shift towards student-centered learning. The paper describes cooperative learning as a classroom structure where teachers provide activities and opportunities for learners to work together in small groups rather than individually. The strategy has a positive effect because it creates an effective environment for learning, fosters student engagement, maximises participation and collaboration, motivates learners, supports students of different levels and can be used irrespective of the course content. The major principles of cooperative learning are studied, namely: maximal peer interactions, equal opportunity to participate, individual accountability and positive interdependence. Examples of grouping strategies and specific instruction tools for an English language classroom are provided. The paper also touches upon cooperative learning challenges followed by recommendations on how to avoid them.

Keywords: constructive approach, student-centered learning, learner autonomy, cooperative learning strategies, grouping strategies, peer interaction.

В истории преподавания английского языка существовало множество различных методов, таких как прямой, грамматико-переводной, аудиолингвальный, метод полного физического реагирования, суггестопедия и другие. Конец XX и начало XXI веков характеризовались сдвигом в сторону так называемого

«постметодического мышления» [4], согласно которому учитель должен уметь адаптировать используемый метод или комбинацию методов к потребностям своих учеников.

По мнению Джейкобса и Фаррелла [2], одной из ключевых концепций, лежащих в основе смены парадигмы в коммуникативном обучении языку (CLT), является концепция автономии обучающегося, цель которой состоит в том, чтобы позволить ученикам стать автономными личностями, способными справляться с требованиями окружающего мира.

В нашем исследовании мы исходили из предположения, что автономия учащихся может быть создана в классе только при условии поддержки со стороны как учителя, так и учащихся. Исследования, изучавшие значение автономии в обучении иностранному языку, показывают, что учащиеся способны развивать когнитивные навыки, необходимые для обучения, когда им предоставляется возможность принимать решения в классе. В этой связи мы обнаруживаем, что существуют два подхода к обучению, философски противоположных друг другу: педоцентрический и конструктивистский.

Педоцентризм (традиционный подход) ориентирован на учителя. Конструктивистский (студентоцентричный) подход, напротив, ориентирован на учащихся и поощряет активное и проблемное обучение, вовлеченность, критическое мышление. Конструктивистский подход рассматривает учителя как проводника и помощника. Учащиеся накапливают знания вместе, работая в группах. Учащиеся много коммуницируют, и в классе может быть шумно. Программа обучения ориентирована на учащихся, а это означает, что они сами участвуют в создании образовательной траектории. Обучение является адаптивным и процессно-ориентированным. Студенты оценивают свой процесс обучения и прогресс друг друга, а также преподавателя.

Конструктивизм стал популярным в 1980-х годах и лег в основу для современных подходов к обучению, в первую очередь коммуникативного подхода. Согласно конструктивизму, учащиеся создают собственные знания на основе своего опыта и взаимодействия с миром. Учащиеся постоянно создают и совершенствуют новые знания на основе получаемого опыта. Примеры конструктивистских стратегий включают стратегии критического мышления, синтеза и технологию сотрудничества.

Педагогика конструктивизма напрямую связана с концепцией учебной автономии. Автономное образование – это организация образовательной деятельности с акцентом на регулятивные универсальные учебные действия (УУД), а также на активную практическую деятельность самих обучающихся. Учитель поощряет самостоятельность и ответственность учащихся, их способность к сотрудничеству в группе, им предоставляется свобода выбора заданий, уровня их сложности и способов выполнения. В развитии автономии учащихся очень важны отношения учителя и ученика, поскольку доверие и сотрудничество между учителями и учениками имеют решающее значение для того, чтобы обучающиеся чувствовали себя комфортно и безопасно в классе [3].

Одной из самых эффективных технологий, способствующих формированию навыков автономного обучения иностранному языку в языковом вузе, является технология сотрудничества. «Обучение в сотрудничестве – это совместное обучение, в процессе которого учащиеся работают вместе, коллективно добывая новые знания, а не потребляя их в уже готовом виде» [1]. Эта технология позволяет вовлечь каждого ученика в активный познавательный процесс и предполагает обучение в малых группах.

Стратегия имеет положительный эффект, поскольку создает комфортные условия для обучения, активизирует познавательную активность, способствует повышению мотивации обучающихся и вовлеченности каждого обучающегося в учебный процесс, приобщает к совместной деятельности и помогает выработать навыки успешного взаимодействия со сверстниками и может быть использована со студентами любого уровня вне зависимости от содержания курса.

Обучение в группах способствует развитию коммуникативной компетентности учащихся и формированию совокупности зрительно-пространственного, телесно-кинестетического и вербального интеллекта. В качестве стратегии сотрудничества она способствует самостоятельности учащихся и повышает их мотивацию в контексте реальной жизни.

Для учителей иностранного языка крайне важно создавать возможности для совместного обучения и осуществлять деятельность, требующую развития критического мышления. Поощрение самостоятельности учащихся должно стать постоянным двусторонним процессом и начинаться с поощрения саморефлексии учащихся, обмена

идеями между учителями и учениками, взаимообучения и совместного решению проблем.

Литература

1. *Жубатова А. Ф.* Технология сотрудничества – эффективная педагогическая технология // Педагогическая наука и практика. 2020. № 1 (27). С. 48–49.
2. *Jacobs G., Farrell T.* Understanding and implementing the CLT paradigm // RELC Journal. 2003. № 41 (1). P. 5–30.
3. *Voller P.* Does the teacher have a role in autonomous learning. *Autonomy and Independence in Language Learning.* London: Longman, 1997. P. 98–113.
4. *Woodward T.* Paradigm shift and the language teaching profession. *Challenge and change in language teaching.* Oxford: Heinemann English Language Teaching, 1996. P. 4–9.

*Тарасов А. А.,
кафедра лингводидактики и
современных технологий
иноязычного образования,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
aa.tarasov@mpgu.su*

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ ОБУЧЕНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ ПРОЕКТИРОВАНИЮ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Аннотация: статья охватывает анализ и направления решения распространенных проблем, с которыми сталкиваются студенты педагогических вузов в процессе педагогического проектирования на иностранном языке.

Ключевые слова: педагогическое проектирование, проблемы педагогического проектирования, проектирование курсов и модулей, методика преподавания иностранного языка, учебная программа, учебные материалы.

*Alexander Tarasov,
Department of Linguodidactics and
Modern Technologies of
Foreign Language Education,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
aa.tarasov@mpgu.su*

PROBLEM SOLVING IN TEACHING SYLLABUS DESIGN TO FUTURE FOREIGN LANGUAGE TEACHERS

Abstract: the article covers the analysis and directions for solving common problems that students of pedagogical universities encounter in the process of syllabus design for foreign language studies.

Keywords: syllabus design, problems of syllabus design, course and module design, methodology of foreign language teaching, syllabus, training materials.

Освоение умений педагогического проектирования является одним из ключевых элементов подготовки будущего преподавателя иностранного языка. В ходе занятий по педагогическому проектированию учащиеся занимаются разработкой своих проектов – курсов и модулей, которые в дальнейшем могут быть использованы в предстоящей педагогической работе. Проводится оценка возможных результатов будущего образовательного процесса, основанного на разработанном курсе или модуле. Сущность педагогического проектирования подразумевает создание студентами новаторского образовательного продукта [3]. К тому времени, когда студенты приступают к изучению курса по педагогическому проектированию, многие из них уже имеют опыт работы в образовательной среде в роли преподавателя. Студентам необходимо проявить себя в роли разработчика авторского курса иностранного языка, применяя накопленные теоретические знания лингводидактики и профессиональные умения.

На первом этапе педагогического проектирования нужно выбрать тему для модуля или курса. Она должна быть актуальной и новой, интересной для тех, кто будет учиться. Тема должна быть узкой, то есть охватывать только одну сферу жизнедеятельности. Многие студенты выбирают широко распространенные темы, которые постоянно встречаются в различных учебно-методических комплексах. Для решения данной проблемы следует рассмотреть разные аспекты обычных тем и, выбрав интересный, необычный фокус анализа, преобразовать банальную тему.

При формулировании темы важно не забывать учитывать интересы и увлечения школьников на основе системной и реалистичной оценки их потребностей [2]. Потребности целевой аудитории являются основой для всей последующей учебной и коммуникативной деятельности. Если не конкретизировать потребности, эффективность всего процесса проектирования может снизиться. В результате, на последующих этапах проектирования курса могут возникнуть трудности в определении целей обучения и наполнении содержания курса, отвечающего реальным потребностям целевой аудитории. Объективные потребности учащихся

связаны с уровнем владения иностранным языком и частотными ошибками и затруднениями в иноязычной коммуникации. Определение уровня владения иностранным языком потенциальной целевой аудитории может оказаться необъективным, а разработчик курса может оптимистично определить динамику освоения новых знаний, иноязычных умений и навыков за установленный период. В результате разработчики курсов указывают слишком высокий целевой уровень владения иностранным языком, который невозможно достичь. Здесь целесообразным видится контроль учащихся на первоначальном этапе, а также экспериментальная проверка и рефлексия всего разработанного курса и отдельных уроков на предмет посильности и эффективности освоения иноязычных навыков и умений.

Мотивация учащихся к изучению темы курса или модуля и речевая интенция в рамках образовательного процесса серьезно подавляются использованием клишированных формулировок, не выделяющих преимущества темы. Решением данной проблемы может быть поиск проблемных вопросов и противоречий по теме курса [7]. Возможность легко задать проблемный вопрос ко всему проектируемому курсу или включение такого вопроса в тему сигнализирует об эффективности и легкости дальнейшей постановки коммуникативных задач. На данном этапе закладывается фундамент дальнейшей реализации курса и педагогического общения с классом. К примеру, в теме курса «Healthy lifestyle» достигается более высокий уровень проблематизации при включении проблемного вопроса в формулировку: «Healthy lifestyle: hobby or necessity?». В данной теме содержится проблемный вопрос, формирующий речевую интенцию и охватывающий различные аспекты данной темы. При отсутствии проблемного вопроса в формулировке темы, как, например, «The future is born today», довольно легко извлечь проблемный вопрос, адресованный целевой аудитории: «What does your future depend on?», что повышает мотивацию учащихся. С другой стороны, тема «History of Great Britain» является слишком широкой, а формулировка проблемного вопроса не является очевидной и может быть привязана к различным аспектам данной темы. Таким образом, данная формулировка будет воспринята среди целевой аудитории как банальная, стандартная с соответствующим недостаточным уровнем мотивированности учащихся.

При выборе темы курса или модуля студенты сталкиваются с необходимостью разделения образовательного продукта на части: блоки

или системы уроков. Каждая часть должна раскрывать аспект выбранной темы. Такие аспекты или проблемные направления темы должны быть разными, но связанными друг с другом. В результате, от учащихся требуются умения анализа и синтеза, систематизации, позволяющие достигнуть баланс между узкой направленностью темы и возможностью ее декомпозиции.

Важным этапом проектирования, позволяющим наглядно представить возможности декомпозиции темы курса, является планирование подтем и элементов курса в форме ментальной карты. Ментальная карта, имеющая несколько ступеней-слоев, доказывает и показывает обособленность и специфику темы, и одновременно – многоаспектность, многогранность темы. Напротив, поверхностная, недетализированная ментальная карта ведет к хаотичной организации учебной программы. В дальнейшем, студенты могут использовать элементы ментальной карты при разработке уроков, составляющих курс. Иногда графический план реализуется в программе курса в неполной мере, а также тематическое содержание курса не соответствует ментальной карте. Здесь от разработчика курса требуется соблюдение последовательности и логичности. Следует выполнять те требования и соответствовать тем ограничениям, которые сам разработчик курса устанавливает на первоначальных этапах проектирования.

Соблюдение последовательности и логичности проявляется и решает проблемы других этапов педагогического проектирования. Студенты должны уметь соотносить цели обучения с ранее обозначенными потребностями целевой аудитории, чтобы удовлетворить данные потребности. Если цели не конкретизированы, достижение конкретных результатов обучения становится затруднительным. Во время проектирования содержания программы, студенты иногда обнаруживают, что некоторые из поставленных целей невозможно достичь. Им приходится адаптировать цели или отказываться от некоторых из них.

Еще одна сложность целеполагания связана с конкретизацией задач обучения [5]. Задачи детализируют и уточняют цели обучения, и важно правильно соотносить масштаб целей и задач, разбивая цели на более мелкие аспекты.

Выбор подхода и типа учебной программы для разработки содержания учебной программы может показаться студентам простым, но на самом деле вызывает сложности при дальнейшем проектировании

программы согласно выбранной концепции. Подход к проектированию учебной программы определяет типологию программ. Подход связан с целями обучения, влияет на критерии отбора учебных материалов, компоненты программы, последовательность и приоритетность освоения отдельных навыков и умений. Если связь между подходом, типом программы и содержанием программы не установлена, то необходимо корректировать подход, тип или содержание программы.

При проектировании отдельных уроков студентам приходится определять ключевую практическую цель, которую зачастую сложно выделить среди нескольких практических целей [6]. Некоторые студенты с большим трудом ставят перед учащимися и реализуют коммуникативные задачи внутри уроков и систем уроков [1].

Недостаточная теоретическая подготовка студентов в области методики преподавания иностранных языков является одной из самых серьезных проблем, которая ярко проявляется при методическом обосновании упражнений, прогнозировании вероятных педагогических ситуаций. Методические комментарии, использующие научные категории, классификации и теоретические концепции, придают демонстрационному уроку научное обоснование и обеспечивают доказательную базу.

При разработке демонстрационных уроков рекомендуется придерживаться принципов адаптивности, гибкости и дифференциации с учетом особенностей целевой аудитории [4]. Студенты должны находить оптимальный баланс между текстовым, языковым и речевым материалом, различными типами упражнений и заданий. Нередко студенты забывают или не учитывают применение информационных технологий в рамках демонстрационных уроков, что снижает эффективность образовательного процесса.

На этапе контроля результатов обучения будущие преподаватели иностранных языков сталкиваются с проблемами определения критериев оценки. Зачастую студентами предлагаются исключительно критерии максимальной оценки или единственного диапазона баллов.

Таким образом, ответственность за преодоление трудностей в изучении педагогического проектирования лежит как на преподавателе высшего учебного заведения, так и на студенте-будущем учителе. Преподаватель вуза может решать проблемы, постоянно контролируя ход проектной работы студентов. Обратная связь помогает скорректировать неправильный ход проекта и предотвратить накопление

дальнейших ошибок. Профессиональное и личностное развитие, а также совершенствование методической компетентности, включая укрепление знаний теоретического аппарата будущих учителей, очень важны для развития умений педагогического проектирования. Разрабатываемые учебные материалы следует рассматривать не только как инструменты для обучения, но также для воспитания и развития.

Со стороны студентов для преодоления трудностей педагогического проектирования полезно конкретизировать потребности потенциальных учащихся и цели обучения, что облегчает решение педагогических проблем. Применение студентами существующих учебных материалов в педагогическом проектировании позволяет рассматривать их в качестве объекта актуализации и отправной точки проекта. Личный интерес студентов-разработчиков к выбранной теме, целевой аудитории, образовательному процессу и, в целом, методике преподавания иностранных языков позволяет преодолевать возникающие сложности.

Литература

1. *Ариян М. А., Шамов А. Н.* Основы общей методики преподавания иностранных языков. Теоретические и практические аспекты: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2018. 224 с.
2. Основы методики обучения иностранным языкам / *Н. Д. Гальскова, А. П. Василевич, Н. Ф. Коряковцева Н. Ф. и др.* М.: КНОРУС, 2018. 390 с.
3. *Колесникова И. Л., Долгина О. А.* Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков: справочное пособие. М.: Дрофа, 2008. 431 с.
4. *Коряковцева Н. Ф.* Современная методика организации самостоятельной работы изучающих иностранный язык: пособие для учителей. М.: Изд-во АРКТИ, 2002. 173 с.
5. *Соловова Е. Н.* Методика обучения иностранным языкам: продвинутый курс: пособие для студентов пед. вузов и учителей. 2-е изд. М.: АСТ: Астрель, 2010. 272 с.
6. *Чернышов С. В., Горобинская Н. В.* Теория и методика обучения иностранным языкам. Практикум: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2022. 272 с.
7. *Чернышов С. В., Шамов А. Н.* Теория и методика обучения иностранным языкам. М.: КНОРУС, 2022. 442 с.

*Филатова Л. Н.,
ГБОУ Школа № 1246, Москва;
lilita.filatova.97@bk.ru*

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ОВЛАДЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧЬЮ

Аннотация: в данной статье раскрывается проблема формирования нравственного развития младших школьников в процессе овладения иноязычной речью. Подчеркивается важность аксиологического аспекта начального иноязычного образования, поскольку он включает совокупность нравственных ценностей, личностных качеств, а также формирует нравственную культуру младшего школьника. В статье отмечается важность методической подготовки учителя иностранного языка и раскрывается его роль в воспитании школьников, что является важным условием для успешного формирования у них нравственных ценностей. Определяется значимость ценностных ориентиров профессиональной методической подготовки.

Ключевые слова: начальное иноязычное образование, нравственные ценности, младший школьный возраст, личность младшего школьника и ее способность к иноязычному общению, нравственное развитие.

*Filatova Lilita,
School 1246, Moscow;
lilita.filatova.97@bk.ru*

THE PROBLEM OF FORMING THE MORAL DEVELOPMENT OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN IN THE PROCESS OF MASTERING FOREIGN LANGUAGE SPEECH

Abstract: this article reveals the problem of forming the moral development of younger schoolchildren in the process of mastering foreign language speech. The importance of the axiological aspect of primary foreign language education is emphasized, since it includes a set of moral values,

personal qualities, and also forms the moral culture of a younger student. The article notes the importance of methodological training of a foreign language teacher and reveals his role in the education of schoolchildren, which is an important condition for the successful formation of their moral values. The significance of the value orientations of professional methodological training is determined.

Keywords: primary foreign language education, moral values, primary school age, the personality of a junior student and his ability to communicate in a foreign language, moral development.

В настоящее время в методической науке проблема формирования нравственного развития младших школьников в процессе овладения иноязычной речью является актуальной и важной. В процессе изучения иностранного языка младшие школьники сталкиваются с новыми культурными ценностями, нормами и правилами поведения. Правильное формирование нравственного развития в этом контексте может способствовать более глубокому пониманию других культур, уважению к различиям и поиску того, что объединяет разные народы и культуры.

В рамках концепции начального иноязычного образования, проблема формирования ценностей у младших школьников становится важным аспектом, поскольку начальная школа составляет основу, на которой строятся ценностные ориентации будущих граждан нашей страны [2].

Введенное З. Н. Никитенко понятие начальное иноязычное образование, в методической науке, представляет собой процесс и результат, связанные социально-обусловленным, коммуникативным, духовно-нравственным и когнитивным развитием младшего школьника, который осваивает иностранный язык в качестве средства общения и познания [2]. В соответствии с концепцией З. Н. Никитенко, одним из важных результатов методической системы начального иноязычного образования является формирование личности младшего школьника и его способности к иноязычному общению. Это включает приобретение нравственных и культурных ценностей, необходимых для духовного развития, развитие мотивации и учебно-познавательных навыков, а также способности к рефлексии учебной деятельности. Другим важным аспектом является формирование способности к иноязычной речевой деятельности (аудированию, говорению, чтению и письму), которая зависит от когнитивных способностей. Также в рамках начального

иноязычного образования учащиеся осваивают универсальные учебные действия, которые являются основой учебно-познавательной деятельности и способствуют развитию умения учиться.

3. Н. Никитенко подчеркивает, что воспитание в начальном иноязычном образовании заключается в формировании личностных качеств и нравственных ценностей у младшего школьника, способствующих его нравственному развитию и саморазвитию [2].

Аксиологический аспект играет ключевую роль в содержании начального иноязычного образования, поскольку он формирует ценностные основы и принципы обучения иностранному языку. Именно данный аспект создает основу для формирования у младших школьников понимания и оценки моральных норм и принципов, которые составляют основу нравственного поведения. Важно, чтобы дети осознали, что нравственные ценности являются неотъемлемой частью общества и взаимодействия с окружающими их людьми. Аксиологический аспект включает такие нравственные ценности, как семья, здоровье, патриотизм, формирование которых будет способствовать развитию у них нравственной способности – способности к иноязычному общению и к благородным поступкам.

Формирование нравственного развития младших школьников в процессе изучения иностранного языка является важным аспектом и требует особого внимания. На уроке английского языка могут возникать следующие проблемы нравственного развития у младших школьников:

1. Недостаток уверенности и страх перед ошибками: некоторые дети могут бояться сделать ошибку при говорении на английском языке и избегают активного участия в уроке. Это может привести к низкой самооценке и негативному отношению к изучению иностранного языка.

2. Недостаток уважительного отношения к иному, не такому как у нас, например, к иному мнению. На уроке английского языка дети могут сталкиваться с различными ситуациями, требующими этического поведения, например, при обсуждении различных культурных традиций или при работе в группах с детьми разных национальностей. Некоторые дети могут проявлять неуважение к культурным особенностям своих сверстников.

3. Несоблюдение правил и этикета. На уроке английского языка детям могут быть представлены различные правила и этикет, связанные с общением на иностранном языке. Однако некоторые дети могут не

соблюдать эти правила, что может привести к неправильному общению и негативному впечатлению о других участниках урока.

4. Недостаток мотивации и интереса. Если дети не видят важности изучения английского языка и его связи с их реальной жизнью, они могут терять мотивацию и интерес к уроку. Это может привести к негативному отношению к учебе и нежеланию учиться.

Также выделяют факторы, которые могут вызывать затруднения в формировании у младших школьников нравственных ценностей в иноязычном общении:

1. Недостаточная сформированность умений иноязычного общения. Младшие школьники только начинают изучать иностранный язык и могут испытывать трудности в выражении своих мыслей и эмоций, что может привести к неспособности адекватно выразить свои нравственные убеждения.

2. Отсутствие контекста и понимания. Младшие школьники могут иметь трудности в понимании социального и культурного контекста, в котором используется иностранный язык.

3. Неоднозначность и многозначность. Некоторые нравственные ценности и принципы могут иметь разное значение и интерпретацию в разных культурах, что может вызывать путаницу и затруднения у младших школьников.

Все эти проблемы могут затруднять процесс нравственного развития обучающихся на уроке английского языка и требуют внимания со стороны учителя.

3. Н. Никитенко также выделяет роль учителя в формировании нравственных ценностей у детей. Она подчеркивает, что учитель должен быть не только экспертом в области языка, но и быть духовно-нравственной личностью для учеников. Он должен создавать эмоционально-комфортную обстановку в классе, способствовать развитию эмоционального интеллекта и социальных умений у детей [2].

На сегодняшний день наблюдается недостаточная готовность учителей ИЯ определять нравственную составляющую урока иностранного языка. На наш взгляд, основу противоречия подготовки к духовно-нравственному воспитанию младших школьников у будущих учителей ИЯ составляет недостаточное стремление к осуществлению данного вида деятельности. Следовательно, в современном мире важно не только становление, но и развитие личности будущего учителя ИЯ, способного к воспитанию младшего поколения. Помимо

профессиональной компетентности, одной из основных задач профессиональной подготовки учителя ИЯ для работы в начальной школе является формирование нравственных ценностей. Важно подчеркнуть, что учитель ИЯ не только обучает младших школьников, но и воспитывает их, следуя в своей профессиональной деятельности ценностным приоритетам гуманистической педагогики.

Процесс формирования нравственной культуры учителя английского языка – сложный и многоплановый, зависит от множества факторов. Главный из них – личность и компетентность учителя, его способность использовать весь методический арсенал современных методов и приемов формирования нравственной культуры младших школьников, позволяющий обеспечить понимание учениками определенных понятий, норм, правил жизни для становления духовно-нравственной, гуманной и гармоничной личности.

В заключение стоит отметить, одним из важных условий формирования системы нравственных ценностей в иноязычном образовании является качественная методическая подготовка учителя ИЯ и его активная роль в процессе воспитания. Эти условия помогают детям сохранить свою душевную чистоту, защищая их от негативного влияния, и развивают их способность отличать хорошие и плохие поступки в ситуациях межкультурного общения, что способствует приобретению младшими школьниками нравственных качеств и ценностей. Учитель ИЯ, который владеет приемами формирования у учащихся нравственных ценностей, может заложить основу для их нравственного поведения и способствовать их дальнейшему духовно-нравственному развитию.

Литература

1. *Никитенко З. Н.* Иностранный язык в школе: теория и практика: учеб. М.: ФЛИНТА, 2022. 328 с.
2. *Никитенко З. Н.* Методическая система овладения иностранным языком на начальной ступени школьного образования: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2015.
3. *Никитенко З. Н.* Иноязычное образование в детском саду и школе: социальное измерение // Иностранные языки в школе. 2023. № 2. С. 2–10.

*Хомподоева М. В.,
кафедра иностранных языков по
гуманитарным специальностям,
Институт зарубежной филологии
и регионоведения,
Северо-Восточный
федеральный университет;
mkhompodoeva@yandex.ru
SPIN-код eLibrary: 6368-1030*

**УЧЕБНЫЙ МАТЕРИАЛ РЕГИОНАЛЬНОГО
СОДЕРЖАНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ
ЯЗЫКОВ СТУДЕНТАМ НЕЯЗЫКОВЫХ
СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ И НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ**

Аннотация: в статье рассматривается содержание регионального компонента для развития профессиональных компетенций, являющихся составной частью профессионального становления будущих специалистов.

Ключевые слова: иностранный язык, региональный компонент, образование.

*Maria Khompodoeva,
Department of Foreign
Languages for the Humanities,
Institute of Modern Languages
and International Studies,
North-Eastern Federal University;
mkhompodoeva@yandex.ru
SPIN-код eLibrary: 6368-1030*

EDUCATIONAL MATERIAL OF REGIONAL CONTENT IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES TO STUDENTS OF NON-LINGUISTIC SPECIALTIES AND AREAS OF TRAINING

Abstract: the article examines the content of the regional component for the development of professional competencies, which are an integral part of the professional development of future specialists.

Keywords: foreign language, regional component, education.

Согласно Закону «Об образовании в Российской Федерации», одним из ключевых принципов политики государства в области образования является принцип развития региональных отношений в многонациональном государстве [1].

Ведущие университеты страны и мира уделяют первостепенное значение разработке, позиционированию, качеству контента и совершенствованию моделей реализации образовательных программ.

В рамках образовательных программ СВФУ в содержание регионального компонента внесены составляющие, основанные на материалах традиционных культур народов Севера и Арктики.

В Институте языков и культуры народов Северо-Востока РФ СВФУ изучаются языки, литература и культура коренных народов Севера и Арктики (эвены, эвенки, чукчи, юкагиры, долганы, якуты). Программный материал на иностранном языке представлен по темам национальные традиции и обычаи, культура: жизнь северных и арктических народов, сохранение и возрождение языков, культуры и традиционной деятельности, изменения климата и т.д. (см. табл. 1).

Таблица 1

Модули учебной программы

Социально-бытовая сфера общения. Повседневная жизнь семьи.	Чтение и перевод текстов о национальной культуре народов Севера. Les peuples autochtones de l'Arctique; Les traditions et les croyances des peuples de l'Arctique. Les repas de fête. Sujet à discuter: raconter de la vie des
--	---

	<p>Yakoutes avant la révolution .</p> <p>Quels vêtements portaient les femmes yakoutes?</p>
<p>Общественная жизнь. Хобби, спорт, здоровье.</p>	<p>1. Лексика: о досуге и развлечениях, путешествии, туризме, еде: la fête nationale «yssyakh», l'olonkho, le seul musée spécialisé au monde consacré aux mammoths; la tundra, un pays de permafrost, pergélisol. Yakoutie, nature, cru, congelé, boréal, nomade, indigène. Les piliers de la Lena, L'élevage du renne, répandu surtout dans le nord de la République, est pratiqué par d'autres ethnies (Tchouktches, Koryak, Lamut, Toungouses, Youkaghir); musée d'archéologie et de paléontologie de Iakoutsk.</p> <p>2. Чтение: Qu'est-ce que c'est l'Arctique?; La flore de la région circumpolaire.</p>

Например, учебно-методическое пособие «L'Olonkho pour tout le monde» представляет собой сборник оригинальных текстов Жака Карро по национальному фольклору, якутского эпоса олонхо, а также тексты по той же тематике, имеющие историко-культурное значение. Тексты подобраны таким образом, чтобы студент получил наиболее полное представление о разных возможностях раскрытия темы национального якутского фольклора. Обучающийся получает культурологическую канву для свободного разговора на тему якутского фольклора [2]. Основная задача таких пособий – восполнить отсутствие оригинальных текстов с этнорегиональным аспектом на французском языке.

Так, в процессе чтения текста «l'Olonkho, l'épopée nationale yakoute», следует серия вопросов, имеющих разнообразный характер, она способствует совершенствованию речевых навыков:

... La partie descriptive est dite sur un tempo rapide, récitatif. Les monologues de tous les personnages s'expriment par des chants qui révèlent leur personnalité grâce à l'originalité de la voix, aux caractères du tempo, du timbre, etc. Exécuté au cours d'une seule nuit, l'olonho est considéré comme court – pendant deux nuits, on le dit moyen, et long s'il dure trois nuits ou plus. La longueur moyenne est de 10 à 15 vers.

Le fond des manuscrits des archives de l'Institut de linguistique, de littérature et d'histoire de l'Académie des sciences de la République Sakha (Yakoutie) détient plus de 150 enregistrements d'olonhos. Les plus connus sont: Niourgoun Bootour l'impétueux. Le rebelle Kouloun Koulloustouour et quelques autres qui ont été traduits en russe, en français, en allemand et en anglais.

Répondez aux questions:

1. Quand on écoutait l'olonkho?
2. Pourquoi l'olonkho est-il devenu accessible au vaste public?
3. Est-ce que les olonkhos avaient des personnages et des sujets variés?

По теме «Я и мое образование» студенты знакомятся с историей и традициями своего вуза, известными учеными и выпускниками вуза. В коммуникативную практику включены монологи и диалоги по темам: «Мой университет», «Известные ученые».

По теме «Известный педагог» студентам Института физической культуры и спорта для чтения отбираются небольшие по объему тексты информативного характера: например, текст о великом тренере и педагоге Дмитрие Петровиче Коркине. «Un des premiers organisateurs du développement de la lutte libre dans notre république et l'entraîneur émérite de l'URSS et de la Russie et de la Iakoutie». Также профессионально-ориентированные тексты и слова по национальным видам спорта борьба-хапсагай и якутские прыжки, национальная стрельба из лука и якутская вертушка, хабылык и хаамыска.

Методика работы с текстами может быть разнообразной: выделение новых слов, уточнение их значений, составление планов к тексту; составление тезисов к тексту и т.д.

Приведем примеры на тренировку разных видов речевой деятельности:

1. Аудирование: vous écoutez la radio. Climat : en Yakoutie, le dégel du pergélisol. Lisez les questions.
2. Говорение: Parlez d'Yssyakh, comment vous préparez-vous à cette fête, composez un petit recit.
3. Письменные задания – Vous êtes allé(e) au musée du mammoth à Iakoutsk. Vous écrivez à votre ami français et vous lui racontez l'histoire.

Студентам после чтения текста «La République de Sakha (Yakoutie)» предлагается пройти онлайн-викторину:

1. En quelle année Yakutsk a-t-il été fondé? (1632)
2. Quel est le nom de l'endroit le plus froid où les gens vivent? (Oumyakon Pôle Froid)
3. Les gisements de diamants en Yakoutie quand sont-ils découverts? (en 1955)
4. C'est ... ? (fête nationale yakoute)
5. Qu'est-ce que c'est? (На экране демонстрируется фотография национального танца осуохай)
6. Que font ces gens? (встреча солнца)
7. Cet outil est appelé homus. (L'écran montre une photo de l'outil deux réponses possibles sont proposées: vrai / faux)
8. Comment ça s'appelle? (Une photo d'un glacier est affichée à l'écran)
9. Choisissez le bon nom (На экране демонстрируется фотография ледохода)
10. Au bord de quel fleuve se trouve Yakutsk? (Léna)

Региональный компонент реализуется посредством учебников и учебных пособий, соответствующих словарей и т.д. В СВФУ им. М. К. Аммосова разработаны учебные пособия на базе регионального компонента. При отборе текстов и материалов учитываются предусмотренные РПД цели каждого этапа обучения французскому языку в вузе. Тексты могут служить дополнительным материалом, расширяющим лексический запас студентов по специальности.

Региональный компонент в содержании дисциплины «Иностранный язык» для обучения студентов неязыковых направлений и специальностей представлен достаточно обстоятельно и предполагает достаточное разнообразие краеведческой лексики.

Литература

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 04.08.2023).

2. L'olonkho pour tout le monde: сборник текстов на французском языке по якутскому национальному фольклору для студентов 1–2 курсов неязыковых факультетов: учебно-методическое пособие / сост.: Л. В. Винокурова, А. Н. Тарасова, Т. И. Григорьева. Якутск: Изд. Якутского госуниверситета, 2010. 33 с.

МОЛОДЁЖНАЯ СЕКЦИЯ

*Абдукаримова А. Б.,
кафедра восточной филологии
и перевода,
Казахский национальный
педагогический университет
имени Абая;
aisuluabdukarimova@gmail.com*

*Научный руководитель: Жумабекова А. К.,
доктор филологических наук, профессор,
Казахский национальный
педагогический университет
имени Абая;
aigzhum@mail.ru*

СТРАТЕГИИ ЛОКАЛИЗАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация: в современном глобализированном мире локализация стала неотъемлемой частью продвижения компаний на международном рынке. Именно локализация занимается адаптацией продуктов, услуг, контента или программного обеспечения под лингвокультурные особенности целевой аудитории и региона. Локализация включает в себя множество процессов, поэтому для эффективной реализации данного этапа необходимо наличие тщательно разработанной стратегии. В данной статье будут рассматриваться стратегии локализации, которые помогают компаниям успешно внедрять свои продукты и услуги на глобальные рынки.

Ключевые слова: локализация, теория локализации, стратегия локализации.

*Aisulu Abdukarimova,
Department of Oriental Philology
and Translation,
Abai Kazakh National
Pedagogical University;
aisuluabdukarimova@gmail.com
Scientific supervisor: Aigul Zhumabekova,*

*Doctor of Philology, Professor,
Abai Kazakh National
Pedagogical University;
aigzhum@mail.ru*

LOCALIZATION STRATEGIES IN THE MODERN ERA

Abstract: in today's globalized world, localization has become an integral part of expanding companies on the international market. Localization deals with the adaptation of products, services, content or software to the linguistic and cultural aspects of the target audience and the region. Since localization encompasses various processes, a well-developed strategy is essential for its effective implementation. This article explores localization strategies that help companies to successfully introduce their products and services to global market.

Keywords: localization, language localization, theory of localization, localization strategy, translation.

Сегодня глобализация считается одной из ведущих тенденцией в развитии мировой экономики. Быстро растущие компании стремятся выйти на международный рынок и базируют на этом свою траекторию развития, которая, в том числе, подразумевает собой продвижение продуктов компании на целевом рынке. Для этого прежде всего необходимо провести капитальную работу по адаптации продуктов с учетом лингвокультурных и региональных особенностей целевого рынка. Это достаточно трудо- и ресурсозатратный процесс, требующий участия разных специалистов, обладающих необходимыми фоновыми знаниями. Именно этот процесс, называемый локализация, способствует расширению компании на глобальном рынке и является важным аспектом в политике ведения международного бизнеса. Следовательно, под локализацией следует понимать «отдельный вид профессиональной деятельности, ориентированный на адаптацию продукта/услуги к национальному рынку с учетом социальных, экономических, маркетинговых и технологических факторов» [2, с. 166].

Для того, чтобы обеспечить хороший клиентский опыт необходимо уже на тактическом уровне определить стратегию локализации.

Стратегия локализации – это план действий, разработанный компанией или организацией для адаптации своих продуктов, услуг или

контента к конкретным региональным или культурным особенностям, с целью удовлетворения потребностей и ожиданий местных пользователей. То есть сделать продукты/услуги более доступными и привлекательными для целевой аудитории в различных странах и регионах.

Важно обозначить, что акт реализации продуктов компании на мировом рынке завязан на наборе сложных взаимосвязанных процессов, известных как *GILT* (Globalization, Internationalization, Localization and Translation), где интернационализация является важной предшествующей локализации и имеет на нее прямое воздействие.

Согласно Е. В. Чистовой «Если изначально продукт не был интернационализирован, т.е. в нем были максимально «затушеваны» национальные и лингвокультурные особенности, то на этапе локализации он должен быть подвержен значительной технической и лингвистической обработке, что приводит и к серьезным финансовым затратам» [2, с. 163]. Поэтому важно предусмотреть этап интернационализации продукта при работе над стратегией локализации.

Разработка стратегии локализации заключается в постановке конкретных задач, расчете внутренних и внешних ресурсов, прогнозировании результатов и анализе ключевых показателей эффективности.

Опираясь на исследования О'Хагана и Чендлера можно выделить две основные модели применяемые в стратегии локализации: *post-gold* и *sim-ship* [5]. Первая модель подразумевает выход локализованного продукта после выхода оригинала, что повышает уровень качества локализации за счет выделяемого времени. Вторая же модель обеспечивает более высокий уровень дохода ввиду экономии ресурсов посредством уже интегрированных маркетинговых мероприятий на глобальном уровне для всех продуктов [3].

Вне зависимости от выбранной модели одним из ключевых факторов для хорошо скоординированного и оптимизированного процесса локализации является наличие качественно разработанного *localization kit* (локкит). Локкит – это инструмент, содержащий файлы и подробные спецификации проекта. Помимо основных элементов, таких как предыдущие переводы и глоссарии, локкит включают в себя разделы, относящиеся к различным частям проекта: графический интерфейс, документация, справки и веб-файлы. Простое предоставление

предыдущих переводов и их оригиналов облегчает управление проектом и обеспечивает согласованность во всех глоссариях [4].

Отдельный масштабный процесс, который необходимо учесть при разработке стратегии локализации заключается в исследовании целевого рынка. Эффективное выполнение этого процесса требует внимательного анализа и оценки множества факторов. Время, затрачиваемое на этот этап, может значительно варьироваться в зависимости от типа продукта, его степени стандартизации и наличия предварительных образцов и примеров. Продукты с высокой степенью стандартизации и предварительными образцами могут требовать меньше времени, в то время как уникальные и специализированные продукты могут потребовать более длительного и детального исследования. Этот процесс также включает в себя изучение конкурентной среды и предпочтений аудитории. Важно отметить, что, несмотря на то что, этот этап может быть времязатратным, он существенно влияет на успешность локализации продукта и его принятие на рынке.

В противном случае неправильный выбор стратегии перевода, её реализация или игнорирование ключевых аспектов могут привести к серьезным последствиям и быть обнаружены слишком поздно.

Так, например, наглядный пример произошедший с компанией P&G, которая запустила маркетинговую кампанию для Rampers в Японии. В своей рекламе они решили использовать классическое для Запада изображение аиста, доставляющего одноразовые подгузники благодарной и счастливой семье. Однако, как стало известно позже, в Японском фольклоре не существует представлений об аистах приносящих новорожденных. Вместо этого новорожденные прибывают благодаря гигантскому персику, плывущему по реке. Данная ошибка ярко отразилась на продажах продукта [1].

Примером успешной политики ведения международного бизнеса вкупе с качественно проработанной локализацией может считаться компания The Walt Disney Company. Компания работает на всех континентах мира. Их продукция распространяется почти во всех странах. Теле- и радиоканалы компании доступны почти в 165 странах мира. У Disney есть тематические парки и курорты в Северной Америке, Франции, Японии, Китае, Индии и Гонконге.

Стратегия локализации является одной из ключевых для Disney, чтобы повысить свою конкурентоспособность на зарубежных рынках. Адаптация продукта включает в себя модификацию характеристик

продукта в соответствии с потребностями местного рынка. В странах, чьи культурные ценности сопоставимы с американскими, Disney фокусируется только на незначительных модификациях продукта. Например, Европа и США, где производится преимущественно перевод контента на местные языки.

Компания обычно занимается существенной модификацией продукции в таких странах, как Китай, культура которых сильно отличается от культуры западных стран. Например, тематические парки и курорты в Индии и Китае включают местные обычаи и фестивали в свои развлекательные программы, а их меню включает местные и традиционные блюда, чтобы привлечь клиентов.

В киноиндустрии компания сотрудничает с артистами и продюсерами из разных стран, чтобы доставлять нужный контент целевой аудитории. Адаптация продукта позволяет компании обеспечить удовлетворенность клиентов и лояльность к бренду. Это приводит к высоким продажам на внешних рынках.

Таким образом, для компаний, выходящих на международный уровень, издержки неудачной стратегии локализации могут быть ошеломляющими: от падения продаж, низких отзывов и рейтингов до потери имиджа бренда и угрозы будущему бизнеса. Тем не менее, правильно разработанная и тщательно выполненная стратегия локализации может значительно увеличить шансы на успех на мировых рынках, привести к росту продаж и укреплению бренда, а также укрепить позиции компании в глобальной конкурентной среде.

Литература

1. Официальный сайт школы глобального менеджмента Thunderbird при Университете штата Аризона. URL: <https://thunderbird.asu.edu/thought-leadership/insights/its-peach-not-stork-how-pg-recovered-pampers-fail-japan> (дата обращения: 04.11.23).
2. Чистова Е. В. Теоретический статус межъязыковой локализации как особого вида переводческой деятельности // Культура и текст. 2020. № 3 (42). С. 161–175.
3. *Carreira O. & Molines Galarza, N.* Internationalization & Localization Strategies: A Case Study on Vogue. 2022. P. 117–134.
4. *Coronado J., Day D.L. & Hall B.* Designing for Global Markets 4 // 4th International Workshop on Internationalization of Products and Systems 2002. P. 119–123.

5. *O'Hagan M. & Chandler H.* Game localisation research and translation studies: Loss and gain under an interdisciplinary lens. 2016. P. 314–321.

*Асанова М. К.,
кафедра восточной филологии
и перевода,
Казахский национальный
педагогический университет им. Абая;
meruert.a.01@gmail.com*
*Научный руководитель: Жумабекова А. К.,
доктор филологических наук,
профессор кафедры восточной
филологии и перевода,
Казахский национальный
педагогический университет им. Абая,
Алматы, Казахстан;
e-mail: aigzhum@mail.ru*

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕЛЯХ

Аннотация: в статье освещаются вопросы оценки качества переводов в образовательных целях. Исследуется значимость оценки переводов как инструмента для повышения языковых навыков переводчиков и понимания культурных особенностей ИЯ. В статье рассматриваются различные методы и подходы к оценке качества переводов.

Ключевые слова: перевод, оценка качества перевода, методы оценки, обучение переводу.

*Meruert Asanova,
Department of Oriental Philology
and Translation
Abai Kazakh National
Pedagogical University;
meruert.a.01@gmail.com*
*Scientific supervisor: Aigul Zhumabekova,
Doctor of Philology, Professor,
Department of Oriental Philology
and Translation,*

TRANSLATION QUALITY ASSESSMENT IN EDUCATION

Abstract: In this article we highlighted the issues of translation quality assessment in education. The significance of translation assessment as a tool for improving translators' language skills and understanding the cultural features of the language are investigated. Various methods and approaches to translation quality assessment are discussed.

Keywords: translation, translation quality assessment, assessment methods, translation education.

В течение многих лет из-за отсутствия объективной модели оценки качества переводов (ОКП) исследователи фокусировались на субъективных оценках и анализе ошибок в переводах, особенно на качественных исследованиях. Роль ОКП оставалась недооцененной, и ее потенциал полностью не реализовывался.

Определение качества перевода остается сложной и спорной задачей. Как указывает Джулиан Хаус [1], оценка качества перевода предполагает наличие теории перевода, и поэтому различные взгляды на перевод приводят к различным концепциям качества перевода и, как следствие, различным методам его оценки. М. Копонен [3] подчеркивает, что понятие качества включает в себя точность, плавность и соответствие цели, в то время как Р. М. Матео [4] заявляет, что поиск качества перевода остается нерешенной проблемой.

Среди методов оценки качества, применяемых в академической среде, можно выделить целостный, аналитический и комбинированный подходы, которые давно широко используются. В дополнение к этим подходам в последнее время стали активно применять корпусные методы, которые также показали свою эффективность. Г. Макалестер [5] подчеркивает, что при исследовании оценки в области перевода критически важно, чтобы методы оценки были надежными, объективными и практичными. Согласно М. Уильямсу [8], одним из наиболее дискуссионных аспектов оценки качества перевода является отсутствие стандартного подхода к оценке языковых ошибок. В свою

очередь, Сэйджер [6] предлагает более широкий подход к оценке перевода, не ограничиваясь только выявлением ошибок, но также учитывая влияние конкретных ошибок на весь текст. Таким образом, такой подход может быть полезным для понимания того, какие ошибки могут влиять на читабельность и понимание текста в целом.

Учитывая вышенаписанное, мы полагаем что при ОКП необходимо соблюдать объективность, но это сложная задача в наше время из-за отсутствия общего стандартного метода. Поэтому, можно сказать, что данная проблема весьма актуальна.

В современных исследованиях в области обучения переводчиков, наиболее широко признанным подходом к оценке качества перевода являются исследования испанской школы переводоведения. Кристофер Уоддингтон в научной работе "Different Methods of Evaluating Student Translations: The Question of Validity" рассматривает четыре методологии оценки. В первой методике ошибки разделены на три категории:

а. Неуместные визуализации в исходном тексте, разделенные на восемь категорий: противоречия, фальсификации, несоответствия, добавления, опущения, не устраненные экстралингвистические отсылки, потеря смысла и неуместное языковое варьирование.

б. Неправильная передача, воздействующая на выразительность переводящего языка (ПЯ). Ошибки делятся на пять категорий: орфография, грамматика, лексика, текст и стиль.

с. Неадекватная передача, воздействующая на передачу как основной, так и второстепенной функции исходного текста.

В каждой категории есть два уровня ошибок: серьезные (-2 балла) и менее значительные (-1 балл). Четвертая категория - положительные оценки, начисляемые за хорошее (+1 балл) или исключительно хорошее (+2 балла) выполнение переводческих задач.

Как видно, этот метод основывается на анализе ошибок, и каждая ошибка определяется баллами, в зависимости от их так называемой грубости. Этот метод весьма удобен при оценке, так как четко расписаны категории и причины оценки.

В методе В исправляющий определяет, является ли ошибка переводом или языковой ошибкой, учитывая ее влияние на передачу смысла. Если ошибка не влияет на смысл, оценка -1 балл, если влияет -2 балла.

Данный метод отличается от первого тем, что есть разделения между смысловыми ошибками и лексическими, что по мнению автора очень

важно. Автор считает, что такой подход более правильный, так как передача смысла текста – это основная задача переводчика и в случае когда она не достигнута, считается что допущена серьезная ошибка.

Метод С – комплексный подход к оценке переводов, который учитывает три аспекта: точность передачи содержания, качество выражений и выполнение задания, обеспечивая более последовательную оценку и более ясные критерии для экспертов и преподавателей.

Уоддингтон [7] разработал пять уровней выполнения заданий с двумя возможными баллами для каждого уровня для повышения надежности оценки. Перевод, полностью соответствующий требованиям уровня, получает более высокий балл. Если перевод находится между уровнями и ближе к верхнему, он получает более низкий балл. В этом методе оценщики могут использовать полубаллы (5,5, 6,5) для более точной оценки.

Метод D представляет собой комбинацию метода анализа ошибок В и целостного метода С с весовым коэффициентом 70/30. Это означает, что 70% общего результата определяется с использованием метода В, а оставшиеся 30% – с использованием метода С.

Итак, сравнивая данные методы, автор приходит к выводу что именно метод D является самым эффективным из всех вышеперечисленных способов за счет того, что объединяются два метода. По нашему мнению, было бы эффективнее если бы коэффициент был не 70/30, а 60/40, где 60% – составляет метод С, и соответственно оставшиеся 40% - метод В.

АТА Framework – модель оценки переводов, используемая Американской ассоциацией переводчиков (далее – АТА) в процессе сертификации переводчиков, сфокусирована на анализе ошибок и предоставляет подробное описание различных видов ошибок.

АТА Framework состоит из трех основных компонентов:

1. Взвешенная матрица ошибок оценивает и взвешивает различные ошибки в переводах, определяя их важность и вес в процессе оценки качества перевода.

2. Диаграмма АТА Framework включает метки ошибок и их описания. Она предоставляет перечень различных видов ошибок с подробными объяснениями, что облегчает оценщикам и переводчикам поиск и исправление конкретных ошибок.

3. Блок-схема АТА Framework определяет вес ошибок, указывая, какие ошибки более важны при оценке перевода. Это

помогает устанавливать приоритеты при исправлении ошибок и оценивать их воздействие на качество перевода.

Изначально данная система была разработана для целей сертификации переводчиков, однако ее применение расширилось, и она также используется для оценки участников или студентов переводческого процесса [2]. Это свидетельствует о том, что ATA Framework может быть полезным инструментом для оценки и развития переводческих навыков в образовательных и профессиональных контекстах помимо процесса сертификации.

Итак, подводя к итогам в каждой из вышеперечисленных методик есть свои достоинства и недостатки. Но если сравнивать между этими методиками, автор полагает что именно ATA Framework наиболее эффективен при оценке качества перевода в обучении. Так как с помощью данной методики можно не только найти ошибки, но и определить способы их исправления. При оценке с помощью ATA Framework узнает не просто свою ошибку, но и подробное описание какая это ошибка и причина его возникновения, что особенно важно для обучающегося.

Литература

1. *House J.* Translation quality assessment: Past and present. London and New York: Routledge. 2015
2. *Koby G. S. & Baer, B. J.* From Professional Certification to the Translator Training Classroom: Adapting the ATA Error Marking Scale. Translation Watch Quarterly. V.1. Inaugural Issue. P. 33-45.
3. *Koponen M.* Assessing Machine Translation Quality with Error Analysis// In Electronic proceedings of the KäTu symposium on translation and interpreting studies 4. 2010. P. 1–12. URL: http://www.sktl.fi/@Bin/40701/Koponen_MikaEL2010.pdf (дата обращения: 25.10.2013).
4. *Mateo R. M.* A Deeper Look in Metrics for Translation Quality Assessment (TQA): A Case Study// a journal of English and American studies. 2014. V. 49. P. 73–94.
5. *McAlester G.* The evaluation of translation into a foreign language// In C Schaffner, B Adab (Eds.), Developing Translation Competence, Benjamins Translation Library. Amsterdam: Benjamins. V. 38. 2000. P. 229–241.

6. *Sager JC*. Quality and Standards – the Evaluation of Translations // In C Picken (Ed.), *The Translator's Handbook*. London: ASLIB. 1989. P. 91–102.

7. *Waddington Ch*. Different Methods of Evaluating Student Translations: The Question of Validity // *Meta*. 2001. V. 46, N. 2. P. 311–325.

8. *Williams M*. A holistic-componential model for assessing translation student performance and competency// *Mutatis Mutandis*. 2013. V. 6 (2). P. 419–443.

Жерновкова О. С.,
*Институт судебных экспертиз,
Московский государственный
Юридический университет
имени О.Е Кутафина (МГЮА);
o.zhernovkova@yandex.ru*
Научный руководитель: Верхолетова Е. Ю.,
*кандидат филологических наук, доцент,
Московский государственный
юридический университет
имени О.Е Кутафина (МГЮА);
everkholetova@bk.ru*

ПОБОЧНОЕ УДАРЕНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: статья посвящена рассмотрению побочного ударения в русском языке. В статье обсуждаются вопросы синтеза речи в фоноскопической экспертизе, изучены условия возникновения побочного ударения и отсутствие орфоэпического словаря по данной теме.

Ключевые слова: побочное ударение, фоноскопическая экспертиза, синтез речи, нейросеть, синтезируемая речь.

Olga Zhernovkova,
*Forensic Expertise Department,
Kutafin Moscow State
Law University (MSAL);
o.zhernovkova@yandex.ru*
Scientific supervisor: Elena Verkholetova,
*Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Kutafin Moscow State
Law University (MSAL);
everkholetova@bk.ru*

SIDE ACCENT IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract: this paper is devoted to the consideration of side accent in the Russian language. The article presents the issues of speech synthesis in phonoscopic examination, studies the conditions of side accent occurrence and the lack of an orthoepic dictionary on this topic.

Keywords: side accent, phonoscopic examination, speech synthesis, neural network, synthesizable speech.

Сегодня в результате процесса цифровизации происходит активное внедрение речевых технологий в повседневную жизнь человека. Так, уже мало кого может удивить голосовой бот техподдержки или «Яндекс. Алиса» и «Маруся».

Одной из речевых технологий, позволяющих создать искусственную звучащую речь, подобную человеческой, является синтез речи. Данной технологией активно пользуются и в противоправной деятельности, например, при фишинговых атаках, когда преступник с помощью доступных ему нейросетей искажает свой или имитирует голос другого человека. В целях раскрытия и расследования подобных преступлений назначается фоноскопическая экспертиза для решения вопросов, связанных с идентификацией личности говорящего и наличия монтажа в фонограмме. Однако выработанных методик и методов выявления использования синтеза речи при исследовании фонограмм в настоящее время нет.

В рамках исследований по данной проблематике преподавателями кафедры судебных экспертиз МГЮА им. О. Е. Кутафина были выделены аспекты, имеющие первостепенное значение: орфоэпия (ударения), интонационные конструкции и пунктуация. Данные аспекты наиболее проблематичны для обучения нейросети из-за особенностей русского языка.

При исследовании данной темы стоит учитывать, что перед разработчиками уже давно стоит цель приблизить компьютерную речь к человеческой, в связи с чем с каждым годом этот разрыв становится всё меньше. Для того чтобы обучить нейросеть, разработчикам необходима база данных, из неё алгоритм будет сначала членить, а затем соединять полученную информацию. Например, в случае обучения нейросети правильной расстановке ударения базой данных выступают

орфоэпические словари. Сейчас для современных качественных алгоритмов «проблема» расстановки ударения *то́рты* или *торты́* не будет такой существенной.

Однако раздел орфоэпии состоит не только из особенностей и сложностей расстановки основного ударного слога.

Второстепенное (побочное) ударение – более слабое ударение, которое встречается наряду с основным в многосложных, образованных из двух и более основ, словах.

В научной литературе достаточно подробно изучена тема природы побочного ударения. Так, большинство исследователей выделяют некоторый класс сложных слов, в которых кроме ударения, реализующего акцент, возникает ещё один ударный слог, называемый побочным ударением. Например, в словах, ударный слог которых удален от начала более чем на 3 слога (*ста̀ропеча́тный*, *лати́ноамери́канский*), или в словах, образованных способом сложения (*ваго́норемо́нтный*, *мя́сомоло́чный*), всегда возникает побочное ударение. В словах, которые имеют 3–4 слога и являются широкоупотребительными (*телевизор*, *самолет*) появление второстепенного ударения исключается. Но в случаях, когда в произношении таких слов появляется «двойное» ударение, носителями языка оно воспринимается как неправильное.

Факультативность и место появления побочного ударения зависит от ряда условий. Однако сам вопрос об условиях возникновения второго ударного слога остается по-прежнему открытым.

Согласно концепции М. Л. Каленчук и Р. Ф. Касаткиной, появление побочного ударения зависит от ряда условий, таких как:

- 1) Количество слогов между слогом с основным ударением и слогом, на котором возможно побочное ударение;
- 2) Чем дальше от начала слова место возможного побочного ударения, тем меньше необходимое расстояние между основным и побочным ударением;
- 3) Чем больше слогов после основного ударения, тем вероятнее наличие побочного ударения.

Данная концепция представляет собой одну из попыток выявить и определить общие правила об обязательном наличии двух и более ударений в сложных словах. Но до сих пор общепринятой позиции относительно условий появления побочного ударения нет. Сложность возникает в силу того, что факторы, от которых зависит количество ударений в тех или иных сложных словах, не являются постоянными, а

изменяются с течением времени. Таким образом, в связи с возникающими трудностями отсутствует и орфоэпический словарь, отражающий информацию о побочном ударении.

Отсутствие подобного словаря приводит в свою очередь к отсутствию базы данных для работы нейросети. В таком случае возникает вопрос: могут ли современные синтезы речи реализовывать побочное ударение?

Одним из критериев для выбора синтезаторов речи для нас будет служить их доступность, то есть безвозмездный характер использования. Таким образом для исследования орфоэпии синтезаторов мы выберем – SaluteSpeech и Narakeet. Помимо этого, выбор обусловлен ещё и тем, что эти нейросети специализированы именно на звучащей речи русского языка, что позволяет учесть больше особенностей речи.

Таблица 1

Результаты исследования женского синтезированного голоса

Слово	SaluteSpeech (голос «Александра»)	Narakeet (голос «Татьяна»)
Замдиректор	Замдирéктор (+)	Замдирéктор (+)
Госслужащий	Госслúжащий (+)	Госслужáщий (+)
Техподразделение	Тéхподразделéние (+)	Тèхподразделéние (+)
Высокопоставленный	Высокòпостáвленный (+)	Высокòпостáвленный (+)
Великолепно	Великолéпно (-)	Великолéпно (-)
Замечательно	Замечáтельно (-)	Замечáтельно (-)
Самолет	Самолéт (-)	Сàмолéт (+)
Паровоз	Паровóз (-)	Пàровóз (+)

Таблица 2

Результаты исследования мужского синтезированного голоса

Слово	SaluteSpeech (голос «Сергей»)	Narakeet (голос «Игорь»)
Замдиректор	Замдирéктор (+)	Замдирéктор (+)
Госслужащий	Госслúжащий (+)	Госслужáщий (+)
Техподразделение	Тéхподразделéние (+)	Тèхподразделéние (+)
Высокопоставленный	Высокòпостáвленный (+)	Высокòпостáвленный (+)
Великолепно	Великолéпно (-)	Великолéпно (-)
Замечательно	Замечáтельно (-)	Замечáтельно (-)
Самолет	Самолéт (-)	Сàмолéт (+)
Паровоз	Паровóз (-)	Пàровóз (+)

Из полученных результатов следует, что разницы между женским и мужским синтезируемым голосом не наблюдается. Практически во всех словах, образованных способом сложения, проявляется побочное ударение. Однако ключевое различие в широкоупотребительных словах: в SaluteSpeech ставится только одно ударение на ударный слог, в то время как в Narakeet возникает второе ударение. Это может быть связано с механикой обработки базы данных. В нейросетях сложные слова складываются из корней, то есть, например, «зам» + «директор». Два этих корня имеют свои собственные ударения, но в результате сложения два ударения остаются в неизменном виде.

На основе полученных результатов мы можем сформулировать некоторые закономерности нейросетей. Понимание общей логики работы алгоритмов при воспроизведении орфоэпии позволит эксперту уже на этапе составления дословного содержания отбирать для более детального исследования слова, в которых наиболее ярко могут отобразиться эти закономерности.

Нашим исследованием мы лишь намечаем возможные подходы к дальнейшему изучению тех аспектов, которые позволят выявлять использование нейросетей в звучащей речи.

Литература

1. Бодров Н. Ф., Лебедева А. К. Перспективы судебно-экспертного исследования синтезированной звучащей речи // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2021. № 3. С. 9–13.

2. Камынина Н. Г. Побочное ударение в русском языке и его отражение в словарях // *Актуальные направления научных исследований: от теории к практике*. 2015. № 4 (6). С.220.

3. Кузнецова Е. В. Природа и функции побочного ударения в русском языке // *Труды международной конференции «Диалог 2006»*. 31 мая – 4 июня 2006 г. / под ред. Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М., 2006. С. 313-316.

4. Лефельдт В. Акцент и ударение в русском языке. М.: Языки славянской культуры, 2006. 248 с.

5. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. М.: Просвещение, 1976. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-terms/fc/slovar-194.htm#zag-234> (дата обращения: 11.10.2023).

6. *Соломенник А. И.* Технология синтеза речи в историко-методологическом аспекте // Речевые технологии / Speech Technologies. 2013. № 1-2. С. 42–57.

7. *Яковенко М. П.* Словесное ударение в современном русском литературном языке. Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1966. 199 с.

Короткова М. А.,
*Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
ma.korotkova@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 9403-2253*
Научный руководитель: Харитонова И. В.,
*доктор философских наук,
кандидат филологических наук, профессор,
кафедра романских языков
имени В. Г. Гака МПГУ;
iv.kharitonova@mpgu.su*

ВОСПРИЯТИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАНЦУЗСКИХ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК

Аннотация: в статье приведены преимущества использования пословиц и поговорок в процессе обучения французскому языку в школе, особое внимание уделено сравнительно-сопоставительному анализу русских и французских пословиц по теме «восприятие действительности», раскрывающие особенности французского и русского мировоззрений.

Ключевые слова: восприятие действительности, пословицы, поговорки, французский язык, русский язык, культура.

Maria Korotkova,
*Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
ma.korotkova@mpgu.su
SPIN-код eLibrary: 9403-2253*
Scientific supervisor: Irina Kharitonova,
*Doctor of Philosophy,
Candidate of Philological Sciences,
Professor,
Department of Romance Languages*

Perception of reality: comparative analysis of French and Russian proverbs and sayings

Abstract: the article presents the advantages of using proverbs and sayings in the process of teaching French at school, special attention is paid to the comparative analysis of Russian and French proverbs on the topic “perception of reality”, revealing the features of the French and Russian worldviews.

Keywords: perception of reality, proverbs, sayings, French, Russian, culture.

Пословицы играют важную роль в преподавании иностранных языков. Они отражают и обобщают ценный опыт многих поколений этноса, что позволяет считать паремии эффективным средством формирования у учащихся социокультурной компетенции, под которой понимается «знание истории и современности страны изучаемого языка, подразумевает знакомство учащегося с национально-культурной спецификой речевого поведения и способностью пользоваться теми элементами социокультурного контекста, которые релевантны для порождения и восприятия речи с точки зрения носителей языка» [4, с.17]. Включение пословиц и поговорок в состав материала для обучения французскому языку имеет множество преимуществ: эти короткие и содержательные высказывания нетрудно выучить (запоминаемости способствует ритмическое оформление и часто наличие рифмы), они наполнены поучающим внутренним контекстом и обладают афористичностью, т.е. способностью в сжатой форме выразить меткое наблюдение, которое обобщает жизненный опыт.

Важным компонентом социокультурной компетенции выступают понимание собственной культурной идентичности, ее сходства с другими культурами и отличия от них. Инструментом порождения этого понимания может служить сравнительно-сопоставительный метод включения паремий в состав средств обучения иностранному языку. Сравнение русских и французских пословиц имеет большое значение по ряду причин. Во-первых, оно помогает учащимся выявлять общие черты,

присущие родной и иноязычной культурам, находить отличия, что позволяет лучше понимать как собственную культуру, так и ценности и традиции другой страны, особенности менталитета носителей изучаемого языка. Во-вторых, сопоставление пословиц помогает учащимся расширять лексический запас и развивать лингвистическую компетенцию за счет рассмотрения следующих явлений: 1) русские и французские пословицы могут иметь сходное содержание, но различную форму его представления; 2) семантизация паремий раскрывается не столько в словарных статьях, сколько в определенных контекстах.

Отбор паремиологического материала для сравнительно-сопоставительного анализа опирался на интересы современных подростков. В ходе изучения теоретического материала было обращено внимание на исследовательский проект, который подготовила Толстикова Виктория, ученица 8 класса МАОУ «Средняя общеобразовательная школа №9». Ее работа «Ценностные ориентации современных подростков» основана на анализе результатов проведенного опроса с использованием методики Милтона Рокича. Согласно выводам Виктории, среди терминальных ценностей самыми важными для подростков являются ценности личной жизни и самореализации, а среди инструментальных – ценности самоутверждения и ценности дела [1]. Поэтому наиболее адекватными задаче формирования социокультурной компетенции и интересам российских подростков выступают французские и русские паремии, относящиеся к фразеосемантическому полю «восприятие действительности». Выбор определяется также и тем, что эта семантика охватывает нормы поведения, социальные установки, отражает разнообразные эмоциональные состояния взаимодействующих людей и их психологические особенности.

Французским пословицам и поговоркам свойственно обращение к эмоциональным состояниям людей: чередование радостей и горестей, чувство распределительной справедливости, которая управляет человеческими судьбами:

Assez gagne qui malheur perd.

Malheur ne dure pas toujours.

Le malheur des uns fait le bonheur des autres.

À force de mal (aller), tout ira bien.

В целом, французское мировоззрение, отраженное в пословицах и поговорках, можно охарактеризовать как пессимистическое, поскольку зло и несчастье являются доминирующими темами:

On croit plutôt le mal que le bien.

On oublie plutôt le bien que le mal.

On se rie plutôt du mal que du bien.

Malheur partage n'est malheur qu'à demi [5, с. 100].

Русская пословица «Ложка дегтя в бочке меда» имеет аналог во французском языке «Une goutte de fiel gâte un tonneau de miel» (Капля желчи портит бочку меда). Обе пословицы говорят о том, что даже небольшое количество негатива может испортить положительное.

Более того, для француза его собственное несчастье кажется хуже несчастья его соседа. Все, что с ним происходит, беспокоит его больше, чем несчастья других людей. Об этом свидетельствуют следующие пословицы:

Mal d'autrui n'est que songe.

Le mal d'autrui ne cuît pas.

Aujourd'hui à moi, demain à toi.

Русские пословицы напоминают, что радость может быть кратковременной и не стоит ей полностью поддаваться: «Не рыба ради рыбы, а рыба ради удочки» или «Радость коротка, а печаль долга». Но есть и такие пословицы, которые утверждают, что горе – это не конец света и что мы должны быть сильными и способными пережить трудные моменты. Например, «Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает» или «Горе не волк, в лес не убежит» [2, с. 56]. Они указывают, что не нужно сдаваться перед трудностями.

Французские пословицы и поговорки в силу ритуальности формулировок вызывают реакцию суеверной осторожности и страха, но в этом также следует усматривать отзвук часто трудных, всегда неопределенных условий жизни, которые были уделом предков. Они высмеивают пороки людей: жадность, алчность, лень, зависть, ложь и злобу:

Homme chiche n'est jamais riche.

Pour le paresseux chaque jour est fête.

L'oisiveté est la mère des tous les vices.

Envie passe avarice.

À beau mentir qui vient de loin.

Usez, mais n'abusez pas.

*Mieux vaut assez que trop.
On est souvent puni par où on a péché.
Mieux vaut souffrir le mal que le faire.
Menteur ne va pas loin.*

Русские пословицы и поговорки о человеческих пороках также представляют нам человека не с лучшей его стороны:

*В чем проврался, в том и оплатился.
Гусли звонки, да струны тонки.
Всякая лисица своим хвостом гордится.
Как не ширься, а один всей лавки не займешь.
Богатого с хвастливым не различишь.
Упрямилась нитка за иглой, да протащилась.
Воротник широкий, а пяты голые.
Норов соколий, а походка воронья.*

Пословицы и поговорки отражают особенности восприятия времени у французов:

*Tout passe, tout casse, tout lasse.
Chaque chose à son temps.
Nous ne comptons les heures que quand elles sont perdues.
Le temps allège bien des douleurs.
Mieux vaut tard que jamais [5, с. 99].*

Как видно, французы не придают особого значения пунктуальности, поскольку относятся ко времени более свободно и легко. Для них межличностные отношения важнее, чем принятый план деятельности, поэтому дела могут быть перенесены на другой срок или вовсе отменены. О потраченном времени или же упущенной возможности во Франции сожалеть не принято.

Русские пословицы и поговорки, напротив, подчеркивают важность каждой минуты:

*Всякой вещи время.
Пора да время дороже золота.
Знай минутам цену, секундам счет.
Пропущенный час годом не нагонишь.
Время, как воробей, упустишь – не поймаешь [3, с. 132].*

Приведенные примеры, на основании сравнительно-сопоставительного изучения которых, может быть достигнуто понимание соотнесенности собственной культуры с иноязычной на уроках французского языка, показывают, что «восприятие действительности»

выступает одним из ключевых факторов национальной идентификации и диверсификации.

Литература

1. *Алые паруса*: проект для одаренных детей. Толстикова В. Исследовательский проект: Ценностные ориентации современных подростков. URL: <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2018/01/10/tsennostnye-orientatsii-sovremennyhpodrostkov#:~:text=Наиболее%20важными%20для%20подростков%20являются,%2C%20ответственность%2C%20рационализм%2C%20самоконтроль> (дата обращения: 09.10.2023).
2. *Даль В. И.* Пословицы и поговорки русского народа. М.: Эксмо, 2004. 382 с.
3. *Жуков В. П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Рус. яз., 1991. 534 с.
4. *Соловова Е. Н.* Методика обучения иностранным языкам: учебное пособие. М.: Просвещение, 2003. 237 с.
5. *Montreynaud F.* Le Robert. Dictionnaire de Proverbes et Dictons / F. Montreynaud, A. Pierron, F. Suzzoni. Paris: Le Robert, 2006. 491 с.

Кузнецова А. С.,
кафедра иностранных языков,
Российский университет
дружбы народов им. Патриса Лумумбы;
1032211421@rudn.ru
Научный руководитель: **Алюнина Ю. М.,**
кандидат филологических наук,
Российский университет
дружбы народов им. Патриса Лумумбы;
aliunina-yum@rudn.ru

КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ РОМАНА «THE QUEEN'S GAMBIT»: О ЧЕМ ГОВОРЯТ КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Аннотация: целью настоящего исследования является выявление магистральных тем, которые затрагиваются в романе У. Тевиса «The Queen's Gambit» (1983). Для достижения поставленной цели использовались методы количественного и качественного анализа. Количественный анализ был выполнен в корпусном менеджере *Sketch Engine* и позволил составить перечень частотных и ключевых слов по материалам текста «The Queen's Gambit». Для интерпретации корпусных данных был использован метод лексико-семантического анализа ключевых и частотных слов, позволяющий выявить основные лексико-семантические группы или кластеры. Данные кластеры соотносятся с основными темами, которые понимаются в романе.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, ключевые слова, лексическая частотность, the Queen's Gambit.

Anna Kuznetsova,
Department of Foreign Languages,
RUDN University;
1032211421@rudn.ru
Scientific supervisor: **Yulia Aliunina,**
Candidate of Philology,
RUDN University;
aliunina-yum@rudn.ru

A CORPUS ANALYSIS OF THE QUEEN'S GAMBIT: WHAT THE KEY WORDS SAY

Abstract: the purpose of this study is to identify the main themes that are addressed in W. Tevis's novel «The Queen's Gambit» (1983). Quantitative and qualitative analysis methods were used to achieve the objective. Quantitative analysis was carried out in the *Sketch Engine* corpus manager and allowed us to compile a list of frequency and keywords from The Queen's Gambit. To interpret the corpus data, the method of lexico-semantic analysis of key and frequency words was used to identify the main lexico-semantic groups or clusters. These clusters correlate with the main themes that are understood in the novel.

Keywords: corpus linguistics, keywords, lexical frequency, the Queen's Gambit.

В настоящей статье на материале романа У. Тевиса «The Queen's Gambit» (1983) [6] предлагается описание корпусного метода обнаружения ключевых и частотных слов с помощью корпусного менеджера *Sketch Engine* и его инструментов *Keyword* и *Word List* [2,3].

Целью данной работы является выявление и описание ключевых тем, поднимаемых в романе У. Тевиса «The Queen's Gambit» (1983). **Объектом** исследования послужили магистральные темы романа У. Тевиса. **Предметом** исследования стали ключевые и частотные слова, позволяющие выявить перечень магистральных тем. **Методологический аппарат** исследования составили инструменты дальнего чтения – от англ. «distant reading» [4, с. 71].

При анализе художественного текста традиционно выделяют два подхода: качественный и количественный. **Под качественным подходом** понимается «close reading», которое в литературной критике принято называть медленным или пристальным чтением [5, с. 32]. Для этого метода характерно внимательное и тщательное изучение текста художественного произведения [4]. Несмотря на традиционность и привычность данного подхода, медленное чтение имеет некоторые недостатки. Среди них можно назвать, **во-первых**, значительные временные затраты на качественный анализ художественного текста; **во-вторых**, ограниченность физических возможностей человека, которые могут быть направлены на обработку больших массивов текстов. Кроме

того, гуманитарные науки нередко подвергаются критике, потому что традиционная качественная методология не дает объективных результатов исследования.

Количественный подход к анализу художественного текста предполагает в первую очередь исследование большого массива текстов, в чем и состоит главное отличие этого подхода от качественной методологии. Одним из видов количественного подхода является метод дальнего чтения – «distant reading», который также называют отстраненным или отвлеченным чтением. Данный термин ввел итальянский социолог Ф. Моретти в одноименной книге «Distant reading» (2013) [4, с. 17]. Автор поднимает вопросы эффективности методологии современного литературоведения [Там же], которая характеризуется в первую очередь качественной методологией.

Появление инструментов дальнего чтения связано с необходимостью исследовать и обрабатывать большие объемы информации, а также с попыткой объективизировать результаты исследований. Сам Ф. Моретти утверждал: «Мы умеем читать тексты, теперь нужно научиться не читать их» [4, с. 276].

Появление метода дальнего чтения открыло новые возможности количественному подходу в литературоведении. Основным объектом исследования стал корпус. Преимущество работы с корпусом заключается в том, что он позволяет не только обрабатывать большие объемы информации, но и под другим углом раскрывает содержание и структуру отдельно взятого художественного произведения. К инструментам дальнего чтения относят корпусные технологии. Менеджером корпуса называется «программа, предназначенная для управления корпусами текстов: создания корпусов, их редактирования, аннотирования, осуществления поиска в них» [1, с. 12]. Корпусный менеджер дает возможность создать свой собственный корпус текстов и анализировать его с помощью встроенных инструментов.

Для достижения цели настоящего исследования мы выбрали корпусный менеджер *Sketch Engine* по двум причинам. **Во-первых**, он обладает необходимым для данного исследования функционалом. **Во-вторых**, *Sketch Engine* выполняет лемматизацию, чего не делает, например, *AntConc*, но что необходимо для получения объективных количественных данных. К функционалу, необходимому для данного исследования, относятся опции *Keyword* и *Word List*. Первая выявляет

ключевые слова в корпусе, а вторая – составляет ранжированный список лексических единиц на основании частоты их встречаемости в тексте

В корпусной лингвистике ключевыми называются слова, которые «чаще встречаются в фокусном корпусе, чем в референтном» [1, с. 51]. Фокусный корпус – это корпус, на материале которого выполняется исследование [Там же]. А референтный корпус – это корпус, с которым мы сопоставляем фокусный корпус с целью выявления ключевых слов [Там же]. Лексическая единица становится ключевой при сопоставлении фокусного корпуса с референтным. К ключевым словам относятся не только наиболее частотные лексические единицы, но и уникальные лексемы, которые встречаются только в фокусном корпусе и не повторяются в референтном.

Методология и результаты исследования

Чтобы определить и описать магистральные темы романа «The Queen's Gambit», необходимо выявить в нем частотные и ключевые слова. В рамках данной работы это было сделано с помощью *Sketch Engine*, благодаря которому текст романа был превращен в корпус. Процедура технического анализа романа включала два этапа.

На первом этапе с помощью опции *Word List* были выявлены частотные слова. Отметим, что для повышения объективности результатов исследования список частотных слов был ограничен – в него не вошли стоп-слова, лексические единицы, которые встречаются практически в каждом тексте, а, следовательно, ничего не говорят о его содержании. **На втором этапе** с помощью опции *Keyword* были выявлены ключевые лексические единицы в романе «The Queen's Gambit». Чтобы интерпретировать результаты на основании полученных списков, мы сгруппировали эти слова по кластерам на основании их лексико-семантического сходства и выявили магистральные темы романа.

В результате анализа сформировалось две макрогруппы. Имена собственные. **Фамилии:** *Wheatley* – 347 раз (фамилия приемных родителей *Beth Harmon*, главной героини), *Borgov* – 146 (советский шахматист, основной противник главной героини на международном турнире), *Deardorff* – 77 (директор приюта для девочек), *Shaibel* – 55 (сторож и уборщик в приюте для девочек, который научил Бэт играть в шахматы), *Beltik* – 75, *Fergusson* – 47, *Morthy* – 31, *Laev* – 23, *Ganz* – 50, *Luchenko* – 42, *Girev* – 14, *Sizemore* – 18, *Goldmann* – 12, *Petrosian* – 10, *Fleto* – 9, *Chapkin* – 9, *Capablanca* – 9, *Levertov* – 8. **Имена:** *Jolene* – 207

раз (единственная подруга главной героини), *Beth* – 907 (диминутив к *Elizabeth*, имени главной героини), *Benny* – 219 (сначала соперник главной героини, а потом наставник, друг и любимый человек).

Имена нарицательные. Шахматная терминология: *pawn* – 346, *chess* – 254, *bishop* – 200, *knight* – 199, *chessboard* – 41, *grandmaster* – 30, *gambit* – 25, *queen* – 25, *queenside* – 12. **Названия психотропных веществ:** *pill* – 99, *tranquilizer* – 21.

Важно отметить, что первое место занимает фамилия приемной матери Бэт Хармон – *Wheatley*, которая сыграла ключевую роль в жизни главной героини, поддержав ее на пути построения карьеры успешной шахматистки. Она не столько сформировала Бэт как личность, сколько дала ей возможность идти по самостоятельно выбранному пути.

Также мы видим большое количество фамилий, которые принадлежат героям из СССР. Это связано с тем, что советские шахматисты были одними из сильнейших, а, следовательно, они становились противниками Бэт.

Заметим, что среди имен собственных можно выделить так называемый ближний круг Бэт – *Wheatley*, *Jolene*, *Benny*, *Shaibel*, и круг ее соперников – *Borgov*, *Beltik*, *Fergusson*, *Morthy*... Количество противников главной героини значительно превышает чисто ее друзей.

Перейдем к именам нарицательным. Важное место занимают слова, связанные с шахматной тематикой. В списке ключевых слов находится глагол *to rock* – 163 раза, означающий шахматный термин. Смысл рокировки заключается в том, что один ход может значительно изменить исход всей партии. Такой шахматный ход характерен для манеры игры Бэт Хармон.

Обратим внимание на значительное количество русских слов, транслитерированных латиницей, которые попали в наш ранжированный список. Например, слово *shakhmatni* – 5. Бэт выучила язык своих главных противников, русский.

Слово *tranquilizer* встречается 21 раз. Главная героиня начала употреблять психотропные вещества в приюте. В последствии Бэт будет принимать их накануне важных шахматных партий, чтобы сконцентрироваться и успокоиться. Мы приходим к теме обратной стороны успеха, того, какие средства могут за ним стоять.

Заключение

Таким образом, в настоящей работе мы применили инструменты дальнего чтения: *Sketch Engine* и его функции *Word List* и *Keyword*,

позволившие создать списки с ключевыми и частными словами с целью выявить магистральные темы романа «The Queen's Gambit». Полученные списки слов были группированы на основании их лексико-семантического сходства. В ходе интерпретации количественных данных было обнаружено, что наиболее частотными в романе являются фамилии и имена персонажей, сыгравших ключевые роли в становлении личности главной героини Бэт Хармон и в развитии ее карьеры шахматистки. Также отдельно были выделены фамилии противников главной героини, которые в большинстве своем были из СССР. Это может свидетельствовать о том, что тема противостояния США и СССР является одной из магистральных для данного романа. Также важная роль отведена теме психотропных веществ, которые можно назвать некой обратной стороной медали жизни успешной шахматистки Бэт Хармон.

Литература

1. *Алюнина Ю. М.* Где живут чудовища? Корпусный метод обнаружения англицизмов и их производных в русскоязычном Интернете // Вестник ТГУ. Филология. 2022. № 80. С. 5–29.
2. *Горина О. Г.* Методика и математика ключевых слов // Открытое и дистанционное образование. 2017. Т. 2 (66). С. 44–51.
3. *Махов А. Е.* «Пристальное чтение» перед лицом «больших данных»: проблема метода в современном англоязычном литературоведении // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: 2018. № 3. С. 11–32.
4. *Моретти Ф.* Дальнее чтение. М.: Издательство Института Гайдара, 2016. 343 с.
5. *Щелокова И. Д., Сапух Т.В.* Применение метода «Close reading» в интегрированном обучении английскому языку и литературе студентов вуза // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 4(204). С. 33–38.
6. *Tevis W.* The Queen's Gambit. Copyright, 2014. 532 P. 600.

*Макушенко Е. С.,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
mk.3gor@yandex.ru*

*Научный руководитель: Шипова И. А.,
доктор филологических наук, профессор,
кафедра немецкого языка МПГУ;
sshipowa@mail.ru*

ДИАЛОГ КАК ФОРМА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Аннотация: статья посвящена изучению теоретических аспектов «диалога» художественном тексте, а также функциям и формам диалога на основе драматических, эпических и лирических текстов. Основное внимание уделяется диалогу в драматических произведениях, представлены различные точки зрения на роль диалога в структуре художественной речи.

Ключевые слова: диалогичность, драма, эпос, лирика.

*Egor Makushenko,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
mk.3gor@yandex.ru*

*Scientific supervisor: Irina Shipova,
Doctor of philological sciences, Professor,
Department of the German language MPSU;
sshipowa@mail.ru*

DIALOGUE AS A FORM OF ARTISTIC SPEECH IN A LITERARY WORK

Abstract: the article is devoted to the study of theoretical aspects of "dialogue" in the artistic text, as well as the functions and forms of dialogue based on dramatic, epic and lyrical texts. The main attention is paid to

dialogue in dramatic works; different points of view on the role of dialogue in the structure of artistic speech are presented.

Keywords: dialogicality, drama, epic, lyrics.

Обычный диалогический текст имеет форму обмена репликами между коммуникантами, а также может являться отдельным жанром в литературе, журналистике или научной речи.

Диалоги в речи персонажей часто используются в художественной эпической прозе, лирике и драматургии. Однако преобладающей формой речи диалог является преимущественно в драматических произведениях. В драматургии диалоги играют главную роль, так как они являются основным способом передачи сюжета, развития конфликта и взаимодействия между персонажами.

Диалог как форма художественной речи в литературном произведении

Анализ диалога и его форм является одним из аспектов лингвистики и литературоведения, позволяя выявить скрытые смыслы, раскрыть характеры персонажей, изучить жанровые особенности и структуру текста. М. М. Бахтин внес большой вклад в изучение таких терминов как «диалогичность» и «монологичность». В художественном тексте диалог, помимо раскрытия характеров героев и описания их эмоционального состояния, выполняет функцию развития сюжета и выражения авторского мнения.

Драматические произведения, состоящие практически полностью из речи персонажей, используют монологи и диалоги для создания конфликта, выделения определенной проблематики. В таких произведениях авторский текст минимизирован или отсутствует полностью. Диалог в драматургии выполняет сюжетобразующую функцию, а именно, изображает и описывает особенности ситуации. В драматических произведениях речь каждого персонажа является элементом создания и конструирования психологического или характеристического портрета, который проявляется в диалоге с другими героями.

Существует два основных пути классификации диалогов в драматических произведениях: по количеству участников диалога и на основе семантических критериев. Например, М. Б. Борисова выделяет следующие разновидности в зависимости от количества участников: «собственно диалог, параллельный диалог и полилог» [1]. По

семантическим особенностям выделяют: «диалог-спор, диалог — конфиденциальное объяснение, диалог — эмоциональный конфликт (диалог-ссора), диалог-унисон» [7]. Однако в зависимости от контекста и целей исследования можно использовать и другие критерии для классификации, например, по характеру речи или по функциям диалогов.

Основываясь на работах Е.А. Земской и О. Н. Кулиевой, можно предложить следующую классификацию политематических диалогов:

1. Политематические диалоги без связи с конситуацией (т.е. с ситуацией, которая способствует уточнению и более точному пониманию значения определенных слов, используемых в предложении):

а) Политематические диалоги без реакции (отсутствие реакции на тему партнера);

б) Политематические диалоги, подразумевающие реакцию (собеседник реагирует на тему, введенную партнером).

2. Политематические диалоги с включением конситуативной тематики:

а) Конфликтные политематические диалоги с конситуативной тематикой (включение конситуативной тематики приводит к конфликту между участниками коммуникации);

б) Неконфликтные политематические диалоги с конситуативной тематикой [2, 5].

Хотя диалоги и не являются первоочередной составляющей в формировании художественного образа, они определяют отношения персонажей друг к другу и к описываемой ситуации, а также передают авторский взгляд на проблемы, затронутые в произведении. В эпических произведениях диалоги персонажей используются вместе с нарративными описаниями автора, чтобы создать полноценную ситуацию и передать не только высказывания, но и передать социальный, культурный контекст. Так, например, в ткань текста одного из самых известных памятников древнегреческой литературы, эпической поэмы Гомера «Илиада» вплетено описание предметов (щита Ахиллеса), а также оценка героев автором: «быстроногий», «шлемоблещущий», «мощный» и др.

Роль диалога в текстах различных литературных родов и жанров

Изучение диалога в рамках художественной речи является непростой и одновременно интересной задачей, особенно при анализе лирических произведений. В отличие от эпоса и драмы, где диалоги используются для эпической передачи линий сюжета, лирическая речь

характеризуется субъективностью и персонализацией переживаний, часто представляя собой монолог. В лирических произведениях больший акцент делается на выражении личных чувств, настроений и переживаний. Вместо рассказа о событиях и действиях, характерных для эпоса, лирика скорее стремится передать авторские мысли и эмоции через образы, метафоры, сравнения. Тем не менее, использование обращений, риторических вопросов и восклицаний показывает, что и в лирике присутствует элемент направленности на партнера по коммуникации, то есть диалогичность.

В статье «Диалог в современной лирике» Н.Н. Иванова говорит о том, что «лирика диалогична в широком смысле слова», как «своеобразное общение лирического героя с читателем» [3]. Лирическая речь обычно не предполагает обратную связь, но читатель может почувствовать себя непосредственным участником воображаемого разговора, отвечать на поставленные вопросы и воспринимать роль отсутствующего собеседника. Этот эффект создает впечатление присутствия и представляет своего рода диалог между читателем и лирическим героем.

Драматический диалог отличается от диалога в лирических и эпических произведениях. Изучая диалог в драматическом жанре, специалисты выявляют позицию автора и его отношение к проблематике произведения, в том числе его личные оценки и субъективный идеал. Это раскрывают лексические средства, используемые в диалоге. Они формируют особенности каждого персонажа, конструируя его «естественный язык».

Диалоги в драматических произведениях также оставляют место для интерпретации и разного восприятия зрителем или читателем. Они предоставляют возможность для различных точек зрения и открытого диалога о темах и проблемах, затронутых в произведении.

Следовательно, «диалог» в художественной литературе может быть рассмотрен с эстетической, культурологической, психологической и философской точек зрения. Эстетический аспект диалога заключается в его способности создавать гармонию и эмоциональное взаимодействие между читателем и произведением. С точки зрения культурологии, диалоги позволяют понять социокультурный контекст, отражая общественные нормы и ценности, описываемого периода. Психологический аспект диалога позволяет углубиться во внутренний мир персонажей, их эмоциональное состояние и взаимоотношения друг с

другом. Философская точка зрения на диалог в художественной литературе позволяет исследовать глубинный смысл произведения и выявить философские идеи, заложенные автором.

В литературных произведениях диалог играет роль не только средства передачи информации, но и является средством развития сюжета, выражения эмоций персонажей и отражения авторского мнения. Он позволяет проследить взаимодействие персонажей, их взаимоотношения, мотивы и цели, а также раскрыть глубину и сложность их характеров. Отдельные реплики персонажей могут быть символическими, вносящими важные подтексты. В свете представленных классификаций, а также жанровых различий диалога, становится очевидным факт важности и необходимости изучения организации художественной речи.

Литература

1. *Борисова М. Б.* О типах диалога в пьесе М. Горького «Враги» // Очерки по лексикологии, фразеологии, стилистике: уч. зап. Ленингр. гос. ун-та. сер. филол. наук. Вып. 24. Л., 1956. С. 96–124.
2. *Земская Е.А.* Политематичность как характерное свойство непринужденного диалога // Разновидности городской устной речи. М.: Наука, 1988. С. 234–240.
3. *Иванова Н. Н.* Диалог в современной лирике // Проблемы структурной лингвистики / отв. ред. В. П. Григорьев М.: Наука, 1984. С. 211–225.
4. *Красножонова Е. С.* Теория и практика обучения иностранным языкам и культурам в контексте реалий Болонского процесса / Сборник статей по материалам Международного научно-методического симпозиума. Пятигорск: ПГЛУ, 2011. 128 с.
5. *Кулиева О. Н.* Тематическая полифония диалога в русском языке: дис... канд. филол. наук. Минск, 2003.
6. *Падучева Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
7. *Сохин Ф. А.* Развитие речи детей дошкольного возраста. М.: Просвещение, 1979. 223 с.

*Меркулова В. М.,
Институт филологии,
Московский педагогический
государственный университет;
merk-vera@yandex.ru*

*Научный руководитель: Хамраева Е. А.,
доктор педагогических наук, профессор,
заведующий кафедрой лингводидактики
РКИ и билингвизма,
Институт филологии МПГУ,
ea.khamraeva@mpgu.su*

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ПОЛИКОДОВОГО ТЕКСТА ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ

Аннотация: с каждым годом, мы наблюдаем прирост интенсивных технологий образования. Появившиеся информационно-технические возможности в использовании интернет-пространства явились предпосылками внедрения поликодовых текстов в организацию процесса обучения. Новые возможности позволяют педагогу моделировать учебный процесс под призмой мультимодальности. Формирование грамматических умений у детей-билингвов средствами поликодовых текстов способствует порождению связных иноязычных высказываний, умению выбирать верную стратегию общения, развитию их речемыслительной деятельности. Активное использование поликодовых текстов становится неотъемлемой частью современной модели образовательного пространства.

Ключевые слова: поликодовый текст, мультимодальность, мультимодальный текст, креолизованный текст, языковой код.

*Vera Merkulova,
Institute of Philology,
Moscow Pedagogical
State University;
merk-vera@yandex.ru
Scientific supervisor: Elizaveta Khamraeva,*

*PhD (Doctor of Education), Professor,
Institute of Philology,
Moscow Pedagogical
State University;
ea.khamraeva@mpgu.su*

LINGUODIDACTIC PHENOMENON OF POLYCODE TEXT IN TEACHING RUSSIAN GRAMMAR TO BILINGUAL CHILDREN

Abstract: every year, we see an increase in intensive education technologies. The new information and technical capabilities in the use of the Internet were prerequisites for the introduction of polycode texts in the organization of the learning process. New opportunities allow the teacher to model the educational process under the prism of multimodality. The formation of grammatical skills in bilingual children by means of polycode texts contributes to the generation of coherent foreign language utterances, the ability to choose the right communication strategy, and the development of their speech-thinking activity. The active use of polycode texts becomes an integral part of the modern model of the educational space.

Keywords: polycode text, multimodality, multimodal text, creolized text, language code.

Появление информационно-технических возможностей и развитие интернет-пространства привели к развитию интенсивных технологий образования. Сегодня содержание обучения изменяется в сторону интегративности и интерактивности, становится более целостным, связанным и перекликающимся, с применением активных технологий обучения, одной из которых является использование поликодовых текстов.

Поликодовые тексты – представляют собой сочетание вербальных и визуальных компонентов: иллюстраций, схем, презентаций, заметок (скетчноутинов), комиксов, ребусов, изображений 3D пространства, qr – кодов, инфографики, интеллект (ментальных) – карт, аудио – визуальных элементов.

В современном образовательном процессе уже широко используются различные онлайн-платформы, которые предлагают поликодовые тексты

при обучении иностранным языкам, в том числе русскому языку как иностранному, а именно: LingQ, FluentU, Rosetta Stone и интернет-сервисы, на которых можно создавать свои собственные поликодовые тексты, такие как KvikPic, Pinterest, Quizizz, Wordwall, Wizer.

Особый интерес для исследователей поликодовых текстов представляет лингводидактический механизм поликодового текста, который запускается при креолизации. Креолизация – это комбинирование средств разных семиотических систем в комплексе, отвечающем условию текстуальности. К средствам креолизации вербальных текстов относятся изобразительные компоненты, оказывающие существенное влияние на интерпретацию текста [1].

Основываясь на визуализации содержания учебного материала, которая позволяет графически представлять идеи и концепции, поликодовые тексты используются в разных контекстах, мультимодальностях и повышают вовлеченность, мотивацию, уровень активизации деятельности обучающихся.

Личностное становление современного ребенка происходит под всевозрастающим влиянием информационной среды, меняется детская картина мира с возникновением «новой морали» и системы ценностей. Сегодня современные дети – это дети поколения «М», дети многозадачности, способные одновременно делать несколько дел сразу. У современного ребенка наблюдается высокая проходимость оперативной памяти, что позволяет ему воспринимать и перерабатывать большое количество информации за короткий промежуток времени. Мыслительные операции у современных детей развиваются комплексно: дети мыслят блоками, модулями (серийное мышление). Так, современный ребенок без особых усилий выполнит сложную комбинацию из картинок, сравнивая и сопоставляя одновременно несколько признаков предметов, однако не сможет объяснить, почему он так сделал. Это связано с тем, что современные дети воспринимают мир целостно, интуитивно выстраивая отношения между объектами и явлениями. Дети хуже излагают свои мысли, постоянно отвлекаются по мелочам и не могут привести логические доводы в свою пользу. Исследователи доказали, что концентрация внимания достижима, путем разделения задания на мелкие части, переключаясь между форматами подачи материала и видами деятельности, расширяя путь к многозадачности. Ведь с фрагментом справиться гораздо проще, чем сразу с большим целым [2].

Проблематика заинтересованности современного ребенка в работе с учебным материалом коррелируется с особенностями внимания, мышления, памяти, восприятия в соответствии с его психотипом (аудиал, визуал, кинестетик) и со скоростью овладения им интерактивных технологий. Использование компонентов мультимодального пространства в обучении открывает широкие возможности для создания более эффективных и интерактивных учебных сред. Новые возможности позволяют педагогу моделировать учебный процесс под призмой мультимодальности, а значит безграничности.

Дети-билингвы заслуживают пристального внимания, так как помимо речевых особенностей, дети данной категории имеют своеобразие познавательной, эмоционально-волевой и личностной сфер, поскольку в развитии ребенка-билингва существуют одновременно «две речевые стихии», многие новые явления и грамматические факты в обучении русскому языку ему нужно предъявлять индуктивным путем, то есть от частного к общему; дедуктивный же путь предъявления новой информации может вызвать нежелательное ассоциирование и стать причиной интерферентных ошибок (дедукция в обучении билингвов необходима на стадии осмысления и координации двух языков, сопоставления лингвокультурных реалий) [5].

Обучение детей-билингвов русской грамматике через поликодовые тексты, в основе которого лежат упражнения аналитического типа, сопровождающиеся комбинациями элементов разных знаковых систем (иллюстрации, схемы, таблицы, кроссворды) с выделением новых грамматических конструкций, обеспечивает более прочное усвоение грамматических явлений изучаемого русского языка и способствуют достижению высокого уровня мотивации у обучающихся.

Поликодовые тексты являются эффективным инструментом в обучении русской грамматике детей-билингвов. Формирование грамматических умений у детей-билингвов происходит через креолизацию языкового кода, который позволяет обучающимся изучать грамматические правила, сравнивать и анализировать различия между языками и кодовыми системами, способствует развитию их метаязыкового сознания и грамматического осознания.

Выбор типа поликодового текста зависит от планируемых образовательных результатов и от возрастных особенностей обучающихся. В учебном процессе важно учитывать особенности внимания, мышления, памяти, темперамента ребенка, его

интеллектуальный потенциал и уровень мыслительных способностей. Восприятие информации в поликодовых текстах требует от ребенка сопоставления различных мультимодальных элементов в тексте, понимания контекста и способствует развитию его связанного мышления, что подчеркивает важность использования поликодовых текстов при обучении русской грамматике детей-билингвов.

Литература

1. *Анисимова Е. Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация. М.: Академия, 2003. 128 с.
2. *Баркан А.И.* Ультрасовременный ребенок. М.: Этерна, 2014. 816 с.
3. *Браташ В.С.* Зачем нужны поликодовые тексты? СПб.: изд. СПбГУ, 2022. 71 с.
4. *Тарасов Е. Ф.* Креолизованный текст: Смысловое восприятие: коллективная монография / отв. ред. И.В. Вашунина. ред. колл.: Е. Ф. Тарасов, А. А. Нистратов, М. О. Матвеев. М.: Институт языкознания РАН, 2020. 206 с.
5. *Хамраева Е. А.* Детский модуль РКИ. Особенности организации русской школы за рубежом и методики преподавания русского языка // Русский язык за рубежом. 2014. № 5 (246). С. 44–54.

*Никитина Е. С.,
Институт иностранные языков,
Московский педагогический
государственный университет;
lena199943494@yandex.ru
Научный руководитель: Беляева Е. Е.,
кандидат культурологии,
кафедра романских языков
имени В. Г. Гака МПГУ;
ee.belyaeva@mpgu.su*

КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Аннотация: статья посвящена изучению креолизированных текстов как средства совершенствования иноязычной коммуникативной компетенции на уроках французского языка на среднем этапе обучения. Рассмотрены особенности креолизированных текстов, а именно французского аутентичного комикса. Отмечены психолингвистические особенности восприятия аутентичного комикса учащимися среднего этапа обучения. Представлены методы работы с аутентичным креолизированным текстом. В статье сделан вывод о том, что аутентичный креолизированный текст обладает богатым лингводидактическим потенциалом и может быть эффективно интегрирован в учебный процесс с целью совершенствования умения межкультурного общения.

Ключевые слова: креолизированный текст, иноязычное образование, иноязычная коммуникативная компетенция, лингводидактический потенциал, французский язык, средняя школа, аутентичный текст.

*Elena Nikitina,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
lena199943494@yandex.ru
Scientific supervisor: Ekaterina Belyaeva,
Candidate of Cultural Studies,*

CREOLISED TEXT AS A MEANS OF IMPROVING FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE

Abstract: the article is dedicated to the analysis of the creolized text phenomenon in the context of improving foreign language communicative competence in French lessons at the middle school. The work focuses on the examination of creolized text, namely French authentic comics. Psycholinguistic peculiarities of perception of French authentic comics by middle school students and methods of work with them within the educational process are noted. The article concludes that authentic creolised text has a rich linguodidactic potential and can be effectively integrated into the teaching process in order to improve intercultural communication skills.

Keywords: creolised text, authentic text, the French language, middle school, comic book, foreign language communicative competence, linguodidactic potential.

В эпоху визуального восприятия и ускоряющегося темпа жизни общество становится ориентированным на зрительный образ, что вызывает потребность в возникновении смешанных типов текстов, упрощающих процесс восприятия информации. В настоящее время в методике преподавания иностранных языков особую значимость приобретают такого рода тексты. Одним из примеров креолизированных текстов служат комиксы, которые обладают огромным дидактическим потенциалом и могут быть эффективно интегрированы в учебный процесс с целью совершенствования умения межкультурного общения.

Впервые термин «креолизированный текст» в отечественной лингвистике был введён психолингвистами Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым, которые полагают, что креолизированные тексты – это тексты, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (речевой или языковой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [4, с. 180].

По мнению А. Г. Сониной, комикс – это «особый способ повествования, текст которого представляет собой последовательность

кадров, содержащих, кроме рисунка, вербальное произведение, передающее преимущественно диалог персонажей и заключённое в особую рамку. При этом рисунок и заключённый в него вербальный текст образуют органическое смысловое единство» [3, с. 19]. Поэтому комикс является разновидностью креолизованного текста.

Таким образом, вербальный компонент комикса, выраженный буквенным текстом, призван передавать речь персонажей или автора, включая комментарии к тексту, титры, заголовки. Невербальный компонент комикса включает графику и параграфику, которая позволяет передать дополнительную информацию, воздействовать на эмоциональное восприятие реципиента, посредством различных видов шрифтов, форм, линий, ономотопеи [7]. Исследователь А. Г. Сонин относит параграфику к синкретичному компоненту комикса, поскольку он сочетает в себе вербальный и пиктографический компоненты [3].

По мнению исследователя Н. Ю. Григорьевой, «в процессе восприятия комикса, то есть при формировании ментальной репрезентации, мыслительная деятельность осуществляется как в виде вербальных, так и в виде иконических образов» [1, с. 83]. Восприятие невербального компонента осуществляется непроизвольно, на подсознательном уровне, тогда как восприятие – вербального, несущего в себе набор заранее установленных лексических единиц, осуществляется рациональным путём. Наличие изобразительного элемента в такого рода текстах значительно упрощает и ускоряет процесс восприятия информации.

В. Г. Степанов в своих исследованиях психологических особенностей перцептивной деятельности школьников выявил, что подростки склонны к восприятию подробностей и выделению деталей, у них преобладает аналитический или детализирующий тип восприятия [5]. Так, интерпретация иноязычного комикса для них становится увлекательным занятием, способствующим развитию критического мышления, воображения, эмоционального интеллекта, формирующим мотивацию к чтению и познавательный интерес. Кроме того, умение читать комикс и создавать его формирует эстетическую культуру обучающихся, развивает их творческие и аналитические способности.

В настоящее время, педагоги отмечают высокий дидактический потенциал комиксов в обучении французскому языку с целью совершенствования иноязычной коммуникативной компетенции.

Как аутентичные тексты, они являются богатым источником

социокультурной информации. Исследователь Ж. Клидесдейл пишет о важной роли таких текстов в преподавании языка в неразрывном единстве с культурой: «Комиксы дают возможность видеть мир глазами носителей языка» [8].

Л. Г. Столярова в своей работе по изучению креолизированных текстов на материале франкофонных комиксов «Астерикс» также подтверждает, что они содержат в себе массу языковой информации, культурных реалий, являются образцом французской разговорной речи, отражают специфику национального характера, коммуникативного поведения французского народа [6].

Среди комиксов различных культур французский комикс занимает особое место, поскольку относится к современному искусству. В книге Франсиса Лакассена «*Pour un neuvième art, la bande dessinée*» он был впервые назван «девятым искусством» [8].

Текст комикса является контекстом для развития устной и письменной речи, что также позволяет реализовать принцип взаимосвязанного обучения. В процессе развития устной речи происходит запоминание новых лексических единиц и грамматических конструкций, а письменная речь положительно влияет на развитие устной.

Так, школьники на среднем этапе обучения посредством чтения французского аутентичного комикса учатся понимать основное содержание текста, осуществлять поиск информации, выделять значимую информацию в сюжете истории, в результате чего у них также происходит формирование лексико-грамматических навыков.

С целью совершенствования говорения такой текст может быть использован для развития монологической речи, умения делать сообщение на основе прочитанного, выстраивать описание, повествование, рассуждение. С опорой на текст французского аутентичного комикса могут быть составлены различные задания, способствующие развитию умения диалогической речи, а именно: умений запрашивать, уточнять информацию, отвечать на вопросы, начинать и поддерживать диалог, вести дискуссию, высказывать и аргументировать собственную точку зрения, соблюдая при этом нормы речевого этикета и копируя вербальное и невербальное поведение носителей языка.

Комикс также является средством развития письменной речи, так как на его основе могут быть разработаны различные проектные

письменные задания, направленные на составление критической заметки с целью развития умения выражения собственного мнения в письменной форме, написание пересказа по прочитанному тексту, создание собственных комиксов, сочинение различных историй от первого лица на основе сюжета предложенного комикса.

По мнению французского методиста Л. Порше, для обучающихся, находящихся на начальном этапе овладения французским языком, комиксы могут представлять больший интерес, чем книги, язык которых сложнее для понимания в начале изучения иностранного языка. Такого рода тексты позволяют школьникам самостоятельно знакомиться с французскими разговорными выражениями, фразеологизмами, формами глаголов, грамматическими конструкциями, мотивируют их на дальнейшее изучение иностранного языка [10, с. 14].

Поликодовая природа комикса открывает учителю простор для применения различных методических приёмов, а именно, взаимодействие изображения и текста позволяет внедрить в урок элементы ролевой игры, даёт основание для создания проблемных заданий, порождающих коммуникативно-познавательную потребность школьников.

Стоит отметить, что комиксы за счёт своей особой покадровой структуры позволяют применить дифференцированный подход в обучении, учесть способности и уровень подготовки изучающих иностранный язык [2, с. 53]. Так, обучающимся с более высоким уровнем подготовки могут быть предложены задания на интерпретацию культурных явлений, тогда как остальным учитель может предложить дать дополнительный комментарий к тексту комикса, репликам персонажей.

Таким образом, естественность лексического и грамматического материала, речь приближённая к разговорной, наличие информации, отражающей национальный характер французского народа делает французский аутентичный комикс достаточно перспективным средством обучения иностранному языку и погружения в иноязычную среду на среднем этапе обучения французскому языку. Данные, полученные в результате проведённого исследования, могут быть использованы в дальнейшем при изучении креолизованных текстов как средства обучения межкультурному общению на уроках иностранного языка.

Литература

1. Григорьева Н. Ю. Исследование когнитивной деятельности реципиента поликодового текста // Вестник Челяб. гос. ун-та. Челябинск. 2013. № 24 (315). С. 81–84.
2. Резникова А. И. Методика использования французских комиксов как средства совершенствования иноязычной коммуникативной компетенции старшеклассников: дис. ... канд. пед. наук. М., 2018.
3. Сонин А. Г. Комикс: психолингвистический анализ. Барнаул: Издательство Алтайского госуниверситета, 1999. 111 с.
4. Сорокин Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180–186.
5. Степанов В. Г. Психологические особенности перцептивной деятельности школьников и учёт их в учебно-воспитательной: учебное пособие. М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1989. 82 с.
6. Столярова Л. Г. Вербальные и невербальные компоненты коммуникации в текстах французских комиксов (на материале комиксов серии «Астерикс»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012.
7. Козлов Е. В. Комикс как явление лингвокультуры: знак - текст - миф. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. 183 с.
8. Clydesdale J. A bridge to another world: using comics in the second language classroom. Language & Literacy Graduate Student Conference. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.568.6729&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 27.03.2023).
9. Lacassin F. Pour un neuvième art : la B.D. Paris: Editions Slatkine, 1982. 508 p.
10. Porcher L. L'enseignement des langues étrangères. Domont: Dupli-Print, 2011. 127 p.

Панкратова О. И.,
*Институт иностранные языков,
Московский педагогический
государственный университет;
helga.bren@yandex.ru*
Научный руководитель: Беликова Г. В.,
*кандидат культурологии, доцент,
кафедра романских языков
имени В. Г. Гака МПГУ;
galatin@yandex.ru*

ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ИНКЛЮЗИИ И ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация: в статье описывается проведенное сравнительно-сопоставительное исследование терминосистемы инклюзии и инклюзивного образования в современном французском и русском педагогическом дискурсе. На избранных примерах иллюстрируется употребление терминов в контексте инклюзивного обучения в образовательных учреждениях Франции и России. Демонстрируется влияние использования выбранной лексики на адаптацию и интеграцию людей, в особенности детей с нарушениями развития, в развивающееся общество.

Ключевые слова: инклюзивное образование, термины, инклюзия.

Olga Pankratova,
*Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
helga.bren@yandex.ru*
Scientific supervisor: Galina Belikova,
*Candidate of Cultural Studies,
Associate Professor,
Department of Romance Languages
named after V. G. Gak MPSU;
galatin@yandex.ru*

TERMINOSYSTEMS OF INCLUSION AND INCLUSIVE EDUCATION IN MODERN FRENCH AND RUSSIAN PEDAGOGICAL DISCOURSE

Abstract: the article describes the comparative study of the terminology system of inclusion and inclusive education in modern French and Russian pedagogical discourse. The selected examples illustrate the use of the terms in the context of inclusive education in educational institutions of France and Russia. The influence of the use of the selected vocabulary on the adaptation and integration of people, especially children with developmental disabilities, in the developing society is demonstrated.

Keywords: inclusive education, terms, inclusion.

Одним из ключевых направлений развития современного общества является обеспечение равных возможностей жизнедеятельности для всех членов общества вне зависимости от особенностей и способностей человека. Называемое инклюзией, это направление подразумевает вовлеченность всех членов социума в жизнь.

Инклюзивное образование является важной темой в образовательной системе различных стран, включая Францию и Россию. Под термином «инклюзивное образование» в обеих странах понимается необходимость создания доступного и равноправного образования для всех детей, независимо от их способностей, физических или психических особенностей. У сферы инклюзивного образования существует определенная терминология, то есть система терминов данной области знания [1]. Заметим, что в современной лингвистике большое значение придается тщательному исследованию новых, эволюционирующих терминологий, которые расширяют наше понимание того или иного факта действительности посредством создаваемых или трансформируемых терминотем. Учитывая тот факт, что сфера инклюзии и ее терминологическая система находятся в стадии развития, корпус функционирующих лексем в этой сфере стремительно увеличивается. Пополнение словаря терминов происходит посредством заимствования слов из других языков, а также посредством различных словообразовательных способов и моделей.

В России инклюзивное образование является ветвью компенсирующего обучения, наравне с помощью детям, которые отстают в обучении по предмету, детям иммигрантов, а также одаренным детям [2]. Методики обучения детей с особенностями развития постоянно совершенствуются, что помогает обучающимся осваивать образовательный материал в комфортной для них форме. Во Франции инклюзивное образование, являясь самостоятельным направлением образования, организует для детей с особыми образовательными потребностями продуктивное обучение [4].

В соответствии с заявленной темой, в центре внимания данной работы находятся французские и русские термины, тематически относящиеся к инклюзии и инклюзивному образованию. Мы остановимся на терминах-эквивалентах и французских терминах, которые представлены в русском языке аналогами со схожим значением.

Прежде всего рассмотрим термины инклюзия и инклюзивное образование. Во французский и русский языки термин инклюзия пришел от английского слова «inclusive» или «inclusion», который в свою очередь произошел от термина «inclusio», имеющий значение включение, принадлежность к чему-то. Сравнивая термины «инклюзивное образование» и «education inclusive» можно заметить схожесть формирования терминов и их значений, так как оба варианта имеют одно и то же смысловое содержание, а именно учет индивидуальных особенностей ребенка и адаптацию образования под его особые потребности. По аналогии с данными терминами можно представить следующие терминологические пары: «принцип равных возможностей» и «égalité des chances dans l'éducation» (дословно: равные возможности в сфере образования), «доступность образования» и французский аналог «accessibilité de l'éducation» (букв. доступность обучения), а также «особые образовательные потребности» и французский эквивалент «besoins éducatifs spécifiques» (букв. специальные образовательные нужды).

Отдельное внимание можно уделить терминам «индивидуальная программа реабилитации (ИПРА)» и «le projet personnalisé de scolarisation» (PPS) (букв. проект персонализированного школьного образования). Эти термины означают схожие явления – индивидуальные проекты, которые подготавливают специалисты для организации комфортного пребывания ученика в школе. Не смотря на некоторые различия при переводе терминов, они отсылают к схожему документу, в

котором описан маршрут обучения ребенка в школе с учетом особенностей развития ученика.

Наряду с эквивалентной терминологией в русском и французском языках в области инклюзии можно выделить некоторые французские термины, которые в русском языке представлены аналогами. Представим ряд таких французских терминов, изучение которых проводилось на базе словарей французского языка, а также соотнесем французские понятия терминосистемы «инклюзивное образование» с соответствующими русскими, значение которых мы описали на основе трактовок словаря центра инклюзивного образования и краткого словаря Макарьева И.С.

Например, термин «accessibilité»¹ – обеспечение среды, которая позволяет учащимся получать качественное образование связан с русским термином «доступность», который отражает комплексное понятие, включающее в себя доступность здания, в котором обучается ребенок с особыми потребностями, академическую доступность, социальную доступность [3]. Следующие пары терминов характеризуются тем, что по аналогии встречаются в русском и французском языках, представляя сферу инклюзивного образования: «sensibilisation»² (букв. информированность, осведомленность) и «осведомленность» (т.е. наличие сведений, знаний о чем-нибудь, применяемое в целом к различным сферам социума), «handicap», «handicapé»³ (букв. инвалид, инвалидность) и «инвалид», «инвалидность», «ребенок-инвалид» (т.е. отмечается важность возрастного отличия инвалидов), «école spécialisée»⁴ (букв. специальная школа) и «специальная (коррекционная) школа», под которой понимается специальное образовательное учреждение, в котором работают дефектологи и другие специалисты, создающие условия для качественного образования.

Важным аспектом анализа является установления прагматического потенциала данных терминов при их актуализации в различных социальных контекстах, т.е. степени воздействия данной терминологии на общественное восприятие людей и, в частности детей с ОВЗ. Например, использование устаревших или негативных терминов может

¹Inclusion Europe. URL: <https://www.inclusion-europe.eu/fr/dictionnaire/> (дата обращения 13.03.2023).

²La langue française. URL: <https://www.lalanguefrancaise.com/> (дата обращения 16.10.2023).

³Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/inclusion/42281> (дата обращения 17.04.2023).

⁴Le Robert. URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/> (дата обращения 13.05.2023).

создавать стереотипы и предрассудки, что может препятствовать интеграции и включению детей с ОВЗ в общество. Термин "инклюзивное образование" помогает снять стигматизацию и социальное исключение, с которыми могут столкнуться дети с ОВЗ. Он акцентирует важность создания среды, где все дети могут взаимодействовать, учиться и развиваться вместе, не ощущая себя отделенными или неполноценными. В целом, с межкультурной точки зрения, знание терминов «инклюзивного образования» может быть полезным педагогам для взаимодействия с международным сообществом экспертов, для изучения и применения лучших практик инклюзии различных стран, для сотрудничества с франкоязычными коллегами и участниками проектов в области инклюзии, а также для повышения профессионального статуса как специалиста в этой области.

Невзирая на различия в терминосистемах, важно понимать, что инклюзивное образование во Франции и России направлено на создание инклюзивной, равноправной и адаптированной среды для всех учащихся. Данные, полученные в результате проведенного анализа, могут быть использованы в дальнейшем при изучении особенностей данной терминосистемы в целях реализации задачи полного описания и систематизации терминов, а также их корректного употребления в рамках образования и жизни социума.

Литература

1. *Гринёв-Гриневич С. В.* Основы лексикографического описания терминосистем: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990.
2. *Джуринский А. Н.* Сравнительная педагогика: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2023. 353 с.
3. *Макарьев И. С.* Краткий словарь системы понятий инклюзивного образования: терминологический словарь. СПб.: СПб ГБ ПОУ «Охтинский колледж», 2015. 84 с.
4. *Ployé A.* L'inclusion scolaire en France, un processus inachevé. *Revue internationale d'éducation de Sèvres.* 2018.

Пашаева Н. Г. К.,
*Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
nazrin.pashaeva@mail.ru*
Научный руководитель: Бондаренко С. В.,
*кандидат филологических наук,
кафедра грамматики английского языка
имени М.Я. Блоха МПГУ;
sv.bondarenko@mpgu.su*

ДИАЛОГИЧЕСКАЯ РЕЧЬ И КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация: в статье рассматривается функциональность диалогической речи в политическом дискурсе дебатов предвыборных кампаний. Автор определяет понятие политической коммуникации, характеризует диалог как основную форму общения в ходе политических дебатов, описывает основные права и обязанности участников дебатов и рассматривает выбор стратегий диалогической речи, используемых в дебатах.

Ключевые слова: политический дискурс, коммуникация, диалогическая речь, политические дебаты, коммуникативные стратегии

Nazrin Pashaeva,
*Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
nazrin.pashaeva@mail.ru*
Scientific supervisor: Svetlana Bondarenko,
*Candidate of Philological Sciences,
Department of English Grammar
named after M.Ya. Blokh MPSU;
sv.bondarenko@mpgu.su*

DIALOGUE SPEECH AND COMMUNICATIVE STRATEGIES OF ITS REALIZATION IN ENGLISH POLITICAL DISCOURSE

Abstract: the article is devoted to the dialogue speech in political discourse of election campaign debates. The author considers the concept of political communication, characterizes the dialogue as the main form of debate communication, describes the main rights and responsibilities of the participants of debates and considers the strategies of dialogue speech representation used in debates.

Keywords: political discourse, communication, dialogic speech, political debates, communicative strategies

Политический дискурс по сей день продолжает привлекать внимание исследователей в области лингвистики текста и лингвопрагматики. Это связано с тем, что общение в сфере политики затрагивает самые важные аспекты социальной жизни граждан и во многом является основополагающим фактором в вопросе регулирования общественных процессов. Более того, в масс-медиа появляются новые политические тексты самых разных жанров, что обуславливает актуальность комплексного изучения политического дискурса.

Политический дискурс, как правило, рассматривается как «совокупность всех речевых актов в политических дискуссиях» [1, с.6], в основе которого заложена политическая коммуникация (политическая речь, политическое интервью, политический комментарий, политическое эссе и т.д.), направленная на распространение идей, формирование точек зрения и побуждение политических субъектов к действиям через оказание на них эмоционального воздействия. Выступления политиков (политическая речь) на дебатах также относят к институциональному жанру коммуникации в публичной политической деятельности.

Основной формой ведения коммуникации в рамках политических дебатов является диалогическая речь, ключевыми характеристиками которой являются: наличие двух участников и их активное взаимодействие, чередование ролей участников, равноправие участников, взаимный интерес к высказываниям, разнообразие точек зрения участников, быстрота обмена информацией.

Диалогическая речь мотивирована. Для нее характерен обмен репликами, среди которых можно выделить инициальные реплики, вводящие тему, и реплики-ответы, необходимые для выражения солидарности, согласия с собеседником (в дискуссии кооперативного характера) либо парирования при помощи контраргументов оппонента (в дискуссии некооперативного характера). Что касается классификации форм ведения диалогов, М.Я. Блох и С. М. Поляков выделяют следующие композиционно-речевые формы диалогов: диалог-повествование, диалог-описание, диалог-объяснение, диалог-извещение, диалог-побуждение, диалог-вопрос, диалог-спор, смешанный диалог [2, с. 95–122].

С. Е. Неустроева выделяет права и обязанности коммуникантов, которых в зависимости от аргументативной роли можно разделить на протагонистов и антагонистов (добавим, что данные роли меняются). Среди основных: право протагониста потребовать от антагониста аргумент либо защиту его точки зрения и право антагониста подвергнуть сомнению не защищенный оппонентом иллокутивно-аргументационный комплекс; право для протагониста защищать иллокутивно-аргументативные комплексы, либо отречься от обязанности их защищать; обязанность придерживаться правил, определяющих защиту и атаку, соблюдения очередности коммуникативных ходов; обязанность отказа от своей позиции при убедительной контраргументации со стороны оппонента [5, с. 455].

Е.В. Вохрышева определяет ряд критериев, обобщающих коммуникативные стратегии диалогического взаимодействия. По основному признаку интеракционной самостоятельности, стратегии подразделяются на иницирующие и реагирующие. Реагирующие стратегии маркируются нейтральными и (негативно- и положительно-) стимулирующими высказываниями [3, с. 10].

В рамках дебатов, как вида политического дискурса, диалогическая речь характеризуется применением стратегий эксплицитного и имплицитного выражения оппозиционального, то есть отрицательного, отношения к оппоненту и его высказываниям. Ведущей стратегией такого речевого поведения является агональная стратегия, а основными тактиками ее реализации выступают тактики обвинения (в том числе, безличное обвинение), критики и дискредитации, обличения, оскорбления, угрозы [4, с. 430].

Проиллюстрируем реализацию коммуникативных стратегий диалогической речи в англоязычном политическом дискурсе на примере предвыборных дебатов между Дональдом Трампом и Джоозефом Байденом в 2020 году.

“Biden J.: These 500 plus kids came with parents. They separated them at the border to make it a disincentive to come to begin with. <...> And it makes us a laughing stock and violates every notion of who we are as a nation.

Kristen: Let me ask you the following question.

Trump D.: Kristen, they did it. We changed the police.

Kristen: You response to that.

Trump D.: They built the cages. Who built the cages, Joe?

Biden J.: Let’s talk about...

Trump D.: Who built the cage, Joes?

Biden J.: Let’s talk about what we are talking about. What happened? Parents were ripped, their kids were ripped from their arms and separated and now they cannot find over 500 sets of those parents and those kids are alone. Nowhere to go. It’s criminal <...>. They should be going to the rehabilitation not to jail. We should fundamentally change the system and that’s what I’m going to do.

Trump D.: Why didn’t he do it four years ago? <...> Why didn’t you do it four years ago? <..> You’re going to do this but you were there just a short time ago and your guys did nothing <..> I ran because of you <...>”[6, 3.39:5.02]

В вышеприведенном фрагменте оба политика ставят своей целью склонить аудиторию к своей точке зрения относительно вопросов миграции, а также деконструировать имидж своего оппонента путем использования стратегий и тактик агональной коммуникации: критики (*‘They separated them at the border to make it a disincentive to come to begin with.’*) и дискредитации (*‘And it makes us a laughing stock and violates every notion of who we are as a nation.’*), обвинения (прямого – *‘Why didn’t you do it four years ago?’*, *‘I ran because of you’*, косвенного – *‘Why didn’t he do it four years ago?’*, безличного – *‘They built the cages.’*), обличения (*‘Who built the cage, Joes?’*). Дебаты являются диалогом-спором и в данном контексте характеризуются наличием у участников определенного рода прав и обязанностей, которые регулируют ход диалогической коммуникации. Так, в приведенном фрагменте Дж. Байден выступает с иницилирующим высказыванием (иницилирующая стратегия), вводя тему для обсуждения (*‘These 500 plus kids came with*

parents. They separated them at the border to make it a disincentive to come to begin with. <...> And it makes us a laughing stock and violates every notion of who we are as a nation.’) Д. Трамп прибегает к ответной реагирующей стратегии, выступая с негативно-стимулирующей высказыванием (*‘They did it. We changed the policy.’*) В ходе возрастания степени агональности коммуникации реплики начинают сменяться с заметной частотой. Д. Трамп подавляет реплики оппонента, «заполняя» собой информационное пространство и не позволяя Дж. Байдену далее развивать структурированный иллюкутивно-аргументативный комплекс (*‘Who built the cages, Joe?’ ‘Let’s talk about...’ ‘Who built the cages, Joe?’*) Д. Трамп, реализуя роль протагониста, прибегает к иницилирующей стратегии, заставляя Дж. Байдена принять стратегию ответного реагирования. Добавим, что данная реплика маркирует переход к интеррогативной ситуации, где Д. Трамп занимает позицию спрашивающего, а Дж. Байден вынужден выполнять роль отвечающего (*‘Why didn’t he do it four years ago? <...> Why didn’t you do it four years ago?’*), что в целом позволяет Д. Трампу занять ведущую позицию в ходе ведения дебатов по данному тематическому вопросу.

Итак, политические дебаты как инструмент оказания участниками прагматического влияния на аудиторию эксплуатируют основные стратегии реализации диалогической речи. Это особый вид дискуссии, включающий в себя постоянную смену коммуникативных ролей, среди которых четко наблюдается оппозиция вопросно-ответной интеракции агональной направленности (атакующий и защищающийся). Процесс смены ролей выражен непрерывным и временами стихийным обменом репликами, соблюдением и нарушением прав участников, а также реализацией характерных для политического дискурса дискурсивных стратегий агональности, целью реализации которых является самоутверждение кандидата за счет дискредитации оппонента.

Литература

1. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991. 64с.
2. Блох М. Я., Поляков С. М. Строй диалогической речи. М: Прометей, 1992. 153с.
3. Вохрышева Е. В. Коммуникативные стратегии диалогического взаимодействия в прагмалингвистической перспективе // Вестник Сыктывкарского университета. 2012. №1. С. 3–16.

4. *Левенкова Е. Р., Коновалова Е. С.* Агональный потенциал интертекстов в политическом дискурсе США // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. № 1-2. С. 429–434.

5. *Неустроева С. Е., Васильев Л. Г., Васильева М. Л.* К оцениванию сущностных характеристик дебатов // Вестник удмуртского университета. 2018. Т. 28. Вып. 3. С. 455-461.

6. *Trump and Biden face off in final US presidential debate – highlights.* URL: <https://www.youtube.com/watch?v=U4nBnuv9n9o> (дата обращения: 27.10.2023).

*Пашканг А. А.,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
anabelsivan18@yandex.ru*
*Научный руководитель: Беликова Г. В.,
кандидат культурологии, доцент,
кафедра романских языков
имени В. Г. Гака МПГУ,
galatin@yandex.ru*

РОЛЬ АУТЕНТИЧНЫХ КИНОМАТЕРИАЛОВ НА УРОКАХ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В СТАРШЕЙ ШКОЛЕ

Аннотация: в статье рассматривается понятие «кинодискурс», его особенности с точки зрения аутентичности и актуальности использования данного учебного материала на уроках французского языка для развития лингвокультурологической компетенции старших школьников.

Ключевые слова: французский кинодискурс, аутентичные материалы, французский язык, лингвокультурологические особенности.

*Alexandra Pashkang,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
anabelsivan18@yandex.ru*
*Scientific supervisor: Galina Belikova,
Candidate of Cultural Studies,
Associate Professor
Department of Romance Languages
named after V. G. Gak MPSU;
galatin@yandex.ru*

THE ROLE OF AUTHENTIC FILM MATERIALS IN FRENCH LANGUAGE LESSONS IN HIGH SCHOOL

Abstract: the article deals with the concept of "film discourse", its peculiarities in terms of authenticity, and the relevance of using this educational material in French lessons for the development of linguocultural competences in high school students.

Keywords: french film discourse, authentic materials, French language, linguocultural characteristics.

В современном мире кинематограф является одной из самых популярных и востребованных форм культуры. Наряду с тем, что продукция киноиндустрии чаще всего рассматривается как средство развлечения и отдыха, в педагогической практике существует немало дидактических идей о том, как использование аутентичного киноматериала может улучшить качество обучения иностранному языку (далее – ИЯ). Причина тому – информационная насыщенность данного материала, представление изучаемых лингвокультурных явлений в развитии и динамике, реалистичность представления повседневной действительности кинодокумента. В связи с этим в нашей статье мы рассмотрим значение, роль и актуальность применения аутентичных кинофильмов на уроках французского языка для формирования лингвокультурной компетенции обучающихся.

Существует множество жанров французских кинолент, которые полюбятся школьникам, а это значит, что такой дидактический учебный материал может служить стимулом для изучения французского языка и культуры и мотивировать обучающихся самых разных возрастов. Обладая таким дидактическим потенциалом, как стимулирование интереса учащихся, активизация их познавательной деятельности не только в отношении собственно языкового материала, но и современных реалий изучаемой иноязычной культуры, аутентичный видеоматериал становится качественным средством изучения ИЯ, позволяющим сформировать не только коммуникативную иноязычную компетенцию, но и знания о социокультурной специфике страны изучаемого языка.

Итак, в литературе по теме понятие кинодискурса трактуется в ряде научных работ как особый вид кинотекста. Так, Ю.В. Сургай рассматривает кинодискурс как «процесс воспроизведения и восприятия

кинотекста», в котором присутствуют пространственно-временные условия, участники, представители той или иной культуры, со своим жизненным опытом и знаниями [5]; А. Н. Зарецкая считает, что кинодискурс является частью лингвосомиотики [3], т.е. кинодискурс, наряду с языковыми элементами определяется также и совокупностью таких невербальных компонентов, как аудиовизуальный ряд, кинесика персонажей и пр. Все эти элементы обеспечивают коммуникативно-прагматическую направленность кинодискурса. Следовательно, французский кинодискурс может быть представлен как определенная совокупность кинопроизведений, состоящих из вербальных – лингвистических, и невербальных – иконических, компонентов, обладающих функциями, присущими языку и соотносящихся с определенной ситуацией, культурой, временем и пространством.

Использование фрагментов аутентичных кинофильмов и видеорепортажей способствует развитию у обучающихся не только аудиальных, но и лингвистических и культурологических знаний, умений и навыков [7, 8]. Также, отметим и возможность формирования коммуникативных компетенций обучающихся, поскольку аутентичный киноматериал представляет коммуникативные реалии страны изучаемого языка [3]. В работах И.М. Адреасян, Дж. Кинга, А. Хана подчеркивается эффективность использования видеоматериалов на уроке: яркий визуальный ряд способствует активному запоминанию учащимися новых языковых элементов, а также специфику их использование в контексте [8, 7]. Итак, при использовании киноматериалов школьники формируют аудиальные навыки, увеличивают словарный запас и расширяют культурологические знания.

Показательно, что кинодискурс является объектом изучения таких наук, как психология, социология, культурология, языкознание. С точки зрения, например, лингвистики, кинодискурс представляет собой особую разновидность текста. В качестве примера дидактического киноматериала мы остановимся на некоторых специфических чертах комедийного кинодискурса. Например, исследователь А. А. Зализняк, рассматривая комедийный жанр, указывал, что юмор является в нем социальным инструментом, снимающим напряжение и тревожность [5]. Использование комедийного киноматериала с эффектом комичности позволяет обучать ИЯ не только с точки зрения дидактики (развитие навыков аудирования, расширение вокабуляра и пр.), но и с точки зрения реализации досугового потенциала урока: обучающиеся изучают

иностранный язык в процессе просмотра выбранной ими кинокартины, не задумываясь при этом над дидактической стороной обучения, что делает его более интересным, «не скучным», а значит продуктивным.

Работы некоторых исследователей, например, Л. В. Дудниковой и П.А. Волковой посвящены анализу специфики средств достижения такого типа юмора, для полного понимания которого необходимо знать особенности употребления языковых единиц и форм как в прямом, так и переносном значениях, а также понимать контекст их использования. Таковыми единицами являются каламбур, жаргонный регистр, фигуры речи – метафора, эпитет и др. Таким образом, все вышеперечисленные средства комичности кинотекста являются примером культурологического, языкового, аудиального материала для изучения ИЯ, в частности французского языка и культуры, что позволяет сформировать лингвокультурную компетенцию обучающихся на уроках французского языка.

Кинодискурс также является объектом изучения культурологов. Вопреки процессам глобализации, все больше говорится о значимости понятия национальной идентичности, что находит свое отражение в современных французских кинокартинах.

В педагогической практике, как известно, используется киноматериал определенных фрагментов избранных фильмов, общей продолжительностью не более 3-5 мин. На это есть свои причины: нехватка учебного времени, дефицит внимания, сложность восприятия большого кинотекста [1]. Правильно подобранный видеоматериал способствует мотивации и более продуктивному, активному изучению иностранного языка. Важными критериями такого отбора учебного киноматериала являются, как отмечают исследователи, индивидуальные особенности учеников, актуальность молодежных тематик, жанр киноматериала, а также цель урока.

Таким образом, в статье было рассмотрено понятие «кинодискурс» с точки зрения его дидактического и культурологического потенциала, а также некоторые особенности отбора аутентичных киноматериалов на уроках иностранного языка.

Литература

1. *Александрова В. И.* Киноуроки английского языка в рамках школьной программы: проблемы и перспективы развития // Психология,

социология и педагогика. 2013. № 4. URL: <http://psychology.snauka.ru/2013/04/2067> (дата обращения: 25.10.2023).

2. *Гуняшова Г. А.* Использование видеоматериалов в обучении аудированию на уроке иностранного языка // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2(62). Т. 3. С. 34–37.

3. *Зарецкая А. Н.* Особенности реализации подтекста в кинодискурсе. Челябинск, 2010. 180 с.

4. *Зайченко С. С.* Некоторые особенности кинодискурса как знаковой системы // Филологические науки. Вопросы теории и практики 2011. № 4. С. 82–86.

5. *Сургай Ю. В.* Интердискурсивность кинотекста в кросскультурном аспекте. Тверь, 2008. 179 с.

6. *Di Pardo Léon-Henri D.* Les supports filmiques au bénéfice de l'enseignement des langues étrangères: anglais juridique // Recherche et pratiques pédagogiques en langues de spécialité – Cahiers de l'APLIUT. – 2012. – Vol. XXXI. – № 2. URL: <https://journals.openedition.org/apliut/2732> (дата обращения: 24.10.2023).

7. *Khan A.* Using Films in the ESL Classroom to Improve Communication Skills of Non-Native Learners. URL: https://www.academia.edu/15220670/Using_films_in_the_ESL_classroom_to_improve_communication_skills_of_non-native_learners (дата обращения: 24.10.2023).

8. *King J.* Using DVD Feature Films in the EFL Classroom Computer Assisted Language Learning. 2002. Vol. 15. Issue 5.

*Роговец А. А.,
Филологический факультет,
РУДН им. Патриса Лумумбы;
1032212397@pfur.ru*

*Научный руководитель: Шейнак С. А.,
кандидат педагогических наук,
РУДН им. Патриса Лумумбы;
sheypak_sa@pfur.ru*

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В ТЕКСТЕ НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

Аннотация: цель исследования – сопоставить механизмы выражения эмоций удивления, страха, отвращения, радости, печали и гнева в русском и французском языках на материале сказки «Приключения Алисы в Стране чудес» Л. Кэрролла. Лингвопрагматический анализ механизмов выражения эмоций выполнен с опорой на подходы В. И. Шаховского и Н. Д. Арутюновой, позволившие выделить оценочный компонент при выражении эмоций. В ходе исследования сопоставлено 55 отрывков, отобранных на основе категоризации эмоций по П. Экману. Был сделан вывод о том, что для французского языка свойственно использование лексических единиц с более широким значением. А также выявлено несоответствие описания эмоций на синтаксическом уровне, с преобладанием прилагательных во французском языке. Кроме того, для русского языка было отмечено частотное использование лексем с корнем *-серд-* для описания гнева (*сердит, сердито, сердитесь*), в то время как во французском наиболее употребительной оказалась лексема *colère*.

Ключевые слова: эмоции, категоризация эмоций, эмотивы, эмотивная лексика, эмотивность на лексическом уровне.

*Arina Rogovets,
Faculty of Philology,
Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba;
1032212397@pfur.ru*

*Scientific supervisor: Svetlana Sheypak,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba;
sheypak_sa@pfur.ru*

LINGUISTIC MECHANISMS OF EMOTION EXPRESSION IN THE TEXT ON THE MATERIAL OF ARTISTIC DISCOURSE

Abstract: the aim of the study is to compare the mechanisms of expressing the emotions of surprise, fear, disgust, joy, sadness and anger in Russian and French on the material of the fairy tale "Alice's Adventures in Wonderland" by L. Carroll. Linguo Pragmatic and linguistic analyses are carried out on the basis of the approaches of V.I. Shakhovsky and N.D. Arutyunova, which allowed us to divide emotions into positive and negative. The study compared 55 passages on the basis of P. Ekman's categorisation of emotions. It was concluded that the French uses lexical units with a broader meaning. It was also revealed that there is a mismatch between the description of emotions at the level of syntax and the predominance of adjectives in the French. In addition, the Russian frequently uses lexemes with the root *-серд-* to describe anger (*сердum, сердумо, сердумесь*), while in French the most frequent lexeme is *colère*.

Keywords: emotions, emotion categorisation, emotives, emotive lexicon, emotionality at the lexical level.

Эмотивы являются неотъемлемой частью художественного текста, в том числе сказочного. В. Беньямин считал, что сказка была первым советчиком для человечества и остается им. Сказка помогала в беде и давала читателю совет тогда, когда он был необходим [3], потому для анализа были выбраны русскоязычный и франкоязычный переводы текста сказки Льюиса Кэрролла «Приключения Алисы в Стране чудес». Французский перевод был выполнен А. Бюэ, а русский – Ю. Л. Нестеренко. Для изучения описания эмоций была выбрана классификация П. Экмана. На основе которой, был составлен корпус, включающий 55 отрывков текста, содержащих соответствующие эмотивы. Отобранные лексемы были разделены на группы в соответствии с центральной эмоцией каждого отрывка.

Для дальнейшего исследования необходимо рассмотреть понятие эмоции, чувство и страсть, используемые для лингвистического обозначения данного явления. Обратившись к толковому словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, мы видим следующие определения: *эмоция* – это «душевное переживание, чувство», в то время как *чувство* – «эмоция, переживание». *Страсть*, по Ожегову, это «сильно выраженное чувство, воодушевленность». Мы можем отметить, что одно понятие объясняется через другое, что показывает их тесную взаимосвязь, поэтому в дальнейшем для обозначения нами будет использована лексема *эмоция*.

Для дальнейшего сопоставления эмоций необходимо рассмотреть существующие классификации. Самая ранняя классификация, представленная Аристотелем в трактате «Риторика. Поэтика». По Аристотелю страсти делятся по принципу «приятности» и «неприятности» [1]. В. И. Шаховский писал, что во всех языках значительно больше эмотивов с отрицательным значением, чем с положительным [5]. Категоризация Аристотеля включает 11 страстей: гнев – быть милостивым, любовь – вражда/ненависть, страх – смелость, сострадание – негодование, стыд, зависть. Одну из следующих категоризаций представил Т. Гоббс, выделив любовь, желание, отвращение, радость, ненависть и горе. Опираясь на категоризацию Т. Гоббса, Н. Д. Арутюнова делит эмоции на основе модусов добра и зла [2], что схоже с разделением, Аристотеля. В дальнейшем собственную категоризацию выдвинул П. Экман, в нее вошли: радость/счастье; удивление/изумление; страх; отвращение/презрение; печаль; гнев/ярость; кроме того, он причислил к эмоциям и интерес/любопытство. По Дж. Джонсон-Лэрд и К. Оутли существуют пять базовых эмоций: отвращение, гнев, печаль, страх и счастье. Таким образом, мы приходим к выводу, что понятийный аппарат в исследуемой области не является достаточно дифференцированным, а существующие классификации значительно отличаются друг от друга, поэтому для дальнейшего анализа будет использоваться категоризация П. Экмана.

Эмоция *радости/счастья* в корпусе представлена 6 отрывками. В русскоязычном переводе встретились лексемы: *весело, торжествующе, хихикать, обрадоваться* и другие. Во французском им соответствовали следующие лексемы: *joyeusement, triomphant, rire, aise* и другие. Можно отметить, что русскоязычная лексема *хихикать* является стилистически сниженной в отличие от французского *rire*.

Эмоция *гнева/ярости* в корпусе представлена 18 единицами и является самой многочисленной. В отрывках из русскоязычного перевода сказки встретились следующие лексемы: *возмущенно, зло, свирепо, сердито, ярость, гнев, раздражение* и другие. В то время как во французском мы увидели: *colère, fâcher, bourru, courroucé, indignée, cruauté* и другие. Важно отметить, что для русскоязычных отрывков наиболее частотными были лексемы с корнем *-серд-*, такие как *сердит, сердито и сердитесь*. Они встретились в 5 единицах из 18. Во французском же частотной была лексема *colère*, которая встретилась в 4 единицах. Кроме того, лексема *courroucé* отмечена в словарях, как характерная для поэтического стиля, в отличие русскоязычное *сердито*. В русскоязычных отрывках мы видим существительные и наречия, в то время как во франкоязычных значительно преобладают прилагательные.

Удивление/изумление было центральной эмоцией для 13 отрывков. В русскоязычных отрывках корпуса встретились такие лексемы, как: *забавно, интересно, странный, загадочный, вздор, любопытство*. Во франкоязычных отрывках мы отметили следующие лексемы: *étrange, drôle, inquisiteur, extraordinaire, curieux, singulière* и другие. Мы можем отметить, что в русском языке эмоция выражалась различными частями речи, в то время как во французском преобладают прилагательные. Кроме того, нами было отмечено, что в русскоязычных отрывках особо частотной оказалась лексема *странный* для перевода *drôle, extraordinaires, curieux*.

Страх в корпусе был представлен 5 единицами. Лексемы, описывающие страх в русскоязычных отрывках, оказались следующими: *опаска, напуганный, застенчиво, нервный*. Во франкоязычных отрывках мы увидели лексемы: *inquiétude, étmie, confuse, agité*. Лексема *étmie* обладает значительно более широким значением, чем *напуганный*, и может переводиться, как *тронуть* или *взволновать*, а свое более узкое значение, описывающее страх, обретает в соответствующем контексте. Аналогичную ситуацию мы видим в паре *agité – нервный*, где значение франкоязычной лексемы более широкое.

Печаль была описана в 11 отрывках. В русскоязычных отрывках мы отметили следующие эмотивно окрашенные лексемы: *рыдать, реветь, огорченно, мрачно, жалобно, отчаянно, печально* и другие. Во франкоязычных отрывках эмотивная лексика – следующая: *pleurer, chagrin, tristement, piteux, malheureuse* и другие. Русскоязычная лексема

реветь является стилистически сниженной, в отличие от французского *pleurer*.

Презрение/ отвращение стало центральной эмоцией лишь для двух единиц, и сопоставимы оказались такие лексические единицы, как: *ненавидеть* и *hair, détesté*.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что для французского языка свойственно использование лексем с более широким значением. В. Г. Гак писал, что языкам аналитического строя, в частности французскому, свойственно более частое использование слов с более широким значением [4]. Кроме того, в отрывках было отмечено несовпадение частей речи, с преобладанием во французском языке прилагательных. В дополнение, для описания гнева/ярости были выявлены отдельные наиболее часто употребляемые лексемы, *colère* во французском и лексемы с корнем *серд* в русском. Сравнив количество лексем, описывающих радость/счастье и печаль, мы можем увидеть, что печаль представлена 11 единицами, в то время как радость 6, что подтверждает высказывание В. И. Шаховского о том, что эмотивов с отрицательным значением в языке больше [5].

Литература

1. *Аристотель* Риторика. Поэтика. СПб.: Азбука, 2000. 119 с.
2. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 905 с.
3. *Беньямин В.* Озарения. М.: Мартис, 2000. 377 с.
4. *Гак В.Г.* Теоретическая грамматика французского языка. М.: URSS, 2004. 864 с.
5. *Шаховский В. И.* Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

Седова Е. Д.,
*Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
yekaterinasedova@yandex.ru*
Научный руководитель: Бондаренко С. В.,
*кандидат филологических наук,
кафедра грамматики английского языка
имени М.Я. Блоха МПГУ;
sv.bondarenko@mpgu.su*

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЛИПТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ЗАГОЛОВКАХ БРИТАНСКИХ ТРЭВЕЛ- МЕДИАТЕКСТОВ

Аннотация: статья посвящена изучению функционирования эллиптических конструкций как языковой единицы заголовка медиатекста. В ходе исследования определяются типы эллипсов, описываются основные модели эллиптических конструкций построения заголовков статей трэвел-медиатекстов, анализируется частотность их употребления.

Ключевые слова: медиатекст, эллипсис, эллиптическая конструкция.

Ekaterina Sedova,
*Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
yekaterinasedova@yandex.ru*
Scientific supervisor: Svetlana Bondarenko,
*Candidate of Philological Sciences,
Department of English Grammar
named after M.Ya. Blokh MPSU;
sv.bondarenko@mpgu.su*

PRAGMATIC FEATURES OF THE USE OF ELLIPTICAL CONSTRUCTIONS OF THE ENGLISH LANGUAGE IN THE TITLE OF BRITISH TRAVEL MEDIATEXTS

Abstract: the article is devoted to the study of the functioning of elliptical constructions as a linguistic unit of the mediatext title. In the course of the study, the types of ellipses are determined, the basic models of elliptical constructions as an element of the title construction of travel mediatext articles are described, the frequency of their use is analyzed.

Keywords: mediatext, ellipsis, elliptical construction.

Средства массовой информации (СМИ), основной языковой единицей передачи сообщения которых является текст медийного вида/жанра, постоянно развиваясь и четко отражая реалии современной картины мира, характеризуются рядом особенностей построения и организации своего языкового продукта – медиатекста, что представляет особую ценность для различного рода лингвистических исследований. В частности, особый интерес вызывают языковые средства, используемые в структурной организации заголовков, для которых характерна «нестандартная грамматика», а именно использование эллипсиса [5].

В данной статье рассматриваются особенности структуры эллиптических конструкций в организации заголовков британских трэвел-медиатекстов на примере заголовков трэвел-статей британских онлайн-изданий The Mirror, The Independent, The Guardian и Britain Magazine.

Отметим, что *эллипсис* определяется нами как пропуск в речи или тексте подразумеваемой языковой единицы, структурная «неполнота» синтаксической конструкции [3]. Элементом эллипсиса является *эллипс*, т.е. пропущенная языковая единица в тексте. В случаях, когда эллипсом является грамматическая основа предложения, или же ее часть, используется термин «*эллиптическое предложение*» [1]. Определяя понятие «*эллиптическая конструкция*», онлайн-словарь лингвистических терминов дает следующую формулировку: “*construction that lacks an element that is recoverable or inferable from the context*” [6]. Отсутствие уточнения типа недостающих элементов позволяет сделать вывод о том, что понятие «*эллиптическая конструкция*» шире, чем «*эллиптическое*

предложение», в котором эллипсис затрагивает опущение только главных членов предложения.

В ходе анализа заголовков трэвел-медиатекстов нами были выделены следующие типы эллиптических конструкций по виду эллипса:

1) **Эллипс = простое глагольное сказуемое (его часть)** (в частности, глагол *to be* в роли вспомогательного глагола форм пассивного залога): “*Visitors floored by ‘hidden’ coral beach with unusual sands and ‘pirate treasures’*” (<https://www.mirror.co.uk/travel/uk-ireland/visitors-floored-hidden-coral-beach-30928549>) (встречается в 8 из 19 проанализированных заголовков (42%));

2) **Эллипс = составное именное сказуемое (его часть – глагол-связка) или глагольное сказуемое (его часть)**: “*I’m stuck abroad - my boyfriend could get back but I can’t as we’re not married*” (<https://www.mirror.co.uk/travel/news/im-stuck-abroad-boyfriend-could-30833765>) (3/19 (16%));

3) **Эллипс = именная часть речи/ именованное словосочетание (или его часть)**, выполняющее функцию подлежащего или дополнения: “*I met my boyfriend on holiday – we spent two days together then quit our jobs*” (<https://www.guardiannewstoday.com/i-met-my-boyfriend-on-holiday-we-spent-two-days-together-then-quit-our-jobs/>)(5/19 (26%))

4) **Эллипс = часть устойчивых выражений** ([as] ... as ...): выдвигает на передний план прилагательное, определяющее “действующее лицо” заголовка: “*Cotswolds villages: Pretty as a picture*” (<https://britain-magazine.telegraph.co.uk/attractions-2/cotswolds-villages/>) (1/19 (5%));

5) **Эллипс = артикль** позволяет сократить количество используемых символов без ущерба для реализуемых заголовком функций: “*Birmingham airport had longest delays in UK last year*” (<https://www.theguardian.com/business/2023/may/09/birmingham-airport-longest-delays-uk-last-year>) (13/19 (68%));

6) **Эллипс = that** используется для введения придаточного определительного и придаточного дополнительного (“*Passengers warned of big mistake on flights instantly makes crew think you’re ‘rude’*” (<https://www.mirror.co.uk/travel/news/passengers-warned-big-mistake-flights-30873551>)) (6/19 (32%)).

Анализ эллиптических структур заголовков трэвел-медиатекста показывает разнообразие вариативности сочетания использования эллипсов. Приведем ряд примеров (см. Таблица 1):

Таблица 1

Вариативность сочетания и количественное опущение структурных элементов заголовков трэвел-медиа-текстов

Заголовок	Типы эллипсиса
Six ways to annoy your friends while [you are] on holiday including poor photo manners (https://www.mirror.co.uk/travel/news/six-ways-annoy-your-friends-31092424)	1, 3
Dad [is] slammed for ditching [the] wife and kids on [a/the] flight so he can have child-free journey (https://www.mirror.co.uk/travel/news/dad-slammed-ditching-wife-kids-30923129)	1, 5
Barcelona [is planning] to limit cruise ships at major ports in [a] bid to curb overtourism (https://www.independent.co.uk/travel/news-and-advice/barcelona-cruise-ships-limit-overtourism-b2427719.html)	2, 5
Travel experts reveal [that] you can save £400 on holidays before you've even booked [holidays] (https://www.mirror.co.uk/travel/news/travel-experts-reveal-you-can-31235637)	3, 6
Brits [are] in hysterics at [the/a] UK attraction with 'raging psycho' statues of Shrek, Cinderella and more [statues] (https://www.mirror.co.uk/travel/uk-ireland/brits-hysterics-uk-attraction-raging-30869717)	1, 3, 5
Problem Brits [are] handed [a] holiday hotspot warning as 'nuisance hotline' sees dozens [of people (who are)] deported (https://www.mirror.co.uk/news/world-news/problem-brits-handed-holiday-hotspot-30850900)	1, 5, 6

Отметим, что заголовки трэвел-медиа-текстов выполняют те же функции, что и заголовки статей другой жанровой принадлежности. Так, сравнивая функции текстов трэвел-журналистики и общей журналистики, В.Д. Галечко-Лопатина отмечает, что их функции и роли практически идентичны [2]. В.И. Юганов выделяет следующие функции заголовков, называя их «прагматическими особенностями»: 1) передача определённой информации, необходимой для адекватного восприятия дальнейшего содержания текста; 2) указание на ожидание; 3) привлечение внимания; 4) способность заинтересовать читателя конкретной темой, идеей; 5) ориентация читателя на выбор необходимых фоновых знаний [4, с. 188].

Что касается прагматических особенностей использования эллиптических конструкций, то во всех выше представленных в качестве

иллюстративного материала заголовках они позволяют передать суть статьи (информативная функция). Говоря о «контактной функции», отметим, что эллипсис способствует ее реализации в случаях, когда отсутствие языковой единицы позволяет перенести на передний план эмоционально-семантический компонент структуры, в качестве которого могут выступать, например: 1) эмотивная лексика, повышающая интерес аудитории к проблеме статьи (*Visitors [are] floored...*: внимание фокусируется на глаголе *to floor* (шокировать, смутить) благодаря отсутствию вспомогательного глагола *to be*); 2) детали статьи (цитаты, количественные показатели и т.п.) (... *sees dozens [of people] deported*: эллипсы в данном заголовке можно восстановить до прочтения статьи, а *dozens* (десятки) влияет на восприятие масштаба проблемы). 3) прямая речь с использованием модальных компонентов (*I'm stuck abroad ... I can't [get back] as we're not married*) и другие.

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод, что наиболее частыми проявлениями функционирования эллипсиса в заголовках статей трэвел-медиатекста является опущение артиклей и глагола *to be*. Прагматическая сочетаемость эллипсов может варьироваться от нулевой до многочленной. Все представленные эллиптические конструкции повышают информационный потенциал заголовков, нацеленных на передачу сути медиатекстов (информативная функция). В случаях, когда эллипс функционирует в сочетании с эмоционально окрашенной лексикой, прилагательным в превосходной степени или фактуальными высказываниями, а также цитатами и формами прямой речи, эллипсис выполняет контактную функцию, помогая привлечь внимание читателя, установить контакт с читателем, повысить его интерес и создать установку на полное прочтение статьи.

Литература

1. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка: учебник. М.: Феникс +, 2017. 460 с.
2. Галечко-Лопатина В. Д. Трэвел-журналистика: роль и функции // Вестник ПГУ им. Шолом-Алейхема. 2019. № 2. С. 35-42.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов.энциклопедия, 1990. 683 с.
4. Юганов В.И. Прагматические особенности заголовка как микротекста // Текст: структура и анализ. М.: АНССР, 1989. С.187-190.

5. Cambridge Dictionary. Newspaper Headlines.
URL: <https://dictionary.cambridge.org/us/grammar/british-grammar/newspaper-headlines> (дата обращения: 15.09.2023).

6. Glossary of Linguistic Terms. URL:
<https://glossary.sil.org/term/elliptical-construction> (дата обращения: 20.09.2023).

Семенов П. М.,
*Казахстанский национальный
педагогический
университет имени Абая,
г. Алматы, Казахстан;
ya.werbon2013@yandex.ru*
Научный руководитель: Жумабекова А. К.,
*доктор филологических наук, профессор,
Казахстанский национальный
педагогический
университет имени Абая;
aigzhum@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СУБТИТРОВ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО МАТЕРИАЛА

Аннотация: статья представляет собой исследование техники и особенностей перевода субтитров при передаче аудиовизуальной информации. В ней рассматривается эффективный подход к переводу субтитров, анализируются особенности перевода в контексте аудиовизуальных произведений, которые помогают сохранить эффективность и точность перевода. Цель – сопоставить оригинал аудиовизуального материала и переводческие субтитры для выявления передачи авторского замысла при создании фильма.

Ключевые слова: техника перевода, субтитры, аудиовизуальные произведения, авторский замысел, фильм.

Pavel Semenov,
*Faculty of Translation Studies,
Abai Kazakh National
Pedagogical University,
Almaty, Kazakhstan;
ya.werbon2013@yandex.ru*
Scientific supervisor: Aigul Zhumabekova,
*phD of philology, Professor,
Abai Kazakh National
Pedagogical University;
aigzhum@mail.ru*

FEATURES OF SUBTITLE TRANSLATION IN THE TRANSFER OF AUDIOVISUAL MATERIAL

Abstract: this article is a research on the techniques and features of subtitle translation in the transmission of audiovisual works. It examines an effective approach to subtitle translation, analyzes the features of translation in the context of audiovisual works that help to maintain the effectiveness and accuracy of translation. The aim is to compare the original audiovisual material and the translated subtitles in order to identify the transmission of the author's intent in the creation of the movie.

Keywords: translation technique, subtitling, audiovisual works, author's intent, movie.

В современном мире присутствие аудиовизуальных продуктов настолько укоренилось, что представить себе повседневную жизнь без них практически невозможно. Неважно, смотрим ли мы телевизор, просматриваем веб-страницы или выходим на улицу, мы оказываемся погруженными в пространство аудиовизуального контента. Стоит отметить, что значительная часть этой продукции переводится на русский язык с других языков. Такой постоянный поток информации, который переносится через языковые границы требует значительных усилий переводчиков для того, чтобы зрители-носители языка понимали все тонкости идей, концепций и смыслов, заложенных в аудиовизуальную сферу. Одним из самых часто используемых вариантов перевода аудиовизуальных произведений, является субтитрирование. Одной из ключевых особенностей преобразования аудиовизуального текста в субтитры является умение сохранить смысл и эмоции оригинальной аудиодорожки, предоставляя зрителю возможность взглянуть на мир произведения через знаковую систему. Таким образом, возникает острая необходимость в изучении и определении переводческих стратегий, средств и приемов, позволяющих эффективно переводить аудиовизуальный текст. В этой статье рассмотрен подход транскреации при переводе аудиовизуального контента.

Традиционно в центре внимания практики переводоведения, находился подход, ориентированный на текст, при котором исходный текст занимал центральное место в исследовании, а целевой текст оценивался по адекватности и формальной достоверности. При таком

подходе АВП рассматривался как лишь как элемент письменной речи. Такой текстоцентрический взгляд разделял структуру аудиовизуальной продукции на два слоя: собственно фильм как сложное, многоуровневое образование и кинодиалог как его вербальная составляющая. Данный подход ограничивает сферу исследований АВП и не дает эффективной методологии для комплексного изучения.

Исследователи критикуют и отказываются от текстового подхода в пользу коммуникативно-функционального. Согласно этому подходу, акцент смещается с противопоставления исходного и переводного текстов на коммуникативный контекст, включающий автора, адресатов, переводчика и адресатов (субъектов коммуникации) [5]. По сути, акцент делается не на застывших текстах, а на коммуникативной ситуации, целях и намерениях субъектов коммуникации.

Полисемиотическая сложность любого аудиовизуального произведения предполагает динамическое взаимодействие вербальных и визуальных компонентов, что создает дополнительные слои сложности для зрительского восприятия. При субтитровании наряду с общими требованиями к качеству субтитров возникают уникальные технические ограничения, накладываемые заказчиками. Существуют три специфических ограничения при субтитровании: пространственные, временные и связанные с семиотическим переходом от устной речи к письменной [4]. Пространственные ограничения связаны с дефицитом экранного пространства для субтитров, обычно занимающего две строки с заданным количеством символов. Временные ограничения это - скорость чтения зрителей, оно определит продолжительность пребывания субтитров на экране [2]. И семиотический переход, учитывающий особенности построения смысла, которые возникают в рамках этих двух способов коммуникации (устная речь и письменность).

Термин «транскреация» представляет собой слияние терминов «перевод» и «создание» и обычно понимается как творческая адаптация маркетингового, торгового и рекламного контента на языке перевода. При этом изменяются как слова, так и смысл оригинала при сохранении целевого отношения и воздействия на целевую аудиторию. В сфере маркетинга и рекламы транскреация воспринимается как выход за рамки простого перевода, предлагающий дополнительную ценность для задачи, которая в противном случае была бы подвержена стандартным процессам перевода [3].

Однако разделение понятий «перевод» и «транскреация» вызывает споры среди исследователей и специалистов-лингвистов. Е. Ди Джованни относит происхождение «транскреация» к далекому прошлому, где термин использовался для описания творческой техники перевода индийских священных текстов с санскрита. Этот процесс позволял внести радикальные изменения, выходящие за рамки традиционного понятия «перевод как таковой» и направленные на достижение полной беглости и понимания целевой аудитории [1].

Переводчик, являясь по своей сути творческим агентом, преодолевающим языковые и культурные разрывы, играет важнейшую роль в обеспечении положительного опыта для реципиента в различных медиа, включая аудиовизуальную продукцию, компьютерные игры, художественную литературу и театральные постановки.

В контексте АВП С. Занотти, исследуя процессы перевода и транскреации в дубляже, подчеркивает, что изменения, которым подвергаются диалоги в АВП, особенно в дубляже, могут быть настолько радикальными, что понятие транскреации становится уместным [6].

Таким образом, транскреация по праву занимает достойное место в качестве переводческой стратегии, ставящей во главу творческого подхода строгую верность исходному тексту. Учитывая концепцию субтитрирования как перевода с ограничениями, транскреация становится жизнеспособной стратегией в АВП, эффективно решающей проблемы, связанные с ограничениями, накладываемыми средой.

В качестве примера можно привести британский телесериал "Line of Duty", созданный Джемом Меркурио и снятый компанией BBC.

Заказчик ставит перед собой задачу обеспечить точный и естественный перевод, способный привлечь внимание миллионов зрителей на целевых языках. При этом внимание уделяется не только техническим ограничениям, но и качеству перевода, чтобы обеспечить просмотр фильма без отвлекающих факторов.

Сериал «По долгу службы» ставит перед нами такие технические задачи, как требуемая скорость чтения 15 знаков в секунду, максимальная длина строки 36 знаков и 2-кадровый интервал между субтитрами. В сериале возникают трудности, связанные с быстрой речью, динамичным развитием сюжета и отсутствием эквивалентов культурно-специфических отсылок в языке перевода.

Для преодоления этих трудностей важнейшей стратегией становится транскреация. Необходимость творческой адаптации подтверждается несколькими примерами в табл. 1:

Таблица 1

Примеры перевода из фильма «По долгу службы»

Проблема	Решение
Количество символов в строке субтитров соответствует техническим требованиям, но сохранение формальной достоверности приводит к увеличению количества символов в целевой строке субтитров	Создать новую строку с учетом ситуационной эквивалентности и контекста сериала. Например, адаптация "female copper" в "подружка" ("she-friend") сокращает строку, сохраняя неформальный контекст
Скорость чтения источника превышает требуемый предел	Частично перефразировать строку, изменив смысл или полностью переделать диалог, чтобы он соответствовал контексту.
Субтитр источника может сбить зрителей с толку	Создать новую строку субтитров, чтобы прояснить смысл. Например, уточнить дословный перевод, чтобы указать конкретное действие персонажа

В заключение следует отметить, что целью данного исследования было продемонстрировать эффективную стратегию преодоления трудностей, присущих субтитрованию, учитывая его ограниченный характер. В ходе исследования было показано, как стратегия перевода под названием «транскреация» помогает устранить потери, связанные с техническими ограничениями, предлагая способ творческого преодоления этих препятствий.

Результаты исследования характеризуют транскреацию в аудиовизуальном переводе (АВП) как стратегию, предполагающую творческую реинтерпретацию исходного текстового фрагмента, в результате которой создается совершенно новый целевой текстовый фрагмент. При этом учитывается полисемиотическая сложность данного

контекста, характеристики коммуникативной ситуации, технические ограничения и ожидаемая реакция зрителей.

Литература

1. *Di Giovanni E.* Translations, Transcreations and Transrepresentations of India in the Italian Media // *Translators' Journal*. 2008. URL: <https://www.erudit.org/en/journals/meta/2008-v53-n1-meta2114/017972ar.pdf> (дата обращения 20.10.2023).

2. *Gottlieb H.* Subtitling: diagonal translation. // *Studies in Translatology*. 1994, P. 101-121.

3. *Pedersen D.* Exploring the concept of transcreation – transcreation as “more than translation” // *Intercultural Mediation and Communication. Transcreation and the Profession*. 2014, P. 57–71.

4. *Pedersen J.* Subtitling norms for television: an exploration focusing on extralinguistic cultural references // *John Benjamins Publishing Company*. 2011, P. 242.

5. *Sdobnikov V.V.* Translation Strategy Revised: the Communicative-Functional Approach // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2011, P. 1444–1453.

6. *Zanotti S.* Translation and Transcreation in the Dubbing Process: a Genetic Approach, // *the Journal of intercultural mediation and communication*. 2014, P. 107–132.

*Сизарёва И. В.,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
iyasizareva@mail.ru*

*Научный руководитель: Харитоновна И. В.,
доктор философских наук,
кандидат филологических наук, профессор
кафедры романских языков имени В.Г. Гака,
Московский педагогический
государственный университет;
iv.kharitonova@mpgu.su*

КВЕБЕКСКИЙ ВАРИАНТ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКОГО СЛУХА У ОБУЧАЮЩИХСЯ

Аннотация: в данной статье анализируется квебекский вариант французского языка. Продемонстрированы фонетические особенности квебекского акцента как варианта французского языка. Предложена система упражнений на формирование навыка идентификации квебекского варианта французского языка. Показано влияние квебекского акцента на формирование фонологического слуха у обучающихся.

Ключевые слова: квебекский акцент, фонологический слух, фонетическая компетенция, фонологические особенности квебекского акцента французского языка, система упражнений на распознавание канадского акцента французского языка.

*Iya Sizaryova,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
iyasizareva@mail.ru*

*Scientific supervisor: Irina Kharitonova,
Doctor of Philosophy,
Candidate of Philological Sciences, Professor,*

THE QUEBEC VERSION OF THE FRENCH LANGUAGE AS A MEANS OF FORMING PHONOLOGICAL HEARING IN STUDENTS

Abstract: this article analyzes the Quebec version of the French language. Phonetic features of the Quebec accent as a variant of the French language are demonstrated. A system of exercises for the formation of the skill of identification of the Quebec version of the French language is proposed. The influence of the Quebec accent on the formation of phonological hearing in students is shown.

Keywords: Quebec accent, phonological hearing, phonetic competence, phonological features of the Quebec accent of the French language, a system of exercises for recognizing the Canadian accent of the French language.

Владение иностранным языком предполагает формирование коммуникативной компетенции, которая включает, наряду с другими компонентами, произносительные и интонационные умения и навыки. Для того, чтобы придать речи аутентичный характер, обучающимся следует развивать фонетическую компетенцию [2].

Согласно пункту 9.6.1. Федерального образовательного государственного стандарта среднего общего образования, по учебному предмету «Иностранный язык» овладение фонетическими навыками означает: «различать на слух и адекватно, без ошибок, ведущих к сбою коммуникации, произносить слова с правильным ударением и фразы с соблюдением их ритмико-интонационных особенностей» [3].

По мнению многих ученых, в условиях неязыковой среды на формирование фонетической компетенции следует обращать особое внимание. Так, А. А. Хомутова определяет фонетическую компетенцию, как способность индивида осуществлять иноязычную коммуникативную компетенцию, основанную на знаниях, умениях, навыках и отношениях в соответствии с произносительными нормами изучаемого языка [4]. Е. Н. Соловова считает, что научить говорить обучающихся на иностранном

языке без акцента возможно лишь при условии формирования ритмико-интонационных и слухо-произносительных навыков [1].

По выдвигаемой в данной работе гипотезе, подтвержденной в ходе практической работы, на процесс формирования слухо-произносительных навыков и развитие фонематического слуха положительно влияет изучение отклонений от произносительной нормы французского языка, представленных в его вариантах. Одним из наиболее фонетически специфических вариантов является квебекская разновидность французского языка.

Фонетические особенности квебекского акцента французского языка

1. Носовые звуки более дифференцированные.

[ã]: для этого звука в Квебеке рот немного более открыт, в результате чего этот звук приближается к звуку [ɛ̃] во Франции. Напротив, звук [ã] во Франции может приближаться к звуку [ɔ̃].

[ɛ̃]: в Квебеке этот звук немного более преувеличен с положением рта в улыбке, поэтому звук лучше всего можно представить символом [ẽ].

[ɔ̃]: во Франции у этого звука рот более закрытый и круглый.

2. *L'affrication (ti, tu, di, du)*. При произнесении звуков [t] и [d] язык находится ближе к передним зубам, рядом с тем местом, где издаются звуки [s] и [z]. В результате, когда за [t] и [d] следуют звуки [i] или [y] (два звука в средней и в передней части рта), возникает affrication. Это похоже на добавление небольшого [s] для [t] или [z] для [d] между двумя звуками. Чтобы лучше представить этот эффект, можно записать его такими буквами: t si, tsu, dzi, dzu.

3. *Звук [ɑ]*. Различают слова la et là. Звук [ɑ], как в слове là, произносится ближе к задней части рта в то время, как звук [a] в là, артикулируется спереди. Во Франции практически не существует различий между словами tache/tâche, la/là. Но в Квебеке это различие довольно заметное.

4. *Расслабленные гласные [I], [ʊ], [Y]*. Во Франции «i» произносится, как [i]. Однако в Квебеке часто можно услышать звук [I], когда буква «i» оказывается между двумя согласными в одном и том же слого. Этот звук немного более открытый и не такой напряженный, как звук [i]. Он также похож на звук [e]. Вот несколько примеров слов, в которых можно найти этот звук с квебекским акцентом: vite, Martine, type, limite, plastique. Возвращаются к звуку [i], когда слышно один из следующих звуков [v], [z], [ʒ] в конце слога: vive, pire, expertise, exige.

То же самое происходит со звуком [u] в Квебеке. Между двумя согласными в слове звук [u] становится звуком [ʊ], который слабее. Вот несколько примеров слов, в которых есть это звучание: route, coude, choucroute, douche. Даже звук [y] становится более слабым в той же ситуации, что и другие: lune, tuque, études, sur. Из-за этого французский, на котором говорят в Квебеке, кажется более сложным, потому что они добавляют еще три звука, которых даже нет во французском акценте! Есть еще один довольно известный язык, который использует [ɪ] и [ʊ] в дополнение к [i] и [u]— это английский язык. Если вы знаете этот язык, вы можете распознать эти звуки в словах sit и could, соответственно.

5. *Произношение слов but et août.* But et août произносятся, как [by] et [u] (без конечной t), в то время, как во Франции часто можно услышать, что в данных словах финальная t является произносимой [byt] et [ut].

6. *Долгие гласные.* В Квебеке (а иногда и в других странах Франкофонии) в некоторых словах есть определенные гласные, которые имеют долготу (звук длится дольше). Долгота иногда создает другой эффект, называемый дифтонгом. Вот несколько примеров слов, где можно встретить эту долготу (долгие гласные подчеркнуты жирным шрифтом): Père, fête, siège, neige, bête, gaz, pâte.

Система упражнений на распознавание квебекского акцента французского языка

Система упражнений на распознавание канадского акцента французского языка включает четыре этапа.

Первый этап – организация ознакомления, целью которого выступает становление аудитивного навыка. Задачами первого этапа является предъявление произносительной нормы французского языка, ознакомление с отклонениями от произносительной нормы французского языка в квебекском варианте, глобальная идентификация произносительных особенностей канадского варианта французского языка. Варианты заданий: прослушайте объяснений учителя и ответьте на вопросы, просмотрите видеоролик и определите, какие особенности квебекского акцента французского языка в нем представлены. Средства обучения: объяснения учителя, презентация, иллюстративный материал, упражнения, видеоролик и расшифровка аудио.

Второй этап – организация тренировки, целью которого выступает активизация аудитивного навыка. Задачами второго этапа являются идентификация дифференцированных носовых звуков, аффрикат (ti, tu, di, du), звука [ɑ], расслабленных гласных [ɪ], [ʊ], [Y], произношения слов

but et août, долгих гласных. Варианты заданий: посмотрите видеоролик и отметьте в расшифровке аудио слова, в которых вы услышали дифференцированные носовые звуки, аффрикаты (ti, tu, di, du), звук [ɑ], расслабленные гласные [I], [y], [Y], произношение слов but et août, долгие гласные. Средства обучения: видеоролик и расшифровка аудио.

Третий этап – организация применения, целью которого выступает автоматизация слухо-произносительного навыка. Задачами третьего этапа являются развитие умения имитировать образцы французского нормативного произношения, развитие способности распознавать отклонения от нормы в своем произношении, понимание звучащей речи, характеризующейся отклонением от произносительной нормы. Варианты заданий: прослушайте текст, повторите фразы вслед за диктором в паузах, сделайте аудиозапись; сравните звучание дикторской речи и своей, определите отклонения от произносительной нормы в записи своей речи; посмотрите видеоролик и ответьте на вопросы по содержанию. Средства обучения: аудиоматериал, ТСО для аудиозаписи, видеоролик, упражнения.

Четвертый этап – организация контроля, целью которого выступает оценка уровня сформированности навыка идентификации отклонений от произносительной нормы французского языка. Задачами четвертого этапа являются оценивание способности выявлять отклонения от произносительной нормы, оценивание способности классифицировать отклонения от произносительной нормы, коррекция отклонений от произносительной нормы. Варианты заданий: посмотрите видеоролик и перечислите особенности квебекского акцента французского языка, которые в нем представлены; проведите качественный и количественный анализ отклонений от произносительной нормы в видеоролике; произнесите с соблюдением нормы французского языка слова, в которых был обнаружен акцент. Средства обучения: видеоролик.

Таким образом, при углубленном изучении французского языка важно принимать во внимание наличие у него фонетических региональных и территориальных вариантов акцента. Способность обучающихся разграничивать эти варианты и понимать звучащую на них речь значительно повышает уровень сформированности как фонологической, так и коммуникативной компетенции. Формируя фонетическую компетенцию обучающихся, необходимо отталкиваться от представлений о произносительной норме, которая характеризует изучаемый иностранный язык.

Литература

1. *Соловова Е. Н.* Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций: пособие для студентов пед. вузов и учителей. М.: Просвещение, 2005. 239 с.
2. *Трофимова Г. С.* Дидактические основы формирования коммуникативной компетентности обучаемых: дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2000.
3. *ФГОС.* Среднее общее образование. URL: <https://base.garant.ru/70188902/8ef641d3b80ff01d34be16ce9bafc6e0/> (дата обращения: 31.05.2023).
4. *Хомутова А. А.* Формирование фонетической компетенции на основе мультимедиа (английский язык, языковой вуз): дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2007.

*Соболева К. А.,
Институт иностранных языков,
Московский педагогический
государственный университет;
kseniyaleksandrovna1818@gmail.com
Научный руководитель: Дашеева В. В.
кандидат филологических наук,
кафедра восточных языков МПГУ;
denisova.v@mail.ru*

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ КИНО НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ПРОДУКТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ УМЕНИЙ В СТАРШЕЙ ШКОЛЕ ПРИ ИЗУЧЕНИИ КИТАЙСКОГО КАК ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Аннотация: в статье рассматривается применение китайского художественного кино в качестве инструмента для обучения китайскому языку в старшей школе. Анализируются различные методы обучения китайскому языку и приводятся аргументы в пользу использования кино в качестве средства обучения, так как это позволяет учащимся не только слышать язык, но и видеть его в контексте, что помогает лучше понимать и запоминать изучаемый материал. Кроме того, китайское художественное кино отражает культуру и традиции Китая, предоставляя уникальную возможность учащимся понять культурное наследие и историю Китая. Использование китайского художественного кино может содействовать развитию продуктивных речевых умений учащихся и обогащению их культурных знаний, что поможет им научиться эффективно общаться на китайском языке.

Ключевые слова: китайский язык, китайские фильмы, обучение китайскому языку, педагогика, методика.

*Ksenia Soboleva,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical
State University;
kseniyaleksandrovna1818@gmail.com
Scientific supervisor: Vera Dasheeva,*

*Candidate of Philological Sciences,
Department of Oriental Languages, MPSU;
denisova.v@mail.ru*

FEATURE FILMS IN CHINESE AS A MEANS OF DEVELOPING PRODUCTIVE SPEECH SKILLS IN HIGH SCHOOL WHEN LEARNING CHINESE AS A SECOND FOREIGN LANGUAGE

Abstract: this article examines the use of Chinese art cinema as a tool for teaching Chinese in high school. Various methods of teaching Chinese are analyzed and arguments are given in favor of using cinema as a means of teaching, since this allows students not only to hear the language, but also to see it in context, which helps to better understand and memorize the material being studied. In addition, Chinese art cinema reflects the culture and traditions of China, providing a unique opportunity for students to understand the cultural heritage and history of China. The use of Chinese feature films can contribute to the development of productive speech skills of students and enrich their cultural knowledge, which will help them learn to communicate effectively in Chinese.

Keywords: Chinese language, Chinese films, Chinese language teaching, pedagogy, methodology.

Художественное кино на китайском языке играет важную роль в процессе изучения китайского как второго иностранного языка в старшей школе. Умение использовать язык в продуктивных сферах, таких как говорение и письмо, является одной из главных целей обучения иностранным языкам.

Данная статья посвящена исследованию возможностей использования художественного кино на китайском языке как средства развития продуктивных речевых умений у старшеклассников при изучении китайского языка в качестве второго иностранного языка. Целью данной работы является выявление преимуществ и эффективности использования художественного кино на китайском языке для развития продуктивных речевых навыков старшеклассников, а также разработка методических рекомендаций и материалов для

преподавателей, которые могут быть использованы при организации уроков иностранного языка.

Теоретическая значимость данной работы заключается в осмыслении роли кино в процессе обучения иностранным языкам, в том числе и китайскому языку, и выявлении специфических особенностей использования художественного кино для развития продуктивных речевых умений. Практическая значимость работы заключается в создании специальных учебно-методических материалов, которые позволят преподавателям организовать эффективные уроки на основе художественного кино на китайском языке.

Объектом исследования являются старшеклассники, изучающие китайский язык как второй иностранный язык. Актуальность данной темы заключается в том, что использование художественного кино является современным и привлекательным подходом к обучению иностранным языкам, который позволяет развивать не только навыки речевого общения, но и культурные компетенции учащихся.

Гипотезой работы является предположение о том, что использование художественного кино на китайском языке может значительно повысить мотивацию учащихся, развить их речевые навыки и обогатить их лексический запас, что сделает изучение китайского языка более интересным и эффективным.

Старший школьный возраст характеризуется усиленным развитием продуктивных речевых умений, таких как письмо и говорение. В связи с этим, художественное кино на китайском языке может стать эффективным средством развития продуктивных речевых умений у старшеклассников при изучении китайского языка. Рассмотрим несколько особенностей этого подхода:

1. Визуальный контекст: Кино предоставляет наглядные образы и сцены, которые помогают старшеклассникам лучше понять контекст и смысл выражений на китайском языке.

2. Расширение словарного запаса: Просмотр китайских фильмов позволяет старшеклассникам расширить свой словарный запас, изучая новые слова и выражения, которые часто используются в повседневной жизни, например, чтобы познакомиться с лексикой по теме «транспорт», можно предложить учащимся посмотреть фильм «人在囧途» - «Потерянный путешественник», в повествовании которого задействованы почти все виды транспорта. Кроме того, они могут понять

контекст и смысл, в которых эти слова используются, что помогает им лучше использовать их в своей собственной речи.

3. Развитие навыков говорения: Просмотр фильмов на китайском языке может помочь старшеклассникам развить навыки говорения, так как они смогут услышать и анализировать подлинные диалоги и воспроизводить их, для этого подойдет к просмотру фильм «我和我的家乡» – «Мой народ, моя Родина», который насыщен современной китайской речью. Это поможет им улучшить свою произносительную точность, интонацию и акцент.

4. Понимание культуры: Фильмы представляют культуру Китая и помогают старшеклассникам лучше понять его обычаи, традиции и ценности. Это расширяет их культурный горизонт и позволяет им лучше взаимодействовать с носителями языка, например, для погружения в современное китайское общество, для знакомства с его взглядами и ценностями, можно посмотреть с учащимися «秋菊打官司» – «Цю Цю идет в суд», в котором отражены ключевые ценности, особенности менталитета, обычаи и традиции жителей Китая [2].

Общая суть состоит в том, что использование художественного кино на китайском языке предоставляет старшеклассникам интересный и эффективный способ развития своих продуктивных речевых умений в рамках изучения китайского как второго иностранного языка.

Далее рассмотрим примеры практической работы с учащимися на уроках:

1. Организация просмотра и обсуждения китайского фильма. Учащиеся могут вместе с учителем выбрать интересный художественный фильм на китайском языке, который соответствует их уровню знаний. После просмотра фильма, ученики могут обсудить его содержание, изображенные события и персонажей, а также выразить свои мнения и оценки на китайском языке.

2. Составление сценария для короткого фильма. Учащиеся могут работать в группах и создавать свои собственные короткометражные фильмы на китайском языке.

3. Разыгрывание сцен из китайских фильмов. Учитель может предложить учащимся разыграть сцены из известных китайских фильмов. Ученики могут выполнять роли различных персонажей, исполнять диалоги и применять разнообразные выразительные средства

на китайском языке. Кроме того, они могут разыгрывать новые ситуации и создавать свои собственные диалоги, используя изученный материал.

Использование художественного кино на китайском языке в старшей школе показывает значительные результаты в развитии продуктивных речевых навыков учащихся, изучающих китайский язык вторым иностранным. Наблюдения показывают, что просмотр фильмов на китайском языке с последующим анализом помогает улучшить умения выразительной речи, такие как правильное произношение, использование интонации, а также построение правильных грамматических структур. Художественное кино предоставляет широкий выбор ситуаций и тематик, что способствует расширению словарного запаса и более глубокому усвоению языковых структур [4].

Таким образом, мы можем сделать вывод, о том, что использование художественного кино на китайском языке является эффективным средством развития продуктивных речевых умений учащихся старшей школы при изучении китайского как второго иностранного языка. Это позволяет стимулировать учеников к активной коммуникации на китайском языке, а также позволяет им развивать лексические и грамматические навыки. Кроме того, художественное кино позволяет углубить понимание культуры и особенностей китайского языка. Таким образом, использование художественного кино является неотъемлемой частью методики преподавания китайского языка в старшей школе и способствует эффективному усвоению иностранного языка.

Литература

1. You J. Chinese Language Teaching through Movie Viewing: An Integrated Approach to Develop Listening and Speaking Skills. *Journal of Chinese Language Teachers Association*. 2016. No. 51(2). Pp. 43–58.
2. Zhang L., & Barber, B. Integrating Feature Films into College Chinese Curriculum. *Foreign Language Annals*. 2017. No. 50 (2). Pp. 307–322.
3. Cheng E. C. M. Using Movies in the Language Classroom: The Benefits and Practical Challenges. *Journal of Adolescent & Adult Literacy*. 2014. No. 57 (7). Pp. 599–608.
4. Xu G. Using Chinese Movies to Enhance Non-heritage Students' Language Performance. *Foreign Language Annals*. 2011. No. 44 (2). Pp. 267–291.

5. *Liang W., & Liu Y.* A Study on the Integration of Film and Television Resources into College Chinese Teaching. *Journal of Language Teaching and Research*. 2015. No. 6 (4). Pp. 881–886.

Научное издание

ЧЕЛОВЕК И ЯЗЫК

**Материалы международной
научно-практической конференции «Человек и язык»,
посвященной памяти профессора М. Я. Блоха**

г. Москва, 23–24 ноября 2023 г.

Под общей редакцией И. О. Сыресиной

Электронное издание сетевого распространения

Статьи публикуются в авторской редакции

Авторы несут ответственность за достоверность приведенных фактических материалов,
корректность цитирования и правильность указания источников

Московский педагогический государственный университет (МПГУ).
119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.

Подписано к публикации: 27.12.2023.
Объем 62,37 усл. п. л. Заказ № 1510.

Минимальные системные требования: браузер Microsoft Internet Explorer, версия от 6.x (рекомендуемая IE 7);
браузер Mozilla Firefox, версия от 3.0; браузер Google Chrome, версия от 3.0.195; браузер Safari, версия от 3.0.
Минимальное подключение 33,6 Кбит/с. Рекомендуемое подключение от ADSL 128 кбит/с.

ISBN 978-5-4263-1330-9

